

ISSN 2587-8344

(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

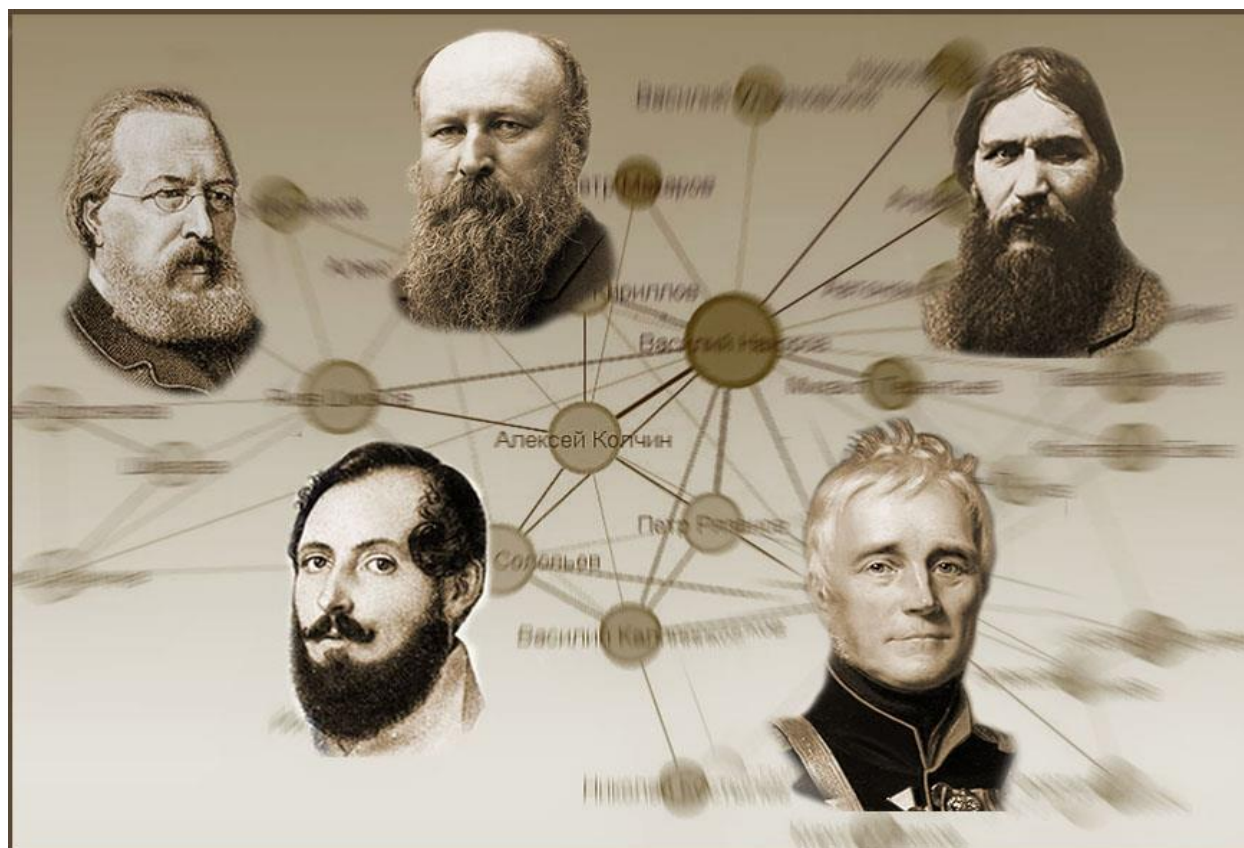
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2024 • Т. 8 • № 1

Тема номера

**Россия и мир в XIX – начале XX в.: пространство публичного дискурса,
общественной мысли и социальных движений**

<http://hpchsu.ru>

Выход в свет: 2024 • Т. 8 • № 1 • МАРТ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Сетевой журнал “Historia provinciae – журнал региональной истории” со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки). С марта 2023 г. материалы журнала индексируются в международной базе данных Scopus.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: В.В. КРУГЛОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А.А. ШАРАПОВА, +7 (8202) 51-72-40

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. РУДЕНКО, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» (Севастопольский государственный университет)

Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:

162600 Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.

<http://hpchsu.ru>

Фото на обложке: материалы взяты из открытых источников.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 38

Выход в свет: 15.03.2024

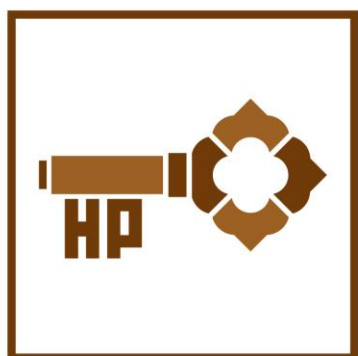
Формат 60 × 84 ¹/₈

Гарнитура Таймс

© Череповецкий государственный университет, 2024

ISSN 2587-8344

(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

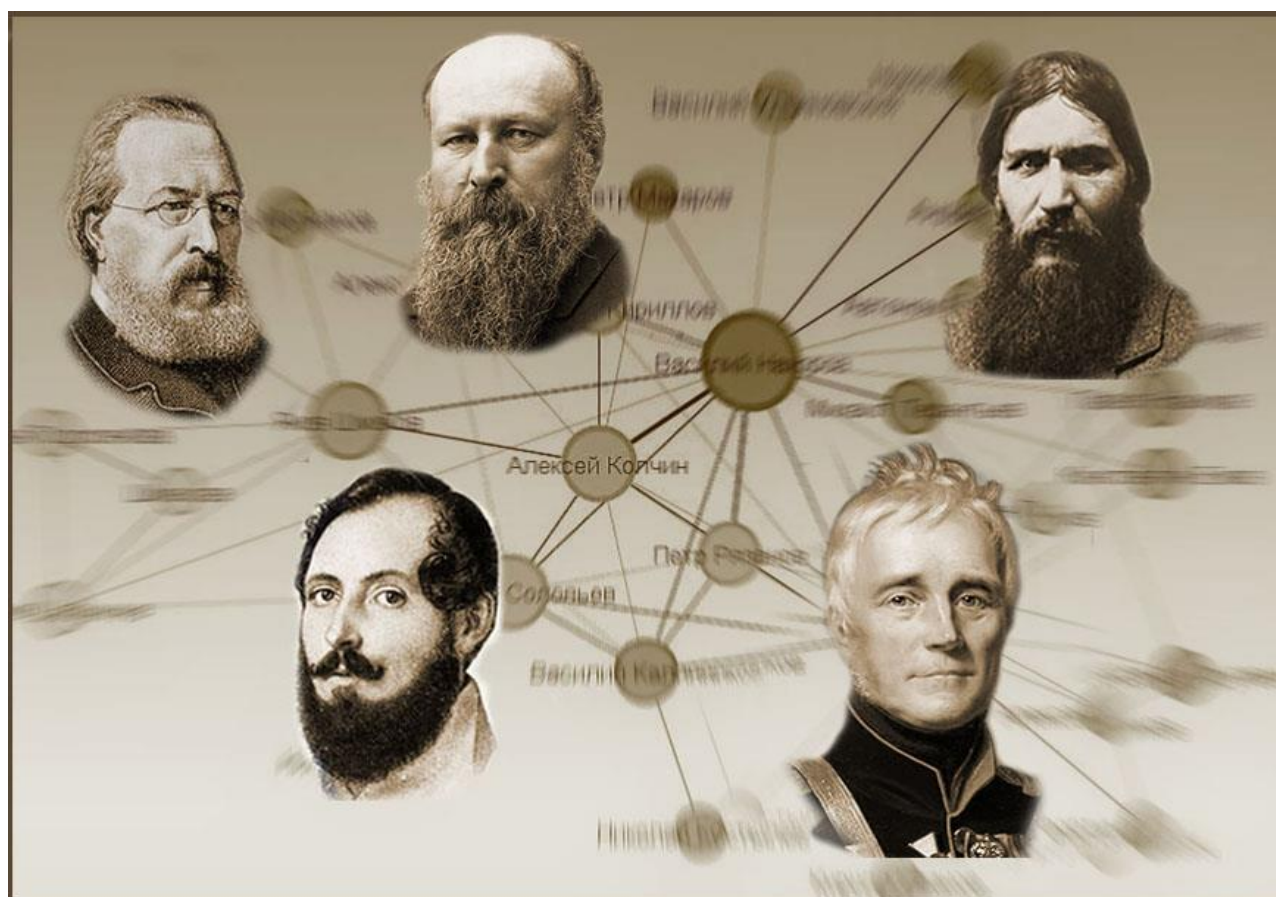
THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2024 • Vol. 8 • No. 1

Cover story

**Russia and the World in the 19th – Early 20th Century:
The Space of Public Discourse, Social Thought, and Social Movements**

<http://en.hpchsu.ru>

Publication: 2024 • Vol. 8 • No. 1 • MARCH. Issued four times a year.

FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (Эл № ФС77-70013) dated 31.05.2017.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 5.6.1. National History (Historical Sciences); 5.6.2. World History (Historical Sciences); 5.6.5. Historiography, Source Study, Methods of Historical Research (Historical Sciences); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences). Since March 2023, the journal has been indexed in the international Scopus database.

EDITOR-IN-CHIEF: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of Historical Sciences
(Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR OF THE ISSUE: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of
Historical Sciences (Cherepovets State University)

EDITOR: Anna A. LUKHNEVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: Valeriya V. KRUGLOVA

EXECUTIVE EDITOR: Alla A. SHARAPOVA, +7 (8202) 51-72-40

PROOFREADER (ENGLISH): Natal'ya S. RUDENKO, Candidate of Philological
Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department
(Sevastopol State University)

Address of the publisher, editorial office and printing office: 162600 Russia,
Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, <http://hpchs.u>

Photo on the cover: material for the artwork on the cover is taken from publicly
available sources.

OPEN PRICE

Online media

38 standard publisher's sheets

Publication: 15.03.2024

Format 60 × 84 ¹/₈

Font style Times

© Cherepovets State University, 2024

Содержание
Contents
ИССЛЕДОВАНИЯ

- Коршунков В.А.* Французский маркиз на российских дорогах: Астольф де Кюстин и дорожная традиция..... 8
- Борисова Т.Ю.* И.С. Аксаков как ревизор и обличитель провинциального правосудия 51
- Урушадзе А.Т.* Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864)..... 85
- Сафронова Ю.А.* Социальные сети читателей радикальной литературы: случай Архангельской духовной семинарии, 1870–1872 гг. 127
- Федотова А.Ю.* Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. 177
- Стогов Д.И.* Правые салоны Петербурга–Петрограда и Г.Е. Распутин: проблема взаимоотношений 209
- Шумаков А.А.* Дело «Амистад» 247

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ДИКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА**

- Всеволодов А.В.* Север в публицистике В.В. Верещагина (о межисточниковых связях в словесном творчестве художника)..... 293

РЕЦЕНЗИИ

- Николаев А.Б.* Монографическое исследование парламентской истории Центральной России начала XX века. Рецензия на:

RESEARCH

- Korshunkov, V.A.* French Marquis on the Russian Roads: Astolphe de Custine and the Road Tradition. 8
- Borisova, T.Yu.* I.S. Aksakov as an Inspector and Denouncer of Provincial Justice 51
- Urushadze, A.T.* The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864) 85
- Safronova, Yu.A.* Social Networks of Radical Literature Readers: The Case of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870–1872 127
- Fedotova, A.Yu.* Women’s Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women’s Movement in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century 177
- Stogov, D.I.* Right-Wing Salons of St Petersburg–Petrograd and Grigori Rasputin: The Problem of Relations..... 209
- Shumakov, A.A.* The Amistad Case..... 247

**INTERDISCIPLINARY DISCUSSION
PLATFORM**

- Vsevolodov, A.V.* The North in the Journalism of V. Vereshchagin (On the Inter-Source Connections in the Artist’s Verbal Works) 293

REVIEWS

- Nikolaev, A.B.* “A Monographic Study of the Parliamentary History of Central Russia in the Early 20th Century.” Review of *Parlamentskaya*

Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография. Москва: АИРО-XXI, 2021. 336 с. 352

Гайда Ф.А. Первая монография об истории Государственного совещания 1917 года. Рецензия на: Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. 480 с. 369

istoriya Tsentral'noi Rossii: vybory i predstavitel'stvo Ryazanskoi gubernii v Gosudarstvennoi dume i Uchreditel'nom sobranii (1906–1917 gg.): monografiya [Parliamentary history of Central Russia: elections and representation of Ryazan Governorate in the State Duma and the Constituent Assembly (1906–1917): a monograph], by P.V. Akul'shin, and I.S. Knyazeva (Moscow: AIRO-XXI, 2021).352

Gayda, F.A. "The First Monograph on the History of the State Conference of 1917." Review of Gosudarstvennoe soveshchanie 1917 goda: sozyv, sostav, deyatel'nost' [The State Conference of 1917: convocation, composition, activities], by A.B. Nikolaev (St Petersburg: Asterion, 2022).....369

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2024 · Т. 8 · № 1

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 8–50.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 8–50.

Научная статья

УДК 625+82-43+821.133.1+82-992+910.4+94(470+571)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-8-1>

EDN PCVCIQ

Французский маркиз на российских дорогах: Астольф де Кюстин и дорожная традиция

Владимир Анатольевич Коршунков

Вятский государственный университет,

Киров, Россия,

vla_kor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

Vladimir A. Korshunkov

Vyatka State University,

Kirov, Russia,

vla_kor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые наблюдения и умозаключения, сделанные французским путешественником и литератором А. де Кюстином в течение нескольких летних месяцев 1839 г., проведенных им в России. Он тогда ездил по стране, побывав не только в ее крупнейших городах, но и в провинции. В отечественной историографии уже имеется немало работ о Кюстине и его книге «Россия в 1839 году». Однако представляется интересным проанализировать не только обобщенные суждения Кюстина о России, но и конкретные детали, приведенные в его знаменитой книге. В ней не слишком много зарисовок провинциальной жизни, зато есть масса дорожных впечатлений. Дорожная традиция – это условия, обстоятельства и ситуации, которые сопутствовали дальнему сухопутному перемещению. Такая тематика находится на пересечении исторического знания с антропологическим и этнографическим. Она связана с социальным измерением повседневности. Дорожная традиция России привлекала пристрастное внимание путешественников-иностранцев, которые вольно или невольно сравнивали ее с более привычными для них иноземными дорожными обстоятельствами и ситуациями. Кюстин подмечал особенности уличного движения и экипажей, дорожное обустройство, сценки на загородных трактах и многое другое. Изученные и прокомментированные в статье материалы позволяют уточнить отношение Кюстина к дорожной традиции России. Было бы неверно полагать, что он лишь критиковал российское провинциальное дорожное обустройство. Некоторые его наблюдения в достаточной мере точны, что подтверждается иными историческими источниками, тем самым делая их интересными для нас. Однако в

© Коршунков В.А., 2024

© Korshunkov V., 2024

случае с некоей параллельной дорогой на участке между Петербургом и Москвой, якобы существовавшей ради удобства российского самодержца, он оказался не вполне прав. Привычка Кюстина по самым разным поводам вдаваться в морализаторство, блистая мыслями и формулировками, в этом случае сыграла с ним злую шутку.

Ключевые слова: А. де Кюстин, дорожная традиция России, Россия XIX в., столица, провинция, российские императоры, иностранцы о России, дорожное движение, нарративные источники, тревелог

Для цитирования: Коршунков В.А. Французский маркиз на российских дорогах: Астольф де Кюстин и дорожная традиция // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 8–50, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-8-1>

French Marquis on the Russian Roads: Astolphe de Custine and the Road Tradition

Abstract. This paper discusses some observations and conclusions made by Astolphe de Custine, a French traveler and writer, during the summer months he spent in Russia in 1839. He traveled a lot around Russia and visited not only the largest cities of the empire but also the provinces. There are quite a few works about de Custine and his book *Russia in 1839* in Russian historiography. However, it is important to pay attention not only to his generalized judgments about Russia but also to the specific details that are included in his famous book. The book contains few sketches of Russian provincial life, but a lot of road impressions of Custine's travels in the Russian provinces. The road tradition encompasses the conditions, circumstances and situations that accompanied the long-distance overland movement. This topic is located at the intersection of historical knowledge, anthropology, and ethnography. It is connected with the social dimension of daily life. The road tradition of Russia attracted close attention of foreign travelers, who voluntarily or involuntarily compared it with their native road circumstances and situations to which they were more accustomed. Custine noticed the peculiarities of traffic and carriages, road improvement, scenes on suburban highways, and much more. The material reviewed and commented on in this paper makes it possible to clarify Custine's attitude to the road tradition of Russia. It would be wrong to assume that he did nothing more than criticized the Russian provincial road infrastructure. Some of his observations are quite accurate, which is confirmed by other historical sources, and therefore are of interest to us now. However, in the case of a parallel road between St Petersburg and Moscow, which allegedly existed for the convenience of the Russian tsar, he turned out to be mistaken. In that instance, Custine's habit of moralizing, shining with his thoughts and formulations on various occasions, played a mean trick on him.

Keywords: Astolphe de Custine, road tradition of Russia, nineteenth-century Russia, capital, province, Russian emperors, foreigners about Russia, road traffic, narrative sources, travelogue

For citation: Korshunkov, V.A. "French Marquis on the Russian Roads: Astolphe de Custine and the Road Tradition." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 8–50, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-8-1>

Введение

Французский литератор и путешественник маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857) в 1839 г. побывал в России. Он был аристократом и монархистом, убежденным противником представительного правления, однако увиденное в

самодержавной стране его разочаровало: «Сказать, что Россия Кюстину не понравилась, – это, в сущности, ничего не сказать»¹. Многостраничная книга Кюстина «Россия в 1839 году» (первое издание вышло в четырех томах), изобилующая тонкими наблюдениями и толковыми умозаключениями, у нас сразу же оказалась под запретом. Его записки – замечательный исторический источник, пусть и тенденциозный. Заезжий маркиз сумел подметить многое такое, с чем российские подданные давно свыклись – закоренелый деспотизм, пренебрежение человеческим достоинством на всех уровнях социальной иерархии, повсеместное очковтирательство.

За несколько летних месяцев, проведенных в России, Кюстин успел побывать не только в крупнейших городах империи, но и в провинции. В Петербург он прибыл морем, оттуда съездил в Шлиссельбург (посухо, а не по реке Неве). Двинулся на юг – посетил Ярославль, Москву, Нижний Новгород. Вернулся в столицу. Назад из Петербурга проехал на лошадях в Восточную Пруссию и далее.

Исследовавший книгу Кюстина американский историк Дж. Кеннан отмечал:

Кроме пространных романтических описаний Петербурга и Москвы, впечатления Кюстина о путешествии в Россию на удивление скупы. Очень мало сказано о его поездках за пределы обеих столиц².

Кроме того, многое в книге «относится к сфере чистой эстетики»: Кюстин слишком увлекался пейзажами и архитектурой, описывая это в соответствии с модой того времени. И нередко передавал досужие выдумки и легенды, полученные из вторых рук³. Выходит, что достоверность конкретных наблюдений у него невелика?

Но все-таки непреходящая ценность труда Кюстина совсем в другом – в тех политических впечатлениях, которые зачастую выражены колкими афоризмами и остротами, столь привлекавшими одних и озлоблявшими других, но неизменно достигавшими своей цели⁴.

О книге Кюстина в отечественной историографии имеется немало работ различного научного уровня, но не монографий, а статей. Заметно, что некоторые современные авторы хотели бы определять его отношение к России

¹ Черкасов П. Кто вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

² Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» / перевод с английского Д. Соловьева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 59.

³ Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». С. 74.

⁴ Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». С. 74–75.

в парадоксальных формулировках, наподобие тех, которыми славился сам маркиз. То его полемически называют «восхищенным созерцателем России»⁵, то «беспокойным свидетелем, диапазон оценочных суждений которого о русских и русской жизни колеблется между двумя безднами»⁶. Ему приписывают попытку «культурного перевода» русских реалий на язык, понятный тогдашнему французскому обществу⁷. Считается, что он был идеологом и мифотворцем, создававшим «свой авторский миф о России»⁸. Существенно, что Кюстин расценивал виденное и слышанное им в России с точки зрения присущих ему морализаторства и романтического мировосприятия, а еще с позиции, так сказать, панкатолицизма⁹. Все это препятствовало точному пониманию чужой и чуждой ему культуры.

Представляется важным подвергнуть исследовательскому анализу не только умозаключения и обобщения, которые делал Кюстин, но и детали, частности, конкретику о России, отраженные в его книге. Надо полагать, что некоторые конкретные описания у такого наблюдателя не всегда точны: даже то, что видел он сам, осмысливалось пристрастно и тенденциозно, на основании его собственных предубеждений и сложившейся к тому времени западноевропейской литературно-публицистической традиции. Пусть картин российской провинциальной жизни у Кюстина немного, зато дорожных впечатлений во время путешествий по российским городам и весям вполне достаточно. Он подмечал особенности уличного движения и экипажей, дорожное обустройство, сценки и ситуации на загородных трактах и многое другое на дорогах и обочинах.

⁵ *Кожин В.В.* Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России: к 160-летию знаменитого путешествия // Москва. 1999. № 3. С. 164–169.

⁶ *Ермилова Г.Г.* Маркиз де Кюстин о русских и России // Россия и Западная Европа: взаимовидение (литература, философия, культурология): сборник научных статей участников Международной научной конференции (Иваново, 29–31 октября 2015 г.) / под редакцией Н.В. Капустина. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. С. 49.

⁷ *Дунаева С.Л.* Путевые заметки А. де Кюстина как вариант культурного перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VI Международной научно-практической конференции (Симферополь, 28–29 апреля 2022 г.) / под редакцией М.В. Нореца. Симферополь: Ариал, 2022. С. 92–96.

⁸ *Ощепков А.Р.* «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 21 (707). С. 147; *Ощепков А.Р.* Романтическая топка в книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» // Филологические науки. 2011. № 3. С. 56.

⁹ *Ощепков А.Р.* Романтическая топка в книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». С. 46–57; *Ощепков А.Р.* Панкатолицизм А. де Кюстина и образ России в его книге «Россия в 1839 году» // Религиоведение. 2011. № 2. С. 19–26; *Ощепков А.Р.* «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году». С. 142–151.

В этой статье внимание обращено на те конкретные детали, которые были выявлены Кюстином во время его поездок по России, и на то, как он их понял и истолковал. Для рассмотрения в подобном ракурсе травелог Кюстина уже привлекался. В статьях В.В. Орехова некоторые наблюдения Кюстина использовались при характеристике «образа ямщика»¹⁰. А в недавней работе М.В. Александровой коротко замечено, что у иностранных и российских путешественников, в том числе и у Кюстина, «общим местом для путевых заметок о русской провинции становится критика состояния русских дорог и средств передвижения»¹¹. Однако отношение Кюстина к дорожному быту России сложнее, оно не сводится к критике.

Несколько столетий подряд Россия была наибольшей по площади страной мира. Обустройство дорог для движения гужевого транспорта имело особое значение, которое следует учитывать, в том числе историкам, специалистам по отечественной истории XVII–XIX вв. Распространение населения и государственной власти по просторам Евразии, постоянные переходы и переезды тысяч людей – все это обеспечивалось дорожной инфраструктурой. Провинции громадной страны стягивались в единое целое трактами и проселками. При столь непростых условиях российской власти приходилось поддерживать управляемость на огромных и малонаселенных территориях. Обыватели тоже приспосабливались к сильно растянутым коммуникациям, например, к тому, что весной и осенью переезды на несколько недель становились крайне затрудненными. Изучая дорожную инфраструктуру России прошлых времен, обустройство трактов и проселков, привычки ямщиков и путешественников, дорожные обряды и обычаи, историки имеют возможность уточнить некоторые существенные обстоятельства, в которых вынуждены были функционировать государство и общество.

Исследование этих и подобных вопросов является существенной задачей при изучении так называемой дорожной традиции России, т.е. условий, обстоятельств и ситуаций, сопутствующих дальнему сухопутному

¹⁰ Орехов В.В. «Ямщик, не гони лошадей», или Дорожные приключения французов в России // Русь-Россия и Великая Степь: Восьмые Крымские Пушкинские международные чтения: материалы (Крым, Новый Свет–Перекоп, 13–19 сентября 1998 г.) / под редакцией В.П. Казарина. Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1999. С. 209–214; Орехов В.В. Образ ямщика во французском тексте и русском контексте // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция: сборник научных статей (Симферополь, 8–11 июля 2016 г.) / под редакцией Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. Т. 1. С. 486–492.

¹¹ Александрова М.В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111–118. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118>

перемещению¹². Эта тематика находится на пересечении исторического знания с антропологическим и этнографическим. Она связана и с социальным измерением повседневности. К ней следовало бы обращаться с точки зрения истории повседневности, а также исторической антропологии. В таком случае в центр рассмотрения помещается *homo viator* – человек дорожный, с его собственным восприятием реалий, его чаяниями, с теми трудностями, с которыми он неизбежно сталкивался в пути и которые вынужден был преодолевать. Тем самым историки смогут уточнить понимание того, как именно функционировали общество и государство в Российской империи – самой протяженной сухопутной державе мира, для которой традиционные гужевые пути сообщения являлись жизненно важными артериями.

Для изучения такой темы имеется немало источникового материала. Прежде всего, это нарративные источники – публицистика, мемуары, переписка. Могут быть полезны и произведения художественной литературы. Для историков существенно, что в русской литературе примерно с середины XIX в. преобладали реалистические тенденции. Такие нарративные источники

¹² Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг.: тезисы докладов научной сессии / под редакцией О.В. Лысенко. Ленинград: ГМЭ народов СССР, 1989. С. 79–80; Коршунков В.А. Неуступчивость: старинный обычай дорожных конфликтов в Яранском уезде Вятской губернии // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник материалов научно-практической конференции. Т. 4 / составитель В.Е. Добровольская. Москва: Государственный республиканский Центр русского фольклора, 2002. С. 59–67; Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003; Randolph J.W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 11, № 1–2. P. 33–61; Васильев М.И. Русские сани: историко-этнографическое исследование. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2007; Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. Москва: Молодая гвардия, 2010; Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука, 2012; Васильев М.И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 125–135; Коршунков В.А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. Москва: Форум, 2015; Коршунков В.А. Путь сквозь века и земли. Дорожная традиция России. Москва: Редкая птица, 2020; Коршунков В.А. Мосты, разбойники, нищие (особенности дорожной традиции России XVIII – начала XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, № 6. С. 1160–1167. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1160-1167>; Коршунков В.А. «Мы не ехали, а летели»: А.С. Пушкин и народные свадебные процессии в контексте дорожной традиции России // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 1. С. 51–56. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-51-56> и др.

смыкаются с географическими, этнографическими и краеведческими описаниями.

Основная часть

При исследовании дорожной традиции обращает на себя внимание тот факт, что чужое и непривычное в дорожной инфраструктуре и сопутствующих обстоятельствах сразу же подмечается проезжающими. Так, Н.М. Карамзин в 1789 г., выехав из российских пределов, говоря о «немецких извозчиках», заметил: «Странные экипажи!» Через три недели письмо из германского города Мариенбурга он начал так: «Прусская, так называемая почтовая коляска совсем не похожа на коляску. Она есть не что иное, как длинная покрытая фура с двумя лавками, без ремней и без рессор»¹³. Чиновник Д.Н. Свербеев летом 1822 г. ехал в Ригу из Ревеля на купленной там «польской бричке» с погонщиком-эстонцем. Впоследствии он припоминал непривычную упряжку и возницу, который «правил с коня, по немецкому или польскому обычаю». Чуть позже, уже во Франции, Свербеев писал: «В первый раз познакомился я с очень неудобной французской каретой»¹⁴. Нижегородец Н.Н. Шипов в 1861 г. на пути в Святую Землю завернул в Константинополь, где обратил внимание на «уродливые экипажи»¹⁵. 14-летний А.А. Фет зимой 1834–1835 гг. поехал вместе с отцом из Петербурга в Дерпт к профессору И.Ф. Мойеру искать возможности поступить в пансион. В незнакомом городе юный Фет обратил внимание на следующую деталь:

Главное, бросившееся мне в глаза на другой день, при поездке к профессору Моеру, было, что извозчик сидел перед нами в санях в капоте с коротким многоэтажным воротником, а его парочка лошадок в дышле была запряжена в шоры без всякой шлеи, так что при спуске с горы шорысползали лошадам на самый затылок¹⁶.

Поэт и чиновник П.А. Вяземский в написанном в 1853 г. в Дрездене стихотворении «Масленица на чужой стороне» оставил такое суждение:

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Ленинград: Наука, 1984. С. 11, 24.

¹⁴ Свербеев Д.Н. Мои записки. Москва: Наука, 2014. С. 188, 211.

¹⁵ Шипов Н.Н. История моей жизни и моих странствий // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / составители В.А. Кошелев и др. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 257.

¹⁶ Фет А. Ранние годы моей жизни. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1893. С. 81.

Сани здесь – подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку¹⁷.

В стихотворении «Проезд через Францию в 1851 г.» Вяземский саркастически заметил, что как только он останавливался на французской почтовой станции, местные принимались обсуждать его повозку: «Все смотрят, все ведут беседу // Про мой рыдван и про меня»¹⁸.

Очевидно, что наблюдатели, находясь на чужбине, бывали приметливы: их интересовали необычные средства передвижения и непривычные способы упряжи. В книге Кюстина также можно найти интересные свидетельства о дорожной традиции России.

Именно во время беседы с Кюстином Николай I обронил афористичную фразу: «Расстояния – бич России» («Les distances sont le fléau de la Russie, m'a dit l'empereur...»)¹⁹. Согласно свидетельству мемуаристки С. Шуазэль-Гуфье, и старший брат будущего императора Николая I Александр I как-то высказался подобным образом. В 1822 г. Александр «говорил о своих путешествиях», и Шуазэль-Гуфье, подхватив тему, стала рассуждать о завоевании Китая «ради округления империи». На что государь ей ответил:

О, моя империя и так чересчур кругла... и ваша мысль очень неполитична. Россия и так слишком обширна: большие расстояния между губерниями замедляют сообщение. Условия эти тормозят укрепление общего порядка, который сильно от них страдает²⁰.

Такое умозаключение в императорской России можно было услышать нечасто. Тем интереснее, что оно все же звучало. А.С. Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» (1831) выступил со следующим заявлением, ставшим впоследствии хрестоматийным:

¹⁷ Вяземский П.А. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1986. С. 303.

¹⁸ Вяземский П.А. Стихотворения. С. 300.

¹⁹ La Russie en 1839 par Le Marquise de Cuistine. Bruxelles: Wouters et Ce, imprimeurs-libraires, 1843. Т. 2. Р. 23; Кюстин А. де. Россия в 1839 году / перевод с французского В. Мильчиной. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1996. Т. 2. С. 224 (здесь и далее переводы с французского приводятся по этому изданию).

²⁰ Шуазэль-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс / составители А. Либерман и др. Москва: Фонд Сергея Дубова, 1999. С. 372–373.

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..²¹

На это друг Пушкина П.А. Вяземский в своих записках отреагировал весьма критично, раздраженно заметив:

Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши: От Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас *от мысли до мысли* пять тысяч верст... (курсив автора. – В. К.)²².

Действительно, столь большие и малозаселенные пространства эффективно контролировать удавалось с трудом. А.М. Эткинд в своей книге о российской «внутренней колонизации» приводит данные, согласно которым государство в те времена не могло обеспечивать контроль над территорией, радиус которой превышал 400 км. Средний радиус европейского государства в начале XVIII в. составлял 160 км. Правда, Эткинд добавлял:

Но в течение всего имперского периода цари и их советники называли огромность российских пространств основной причиной имперского могущества. Огромность этих пространств была основным мотивом и для дальнейшей централизации власти, и для еще большего расширения империи²³.

Однако получается, что Александр I и Николай I могли иметь по этому вопросу собственную точку зрения.

В своей книге Кюстин отметил и такую особенность российской дорожной традиции:

В ряд четверку лошадей запрягают только для путешествий и загородных поездок; в Петербурге лошади всегда идут попарно...²⁴

²¹ Пушкин А.С. Клеветникам России // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Москва: Воскресенье, 1995. Т. 3, кн. 1. С. 270.

²² Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). Москва: Наука, 1963. С. 214.

²³ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 12–13.

²⁴ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 230.

Разумеется, так было потому, что на оживленной столичной улице нельзя занимать всю ширину проезда. А четверку Кюстин упоминал просто потому, что сам разъезжал в таком экипаже. Он выехал из Петербурга в теплое время года в коляске, запряженной четверкой лошадей. Кюстин писал:

...Когда у русских отправляются в деревню или путешествуют на почтовых, кучера запрягают лошадей по-старинному, в ряд, и правят такой четверней ловко и смело²⁵.

Если Кюстин постоянно имел в виду запряжку с четырьмя лошадьми – и в городе, и по большому тракту, и на проселочных дорожках, то, выходит, что он был не такого уж плохого мнения о российских путях сообщения. Известно, что по иным из них даже цугом (гуськом) с четверкой лошадей пробраться было непросто.

В январе 1886 г. американский журналист Дж. Кеннан, путешествуя по Сибири вместе со своим соотечественником Дж. Фростом, двигался по льду Енисея в сторону Минусинска:

Когда мы выехали из Красноярска, было холодно и ветрено, и лед так заносило снегом, что за второй станцией пришлось запрячь трех лошадей цугом, а четвертую лошадь с легкими санями пустить вперед торить путь²⁶.

За несколько месяцев до того, летом 1885 г., они заехали на почтовую станцию, располагавшуюся между Омском и Павлодаром. Там Кеннан решил купить для своей коллекции колотушку ночного сторожа. Когда сделка свершилась, жена смотрителя станции набросилась на сторожа с упреками:

Хорош сторож! – с пренебрежительной усмешкой бросала она в его сторону. – На что же ты теперь годен? У тебя и было-то всего что штаны да колотушка, а теперь ты и колотушку продал! <...> А теперь что ты делаешь? – грозно спросила жена смотрителя. – Запрягаешь их гуськом?! Нет, братушка. Гуськом вы можете с попом ходить после того, как повеселитесь хорошенько, а лошадей моих я запрягать точно гусей не дам.

К первому упоминанию о таком способе запрягать лошадей (goose-fashion) Кеннан добавил примечание: “Tandem”²⁷. Действительно, этим словом

²⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 362.

²⁶ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.) / перевод с английского И.А. Богданова. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. Т. 2. С. 383.

²⁷ Kennan G. Siberia and the Exile System. 1891. Vol. 1. P. 152–153.

по-английски обозначается запряжка гуськом или цугом. Жена станционного смотрителя восприняла попытку запрячь лошадей гуськом чуть ли не как личное оскорбление: на их большом, хорошо обустроенном тракте имелись условия для того, чтобы гонять широкой, раскидистой тройкой. А гуськом Кеннану с Фростом пришлось ехать в ситуации, когда они впоследствии стали пробираться по узкой тропе меж сугробов, где движение широкой запряжкой лошадей было бы затруднительно.

Кюстин был впечатлен скоростью, с которой гоняли русские ямщики. Такое поведение, в его представлении, бывало рискованным:

Русские ямщики... на равнине весьма искусные, становятся крайне опасными на крутизне. <...> Жизнь ваша держится на ногах четырех храбрых, но слабосильных и усталых коней²⁸.

Расхожее мнение о том, что русские люди любили стремительную скачку, подтверждается и Кюстином, и другими иностранцами.

Кюстину довелось встретить в пути слона, подаренного российскому императору персидским шахом. Необычно выглядевшее в северном пейзаже животное шествовало в сопровождении большой свиты, а Кюстину нужно было обогнать эту процессию. Лошади так напугались, что взбесились и помчали. Экипаж, в котором сидел Кюстин, занесло, гибель была почти неминуема – только чудом удалось спастись (по крайней мере, сам он описал происходившее именно так)²⁹. Дороги вообще всегда были и остаются чрезвычайно опасным местом. Смерть или увечье подстерегали путешествовавших постоянно, на каждом повороте или спуске: на полном ходу сломается ось повозки; лошади испугаются, взбесятся и «понесут»; может задеть встречный; ямщик не удержит поводьев и экипаж опрокинется в придорожную канаву и т.п.³⁰

А вот как Кюстин расценил дорогу из Петербурга в Шлиссельбург:

По пути я насчитал множество скверных дощатых мостов, один из которых показался мне просто опасным³¹.

В другой раз его экипаж угодил на временные мостки для въезда на шоссе: они были

²⁸ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 220.

²⁹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 288–291.

³⁰ Коршунков В.А. Путь сквозь века и земли. Дорожная традиция России. С. 184–208.

³¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 368.

разболтанные, как клавиши старого фортепьяно, неровные и опасные, так как часто в них недостает самых главных звеньев...³²

На подобном дорожном мосту чуть было не случилось ужасное происшествие с императором Николаем I: хлипкий мосток внезапно рухнул сразу после того, как царский экипаж промчался по нему³³. П.А. Вяземский, который часто странствовал, в стихотворении «Русские проселки» (1841) также не мог обойти пристрастным вниманием мосты:

Рекой ли
Дорога? Мост на ней уж подлинно живой:
Так бревна взапуски и пляшут под тобой,
И ты того и жди, что из-за пляски этой
К русалкам попадешь с багажем и каретой³⁴.

При всем том Кюстин утверждал, что на петербургско-московском тракте, который оказался едва ли не лучшим в Европе, каменные мосты красивы³⁵.

Эти каменные мосты были построены незадолго до того. Шоссированная дорога, соединявшая две столицы, в 1839 г., когда по ней проследовал Кюстин, смотрелась неплохо. Прежде было иначе. Баронесса де Сталь писала, что в 1812 г. на пути от Москвы к Петербургу – то сплошь песок, то болота, а после дождя колея совсем терялась³⁶. А.С. Пушкин в очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834) вспоминал, каково было ездить лет за 15 до того по старой дороге, и сравнивал с современным ему состоянием тракта, говоря, что оно стало гораздо лучше³⁷.

³² Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 194. Летом 1862 г. из Петербурга в Сибирь на службу добирался молодой офицер П.А. Кропоткин. Когда он въехал в Тобольскую губернию, то записал в своем дневнике, насколько отвратительна была дорога. В частности, там «в топких местах сделана гать из бревен; я вспомнил, что это обыкновенно сравнивают с фортепианными клавишами; пожалуй, но чтоб иметь об ней понятие, нужно провести пальцем по черным клавишам» (Кропоткин П.А. Дневники разных лет. Москва: Советская Россия, 1992. С. 50). Похоже, что будущий лидер революционеров-анархистов Кропоткин был знаком с запрещенной тогда в России книгой Кюстина. Ведь именно там фигурировало это запоминающееся сравнение.

³³ Выскочков Л.В. Николай I. Москва: Молодая гвардия, 2003. С. 535.

³⁴ Вяземский П.А. Стихотворения. С. 273.

³⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 27.

³⁶ [Де Сталь]. 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / составитель Ю.А. Лимонов. Ленинград: Лениздат, 1991. С. 37.

³⁷ Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Москва: Воскресенье, 1996. Т. 11. С. 223–268.

Активное строительство и обустройство дорог велось при Александре I. Народ запечатлел это в песнях об Аракчееве-господине, который «дороженьку березкой усадил», «часты столбы становил», «разной краской раскрасил», «все канавы раскопал», «все камушками устилал, желтым песком усыпал». Еще пели, что «сукин сын» Аракчеев «всю Россию разорил», выражая народное отношение к массовому привлечению крестьян к дорожному строительству. В итоге, около 1820 г. главный в империи Александра I тракт стал, наконец, хорош³⁸.

Кюстин, проехав по этому тракту в Москву, обнаружил, что кое-где параллельно основному пути идет другой, несколько хуже обустроенный:

Между Петербургом и Новгородом я заметил еще одну дорогу, идущую параллельно главной на небольшом расстоянии от нее. На этой проселочной дороге есть заставы, ограды, деревянные мосты, чтобы переправляться через речки и болота; одним словом, здесь есть все, что нужно, хотя она не такая красивая и гораздо более ухабистая, чем почтовый тракт³⁹.

Он стал расспрашивать станционного смотрителя (через сопровождавшего его фельдъегеря, так как сам русского языка не освоил) и с его слов поведал своим читателям следующее:

...Запасная дорога предназначена для ломовых извозчиков, скота и путешественников в те дни, когда император или члены императорской фамилии едут в Москву. Это разделение позволяет избежать пыли и заторов, которые причинили бы неудобства и задержали августейших путешественников, если бы тракт во время их поездки оставался доступен для простых смертных. Не знаю, не посмеялся ли надо мной смотритель, но он говорил с весьма серьезным видом...⁴⁰

Решив, что «царь имеет в своем распоряжении целую дорогу» и станционному смотрителю это представляется совершенно естественным, Кюстин, по своему обыкновению, начал резонерствовать:

³⁸ Коршунков В.А. Благоустройство российских дорог в эпоху Александра I и народная память об А.А. Аракчееве // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Киров, 1 ноября 2012 г.) / под редакцией В.А. Криушиной. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 69–75.

³⁹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 38.

⁴⁰ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 38.

Король, который говорил: “Франция – это я”, останавливался, чтобы пропустить стадо овец, и во времена его правления любой путник, шедший по дороге, повторял принцам крови, которых встречал по пути, нашу старую поговорку: “Дорога принадлежит всем”; важны не столько сами законы, сколько способы их применения⁴¹.

Общее правило, которое вывел Кюстин из этого частного наблюдения, таково:

Во Франции нравы и обычаи всегда смягчали политические установления; в России они, наоборот, ужесточают их, и это приводит к тому, что следствия становятся еще хуже, чем самые принципы⁴².

Затем Кюстин сделал оговорку:

Впрочем, должен сказать, что двойная дорога доходит только до Новгорода; вероятно, власти решили, что существование двух дорог создаст сильную давку на подступах к столице, а быть может, сочли, что вторая дорога вообще не нужна, и не стали ее достраивать⁴³.

Соображение о том, почему «власти решили» так, – это спекуляция, ни на чем не основанная, кроме его собственных умозаключений. Станных умозаключений.

Дело в том, что, как явствует из «Путеводителя от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно» В.М. Дмитриева (СПб., 1847), то была всего-навсего «дорога для пригона скота от Москвы до Санкт-Петербурга»⁴⁴. Собственно, Кюстину было известно, что по параллельно проложенной дороге перегонялся скот, но он не придавал этому значения, начав выискивать социальное измерение в дорожном обустройстве. Предубеждения оказались сильнее увиденного и услышанного.

Так называемая скотогонная дорога делалась «для прогону гуртов». По толкованию В.И. Даля, она «устраивается особо от ездовой и должна быть окопана или огорожена пряслами»⁴⁵. В Петербург, крупнейший город империи, постоянно пригоняли с юга мясной скот. В историографии имеется несколько статей о скотогонных трактах в отдельных местностях Российской империи:

⁴¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 38.

⁴² Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 38–39.

⁴³ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 39.

⁴⁴ Мильчина В., Основат А. Комментарии // Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 398.

⁴⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4: Р–V. С. 207.

в Подмосковье, Сибири, на Алтае⁴⁶. Скотопрогонные тракты (как в целом, так и конкретно по направлению к Москве) охарактеризованы в недавней работе Г.Н. Ульяновой. С 1880-х гг. скот стали перевозить по железной дороге, а до того, в XVIII–XIX вв., по России пролегалo несколько специально обустроенных для этого дорог. К 1860 г. в европейской части России их общая протяженность составляла более 10 тысяч километров. В 1734 и 1804 гг. были приняты специальные императорские указы, которыми регламентировалось перемещение скота на дальние расстояния, в Петербург и Москву. Один из современников писал, что

до тридцати губерний прорезываются этими путями, почти повсеместно сливающимися с линиями почтовых и больших дорог⁴⁷.

Так, различные пути, по которым в XIX в. скот направляли с территории Алтайского горного округа на восток, в Енисейскую губернию, выходили на Большой Сибирский тракт⁴⁸. Все это означает, что скотопрогонные дороги и в самом деле обычно тянулись вдоль трасс с гужевым движением.

Да, иногда случалось так, что при проезде важных персон медлительные, громоздкие обозы и экипажи перенаправлялись на вспомогательную трассу, поскольку движение по самому оживленному, лучшему шоссе России, соединявшему две столицы, было немалое. И вообще новая, усовершенствованная дорога нередко шла параллельно старой. И.С. Аксаков в письме от 23 мая 1849 г. из Ярославля замечал:

⁴⁶ Завьялов А.А. Особенности устройства постоянных скотопрогонных трактов на территории Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2 (72). С. 100–104; Антонова Д.Е. Скотопромышленный перегон как сфера деятельности уездного купечества центральной России в первой половине XIX века (по материалам города Коломны Московской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59), ч. 1. С. 15–17; Канн С.К. Сибирские пути сообщения в практике изысканий Транссиба (конец XIX в.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017 / под редакцией В.М. Левченко и др. Иркутск: Издательство БГУ, 2017. С. 67–76.

⁴⁷ См.: Ульянова Г.Н. Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России: к юбилею профессора Н.В. Козловой: сборник научных статей. Серия II: Исторические исследования. Вып. 235 (163) / под редакцией Л.С. Белоусова. Москва: Издательство Исторического факультета Московского государственного университета, 2023. С. 171–175.

⁴⁸ Завьялов А.А. Особенности устройства постоянных скотопрогонных трактов на территории Алтая во второй половине XIX – начале XX в. С. 100, 102.

От Троицы до Ярославля (60 верст) шоссе еще не отделано и по нему не ездят, а ездят по старой, довольно скверной дороге, которая идет, впрочем, почти рядом с шоссе⁴⁹.

Рассказ П.И. Мельникова-Печерского «Поярков» (1857) начинался с описания двух параллельных путей на месте бывшего почтового тракта:

Ехал я большой торговой дорогой, обсаженной березками. Тут когда-то был почтовый тракт, потому и обсадили его. Торный путь набит сажень на шесть в ширину, и обозы по нем взад и вперед тянутся беспереводно, друг дружке не мешая, а широкая, тридцатисаженная дорога впусе лежит; давно отдана в распоряжение гуртовщиков, что гоняют скотину из уральских степей с Нарын-Песков, с ярмонки у Ханской Ставки⁵⁰.

Что и как происходило при встрече с августейшей особой где-нибудь за городом на дороге? А.А. Фет в своих «Воспоминаниях» писал, как на рубеже 1870–80-х гг., будучи в Крыму, он повстречал на узком горном пути императора Александра II:

Когда на третий день мы поднимались в коляске по живописной горной дороге, открывающей виды с птичьего полета на великолепные приморские дачи, начиная с Ливадии, за нами раздался поспешный конский топот, и казак, приблизившись к коляске, торопливо сказал: «Господа, потрудитесь дать дорогу: царь едет». К счастью, дорога представляла на этом месте некоторое подобие платформы, и коляска наша, по настоянию моему, сдвинулась к краю, очищая путь. Вылезши из экипажа, мы стали ожидать царя, тотчас же выехавшего на вороной казачьей лошади и в казачьем мундире из-за скалы на повороте дороги. Как ни старались мы дать место ему и проезжавшей за ним коляске, в которой, между прочим, сидел прелестный рыжий сеттер, – государь проехал мимо нас на расстоянии трех или четырех шагов. Лицо его было бледно и уныло, и он милостиво ответил на наши поклоны⁵¹.

Поскольку узкая крымская дорожка, как во Франции, «принадлежала всем», перед российским императором пускали вестового. И тот держал себя вежливо

⁴⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. / составитель Т.Ф. Прокопова. Москва: Русская книга, 2003. Т. 2. Письма 1849–1857 гг. С. 4.

⁵⁰ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Поярков: рассказ // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений / составитель М.П. Еремин. Москва: Правда, 1976. Т. 1. С. 180–181.

⁵¹ Фет А. Воспоминания. Москва: Правда, 1983. С. 459.

(по крайней мере, с дворянами). А встречные люди и экипажи сторонились, освобождая путь. И только.

Николай I, припоминая в своих записках раннее детство (когда ему было примерно четыре года, т.е. еще при жизни отца, Павла I), писал о том, как его катали по Петербургу:

Наш выезд представлял из себя позолоченную шестиместную карету, которой предшествовали два гвардейских гусара; позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея – сзади за каретой⁵².

Лакеи, очевидно, стояли на запятках, а вот гусары (или в какое-то более позднее время – офицер с вестовыми) гарцевали перед каретой. Вплоть до начала народовольческого террора и «охоты на царя» иного и не требовалось. Содержать ради монаршего семейства специальную дорогу между Петербургом и Москвой, параллельную основной, не нужно было тем более.

Итак, Кюстин оказался не вполне прав: в распоряжении царя не имелось «целой дороги». Однако специально обустроенный для следования царственных особ путь мог-таки появиться. В июле 1903 г. пышно праздновалась канонизация Серафима Саровского. На торжества ожидали Николая II с супругой. Из Петербурга царская чета со свитой поначалу добиралась на поезде, потом пришлось пересест в экипажи. Участник памятных событий М.И. Макаревский свидетельствовал:

...Богомольцы, минуя Арзамас, направлялись по грунтовой дороге прямо в Саров. Эта дорога прекрасно отремонтирована, а середина ее, оставленная для Царского проезда, в пределах Арзамасского уезда была заставлена рогатками. По обе стороны Царского пути и катилась непрерывная, огромная волна богомольческого движения. Оживление на всем пути было необычайное: все, что только могло двигаться, двинулось по направлению к Сарову – люди ехали, шли, ползли, спеша на праздник к преподобному Серафиму⁵³.

Грунтовку тогда привели в идеальное состояние и закрыли для проезда. А народ теснился по обочинам «царского пути». Как правило, проезд по российской глубинке высокопоставленных гражданских, военных и церковных

⁵² Николай I. Мое самодержавное служение. Дневники, письма, документы. Свидетельства современников / составители В. Яськов, И. Пименова. Москва: Эксмо, 2014. С. 18.

⁵³ Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях / вступительное слово Георгия, епископа Нижегородского и Арзамасского. Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, 2003. С. 33.

чинов, а тем более членов царской фамилии (обычно с немалой свитой), вызывал у местного начальства прилив суматошной активности: срочно латали дороги и мосты, готовили резерв из десятков подменных лошадей и т.п. Да и обычный, регулярный дорожный ремонт для простого народа становился тягостным и не слишком эффективным трудом⁵⁴.

Прибывавшие в Россию иностранцы, подобно Кюстину, иной раз подмечали социальную сторону дорожной повседневности и также нередко ошибались в деталях. Путешествовавший по России в 1858–1859 гг. А. Дюма-отец писал:

В царствование Екатерины был закон, восходивший еще к древности, согласно которому при встрече на дороге с императором или царевичем человек должен спешиться, если он верхом; если в карете – выйти из нее, не считаясь с тем, раскалена ли мостовая или покрыта льдом, метет ли снег или льет дождь, пасть ниц, если встречный – мужчина, или почтительно поклониться – если женщина.

Екатерина отменила этот закон.

Павел его восстановил⁵⁵.

В этом отрывке Дюма, по-видимому, резюмировал то, что было рассказано французским публицистом Ш. Массоном (1762–1807), долгое время жившим в России. Ш. Массон отмечал также запрет Павла I «запрягать лошадей и надевать сбрую по русскому образцу» и его борьбу с роскошными выездами⁵⁶.

Власть в России издавна, еще с допетровских времен, пыталась ограничивать пышность экипажей, регламентируя количество запрягаемых лошадей в зависимости от статуса человека. Но «падать ниц» во времена империи уже не требовалось.

⁵⁴ Коршунков В.А. «Только божья планида да проезд губернатора»: поправка дорог в России XIX века // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Киров, 20–21 ноября 2013 г.) / под редакцией В.Т. Юнгблюд и др. Киров: Издательство ВятГГУ, 2014. Т. 2. С. 123–134; Коршунков В.А. «Кричал, что мало гальки»: починка дорог в Вятской губернии в XVIII–XIX веках // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 29–38. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.046>; Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» в 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 26–36. <https://doi.org/10.31857/S086956870008270-8>

⁵⁵ Дюма А. Сочинения. Т. 1. Путевые впечатления в России / перевод с французского М. Трескуновой. Москва: Ладомир, 1993. С. 66–67.

⁵⁶ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора / подготовка текста Е.Э. Ляминой, Е.Е. Пастернак. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. С. 91–92.

В народной же культуре прокладывание особой, новой дороги к святыне могло выражать высокую степень уважения. Жительницы с. Курино Котельничского района Кировской области в 1991 г. рассказывали московским фольклористам о родных местах, где с давних пор почиталась икона Михаила Архангела.

Вот эту часовню выстроили, в [праздник] Михаила Архангела стали каждый год ходить, пока эту часовню не нарушили. А как сделалась советская власть, часовню разломали. И вот раз пришел Михаил Архангел (праздник. – В. К.). По общей дороге пронесли икону. <...> По общей дороге, по которой на лошадях ездят. У нас все посохло. И дали клятву, что сделаем Архангельскую дорогу отдельно. Так вот, борона идет, плуг ли – поднимали и борону, и плуг, чтобы эту дорогу не задеть. Вот такой порядок был⁵⁷.

В этом контексте прокладывание новой дороги к святому месту становится понятным: это делалось ради того, чтобы проносимые иконы не осквернялись бы лошадиным навозом под ногами и их путь не перечеркнулся бы ненароком плугом или бороной (среди магических способов перекрытия кому-либо пути известны зачерчивание и перерубание дороги⁵⁸). Такое дело – истинное трудничество верующих людей. Оно напоминает народно-религиозное созидание, вроде изготовления «обыденных» (то есть сделанных в течение одного светового дня) обрядовых полотенец, часовен и т.п. С другой стороны, в традиционной культуре разных народов существовало представление о том, что и сама святыня должна двигаться особым путем – не обычным, профанным, а заново для нее прокладываемым. Примером является история о Троянском коне: по одной из версий греческого мифа, для того чтобы втащить деревянного коня в свой город, троянцам пришлось разломать часть крепостной стены. В этот пролом и устремились враги-ахейцы. Интересно, что в прежние годы загулявшие в ресторанах купцы иной раз приказывали выломать себе для прохода кусок стены. Так что «особый путь» у нас могли организовать не только для императора всероссийского, но и для подвыпивших самодуров.

Заключение

Дорожная традиция России привлекала пристрастное внимание путешественников-иностранцев, которые вольно или невольно сравнивали ее с более привычными для них иноземными дорожными и придорожными

⁵⁷ Вятский фольклор. Предания и легенды / под редакцией А. Вылегжанина. Котельнич: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1998.

⁵⁸ Коршунков В.А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. С. 115–118.

обстоятельствами и ситуациями. Рассмотренные и прокомментированные материалы позволяют уточнить, как Кюстин в своей известной книге осмыслял увиденное, услышанное и узнанное им во время поездок по России. Нельзя сказать, что он лишь критиковал российское провинциальное дорожное обустройство. Некоторые его наблюдения в достаточной мере точны, они подтверждаются иными историческими источниками и тем самым интересны для нас сейчас. Однако в случае с некоей параллельной дорогой, якобы существовавшей ради удобства самодержца, он оказался не вполне прав. Пристрастие Кюстина по самым разным поводам вдаваться в морализаторство, блистая мыслями и формулировками, сыграло с ним злую шутку. Привычки и предубеждения в осознании увиденного одержали верх.

Introduction

Marquis Astolphe de Custine (1790–1857), a French writer and traveler, visited Russia in 1839. He was an aristocrat and monarchist, a determined opponent of representative government, but what he saw in the autocratic country disappointed him. “To say that Custine did not like Russia is, in essence, an understatement.”¹ Custine’s voluminous book *Russia in 1839* (the first edition was published in four volumes), rich in astute observations and wise conclusions, was immediately banned in our country. His notes are a wonderful historical source, albeit tendentious. The visiting marquis was able to notice many things to which Russian citizens had got accustomed: deep-rooted despotism, disregard for human dignity at all levels of the social hierarchy, and widespread whitewash.

During several summer months that Custine spent in Russia, he managed to visit not only the largest cities of the empire but also the provinces. He arrived in St Petersburg by sea, and from there he visited Shlisselburg (overland, not along the Neva River). Then he moved south, visited Yaroslavl, Moscow, and Nizhny Novgorod, and returned to the capital. From St Petersburg, we went to East Prussia and farther.

American historian George Kennan, who studied Custine’s book, noted:

Aside from long romantic descriptions of Petersburg and Moscow, Custine’s account of his actual travel in Russia is remarkably thin. Of his experiences outside the two capitals, in particular, very little is told.²

In addition, “much in this book belongs to the sphere of pure aesthetics”: Custine was too keen on landscapes and architecture, describing them in the fashion of his time. Quite often, he retold anecdotes and legends, almost exclusively second-hand.³ It turns out that the reliability of his specific observations is low, isn’t it?

It is rather the many political reactions, often expressed in biting aphorisms and witticisms appealing to some readers, infuriating to others, but always striking and provocative, that have given to the work its extraordinary longevity of relevance.⁴

In Russian historiography, there are a number of works on Custine’s book of different scientific value. They are not monographs but articles. It is noticeable that some present-day authors would like to define Custine’s attitude towards Russia in

¹ P. Cherkasov, “Who Are You, Astolphe de Custine?” [in Russian], *Rodina*, no. 3 (2009): 76.

² G.F. Kennan, *The Marquis de Custine and His “Russia in 1839”* [in Russian], trans. D. Solov'ev (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006), 59.

³ Kennan, *The Marquis de Custine*, 74.

⁴ Kennan, *The Marquis de Custine*, 74–75.

paradoxical formulations, similar to those for which he was famous. Either he is polemically called “an admiring contemplator of Russia,”⁵ or “a restless witness, whose range of judgments about Russians and Russian life fluctuates between two abysses.”⁶ He is attributed with attempting a “cultural translation” of Russian realities into a language understandable to the French society of the time.⁷ It is believed that he was an ideologist and myth-maker who created “his own myth about Russia.”⁸ It is significant that Custine assessed what he saw and heard in Russia from the point of view of his inherent moralizing and romantic worldview and also from the position of, so to speak, pan-Catholicism.⁹ All this prevented him from accurate understanding of the foreign and alien culture.

It seems important to subject to analysis not only the conclusions and generalizations that Custine made but also the details, peculiarities, and specific things about Russia reflected in his book. It must be assumed that certain descriptions made by such an observer are not always accurate: even the things that he saw for himself were interpreted biasedly and tendentiously, based on his own prejudice and the established Western European literary and journalistic tradition. Although there are few sketches of Russian provincial life in Custine’s book, it contains plenty of his impressions of travelling through Russian cities and villages. He noticed the peculiarities of street traffic and carriages, road construction, scenes and situations on country roads, and much more on the roads and roadsides.

This article focuses on the specific details that Custine identified during his travels in Russia and the way he understood and interpreted them. Custine’s travelogue has already been examined from a similar perspective. In V. Orekhov’s articles, some of

⁵ V.V. Kozhinov, “Marquis de Custine as an Admiring Contemplator of Russia: on the 160th Anniversary of the Famous Journey” [in Russian], *Moskva*, no. 3 (1999): 164–69.

⁶ G.G. Ermilova, “Marquis de Custine on Russians and Russia” [in Russian], in *Russia and Western Europe: Mutual Vision (Literature, Philosophy, Cultural Studies): A Collection of Scientific Articles by the Participants of the International Scientific Conference (Ivanovo, October 29–31, 2015)*, ed. N.V. Kapustin (Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2016), 49.

⁷ S.L. Dunaeva, “Travel Essays of A. de Custine as a Variant of Cultural Translation” [in Russian], in *Translation Discourse: An Interdisciplinary Approach: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (Simferopol, April 28–29, 2022)*, ed. M.V. Norets (Simferopol: Arial, 2022), 92–96.

⁸ A.R. Oshchepkov, “‘The Phenomenon of Custine’: The Book *Russia in 1839*” [in Russian], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 21 (707) (2014): 147; A.R. Oshchepkov, “Romantic Topic in Astolphe de Custine’s Book *Russia in 1839*” [in Russian], *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2011): 56.

⁹ Oshchepkov, “Romantic Topic,” 46–57; A.R. Oshchepkov, “Custine’s Pan-Catholicism and the Image of Russia in His Book *Russia in 1839*” [in Russian], *Religiovedenie*, no. 2 (2011): 19–26; Oshchepkov, “‘The Phenomenon of Custine,’” 142–51.

Custine's observations were used to characterize the "image of a coachman."¹⁰ And a recent work by M. Alexandrova briefly notes that among foreign and Russian travelers, including Custine, "criticism of the state of Russian roads and means of transportation became a commonplace in the travel notes about the Russian province."¹¹ However, Custine's attitude towards the road life of Russia and Russians is more complex; it does not come down to criticism.

For several centuries in a row, Russia was the largest country in the world. The construction of roads for the movement of animal-drawn transport was of particular importance, which should be taken into account by researchers, including historians and specialists in Russian history of the 17th–19th centuries. The spread of population and state power across the expanses of Eurasia, constant migrations and relocations of thousands of people – all this was ensured by the road infrastructure. The provinces of the huge country were pulled together into a single whole by highways and country roads. Under such difficult conditions, the Russian authorities had to maintain control over vast and sparsely populated territories. The inhabitants also adapted to greatly extended communications, for example, to the fact that traveling became extremely difficult for several weeks in the spring and autumn. By studying the road infrastructure of Russia of past times, the arrangement of highways and country roads, the habits of coachmen and travelers, and road rituals and customs, historians have an opportunity to clarify some of the significant circumstances in which the state and society were forced to function.

The study of these and similar questions is an essential task in the research of the so-called road tradition in Russia, i.e. conditions, circumstances, and situations accompanying long-distance overland movement.¹² This topic is at the intersection of

¹⁰ V.V. Orekhov, "'Coachman, Don't Rush the Horses,' or Road Adventures of the French in Russia" [in Russian], in *Rus'-Russia and the Great Steppe: The Eighth Crimean Pushkin International Readings: proceedings (Crimea, Novyi Svet–Perekop, September 13–19, 1998)*, ed. V.P. Kazarin (Simferopol: Krymskii tsentr gumanitarnykh issledovaniy, 1999), 209–14; V.V. Orekhov, "The Image of a Coachman in the French Text and Russian Context" [in Russian], in *The Russian Language in a Multicultural World: 10th International Scientific and Practical Conference: A Collection of Scientific Articles (Simferopol, July 8–11, 2016)*, ed. E.Ya. Titarenko (Simferopol: Arial, 2016), vol. 1, 486–92.

¹¹ M.V. Aleksandrova, "The Image of the Russian Province in the Travelogues of the Nineteenth-Century Foreign Travelers (On the Materials of the Yaroslavl Province)" [in Russian], *Mir russkogovoryashchikh stran*, no. 1 (7) (2021): 111–18, <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118>

¹² T.B. Shchepanskaya, "The Road Culture in the Russian North" [in Russian], in *Field Studies of the SME of the Peoples of the USSR. 1985–1987: Abstracts of Scientific Session Papers*, ed. O.V. Lysenko (Leningrad: GME narodov SSSR, 1989), 79–80; V.A. Korshunkov, "Incompliance: The Old Custom of Road Conflicts in the Yaransky District of the Vyatka Province" [in Russian], in *Slavic Traditional Culture and the Contemporary World: A Collection of*

historical knowledge, anthropology, and ethnography. It is also connected with the social dimension of everyday life. It should be studied in terms of history of everyday life and historical anthropology. In this case, the focus of consideration is *homo viator*, a man on the road, with his own perception of reality, aspirations, and difficulties that he inevitably faced along the way and was forced to overcome. Thus, historians will be able to clarify their understanding of how society and the state functioned in the Russian Empire, the most outstretched land power in the world, for which traditional animal-drawn communication routes were vital arteries.

There are a lot of sources for studying this topic. First of all, they include narrative sources, such as journalism, memoirs, and correspondence. Fiction can also be useful. It is significant for historians that realistic tendencies prevailed in Russian literature from about the middle of the 19th century. Such narrative sources are combined with geographical, ethnographic, and local history descriptions.

Main body

Studying the road tradition, one draws attention to the fact that what is alien and unusual in the road infrastructure and its accompanying circumstances is immediately noticed by those passing by. For instance, having left the Russian lands in 1789, Nikolai Karamzin wrote about German coachmen and remarked, “Strange carriages!” Three weeks later, he began writing a letter from the German city of Marienburg with

Materials from a Scientific and Practical Conference, vol. 4, comp. V.E. Dobrovol'skaya (Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii Tsentr russkogo fol'klora, 2002), 59–67; T.B. Shchepanskaya, *The Road Culture in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the 19th–20th Centuries* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2003); J.W. Randolph, “The Singing Coachman or, The Road and Russia’s Ethnographic Invention in Early Modern Times,” *Journal of Early Modern History*, vol. 11, no. 1–2 (2007): 33–61; M.I. Vasil'ev, *Russian Sleigh: A Historical and Ethnographic Study* [in Russian] (Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2007); N.S. Borisov, *The Daily Life of a Russian Traveler in the Off-Road Era* (Moscow: Molodaya gvardiya, 2010); A.V. Matveev, *Traditional Travel Culture of the Population of the Middle Irtysh Region (19th – First Third of the 20th Century)* [in Russian] (Omsk: Nauka, 2012); M.I. Vasil'ev, “Factors Shaping the Appearance of Russian Roads in the 10th – Early 20th Centuries” [in Russian], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3 (2013): 125–35; V.A. Korshunkov, *Road Tradition of Russia: Rites, Customs and Popular Beliefs* [in Russian] (Moscow: Forum, 2015); V.A. Korshunkov, *Travel through Time and Space: The Road Tradition of Russia* [in Russian] (Moscow: Redkaya ptitsa, 2020); V.A. Korshunkov, “Bridges, Robbers, Beggars (Features of the Road Tradition of Russia in the 18th – Early 20th Century)” [in Russian], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya*, vol. 32, no. 6 (2022): 1160–67, <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1160-1167>; V.A. Korshunkov, “‘We Did Not Drive, but Flew’: Alexander Pushkin and Folk Wedding Processions in the Context of the Road Tradition of Russia” [in Russian], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, vol. 9, no. 1 (2023): 51–56, <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-51-56>; etc.

the following words: “The Prussian, so-called postal carriage does not look like a carriage at all. It is nothing more than a long covered wagon with two benches, without belts and without springs.”¹³ In the summer of 1822, official Dmirty Sverbeev travelled from Revel to Riga in a “Polish road cart” he had purchased there with an Estonian driver. Subsequently, he recalled the unusual team and the driver, who “drove from the horseback in a German or Polish manner.” A little later, being already in France, Sverbeev wrote, “For the first time I met a very uncomfortable French carriage.”¹⁴ On his way to the Holy Land in 1861, N. Shipov, a resident of Nizhny Novgorod, turned to Constantinople where he drew attention to the “ugly carriages.”¹⁵ In winter of 1834–35, fourteen-year-old Afanasy Fet went with his father from St Petersburg to Dorpat to see Professor Johann Christian Moier to look for opportunities to enter a boarding school. In the unfamiliar city, young Fet noticed the following detail:

The main thing that caught my eye the following day during our trip to Professor Moier was that the coachman sat in front of us in a sleigh in a housecoat with a short multi-story collar, and his couple of horses on the shaft was harnessed to blinkers without any breech band, so when descending from the mountain, the blinders crawled up to the very back of the horses’ heads.¹⁶

In his poem “Maslenitsa in the Foreign Land” written in 1853 in Dresden, Pyotr Vyazemsky, a poet and an official, left the following judgment:

*Sani zdes' – podobnoi dryani
Ne vidal ya na veku;
Stydno sest' v chuzhie sani
Korennomu rusaku.*

[The sleigh here is such rubbish
I haven't seen in ages;
It's a shame to sit in foreign sleigh
For a native Russian man.]¹⁷

¹³ N.M. Karamzin, *Letters of a Russian Traveler* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1984), 11, 24.

¹⁴ D.N. Sverbeev, *My Notes* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2014), 188, 211.

¹⁵ N.N. Shipov, “The Story of My Life and My Wanderings” [in Russian], in *Memoirs of Russian Peasants of the 18th – First Half of the 19th Century*, comp. V.A. Koshelev et al. (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006), 257.

¹⁶ A. Fet, *The Early Years of My Life* [in Russian] (Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 1893), 81.

¹⁷ P.A. Vyazemskii, *Poems* [in Russian] (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1986), 303.

In the poem “Passage through France in 1851”, Vyazemsky sarcastically noted that as soon as he stopped at the French postal station, the locals began to discuss his carriage: “Everyone is looking, everyone is having a conversation // About my large coach and about me.”¹⁸

It is obvious that being in a foreign land, observers were attentive to details: they were interested in unusual means of transportation and unfamiliar methods of harnessing. In Custine’s book one can also find interesting facts about the road tradition in Russia.

It was during a conversation with Custine that Nicholas I dropped the aphoristic phrase “Distances are the scourge of Russia” (“Les distances sont le fléau de la Russie, m’a dit l’empereur. . .”).¹⁹ According to memoirist Sophie de Choiseul-Gouffier, Alexander I, the elder brother of the future Emperor Nicholas I, once spoke in a similar way. In 1822, Alexander “talked about his travels,” and Choiseul-Gouffier picked up the topic and began to talk about the conquest of China “for the sake of rounding out the empire.” To which the sovereign answered her:

Oh, my empire is already too round. . . and your idea is very impolitic. Russia is already too vast: large distances between provinces slow down communication. These conditions make the strengthening of the general order slow, which suffers greatly from them.²⁰

One could rarely hear such a conclusion in Imperial Russia. It is all the more interesting that it still was pronounced. In his poem “To the Slanderers of Russia” (1831), Alexander Pushkin made the following statement, which later became proverbial:

*Il' malo nas? Ili ot Permi do Tavridy,
Ot finskikh khladnykh skal do plammenoi Kolkhidy,
Ot potryasennogo Kremlya
Do sten nedvizhnogo Kitaya,
Stal'noi shchetinoyu sverkaya,
Ne vstanet russkaya zemlya?*

¹⁸ Vyazemskii, *Poems*, 300.

¹⁹ *La Russie en 1839* par Le Marquis de Custine (Bruxelles: Wouters et Ce, imprimeurs-libraires, 1843), vol. 2, 23; A. de Custine, *Russia in 1839* [in Russian], trans. V. Mil'china (Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1996), vol. 2, 224 (Hereinafter translations from French are given from this publication).

²⁰ S. Choiseul-Gouffier, “Historical Memoirs about Emperor Alexander and His Court” [in Russian], in *Sovereign Sphinx*, comp. A. Liberman et al. (Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1999), 372–73.

[Or rather, shall they not, from Perm to Tauris' fountains,
From the hot Colchian steppes, to Finland's icy mountains,
From the grey, half-shatter'd wall,
To fair Kathay, in dotage buried
A steely rampart, close and serried,
Rise, Russia's warriors, one and all?]²¹

Pushkin's friend Pyotr Vyazemsky gave a critical response to that in his notes, irritably pointing out:

I'm so tired of these geographical fanfares of ours: From Perm to Tauride and so on. What is good here, what to cheer and what to brag about, that we are lying stretched out, that we have five thousand miles from *thought to thought*. . . (italics added. – V. K.)²²

Indeed, it was difficult to effectively control such vast and sparsely populated spaces. In his book on Russian “internal colonization,” A. Etkind cited the data according to which the state could not maintain control over the territory the radius of which exceeded 400 km at that time. The average radius of a European state in the early 18th century was 160 km. However, Etkind added:

But throughout the imperial period, tsars and their advisors referred to the vastness of Russia's space as the main reason for its imperial empowerment, centralization, and further expansion.²³

However, it turns out that Alexander I and Nicholas I could have their own point of view on that issue.

In his book, Custine noted the following feature of the Russian road tradition:

Four horses in a row are harnessed only for travel and country trips; in St Petersburg horses are always put in pairs. . .²⁴

Obviously, it was due to the fact that it was impossible to occupy the entire width of the road in a busy metropolitan street. Custine mentioned a four horse team simply because he rode in such a carriage. He left St Petersburg in the warm season in a carriage drawn by four horses. Custine wrote:

²¹ A.S. Pushkin, “To the slanderers of Russia” [in Russian], in A.S. Pushkin, *Complete Works*, vol. 3, bk. 1 (Moscow: Voskresen'e, 1995), 270.

²² Vyazemskii, *Notebooks* (1813-1848) [in Russian] (Moscow: Nauka, 1963), 214.

²³ A. Etkind, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* [in Russian], trans. V. Makarov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014), 12–13.

²⁴ Custine, *Russia in 1839*, vol. 1, 230.

... When the Russians go to the village or travel on postal carriages, the coachmen harness the horses in a row in the old-fashioned style and drive such a four horse team adroitly and fearlessly.²⁵

If Custine constantly had in mind a four horse team (both in the city and on the highway or a country paths), it turns out that he did not have such a bad opinion about Russian communication routes. It is known that it was not easy to get through some of them even in a four-horse tandem (in single file).

Travelling through Siberia with his compatriot G. Frost in January 1886, American journalist G. Kennan moved along the ice of the Yenisei towards Minusinsk:

The weather, when we left Krasnoyarsk, was cold and stormy, and the snow was drifting so badly on the ice that beyond the second station it became necessary to harness the three horses tandem and to send a fourth horse ahead with a light sledge to break a track.²⁶

Few months earlier, in the summer of 1885, they stopped at a postal station between Omsk and Pavlodar. There, Kennan decided to buy a night watchman's rattle as a curiosity for his collection. When the deal was completed, the postmistress attacked the watchman with sarcastic and contemptuous remarks:

"A fine night-watchman you are!" she said with scornful irony. "What are you good for now? There was nothing of you before but your breeches and your rattle – and now you've sold your rattle!" . . . "What are you trying to do now?" inquired the postmistress fiercely – "harness those horses up goose-fashion? No, my little brother, you may walk goose-fashion with the priest when you and he go on a spree, but you can't harness my horses goose-fashion. . ."

To the first mention of the method of harnessing horses goose-fashion, Kennan added a note "Tandem."²⁷ Indeed, that word in English means harnessing in single file or in a train. The postmistress took the attempt to harness the horses in single file almost as a personal insult: on their wide, well-equipped road there were conditions for driving a wide-spreading troika. Kennan and Frost had to travel in single file in a situation when they subsequently had to make their way along a narrow path between snowdrifts, where a wide horse team would have been difficult.

Custine was impressed by the speed with which Russian coachmen drove. In his opinion, such behavior could be risky:

²⁵ Custine, *Russia in 1839*, vol. 1, 362.

²⁶ G. Kennan, *Siberia and the Exile System: Travel Notes (1885–1886)* [in Russian], trans. I.A. Bogdanov (St Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999), vol. 2, 383.

²⁷ Kennan, *Siberia and the Exile System*, vol. 1, 152–53.

Russian coachmen. . . are very skilled on the plain, but become extremely dangerous on steep slopes. . . Your life depends on the feet of four brave, but weak and tired horses.²⁸

The common opinion that the Russian people loved rapid driving was confirmed by Custine and other foreigners.

On the way, Custine happened to meet an elephant that had been presented to the Russian emperor by the Persian shah. The animal, which looked unusual in the northern landscape, marched accompanied by a large escort, and Custine had to overtake the procession. The horses got so scared that they went crazy and bolted. The carriage in which Custine sat slid sideways, death was imminent – it was a miraculous narrow escape (at least, that is how he himself described that episode).²⁹ Roads have always been and remain an extremely dangerous place. Death or injury awaited travelers constantly, at every turn or descent: at full speed, the axle of the cart would break; the horses would get scared, go crazy and bolt; oncoming traffic might hit; the driver would not hold the reins and the carriage would overturn and fall into a roadside ditch, etc.³⁰

And this is how Custine assessed the way from St Petersburg to Shlisselburg:

Along the way, I counted many bad plank bridges, one of which seemed downright dangerous to me.³¹

Another time, his carriage got on a temporary planked bridge leading to the highway. They were

loose, like the keys of an old piano, uneven and dangerous, since they often lack the most important links. . .³²

A terrible accident almost happened to Emperor Nicholas I on the road bridge: the flimsy bridge suddenly collapsed immediately after the royal carriage rushed across

²⁸ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 220.

²⁹ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 288–91.

³⁰ Korshunkov, *Travel through Time and Space*, 184–208.

³¹ Custine, *Russia in 1839*, vol. 1, 368.

³² Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 194. In the summer of 1862, young officer P.A. Kropotkin was travelling from St Petersburg to Siberia to his duty station. When he came to the Tobolsk province, he wrote in his diary how disgusting the road was. In particular, “in marshy places there is a log-path; I remembered that it is usually compared to piano keys; perhaps, but to have an idea about it, you have to run your fingers over the black keys.” (P. Kropotkin, *Diaries from Different Years* [in Russian] (Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1992), 50) It seems that the future leader of the anarchist revolutionaries was familiar with Custine’s book, which was banned in Russia at that time. After all, it was there that this memorable comparison appeared.

it.³³ Pyotr Vyazemsky, who often travelled, also could not ignore bridges in his poem “Russian Country Roads” (1841):

*Rekoi li
Doroga? Most na nei uzh podlinno zhivoi:
Tak brevna vzapuski i plyashut pod toboi,
I ty togo i zhdi, chto iz-za plyaski etoi
K rusalkam popadesh' s bagazhem i karetoi.*
[Is it a river or
A road? The bridge on it is truly alive:
So the logs start dancing under you,
And you should expect that because of this dance
You will get to the mermaids with your luggage and carriage.]³⁴

Despite all this, Custine argued that on the St Petersburg–Moscow highway, which turned out to be one of the best in Europe, the stone bridges were beautiful.³⁵

The stone bridges were built not long before that. In 1839, during Custine’s journey, the highway between the two capitals looked good. It was different before. Madame de Stael wrote that on the way from Moscow to St Petersburg in 1812, there was either sand or swamps, and after the rain the track was completely lost.³⁶ In his essay “Journey from Moscow to St Petersburg” (1834), Alexander Pushkin recalled what it was like to travel along the old road 15 years earlier and compared it with its contemporary state, saying that it had become much better.³⁷

Active construction and improvement of roads was carried out under Alexander I. The people captured this in the songs about Arakcheev – the gentleman who “*dorozhen'ku berezkoi usadil*” [lined the path with birch trees], “*chasty stolby stanovil*” [set up signposts], “*raznoi kraskoi raskrasil*” [painted them in different colors], “*vse kanavy raskopal*” [dug all ditches], “*vse kamushkami ustilal, zheltym peskom usypal*” [covered everything with gravel and yellow sand]. They also sang that “*sukin syn*” [son of a bitch] Arakcheev “*vsyu Rossiyu razoril*” [ruined all of Russia],” expressing the people’s attitude towards the mass involvement of peasants

³³ L.V. Vyskochkov, *Nikolas I* [in Russian] (Moscow: Molodaya gvardiya, 2003), 535.

³⁴ Vyazemskii, *Poems*, 273.

³⁵ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 27.

³⁶ [De Stael], “1812. Baroness de Stael in Russia” [in Russian], in *Russia in the First Half of the 19th Century through the Eyes of Foreigners* [in Russian], comp. Yu.A. Limonov (Leningrad: Lenizdat, 1991), 37.

³⁷ A.S. Pushkin, “Journey from Moscow to St Petersburg” [in Russian], in A.S. Pushkin, *Complete works*, vol. 11 (Moscow: Voskresen'e, 1996), 223–68.

in road construction. As a result, the main highway in the empire of Alexander I finally became good around 1820.³⁸

Having travelled along that highway to Moscow, Custine discovered that in some places there was another road, which was parallel to the highway but worse equipped:

Between St Petersburg and Novgorod, I noticed another road running parallel to the highway at a short distance from it. On this country road there are gates, fences, wooden bridges to cross rivers and swamps; in a word, it has everything you need, although it is not as beautiful as and much bumpier than the post road.³⁹

He began to question the station master (through the government courier who accompanied him, since Custine had not mastered the Russian language) and from his words told his readers the following:

. . . The spare road is intended for draymen, livestock, and travelers on the days when the emperor or members of the imperial family travel to Moscow. This separation makes it possible to avoid the dust and congestion that would cause inconvenience and delay august travelers if the road remained accessible to mere mortals during their journey. I do not know if the station master laughed at me, but he spoke with a very serious look. . .⁴⁰

On concluding that “the tsar had the whole road at his disposal” and that seemed completely natural to the station master, Custine made sharp remarks typical of him:

The king who said, “I am France,” stopped to let a flock of sheep pass, and during his reign any traveler walking along the road repeated our old saying “The road belongs to everyone” to the princes of the blood whom he met along the way; it is not the laws that are important but the ways in which they are applied.⁴¹

The general rule that Custine deduced from that particular observation was as follows:

³⁸ V.A. Korshunkov, “Improvement of Russian Roads in the Era of Alexander I and the People’s Memory of Alexei Arakcheev” [in Russian], in *The Patriotic War of 1812 in Regional History and Historiography: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kirov, November 1, 2012)*, ed. V.A. Kriushina (Kirov: Vyatskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2012), 69–75.

³⁹ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 38.

⁴⁰ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 38.

⁴¹ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 38.

In France, morals and customs have always softened political rules; in Russia, on the contrary, they toughen them up, and this leads to the fact that the consequences become even worse than the principles themselves.⁴²

Custine then added a disclaimer:

However, I must say that the double road only reaches Novgorod; probably, the authorities decided that the existence of two roads would create congestion on the approaches to the capital, or perhaps they assumed that the second road was not needed at all and decided not to complete its construction.⁴³

The idea of why “the authorities decided” that is speculation, based on nothing other than his own conclusions. Strange conclusions.

The fact is that, as is clear from the *Guide from Moscow to St Petersburg and Back* by V. Dmitriev (St Petersburg, 1847), it was just “a road for driving livestock from Moscow to St Petersburg.”⁴⁴ Actually, Custine knew that livestock were driven along the parallel road, but he did not attach any importance to that and started to look for a social dimension in the road arrangement. Prejudice turned out to be stronger than what he saw and heard.

The so-called cattle-driving road was made “for driving animals.” According to the definition of Vladimir Dal, it was “arranged separately from the riding one and must be dug in or fenced with stack stands.”⁴⁵ Beef cattle were constantly brought to St Petersburg, the largest city of the empire, from the south. In historiography there are several articles about cattle-driving highways in certain areas of the Russian Empire: the Moscow region, Siberia, Altai.⁴⁶ Cattle-driving highways (both in general and specifically towards Moscow) were characterized in the recent work by G. Ul'yanova. In the 1880s livestock began to be transported by rail, and earlier, in

⁴² Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 38–39.

⁴³ Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 39.

⁴⁴ V. Mil'china, and A. Ospovat, commentary, Custine, *Russia in 1839*, vol. 2, 398.

⁴⁵ V.I. Dal', *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* [in Russian], vol. 4, P–V (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1956), 207.

⁴⁶ A.A. Zav'yalov, “The Peculiarities of Organization of the Tracts for Constant Herd Driving in the Altay Territory in the Second Half of the 19th – Early 20th Century” [in Russian], *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2 (72) (2011): 100–04; D.E. Antonova, “Cattle Drive as a Sphere of Activity of Provincial Merchants of Central Russia in the First Half of the 19th Century (On the Materials of the Town of Kolomna of Moscow Province)” [in Russian], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (59), pt. 1 (2015): 15–17; S.K. Kann, “Siberian Communication Routes in the Practice of the Trans-Siberian Surveys (Late 19th Century)” [in Russian], in *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2017*, ed. V.M. Levchenko et al. (Irkutsk: Izdatel'stvo BGU, 2017), 67–76.

the 18th–19th centuries, several roads specially equipped for that ran across Russia. In the European part of the country, their total length had reached more than 10 thousand kilometers by 1860. Special imperial decrees were adopted in 1734 and 1804 to regulate the movement of livestock over long distances, to St Petersburg and to Moscow. One of the contemporaries wrote that

up to thirty provinces are cut through by these routes, merging almost everywhere with the lines of post roads and highways.⁴⁷

For instance, the ways along which livestock were sent in the 19th century from the Altai mountain district to the Yenisei province in the east overlooked the Great Siberian Route.⁴⁸ This means that cattle-driving roads actually ran along the routes with horse-drawn traffic.

Yes, sometimes it happened that when important people were passing, slow cumbersome convoys and carriages were redirected to the auxiliary road, since there was considerable traffic on the best and busiest highway in Russia that connected the two capitals. In general, the new improved road often ran parallel to the old one. In the letter from Yaroslavl dated May 23, 1849, I. Aksakov noted:

From Troitsa to Yaroslavl (60 verst) the highway has not yet been finished and people do not drive on it, but they drive on the old, rather bad road, which, however, runs very close to the highway.⁴⁹

The story “Poyarkov” (1857) by P. Melnikov-Pechersky begins with the description of two parallel routes on the site of the former post road:

I was driving along a large trade road lined with birch trees. Once there was a post road here, which is why they planted the trees. The highway is full six sazhen wide, and the carts along it drive back and forth endlessly, without interfering with each other, and the wide thirty-sazhen road lies empty; long ago,

⁴⁷ See G.N. Ul'yanova, “Meat Trade in Moscow in the First Half of the 19th Century: Delivery, Sale, Prices” [in Russian], in *Cities and People of Old Russia: To the Anniversary of Professor N.V. Kozlova: A Collection of Scientific Articles, Series 2. Historical Research*, iss. 235 (163), ed. L.S. Belousov (Moscow: Izdatel'stvo Istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023), 171–75.

⁴⁸ Zav'yalov, “The Peculiarities of Organization of the Tracts for Constant Herd Driving,” 100, 102.

⁴⁹ *Ivan Sergeevich Aksakov in his letters. Epistolary Diary, 1838–1886* [in Russian], vol. 2, *Letters, 1849–1857* [in Russian], comp. T.F. Prokopova (Moscow: Russkaya kniga, 2003), 4.

it was put at the disposal of animal drivers who drive livestock from the Ural steppes from Naryn-Peski, from the fair near the Khanskaya Stavka.⁵⁰

What happened when a traveler met an august person somewhere outside the city on the road and how was it happening? Afanasy Fet wrote in his *Memoirs* how he met Emperor Alexander II on a narrow mountain path in the Crimea at the turn of the 1880s:

When on the third day we were climbing in a carriage along a picturesque mountain road, offering bird's-eye views of the magnificent seaside dachas, starting from Livadia, we heard hasty clatter of horses' hoofs behind us, and a Cossack approached the carriage and said hastily, "Gentlemen, take the trouble to give way: the tsar is coming." Fortunately, the road at that place resembled some kind of a platform, and at my insistence, our carriage moved to the edge to clear the way. On getting out of the carriage, we began to wait for the tsar, who immediately rode out on a black Cossack horse and in a Cossack uniform from behind a rock at a bend in the road. No matter how hard we tried to clear the way for to him and the carriage that was passing behind him, in which, by the way, a lovely red setter sat, the monarch drove past us at a distance of three or four steps. His face was pale and sad, and he graciously responded to our bows.⁵¹

Since in the same way as it was in France, the narrow Crimean path "belonged to everyone," a messenger was sent in front of the Russian emperor. And the former was polite (at least with the nobles). And the oncoming people and carriages moved aside, clearing the way. That was all.

Recalling in his notes his early childhood (under his father Paul I, i.e. when he was four years old), Nicholas I wrote how he was driven around St Petersburg:

Our equipage was a gold-plated six-seat carriage, preceded by two guard hussars; later, two messengers rode in front, accompanied by a horsy officer and a messenger; two footmen were behind the carriage.⁵²

The footmen, obviously, stood at the back, but the hussars (or an officer with messengers at some later time) pranced in front of the carriage. Until the start of the Narodnaya Volya terror and the "hunt for the tsar," nothing else was needed. There

⁵⁰ P.I. Mel'nikov (Andrei Pecherskii) "Poyarkov: A Story" [in Russian], in P.I. Mel'nikov (Andrei Pecherskii). *Collected works*, comp. M.P. Eremin (Moscow: Pravda, 1976), vol. 1, 180–81.

⁵¹ A. Fet, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Pravda, 1983), 459.

⁵² Nicholas I, *My Autocratic Service. Diaries, Letters, Documents. Testimony of Contemporaries* [in Russian], comp. V. Yas'kov, and I. Pimenova (Moscow: Eksmo, 2014), 18.

was no need at all to maintain a special road between St Petersburg and Moscow, parallel to the main one, for the sake of the royal family.

So, Custine turned out to be not quite right: the tsar did not have “a whole road” at his disposal. However, a specially equipped route could make for the passage of royal persons. Canonization of Seraphim of Sarov was magnificently celebrated in July 1903. Nicholas II and his wife were expected to attend the festivities. The royal couple and their retinue started their journey from St Petersburg by train, but then they had to take carriages. M. Makarevsky, a participant in the memorable events, wrote:

. . . Pilgrims went past Arzamas along a soil road directly to Sarov. The road was perfectly repaired, and the middle of it, which was left for the Tsar’s passage, was lined with chevaux de frise in the Arzamas uyezd. A continuous, huge wave of pilgrims rolled on both sides of the royal path. The excitement along the entire route was extraordinary: everything that could move moved towards Sarov – people rode, walked, and crawled, hurrying to the feast of St. Seraphim.⁵³

The soil road was brought into perfect condition and closed to traffic. And the people crowded along the sides of the “royal path.” Usually, the passage of high-ranking civil, military, or church officials, to say nothing of the royal family (usually with a considerable retinue), through the Russian province caused a rush of chaotic activity among the local authorities: they started to urgently patch roads and bridges, prepared a reserve of dozens of replacement horses, etc. Ordinary, regular road repairs also became burdensome and not very effective labor for the common people.⁵⁴

Like Custine, foreigners who arrived in Russia sometimes noticed the social side of everyday life on the road and also often misinterpreted the details. When travelling around Russia in 1858–59, Alexandre Dumas père wrote:

⁵³ *Sarov Celebrations of 1903 in Photographs, Documents, Memories* [in Russian], opening address by Georgy, Bishop of Nizhny Novgorod and Arzamas (Diveevo: Svyato-Troitskii Serafimo-Diveevskii monastery, 2003), 33.

⁵⁴ V.A. Korshunkov, “‘Only God’s Providence and the Trip of the Governor’: Road Repair in Russia in the 19th Century” [in Russian], in *The Vyatka Land in the Past and Present (To the 100th Anniversary of the Vyatka State Humanitarian University): Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, ed. V.T. Yungblyud et al. (Kirov: Izdatel'stvo VyatGGU, 2014), vol. 2, 123–34; V.A. Korshunkov, “‘He Shouted That There Is Not Enough Gravel’: Repairing Roads in Vyatka Province in the 18th–19th Centuries” [in Russian], *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, no. 4 (20) (2020): 29–38, <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.046>; N.I. Gorskaya, “The Local Administration and the ‘Highest Travels’ of the 1830–1850s in the Smolensk Province” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 26–36, <https://doi.org/10.31857/S086956870008270-8>

During the reign of Catherine there was a law, dating back to antiquity, according to which, when meeting an emperor or prince on the road, a person must dismount if he is on horseback; if in a carriage, get out of it, regardless of whether the pavement is hot or covered with ice, whether it is snowing or raining, prostrate themselves if the person they meet is a man, or bow respectfully if it is a woman.

Catherine repealed that law.

Paul restored it.⁵⁵

In this fragment, Dumas apparently summarized what had been told by French writer Charles François Philibert Masson (1762–1807), who lived in Russia for a long time. Masson also noted Paul I's ban on "harnessing horses and putting on harness according to the Russian model" and his fight against luxurious equipages.⁵⁶

Long ago, back in pre-Petrine times, the Russian authorities tried to limit the splendor of equipages by regulating the number of harnessed horses depending on the status of the person. But it was no longer required in the empire to "prostrate oneself."

In folk culture, building a special, new road to a sacred place could express a high degree of respect. In 1991, residents of the village of Kurino in Kotelnichsky Raion of Kirov Oblast told Moscow folklorists about their native place, where the icon of Michael the Archangel had long been revered.

They built this chapel and began to go there every year on [the feast of] St. Michael the Archangel until the chapel was broken. And when the Soviet rule started, the chapel was demolished. And then one day Saint Michael's came (Saint Michael's feast day. – V. K.). The icon was carried along the common road. . . Along the common road, where they ride horses. Everything became dry. And a vow was taken that the Archangel's road would be separate. So, whether the harrow was coming or the plow, they raised both the harrow and the plow so as not to hit the road. That was the order.⁵⁷

In this context, the construction of a new road to the sacred place becomes clear: that was done so that when carried, the icons would not be desecrated by horse dung,

⁵⁵ A. Dumas, *Essays* [in Russian], vol. 1, *Adventures in Russia*, trans. M. Treskunova (Moscow: Ladomir, 1993), 66–67.

⁵⁶ Ch. Masson, *Secret Notes on Russia and in Particular about the End of the Reign of Catherine II and the Reign of Paul I. Observations of a Frenchman Who Lived at Court of Court Morals, Demonstrating the Author's Extraordinary Power of Observation and Awareness* [in Russian], text prepared by E.E. Lyamina, and E.E. Pasternak (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996), 91–92.

⁵⁷ A. Vylegzhanin, ed., *Vyatka Folklore. Traditions and Legends* [in Russian] (Kotel'nich: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 1998).

and their path would not be accidentally crossed by a plow or harrow (crossing out and cutting a road are known as magical methods of blocking someone's path).⁵⁸ Such work is the true labor of believers. It resembles folk-religious creation, such as the making of "ordinary" (i.e. made during daylight hours of one day) ritual towels, chapels, etc. On the other hand, in the traditional culture of different peoples there was an idea that a sacred object should move along a special route (not the usual profane one, but the new path, made especially for it). The story of the Trojan Horse can be cited as an example. According to a version of the Greek myth, in order to drag the wooden horse into the city, the Trojans had to break down part of the fortress wall. The Achaean enemies rushed into the gap. It is interesting that in the past, on a drinking spree in restaurants, merchants sometimes ordered a piece of the wall to be broken out for them to pass through. So a "special path" could be organized not only for the All-Russian emperor but also for drunken petty tyrants.

Conclusion

The road tradition of Russia attracted close attention of foreign travelers, who, willingly or unwillingly, compared it with foreign road and roadside circumstances and situations that were more familiar to them. The material considered in the article makes it possible to clarify how Custine interpreted in his famous book what he saw, heard, and learned during his travels in Russia. It cannot be said that the only thing he did was to criticize the Russian provincial road infrastructure. Some of his observations are quite accurate, confirmed by other historical sources, and therefore are of interest for us now. However, in the instance of a certain parallel road that allegedly existed for the convenience of the autocrat, he turned out to be not quite right. Custine's passion for moralizing, shining with his thoughts and formulations on various occasions, played a mean trick on him. Habits and prejudice took the upper hand.

Список литературы

Александрова М.В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111–118. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118>

Антонова Д.Е. Скотопромышленный перегон как сфера деятельности уездного купечества центральной России в первой половине XIX века (по материалам города Коломны Московской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59), ч. 1. С. 15–17.

Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. Москва: Молодая гвардия, 2010. 439 с.

⁵⁸ Korshunkov, *Road Tradition of Russia*, 115–18.

Васильев М.И. Русские сани: историко-этнографическое исследование. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2007. 364 с.

Васильев М.И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 125–135.

Высочков Л.В. Николай I. Москва: Молодая гвардия, 2003. 693 с.

Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» в 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 26–36. <https://doi.org/10.31857/S086956870008270-8>

Дунаева С.Л. Путевые заметки А. де Кюстина как вариант культурного перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VI Международной научно-практической конференции (Симферополь, 28–29 апреля 2022 г.) / под редакцией М.В. Нореца. Симферополь: Ариал, 2022. С. 92–96.

Ермилова Г.Г. Маркиз де Кюстин о русских и России // Россия и Западная Европа: взаимовидение (литература, философия, культурология): сборник научных статей участников Международной научной конференции (Иваново, 29–31 октября 2015 г.) / под редакцией Н.В. Капустина. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. С. 47–58.

Завьялов А.А. Особенности устройства постоянных скотопрогонных трактов на территории Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2 (72). С. 100–104.

Канн С.К. Сибирские пути сообщения в практике изысканий Транссиба (конец XIX в.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017 / под редакцией В.М. Левченко и др. Иркутск: Издательство БГУ, 2017. С. 67–76.

Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» / перевод с английского Д. Соловьева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 240 с.

Кожин В.В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России: к 160-летию знаменитого путешествия // Москва. 1999. № 3. С. 164–169.

Коршунков В.А. Благоустройство российских дорог в эпоху Александра I и народная память об А.А. Аракчееве // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Киров, 1 ноября 2012 г.) / под редакцией В.А. Криужиной. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 69–75.

Коршунков В.А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. Москва: Форум, 2015. 240 с.

Коршунков В.А. «Кричал, что мало гальки»: починка дорог в Вятской губернии в XVIII–XIX веках // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 29–38. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.046>

Коршунков В.А. Мосты, разбойники, нищие (особенности дорожной традиции России XVIII – начала XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, № 6. С. 1160–1167. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1160-1167>

Коршунков В.А. «Мы не ехали, а летели»: А.С. Пушкин и народные свадебные процессии в контексте дорожной традиции России // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 1. С. 51–56. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-51-56>

Коршунков В.А. Неуступчивость: старинный обычай дорожных конфликтов в Яранском уезде Вятской губернии // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник

- материалов научно-практической конференции. Т. 4 / составитель В.Е. Добровольская. Москва: Государственный республиканский Центр русского фольклора, 2002. С. 59–67.
- Коршунков В.А.* Путь сквозь века и земли. Дорожная традиция России. Москва: Редкая птица, 2020. 624 с.
- Коршунков В.А.* «Только божья планида да проезд губернатора»: поправка дорог в России XIX века // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Киров, 20–21 ноября 2013 г.): в 2 т. / под редакцией В.Т. Юнгблюд и др. Киров: Издательство ВятГГУ, 2014. Т. 2. С. 123–134.
- Матвеев А.В.* Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 195 с.
- Орехов В.В.* Образ ямщика во французском тексте и русском контексте // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция: сборник научных статей (Симферополь, 8–11 июля 2016 г.): в 2 т. / под редакцией Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. Т. 1. С. 486–492.
- Орехов В.В.* «Ямщик, не гони лошадей», или Дорожные приключения французов в России // Русь-Россия и Великая Степь: Восьмые Крымские Пушкинские международные чтения: материалы (Крым, Новый Свет–Перекоп, 13–19 сентября 1998 г.) / под редакцией В.П. Казарина. Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1999. С. 209–214.
- Ощепков А.Р.* Панкатолицизм А. де Кюстина и образ России в его книге «Россия в 1839 году» // Религиоведение. 2011. № 2. С. 19–26.
- Ощепков А.Р.* Романтическая топики в книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» // Филологические науки. 2011. № 3. С. 46–57.
- Ощепков А.Р.* «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 21 (707). С. 142–151.
- Ульянова Г.Н.* Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России: к юбилею профессора Н.В. Козловой: сборник научных статей. Серия II: Исторические исследования. Вып. 235 (163) / под редакцией Л.С. Белоусова. Москва: Издательство Исторического факультета Московского государственного университета, 2023. С. 168–186.
- Черкасов П.* Кто вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 73–77.
- Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. 528 с.
- Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг.: тезисы докладов научной сессии / под редакцией О.В. Лысенко. Ленинград: ГМЭ народов СССР, 1989. С. 79–80.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
- Randolph J.W.* The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 11, № 1–2. P. 33–61.

References

Aleksandrova, M.V. “Obraz rossiiskoi provintsii v travelogakh inostrannykh puteshestvennikov XIX veka (na materialakh Yaroslavskoi gubernii)” [The image of the Russian province in the

travelogues of the nineteenth-century foreign travelers (on the materials of the Yaroslavl province)]. *Mir russkogovoryashchikh stran*, no. 1 (7) (2021): 111–18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118> (In Russian)

Antonova, D.E. “Skotopromyshlenni peregon kak sfera deyatelnosti uездnogo kupechestva tsestral'noi Rossii v pervoi polovine XIX veka (po materialam goroda Kolomny Moskovskoi gubernii)” [Cattle drive as a sphere of activity of provincial merchants of central Russia in the first half of the 19th century (on the materials of the town of Kolomna of Moscow province)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (59), pt. 1 (2015): 15–17. (In Russian)

Borisov, N.S. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epokhu bezdorozh'ya* [The daily life of a Russian traveler in the off-road era]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. (In Russian)

Cherkasov, P. “Kto vy, Astol'f de Kyustin?” [Who are you, Astolf de Custine?]. *Rodina*, no. 3 (2009): 73–77. (In Russian)

Dunaeva, S.L. “Putevye zametki A. de Kyustina kak variant kul'turnogo perevoda” [Travel essays of A. de Custine as a variant of cultural translation]. In *Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinarnyi podkhod: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Simferopol', 28–29 aprelya 2022 g.)* [Translation discourse: an interdisciplinary approach: proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (Simferopol, April 28–29, 2022)], edited by M.V. Norets, 92–96. Simferopol: Arial, 2022. (In Russian)

Ermilova, G.G. “Markiz de Kyustin o russkikh i Rossii” [Marquis de Custine on Russians and Russia]. In *Rossiya i Zapadnaya Evropa: vzaimovidenie (literatura, filosofiya, kul'turologiya): sbornik nauchnykh statei uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ivanovo, 29–31 oktyabrya 2015 g.)* [Russia and Western Europe: mutual vision (literature, philosophy, cultural studies): a collection of scientific articles by the participants of the International Scientific Conference (Ivanovo, October 29–31, 2015)], edited by N.V. Kapustin, 47–58. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2016. (In Russian)

Etkind, A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization: Russia's imperial experience], translated from English by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Gorskaya, N.I. “Mestnaya administratsiya i ‘vysochaishie puteshestviya’ v 1830–1850-kh gg. v Smolenskoii gubernii” [The local administration and the “highest travels” of the 1830–1850s in the Smolensk province]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 26–36. <https://doi.org/10.31857/S086956870008270-8> (In Russian)

Kann, S.K. “Sibirskie puti soobshcheniya v praktike izyskanii Transsiba (konets XIX v.)” [Siberian communication routes in the practice of the Trans-Siberian surveys (late 19th century)]. In *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017* [Irkutsk historical and economic yearbook: 2017], edited by V.M. Levchenko et al., 67–76. Irkutsk: Izdatel'stvo BGU, 2017. (In Russian)

Kennan, G.F. *Markiz de Kyustin i ego “Rossiya v 1839 godu”* [The Marquis de Custine and his *Russia in 1839*], translated from English by D. Solov'ev. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006. (In Russian)

Korshunkov, V.A. “Blagoustroistvo rossiiskikh dorog v epokhu Aleksandra I i narodnaya pamyat' ob A.A. Arakcheev” [Improvement of Russian roads in the era of Alexander I and the people's memory of Alexei Arakcheev]. In *Otechestvennaya voina 1812 g. v regional'noi istorii i istoriografii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kirov, 1 noyabrya 2012 g.)* [The Patriotic War of 1812 in regional history and historiography: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kirov, November 1, 2012)], edited by

V.A. Kriushina, 69–75. Kirov: Vyatskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2012. (In Russian)

Korshunkov, V.A. *Dorozhnaya traditsiya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition of Russia: rites, customs and popular beliefs]. Moscow: Forum, 2015. (In Russian)

Korshunkov, V.A. “‘Krichal, chto malo gal'ki’: pochinka dorog v Vyatskoi gubernii v XVIII–XIX vekakh” [“He shouted that there is not enough gravel”: repairing roads in Vyatka province in the 18th–19th centuries]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, no. 4 (20) (2020): 29–38. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.046> (In Russian)

Korshunkov, V.A. “Mosty, razboiniki, nishchie (osobennosti dorozhnoi traditsii Rossii XVIII – nachala XX veka)” [Bridges, robbers, beggars (features of the road tradition of Russia in the 18th – early 20th century)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, vol. 32, no. 6 (2022): 1160–67. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-6-1160-1167> (In Russian)

Korshunkov, V.A. “‘My ne ekhali, a leteli’: A.S. Pushkin i narodnye svadebnye protsessii v kontekste dorozhnoi traditsii Rossii” [“We did not drive, but flew”: Alexander Pushkin and folk wedding processions in the context of the road tradition of Russia]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, vol. 9, no. 1 (2023): 51–56. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-51-56> (In Russian)

Korshunkov, V.A. “Neustupchivost': starinnyi obychai dorozhnykh konfliktov v Yaranskom uезде Vyatskoi gubernii” [Incompliance: the old custom of road conflicts in the Yaransky district of the Vyatka province]. In *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Slavic traditional culture and the contemporary world: a collection of materials from a scientific and practical conference], vol. 4, compiled by V.E. Dobrovolskaya, 59–67. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii Tsentr russkogo fol'klora, 2002. (In Russian)

Korshunkov, V.A. *Put' skvoz' veka i zemli. Dorozhnaya traditsiya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition of Russia]. Moscow: Redkaya ptitsa, 2020. (In Russian)

Korshunkov, V.A. “‘Tol'ko bozh'ya planida da proezd gubernatora’: popravka dorog v Rossii XIX veka” [“Only God’s providence and the trip of the governor”: road repair in Russia in the 19th century]. In *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta): sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Kirov, 20–21 noyabrya 2013 g.)* [The Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka State Humanitarian University): proceedings of the 7th All-Russian scientific and practical conference with international participation], 2 vols., edited by V.T. Yungblyud et al., vol. 2, 123–34. Kirov: Izdatel'stvo VyatGGU, 2014. (In Russian)

Kozhinov, V.V. “Markiz de Kyustin kak voskhishchennyi sozertsatel' Rossii: k 160-letiyu znamenitogo puteshestviya” [Marquis de Custine as an admiring contemplator of Russia: on the 160th anniversary of the famous journey]. *Moskva*, no. 3 (1999): 164–69. (In Russian)

Matveev, A.V. *Traditsionnaya kul'tura puteshestviya naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XIX – pervaya tret' XX veka)* [Traditional travel culture of the population of the Middle Irtysh region (19th – first third of the 20th century)]. Omsk: Nauka, 2012. (In Russian)

Orekhov, V.V. “Obraz yamshchika vo frantsuzskom tekste i russkom kontekste” [The image of a coachman in the French text and Russian context]. In *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik nauchnykh statei (Simferopol', 8–11 iyulya 2016 g.)* [The Russian language in a multicultural world: 10th International scientific

and practical conference: a collection of scientific articles (Simferopol, July 8–11, 2016)], 2 vols., edited by E.Ya. Titarenko, vol. 1, 486–92. Simferopol: Arial, 2016. (In Russian)

Orekhov, V.V. “‘Yamshchik, ne goni loshadei’, ili Dorozhnye priklyucheniya frantsuzov v Rossii” [“Coachman, don’t rush the horses,” or road adventures of the French in Russia]. In *Rus'-Rossiya i Velikaya Step': Vos'mye Krymskie Pushkinskie mezhdunarodnye chteniya: materialy (Krym, Novyi Svet–Perekop, 13–19 sentyabrya 1998 g.)* [Rus'-Russia and the Great Steppe: The Eighth Crimean Pushkin International Readings: proceedings (Crimea, Novyi Svet–Perekop, September 13–19, 1998)], edited by V.P. Kazarin, 209–14. Simferopol: Krymskii tsentr gumanitarnykh issledovaniy, 1999. (In Russian)

Oshchepkov, A.R. “‘Fenomen Kyustina’: kniga ‘Rossiya v 1839 godu’” [“The phenomenon of Custine”: the book *Russia in 1839*]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 21 (707) (2014): 142–51. (In Russian)

Oshchepkov, A.R. “Pankatolitsizm A. de Kyustina i obraz Rossii v ego knige ‘Rossiya v 1839 godu’” [Custine’s pan-Catholicism and the image of Russia in his book *Russia in 1839*]. *Religiovedenie*, no. 2 (2011): 19–26. (In Russian)

Oshchepkov, A.R. “Romanticheskaya topika v knige Astol'fa de Kyustina ‘Rossiya v 1839 godu’” [Romantic topic in Astolphe de Custine’s book *Russia in 1839*]. *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2011): 46–57. (In Russian)

Randolph, J.W. “The Singing Coachman or, The Road and Russia’s Ethnographic Invention in Early Modern Times.” *Journal of Early Modern History*, vol. 11, no. 1–2 (2007): 33–61.

Shchepanskaya, T.B. “Kul'tura dorogi na Russkom Severe” [The road culture in the Russian North]. In *Polevye issledovaniya GME narodov SSSR. 1985–1987 gg.: tezisy dokladov nauchnoi sessii* [Field studies of the SME of the peoples of the USSR. 1985–1987: abstracts of scientific session papers], edited by O.V. Lysenko, 79–80. Leningrad: GME narodov SSSR, 1989. (In Russian)

Shchepanskaya, T.B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [The road culture in the Russian mythological and ritual tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow: Indrik, 2003. (In Russian)

Ul'yanova, G.N. “Torgovlya myasom v Moskve v pervoi polovine XIX veke: dostavka, prodazha, tseny” [Meat trade in Moscow in the first half of the 19th century: delivery, sale, prices]. In *Goroda i lyudi staroi Rossii: k yubileyu professora N.V. Kozlovoi: sbornik nauchnykh statei. Seriya II: Istoricheskie issledovaniya* [Cities and people of old Russia: to the anniversary of Professor N.V. Kozlova: a collection of scientific articles. Series 2: Historical research], iss. 235 (163), edited by L.S. Belousov, 168–86. Moscow: Izdatel'stvo Istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. (In Russian)

Vasil'ev, M.I. “Faktory formirovaniya oblika russkikh dorog v X – nachale XX v.” [Factors shaping the appearance of Russian roads in the 10th – early 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3 (2013): 125–35. (In Russian)

Vasil'ev, M.I. *Russkie sani: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Russian sleigh: a historical and ethnographic study]. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2007. (In Russian)

Vyskochkov, L.V. *Nikolai I* [Nicholas I]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. (In Russian)

Zav'yalov, A.A. “Osobennosti ustroistva postoyannykh skotoprogonnykh traktov na territorii Altaya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” [The peculiarities of organization of the tracts for constant herd driving in the Altay territory in the second half of the 19th – early 20th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2 (72) (2011): 100–04. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Коршунков – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политических наук, <http://orcid.org/0000-0001-6150-8308>, vla_kor@mail.ru, Вятский государственный университет (д. 36, ул. Московская, 610000 Киров, Россия).

Information about the author

Vladimir A. Korshunkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Political Sciences, <http://orcid.org/0000-0001-6150-8308>, vla_kor@mail.ru, Vyatka State University; (36, ul. Moskovskaya, 610000 Kirov, Russia).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 25.10.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 51–84.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 51–84.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

EDN RIBNYW

И.С. Аксаков как ревизор и обличитель провинциального правосудия

Татьяна Юрьевна Борисова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия,
tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Tat'yana Yu. Borisova

European University at St Petersburg,
HSE University St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Аннотация. Статья посвящена сюжету, обойденному вниманием историков, – деятельности Ивана Сергеевича Аксакова в качестве ревизора земского и уездного судов Астраханской губернии. Обращение к отчетам, подготовленным титулярным советником Аксаковым по особой, им самим разработанной системе, позволяет увидеть, каким образом начинающий чиновник-правовед представлял программу переустройства провинциальных судов в дореформенное время. В рабочих документах и литературном наследии Аксакова отчетливо прослеживается прогрессистская логика столичных чиновников, которые, ориентируясь на западные идеи и институты, понимавшиеся как более развитые, свысока смотрели на «темную» провинцию. В статье представлены конкретные меры, предлагавшиеся Аксаковым для того, чтобы направить провинциальное правосудие в русло закона, а также следствия указанных инициатив, отразившиеся в его дальнейшей судьбе.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., уездный суд, земский суд, И.С. Аксаков, Сенаторская ревизия, чиновничество, государственная служба

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)»), <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>). Автор благодарит Дмитрия Бадаляна и Александру Шишову за их замечания к рукописи этой статьи.

© Борисова Т.Ю., 2024

© Borisova T., 2024

Для цитирования: Борисова Т.Ю. И.С. Аксаков как ревизор и обличитель провинциального правосудия // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 51–84, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

I.S. Aksakov as an Inspector and Denouncer of Provincial Justice

Abstract. The article is devoted to the activities of Ivan S. Aksakov as an inspector of the zemstvo and uyezd courts of Astrakhan Governorate, a subject to which historians have paid little attention. Referring to the reports prepared by titular counselor Aksakov according to a special system, which he devised himself, allows us to see how the novice jurist official presented the program for reforming provincial courts during the pre-reform period. Aksakov's working documents and literary legacy clearly show the progressist logic of the capital's officials who looked down on the "benighted" province, considering Western ideas and institutions as better developed. The article presents specific measures proposed by Aksakov in order to direct provincial justice in line with the law and the consequences of those initiatives, which reflected in his fate.

Keywords: judicial reform of 1864, uyezd court, zemstvo court, Ivan Aksakov, Senatorial inspection, bureaucracy, civil service

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 23-18-00520 "Beyond 'Coloniality' and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century)," <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>). The author thanks Dmitry Badalyan and Aleksandra Shishova for their remarks on the manuscript of this article.

For citation: Borisova, T.Yu. "I.S. Aksakov as an Inspector and Denouncer of Provincial Justice." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 51–84, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

В 2024 г. исполняется 160 лет с начала Судебной реформы 1864 г. В историографии последних лет отчетливо прослеживается стремление сместить фокус изучения Судебной реформы с центра на периферию. Новые исследования показывают, что политика преобразований была отчетливо прогрессистской – ориентируясь на западные идеи и институты, которые понимались как более развитые, она свысока смотрела на «темную» провинцию¹. У этой политики была долгая предыстория и специфическая генеалогия. Данная статья ставит своей задачей, опираясь на новые источники, ранее не привлекавшие внимание исследователей, понять контекст, в котором формировались требования реформ.

¹ См. Крестьянников Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // *Вопросы истории*. 2016. № 9. С. 3–20; Анисимова И.В. Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // *Журнал Фронтальных Исследований*. 2022. № 1 (7). С. 207–228; Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023.

Речь идет о ревизорских отчетах 1844 г. молодого чиновника-правоведа² Ивана Сергеевича Аксакова. Они являются интересной экспозицией нараставшей необходимости качественных преобразований государственного управления, отражая столкновение передовых взглядов на правосудие в столице и реалий «кривосудия» на местах. Блестящий с точки зрения карьерного роста ревизорский опыт стал для выпускника Училища Правоведения 1842 г. И.С. Аксакова началом долгого процесса разочарования в государственной службе и обращения к общественной деятельности.

Издательская и публицистическая деятельность известного славянофила И.С. Аксакова развернулась во всей полноте после того, как в 1851 г. он вышел в отставку. Символической точкой в карьере чиновника стала яркая сатирическая пьеса «Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты», написанная им в 1853 г. Она была опубликована в «Полярной звезде» в 1858 г.³ и в свое время сыграла заметную роль в трансформации общественных взглядов на систему государственного управления, став документальным свидетельством необходимости Судебной реформы. Первый издатель пьесы А.И. Герцен не преминул подчеркнуть свидетельский характер «Судебных сцен», напечатав ее под пространном названием: «Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшим товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел»⁴.

Само перечисление должностей показывает, как успешно продвигался выпускник Училища Правоведения И.С. Аксаков по юридической стезе. Исследователи считают, что основу для написания пьесы составил судебный опыт Аксакова в Калужской уголовной палате, где он был заместителем председателя с 1845 по 1847 г.⁵ Представляется, что данное мнение верно лишь отчасти, поскольку отражает только одну сторону деятельности чиновника

² В данной статье я использую термин «правовед» в первом общеупотребительном значении (с 1840-х гг. XIX в.) – выпускник Училища Правоведения.

³ Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены // Полярная звезда, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. 4. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 3–100.

⁴ Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены. С. 3.

⁵ Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / составитель Т.Ф. Пирожкова. Москва: Правда, 1991. С. 19; Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43.

Аксакова⁶. Его односторонность связана с тем, что до сегодняшнего дня оставался неисследованным интереснейший исторический источник, в котором Аксаков подробно раскрыл недостатки судебных учреждений в провинции. Это сохранившиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома (ИРЛИ РАН) ревизорские отчеты Аксакова об Уездном и Земском судах Астраханской губернии 1844 г.⁷ Изучение данного источника дает наглядное представление о том, как молодой правоведа изобличал провинциальное правосудие и какие меры предлагал к его исправлению.

Из переписки Аксакова с родными видно, что Астраханская губерния, куда он прибыл в составе ревизионной комиссии сенатора П.П. Гагарина, представлялась столичному правоведа диким захолустьем. Однако не только бедность, плохую пищу и негодные бытовые условия увидел молодой чиновник в отдаленной провинции. Особо он отмечал убогость интересов местной жизни, что производило на читавшего с десяти лет газеты Аксакова самое тягостное впечатление:

Удивительно, право, как люди могут жить покойно и счастливо в такой глуши, безо всяких интересов, или с такими мелкими интересами, в такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. <...> Нет уж, я в уездном городе, ни жить, ни служить никогда не намерен⁸.

Возможно, такое неприятие провинциальной жизни сформировалось на контрасте с некоторым уже имевшимся у правоведа Ивана Аксакова профессиональным опытом. До своего назначения в ревизорскую комиссию Гагарина он был занят в весьма важном новаторском проекте: как чиновник Сената принимал участие в комиссии молодого Николая Милютин по составлению нового городского положения (принято в 1846 г. для столиц и Одессы)⁹, в котором отчетливо присутствовал реформаторский дух – новые

⁶ Оно основано на свидетельстве супруги калужского губернатора А.О. Смирновой-Россет, узнавшей в героях пьесы некоторых калужских сослуживцев Аксакова в тамошней Уголовной палате. *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания* / составитель С.В. Житомирская. Москва: Наука, 1989.

⁷ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым, Отчет по ревизии астраханского земского суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // Рукописный отдел Пушкинского дома ИРЛИ РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 3.

⁸ Аксаков И.С. – родным, 22 января 1844 // *Аксаков И.С. Письма к родным, 1844–1849* / составитель Т.Ф. Пирожкова. Москва: Наука, 1988. С. 18.

⁹ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1. 1823–1848. Аксаковы. Детство. Отрочество. Обучение в Училище правоправедения. Служба при Министерстве юстиции Российской Империи / составители С.В. Мотин и др. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. Ч. 2. С. 6.

представления об ответственном самостоятельном участии подданных в управлении¹⁰. Однако этот дух, как оказалось, был совершенно чужд тем реалиям, которые застал Аксаков в Астрахани.

Со всей серьезностью приступив к своим обязанностям, Аксаков был поражен той безответственностью, которая встречалась ему в ревизуемых учреждениях. Подобные мысли и чувства в той или иной степени встречаются и в других материалах, связанных с сенатскими ревизиями, что делает их чрезвычайно интересным историческим источником, к которому уже обращались исследователи¹¹. В письме родным от 22 января 1844 г. он писал, что в судебных учреждениях губернии наиболее возмутительными являются даже не убогость и беспорядок в делах, а несознательность чиновников:

В здешнем суде нашли мы такое наивное невежество законов и служебного порядка, что члены «оного» не только не умели приготовиться к прибытию ревизора, но даже и в оправдание свое приводят то, чего не скажет и последний писарь в сенате. Видно они воображали, что земский суд такое место, которому сам бог покровительствует, а городок их такой городок, от которого хоть три ночи скачи, ни до какого государства не доскачешь¹².

Чтобы представить, с какими взглядами на суть правосудия Аксаков приступил к ревизии астраханских судов, следует обратиться к его дипломному сочинению «О характере уголовного процесса», написанному в 1842 г.¹³ Из него видно, что выпускник Училища Правоведения представлял себе цели и задачи суда в русле того вектора, который сформулировал идейный вдохновитель училища М.М. Сперанский.

¹⁰ *Lincoln W.B. Nikolai Miliutin, an enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977.*

¹¹ См., например, *Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 10–23.*

¹² Аксаков И.С. – родным, 22 января 1844. С. 18.

¹³ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9. Этот документ был опубликован: *Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Глава 1. Детство, отрочество и юность И. С. Аксакова (1823–1842). Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. С. 41–51.* К сожалению, в публикации отражены не все комментарии преподавателя Гизетти, проверявшего дипломное сочинение Аксакова, поэтому в данной статье я ссылаюсь на страницы неопубликованного документа.

По мысли Сперанского, для исправления правосудия в империи требовались, в первую очередь, «способные и благовоспитанные делопроизводители»¹⁴. Эти делопроизводители-правоведы из достойных дворянских семей должны были возвести применение закона в суде на должную высоту. С полным осознанием высокой миссии правоведа Аксаков подробно расписывал в своем дипломном сочинении, что правосудие должно заключаться в точном трехэтапном исполнении судьями законов:

(1) посредством исследования и удостоверения в существовании преступления; (2) взвешения – известными лицами, представителями общественного правосудия, – вреда, преступлением причиненного; (3) произнесения и исполнения приговора, основанного или на положительном законе, или на разуме всего законодательства. Эта-то совокупность форм, законом огражденных ... называется Уголовным Процессом или Судопроизводством¹⁵.

Называя такой процесс правосудия «общественным правосудием», Аксаков противопоставлял ему опасный субъективизм судьи и возможно известные ему негласные разбирательства, инициированные сотрудниками Третьего Отделения. Он подчеркивал, что в деле правосудия должен править не человек, но закон:

Личность его (судьи. – Т. Б.) уничтожается, и он является орудием совершенно внешней, объективной силы, он должен остерегаться самого себя и внутреннего голоса сострадания. Он должен решать дело не по совести, а по логической силе слова самого закона...¹⁶

Если же подходящий для разрешения дела закон отсутствовал, то Аксаков предлагал информировать Верховную власть о «недостаточности законов». Стройная схема, при которой судья должен был либо применять закон, либо обращаться к Верховной власти, основывалась на принципах прозрачности и подконтрольности письменного правосудия. Юный правовец Аксаков решительно выступал против гласного состязательного суда, отстаивая достоинства именно письменного судопроизводства, которое

¹⁴ Сперанский М.М. «О специальных училищах». Записка. Копия рукой Н.М. Старцова с пометой М.М. Сперанского о докладе императору 24 января 1835 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 637. Д. 782. Л. 3.

¹⁵ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 5.

заключает в себе то преимущество, что, предавая факты бумаге, сохраняет верное свидетельство и доказательство всех подробностей дела, которые при словесном могли бы забыться¹⁷.

Несмотря на критические комментарии проверявшего работу преподавателя и предложение инспектора внести в дипломную работу некоторые исправления, сочинение Аксакова получило высокую оценку. В нем был четко отражен общий дух самодержавной законности Николаевского царствования, усилить который с помощью самых достойных и надежных чиновников из родовитых дворян должно было Училище Правоведения. Ключевыми рабочими принципами этой законности являлось точное исполнение закона, невзирая на лица, и декларируемый отказ от «субъективных воззрений». Легитимность всей системе правосудия придавала Верховная власть. От нее исходили законы, на строгом основании которых судили судьи; она же должна была рассеять все возможные затруднения судьи. Начиная с 1722 г., сенаторские ревизии были важным элементом контроля над правильностью исполнения законов чиновниками на местах¹⁸.

Сенаторская ревизия П.П. Гагарина отличалась явной воспитательно-исправительной задачей, что весьма импонировало правоведам Аксакову. Он с гордостью писал о том, что комиссия Гагарина работала не только с отчетными документами, как другие ревизии. Напротив, прямо в присутственном месте поднимались все текущие «дела, бумаги, производства за три года»¹⁹. Польза от подобного метода проведения ревизии виделась Аксакову в том, что местные чиновники сразу могли понять, как исправить свои упущения, а сенатор получал данные о том, где требуется изменение закона. Таким образом, торжествовало правильное, гласное принуждение к порядку, что было особенно важно для правоведам в виду негласной активности политической полиции²⁰.

В ходе работы комиссии правоведам Аксаков, наиболее деятельный из всех сотрудников комиссии Гагарина, выступал как идеальный ревизор, в руках которого 15-томный Свод законов стал доказательством отсутствия правосудия

¹⁷ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 8 об.

¹⁸ Соколов Д.В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Новый ракурс. 2017. № 2. С.123–133.

¹⁹ Аксаков И.С. – родным, 7 апреля 1844. С. 64.

²⁰ Бикташева А.Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 696. См. емкий обзор литературы об участии III отделения в негласном дисциплинировании администрации, в том числе, применительно к судебной власти: Бибииков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 2. С. 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

на местах и одновременно подробной инструкцией по исправлению сложившейся ситуации. В своих отчетах князю Гагарину Аксаков опирался на конкретные статьи закона, требовавшего достойной организации судебных мест. Так, в специальном разделе своего отчета «Внешнее устройство суда» в сухой бюрократической манере он фиксировал, что обустройство судебного учреждения не соответствует предписаниям и перечислял нарушения:

Комната присутствия так тесна, что в ней не устанавливается стол для протоколиста, как предписывается 49 статьей Учреждения Губерний 2 тома Свода законов издания 1842 г. Отдельной прихожей нет, но вход с лестницы прямо в комнату, где помещается гражданское Отделение канцелярии. Столы в канцелярии не только не покрыты сукном, но не имеют даже замков на ящиках в противность 65 статье²¹.

В связи с ограниченностью объема журнальной статьи я не привожу здесь подробно все разоблачения астраханских судов в отчете строгого ревизора Аксакова. Все нарушения он описывал в соответствии с разработанной им схемой, показывая тем самым, что нарушения законов имеют не единичный, случайный, а повторяющийся характер. Приведу лишь основные пункты, которые Аксаков сформулировал для систематизации обнаруженных нарушений. Эти пункты как заглавия разделов ревизорских отчетов Аксакова встречались в его отчетах об уездном и земском судах:

- медленность;
- неправильная сдача в архив неоконченных дел;
- совершенное упущение некоторых дел и предписаний из виду;
- беспорядочность в производстве следствия;
- уклончивость в исполнении предписаний²².

В соответствии с миссией правоведов²³ титулярный советник Аксаков не только фиксировал нарушения, но и требовал исполнения законного порядка и деятельного исправления ошибок проверяемых чиновников. Вот как в письме родным он подчеркивал воспитательный эффект своей ревизии:

Все замечания кладутся тут же карандашом, потом приводятся в порядок, и я делаю судье запросы, на которые он *обязан мне давать письменное*

²¹ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 4–4.об.

²² Там же. Л. 1–21 об.

²³ См. подробнее: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

объяснение, так что каждое упущение очищено или сознанием, или достаточным оправданием» (курсив наш. – Т. Б.)²⁴.

Но объяснения служителей судов Астраханской губернии были совсем не те, которые ожидал услышать Аксаков. К его возмущению, чиновники в ревизуемых судебных учреждениях не только не пытались что-нибудь сделать, чтобы оправдать себя перед начальством, они как будто ничего и не стыдились и всему находили оправдания. Ревизор фиксировал в своем отчете, что чиновники, например, перекалывали ответственность за нарушения на уже отсутствующих коллег. Так, в уездном суде таким козлом отпущения оказался столоначальник Никитин:

Все беспорядки за прежнее время приписывают они бывшему столоначальнику Никитину, отданному за дурное поведение в солдаты²⁵.

Этого же Никитина вспоминали бывшие сослуживцы и тогда, когда Аксаков обнаружил отсутствие дел в архиве уездного суда:

Причины тому настоящим членам не известны, а всему виною поставляются: прежняя беспорядочность дел и беспечность столоначальников, из коих один, Никитин, отдан в солдаты²⁶.

В земском суде виноватым во всех нарушениях оказывался умерший столоначальник Федотов, причем нелепость подобной безответственности действующих чиновников Аксаков передавал заковыченной им прямой речью членов суда:

дело... оказалось вовсе не должным присутствию, что земский суд приписывает вине бывшего столоначальника Федотова, «который, заложив оное в решенные дела, впал в болезнь и умер»²⁷.

В целом, в отчете Аксакова сотрудники земского суда и стоящего над ним уездного суда представляли собой самое жалкое зрелище. Низший земский суд особенно поразил молодого столичного правоведа. В заключении своего отчета о ревизии этого подразделения Аксаков писал:

²⁴ Аксаков И.С. – родным, 15 февраля 1844 г. С. 35–38.

²⁵ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 9 об.

Недостаток участия к службе, плохое знание законов, непонимание важности своих обязанностей делают членов Земского суда совершенно к должности приставов не способными. Что касается до исправника, то хотя у него есть много усердия и он более всех работает, но ряд несчастий, поразивших Земский суд, в лице столоначальников Кумакова, Федотова и Федорова, не сдавших свои дела, пьяные канцелярские служители (регистратор), оставление архива без разбора, чрезвычайно затрудняют его и запутывают более и более, несмотря на прилежное сотрудничество неперменного члена Шарапова. По чему я полагал бы назначить комиссию для приведения старых дел в порядок. И частыми ревизиями и строгим наблюдением содержать ведение книг и отчетности по делопроизводству в порядке²⁸.

Если для устранения недостатков в работе низшего суда Аксаков полагал достаточной мерой усиление контроля, то для более высокой инстанции (уездного суда) требовались иные способы воздействия. Проблемы уездного суда были также связаны с кадрами, но тут лишь с помощью частых проверок ситуацию исправить было невозможно. Так, например, судья Копытовский был вполне готов к проверкам. Аксаков констатировал, что судья

радеет не для общей пользы в делах службы, нежели о собственной очистке. Для чего часто недобросовестно отсылает он такие дела назад, которые необходимо должны были быть приняты, и это потому, чтоб к концу года можно было показать меньшее число номеров. В этом он сам мне сознавался и письменно, и словесно²⁹.

Все остальные судебные чиновники, за редким исключением, по разным причинам не были способны к исполнению возложенных на них обязанностей. Судебные заседатели от сословий

как люди неопытные и незнающие, подчинены влиянию судьи. Секретарь человек молодой с малыми способностями и совершенно не сведущий. ...Столоначальник гражданский Алексеев человек способный и усердный, но он, будучи один и не имея способного писца, мало успевает. Должность уголовного столоначальника остается пока праздною, заменить его некем. Писцы же большею частью нетрезвого поведения, совершенно безграмотны и ленивы. Ни один из них не годится в помощники столоначальникам³⁰.

²⁸ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 21 об.

³⁰ Там же. Л. 21–21 об.

Чтобы привлечь на службу более способные кадры, Аксаков предлагал изыскать средства для повышения жалованья служащим правосудия. Он полагал, что новые кадры, возможно, не допустили бы несоблюдения требований закона, в особенности для представителей низших сословий, в отношении которых правосудие носило отчетливо сословный характер.

Так, Аксаков фиксировал, что в отношении крестьян, искавших свободы от истязавших их помещиков, суд неправильно трактовал закон в пользу помещиков. Он писал, что разъяснил судье Законы о состояниях, ту часть, в которой прописывалось, что помещики должны были «обязываться подпискою в нечинении ищущим вольности побоев и наказаний без ведома Полицейского начальства». Это было необходимо, потому что в Астраханском уезде, как писал в рапорте Аксаков,

наоборот ищущие вольности все обязываются подпиской в полном повиновении помещику. Между тем по делу о дворовой девке Меланье Сидоровой, ищущей вольности от помещицы Везелевой, Олимпиаде Назаровой, ищущей вольности от Майора Галуна и некоторым другим делам видно, что были жалобы на истязания и жестокие побои помещиков. Вследствие моих замечаний Судья уведомил меня о том, что в уездном суде сделано постановление о обязанности помещиков подпискою³¹.

Аксаков подробно останавливался на том, какое нерадение проявляли уездный и земский суды в решении вопросов, касавшихся нижних сословий и инородцев. С возмущением он писал о том, как затянулось решение вопроса о судьбе девочки Прасковьи, прижитой в крестьянском звании матросом Данилой Васильевым. Губернское правление прислало ее дело в Уездный суд, чтобы «сделать по этому предмету заключение: следует ли Прасковью возвращать в помещичье владение или оставить при отце?» Цензор Аксаков указывал, что пока уездный суд затягивал решение этого дела, закон не соблюдался – ведь матрос не подлежал гражданскому суду. Даже для его допроса по закону нужно было призвать депутата, «чего не сделано»³².

Неудовлетворительное состояние судов было частью общей картины многочисленных нарушений, которые вскрывались ревизией не без труда. В своих письмах из Астрахани Аксаков рассказывал о противодействии ревизии, которое удалось преодолеть только тогда, когда сенатор Гагарин употребил все силы, чтобы решением в столице был снят с должности местный губернатор И.С. Тимирязев. После этого, писал Аксаков, местные начальники перестали противиться ревизорам.

³¹ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 21.

³² Там же. Л. 15.

Круговая порука местных руководителей перед лицом столичного начальства стала объектом обличения в художественной и публицистической литературе, начиная со знаменитого «Ревизора». Однако увиденное собственными глазами поражало Аксакова тем спокойствием и наивным самооправданием, с которым чиновники объясняли, почему их действия не соответствовали требованиям закона. Ревизор Аксаков отмечал, что из-за убогости интересов чиновники находили местный порядок вполне удобным и не боялись наказаний.

Это спокойствие и даже уверенность провинциальных начальников в своих силах как явное общественное зло позднее обличал М.Е. Салтыков-Щедрин. В сатирическом очерке «Завещание моим детям» его «герой» описывал устои местной круговой поруки в выражениях, свойственных описанию доблести на поле брани, таким образом осмеивая ложный пафос службы дворян престолу. Вот как писатель передавал решимость местных дворян держаться друг за друга перед лицом разоблачителей:

Все мы были люди, все человеки, все чувствовали свои слабости. Если виноват Хлобыстовский, виноват Расплюев, виноват Гвоздилов – могут ли они друг перед другом нос задирать? Ну, и выходила у нас тут дисциплина, ...настоящая, естественная, так сказать, дисциплина. <...> Большею частью тем и оканчивалось, что пошумят, пошумят между собой, а потом и определяют: стоять! А почему стоять? а потому, государи мои, что тронь из нас одного, куда ж бы девались все прочие? Ну, и опять наводят пушки, опять напускают шавок – не шелохнемся, все как один! Что ж бомбардиры-то наши? а вот что: попалят, попалят, увидят, что втуне, – и разойдутся³³.

Перед лицом круговой поруки, когда каждый принимающий решения покрывал других, вырвать кого-то из сплоченных рядов местных руководителей для разбирательства и наказаний было трудно. Показательная ревизия Гагарина была отмечена как особо успешная, а ревизор Аксаков был выделен особо. По представлению Гагарина, Аксаков в июне 1845 г. был «Всемилоостивейше пожалован в Коллежские асессоры»³⁴. (Как мы помним, именно о таком чине мечтал лжеревизор Хлестаков.)

По окончании ревизии Аксаков вернулся к своей прежней службе в московский Сенат. И тут его ждала интересная перемена ролей. В письме товарищу, правоведа Ф.А. Бюлеру он с негодованием писал, что в преддверии ревизии из Санкт-Петербурга его труд в присутствии стал невыносимым. Аксакову поручили создать на бумаге иллюзию активной профессиональной

³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Завещание моим детям // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. Москва: Художественная литература, 1969. Т. 7. С. 18–19.

³⁴ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. С. 53–54.

деятельности для ревизора, на которую не хотели тратить время осуждаемые им астраханские чиновники. Будни Аксакова теперь были заняты совершенно бессодержательным заполнением пустого места в бумагах:

«У нас в настольных реестрах слишком много белого места, надо исписать, непременно исписать, а то министр подумает, что мы ничего не делаем»... – говорит мне вчера ст<атский> сов<етник> двора его и<мператорского> в<еличества> камергер, состоящий за обер-прокурорским столом Ханыков, глупое полено³⁵.

Как видно из других его писем, раздражение Аксакова имело и другую причину: его поэтические произведения нашли своего читателя, однако глубже погрузиться в поэзию и отразить в ней живую исповедь современника, ищущего, сомневающегося, исполненного раздумий, ему мешали сенатские треволения по поводу предстоящей ревизии. Стихи Ивана Аксакова, известные людям его круга, с начала 1845 г. стали публиковаться. Аксаков снискал похвалу Н.В. Гоголя, который с одобрением отозвался о гражданском пафосе молодого поэта:

В юноше виден талант решительный, стремление приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события³⁶.

Этот отзыв Гоголь дал на стихотворение Аксакова, заканчивающееся словами горького сожаления о невозможности изменить неприемлемые проявления общественной жизни:

А сколько прежде поколений
Ждет вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремлений,
И оскорбительность явлений (курсив наш. – Т. Б.),
И безутешная борьба!³⁷

³⁵ И.С. Аксаков – Ф.А. Бюлеру, 26 апреля 1845 г. Публикация В.Г. Бухерта // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. IX. Москва: Студия «ТРИТЭ» – Российский Архив, 1999. С. 183–184.

³⁶ Цит. по: *Анненкова Е.И.* Гоголь и Иван Аксаков: «беспереывная внутренняя переработка» как фактор творчества // Гоголь и пути развития русской литературы. К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 01–03 апреля 2018 г.) / под редакцией В.П. Викулова. Москва; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2019. С. 60–68.

³⁷ *Аксаков И.С.* Среди удобных и ленивых // Московский литературный и ученый сборник. Москва: В типографии Августа Семена, 1846. С. 216–217.

«Оскорбительность явлений» выделена автором как важное понятие для понимания мотивации Аксакова-правоведа, который осознавал важность воспитательных задач отечественного правоправедения. Если следовать мысли Сперанского, в отличие от отвлеченной юриспруденции, русский аналог этого понятия – «правоправедение» – подразумевал возвышение закона в практике судов. Аксаков стал самым ревностным исполнителем этой идеи. Его письма родным пестрят упоминаниями о систематическом изучении Свода законов и успехах его применения во время ревизии и в дальнейшей судебной деятельности, когда ему удалось по протекции товарищей-правоведов получить в 1847 г. назначение в Калужскую уголовную палату.

Но реалии судопроизводства, убогость и «животная жизнь» служителей закона как в провинции, так и в столицах разочаровали Аксакова. В письмах наиболее близким товарищам-правоведам он откровенно пишет, что изменил свои взгляды на суть службы и должен переменить вектор своего служения. Следуя за голосом истины, он решает отойти от приверженности букве закона. В письме своему товарищу Д.А. Оболенскому Аксаков писал:

Я решительно убеждаюсь, что на службе можно приносить только две пользы: 1) отрицательную, т.е. не брать взятки, 2) частную, и только тогда, когда позволишь себе нарушить закон. Что проку, что закон соблюдается, когда это соблюдение закона не уничтожает зла, не вознаграждает невинность³⁸.

Месяцем позже, отказавшись от предложенной некогда желанной прокурорской должности, он в письме другу Бюлеру разъяснял свое решение:

мои политические мнения получили другое направление, которому я всегда впрочем сочувствовал. И я не хочу принадлежать правительству, т.е. тому, от чего терпит Россия. Благородный чиновник, подлый чиновник, все равно, все чиновник, все жертва системы, ложной и губительной, против которой надо вооружаться, которую надо вырвать с корнем, а не поддерживать. Я убежден, что в службе нельзя принести общей пользы³⁹.

Общую пользу Аксаков видел теперь только в общественной деятельности, направленной на изменение системы. В этом намерении его окрыляли слова поощрения Гоголя. Молодой Аксаков готов был «вооружаться» всеми своими талантами, чтобы законно влиять на текущие современные события. Ревностная

³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. I. Письма, 1838–1849 гг. / составитель Т.Ф. Прокопов. Москва: Русская книга, 2003. С. 189.

³⁹ И.С. Аксаков – Ф.А. Бюлеру, 21 мая 1845 г. С. 185–186.

служба закону привела правоведа-Аксакова к необходимости пересмотреть роль образованного класса. Теперь он не только хотел утверждать законный порядок, но и «законно влиять» на настоящее. Так, освободившись от дурмана честолюбивых карьерных перспектив, он направил свое внимание на более правильные, с его точки зрения, формы приближения позитивных изменений.

Аксаков надеялся, что в должности председателя Калужской уголовной палаты у него будет больше времени на литературную деятельность, а также на то, что в скором времени он сможет выйти в отставку. Однако в силу своей ответственности он самым активным образом включился в деятельность палаты, хоть и не оставил идею покинуть службу. С большим удовольствием в письмах к родным 1847–1849 гг. Аксаков отмечал, как достойно он себя вел перед лицом надвигавшейся сенатской ревизии из столицы. Если председатель Калужской уголовной палаты ленивый картежник Яковлев трусил, то Аксаков спокойно ожидал ее и не делал особых распоряжений перед ревизией. В письмах родным он писал, что не боится ревизии, потому что

разрешение дел производится мною самым добросовестным образом и между тем довольно быстро. ...часто приходится из пяти или шести томов (Свода законов. – Т. Б.) выбирать статьи для какого-нибудь незначительного решения⁴⁰.

Даже презируя службу как таковую, называя ее «подлой», правоведа Аксаков продолжал быть идеальным чиновником, в руках которого 15-ти томный Свод законов был средством утверждения правильного порядка. Он с удовольствием отмечал, что новое Уголовное уложение, несмотря на тяжеловесность языка, позволяет судье выносить более справедливые решения. Оно требует от судей гораздо большей ответственности:

Наказания очень строги, но зато судья имеет право принимать в соображение даже нравственные побуждения преступника, как-то: бедность, сильное оскорбление и множество других. Конечно, это подает повод к большим злоупотреблениям. Между тем, как я рад этому, ибо звание судьи возвышается, от него требуется глубокое понимание человека, он не простой исполнитель буквы, по духу этих законов ему дается довольно большое поприще для толкования обстоятельств, – вероятно, другой плут, уездный судья, начнет делать такие толкования и рассуждения, что невольно пожалеешь о данном ему произволе⁴¹.

⁴⁰ Аксаков И.С. – родным, 21 сентября 1846 г. С. 311.

⁴¹ Аксаков И.С. – родным, 30 октября 1845 г. С. 203.

Осознавая собственное профессиональное превосходство и высокий уровень нравственных притязаний, столичный правовед с нескрываемым презрением относился к уездным судьям в Астрахани и судебным служителям в Калуге. В письмах родным Аксаков обвинял своих коллег по Калужской уголовной палате в неспособности действовать и брать ответственность за свои решения. Так же как в Астрахани, калужские чиновники не только плохо знали законы, но и не стремились их узнать, довольствуясь умением составлять отчетные документы о своей деятельности. В итоге, для центральных властей на бумаге вполне умело создавалось впечатление, что местные чиновники имеют представление о требованиях законов, а суды эти законы по мере возможностей воплощают на практике.

Наиболее емко свое критическое отношение к провинциальному правосудию Аксаков сформулировал в 1851 г. в преамбуле к пьесе «Судебные сцены». Он подчеркивал, что изображал вполне пошлую и привычную картину губернского правосудия, пороки которого

извиняются легко, уживаются с снисходительной совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое сознание какую-то особенную простосердечную логику⁴².

В пьесе Аксаков наглядно демонстрировал публике преступную снисходительность судей, жестоко карающих крестьян и потворствующих самодурству помещиков. Проведя читателей своей пьесы за закрытые двери судебного присутствия, автор словно приглашал их стать коллективным ревизором работы суда. В отличие от ревизора-чиновника, который по долгу службы должен был сверить все процессы в судебном месте с предписанным в Своде законом порядком, публика становилась нравственным ревизором. «Оскорбительность явлений» судопроизводства за закрытыми дверями была передана Аксаковым с доскональной точностью и большим количеством ссылок на Свод законов Российской империи. Этими отсылками к Своду пьеса напоминала его ревизорские отчеты в молодые годы.

В отличие от убогих астраханских судов низших инстанций губернский суд, изображенный Аксаковым в пьесе, был удостоен похвал губернатора и самого министра, о чем хвастливо напоминал в одном из действий пьесы председатель суда. Фасад николаевской законности в пьесе был вполне «приличен» по форме (порядок в бумагах) и по содержанию. Решениями суда в пьесе утверждалась четкая сословная иерархия, когда забитые крестьяне были надежно подчинены самодурам-молодцам помещикам. Откровенное обсуждение на сцене

⁴² Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. С. 5.

необходимости «очиститься» от дел перед концом года проясняло, каким образом создавались картина порядка в делах суда и достойный фасад системы. При этом, как горько писал Аксаков, «механизм администрации заставляет забывать о цели, и все служащие в России стремятся к одной лишь письменной очистке»⁴³. Однако, по мнению Аксакова, первоначальной задачей при таком правлении должна была стать очистка совести всех служащих.

Заключение

Все произведения Аксакова, написанные им в качестве юного правоведа-теоретика, ревизора, судьи и публициста-обличителя, определенным образом отражали проблемы российского правосудия. Эволюция взглядов Аксакова от идеи следования букве закона на государственной службе к осознанию необходимости общественного служения явилась результатом его разочарования в возможностях административного переустройства правосудия. Проанализированный в статье личный опыт Аксакова-чиновника, отраженный в разноплановых источниках, являет собой важный срез идейного климата подготовки Судебной реформы и профессионализации юридического знания в России. Опыт Аксакова является ценным свидетельством, позволяющим понять, почему в николаевское царствование среди представителей просвещенного слоя общества все резче стала обозначаться необходимость коренных преобразований. Мыслимая сначала в административной логике, она постепенно стала приобретать черты все более влиятельного этического требования.

⁴³ Аксаков И.С. – родным, 17 сентября 1844 г. С. 152.

2024 marks 160 years since the beginning of the Judicial Reform in 1864. The historiography of recent years reveals a clear tendency to shift the focus of research on judicial reform from the center to the periphery. New research shows that the policy of transformation was distinctly progressive: focusing on Western ideas and institutions, which were understood as more developed, it looked down on the “benighted” province.¹ This policy had a long history and a specific genealogy. The present article is based on new sources that have not previously attracted the attention of researchers and aims to understand the context in which the reform requirements were formed.

The article considers the inspection reports of 1844 prepared by Ivan S. Aksakov, a young jurist official.² These reports are an interesting exposition of the growing need for qualitative transformations of public administration, reflecting the clash of different views on justice in the capital and the realities of “crooked justice” on the ground. The experience of inspections, brilliant from the point of view of career growth for I. Aksakov, a 1842 graduate of the School of Jurisprudence, gave start to a long process of disillusionment with public service and turning to public activity.

The publishing and journalistic activity of well-known Slavophile I. Aksakov unfolded in its entirety after he retired in 1851. A symbolic point in the official’s career was the vivid satirical play *Scenes from the Court, or a Court Day of the Criminal Chamber*, written by him in 1853. It was published in *Polyarnaya Zvezda* in 1858³ and played a significant role in the transformation of public views on the system of public administration at the time, becoming a documentary evidence of the need for judicial reform. A. Herzen, the first publisher of the play could not but emphasized the testimonial character of the *Scenes from the Court*, having published it under the lengthy title “The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official. A Court Day of the Criminal Chamber. Scenes from the Court Described by a Retired Court Counselor, Former Secretary of the Governing Senate, Former Deputy Chairman of the Criminal Chamber, Former Chief Secretary of the Governing Senate, Former Official of the Ministry of Internal Affairs.”⁴

¹ See E.A. Krest'yannikov, “Scripts of Introduction of Justice of Peace Court in Pre-revolutionary Siberia” [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 9 (2016): 3–20; I.V. Anisimova, “Imperial Judicial Policy in the Central Asian Outskirts in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Main Forms, Directions, and Results” [in Russian], *Journal of Frontier Studies*, vol. 7, no. 1 (2022): 207–28; S.B. Kirmse, *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* [in Russian], trans. A. Lange (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023).

² In this article I use the term “jurist” in its first meaning (commonly used in Russian in the 1840s and later) – a graduate of the School of Jurisprudence.

³ Excerpt from *The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official. A Court Day of the Criminal Chamber. Scenes from the Court* [in Russian], in *Polyarnaya Zvezda*, published by Iskander, and N. Ogarev, bk. 4 (London: Vol'naya russkaya tipografiya, 1858), 3–100.

⁴ Excerpt from “The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official,” 3.

The listing of positions shows how successfully I. Aksakov, a graduate of the School of Jurisprudence, advanced along the legal path. Researchers believe that the basis for writing the play was Aksakov's judicial experience in the Kaluga Criminal Chamber, where he was deputy chairman from 1845 to 1847.⁵ It seems that this opinion is only partially true, since it reflects only one side of Aksakov's official activities.⁶ Its one-sidedness can be accounted for by the fact that an interesting historical source has remained unexplored until today. In it, Aksakov revealed in detail the shortcomings of judicial institutions in the province. These are inspection reports on the uyezd and zemstvo courts of Astrakhan Governorate written by Aksakov in 1844,⁷ deposited in the Manuscript Department of the Pushkin House of the RAS (IRLI RAN). Studying this source gives a clear idea of how the young jurist exposed provincial justice and what measures he proposed to improve it.

From Aksakov's correspondence with his family, it is clear that Astrakhan Governorate, where he arrived as a member of the inspection commission headed by Senator P. Gagarin, seemed to the capital jurist to be wild backwoods. However, poverty, bad food, and unsuitable living conditions were not the only things the young official saw in the remote province. He particularly noted how wretched the interests of local life were, which made the most painful impression on Aksakov, who had been reading newspapers since he was ten:

It is amazing, really, how people can live peacefully and happily in such wilderness, without any interests, or with such shallow interests, in such a dirty life that it's a pity, just a pity. . . . No, never will I live or serve in an uyezd town.⁸

⁵ I.S. Aksakov, *Letters from the Provinces. A Court Day in the Criminal Chamber* [in Russian], comp. T.F. Pirozhkova (Moscow: Pravda, 1991), 19; S.V. Motin, "'Scenes from the Court' by I.S. Aksakov Published in the *Polyarnaya zvezda* by A.I. Herzen in 1858" [in Russian], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2 (2016): 43.

⁶ It is based on the testimony of the wife of Kaluga Governor A.O. Smirnova-Rosset, who recognized the heroes of the play as some of Aksakov's colleagues in the Kaluga Criminal Chamber. A.O. Smirnova-Rosset, *Diary. Memoirs* [in Russian], comp. S.V. Zhitomirskaya (Moscow: Nauka, 1989).

⁷ "Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnoogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym, Otchet po revizii astrakhanskogo zemskogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym" [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov, Report on the inspection of the Astrakhan Zemstvo Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3. Rukopisnyi otdel Pushkinskogo doma IRLI RAN [Manuscript Department of the Pushkin House of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences] (RO IRLI), St Petersburg, Russia.

⁸ "Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844" [in Russian], in I.S. Aksakov, *Letters to Relatives, 1844–1849*, comp. T.F. Pirozhkova (Moscow: Nauka, 1988), 18.

Perhaps, this rejection of provincial life was formed in contrast to some of the already existing professional experience of jurist Ivan Aksakov. Prior to his appointment to Gagarin's inspection commission, he was engaged in a very important research project: as an official of the Senate, he took part in the commission of the young Nikolai Miliutin on the drafting of a new city regulation (adopted in 1846 for the capitals and Odessa),⁹ which clearly contained some reformist spirit – new ideas about the responsible independent participation of the subjects in the governance.¹⁰ However, it turned out that this spirit was completely alien to the realities that Aksakov found in Astrakhan.

Assuming his duties in all seriousness, Aksakov was struck by the irresponsibility that he found in the inspected institutions. Similar thoughts and feelings are more or less frequently found in other materials related to the senatorial revisions, which makes them an extremely interesting historical source researchers have already addressed.¹¹ In the letter to his family dated January 22, 1844, he wrote that the most outrageous things in the judicial institutions of the province were not the wretchedness and disorder in case files but the unconsciousness of the officials:

In the local court, we found such naive ignorance of the laws and official order that not only did the members of “the aforesaid” know nothing about how to prepare for the arrival of the inspector, but to acquit themselves, they cite what the last clerk in the Senate would not say. They must have imagined zemstvo court to be a place that God himself patronizes, and their town was a town from which you couldn't reach any state even if you rode for three nights.¹²

In order to understand Aksakov's views on the essence of justice when he started to inspect the Astrakhan courts, one should refer to his thesis “On the Nature of the Criminal Process,” written in 1842.¹³ It shows that the graduate of the School of

⁹ Ivan Sergeevich Aksakov. *Materials for the Chronicle of Life and Creative Work* [in Russian], iss. 1, 1823–1848. *The Aksakovs. Childhood. Adolescence. Studying at the School of Jurisprudence. Service under the Ministry of Justice of the Russian Empire*, comp. S.V. Motin et al., pt. 2 (Ufa: UYuI MVD RF, 2010), 6.

¹⁰ W.B. Lincoln, *Nikolai Miliutin, an Enlightened Russian Bureaucrat* (Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977).

¹¹ See, e.g., V.V. Efimova, “Senator D.O. Baranov's Inspection as a Source for Studying the State of Public Administration in Olonets Governorate in the Second Half of the 19th Century” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 2 (93) (2008): 10–23.

¹² “Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844,” 18.

¹³ “I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa” [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, ll. 1–9. RO IRLI. This document was published in S.V. Motin, *Russian Slavophile in Law Enforcement Service. I.S. Aksakov as an Official of the Ministry of Justice and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire* [in Russian] (Ufa: Ufimskii

Jurisprudence viewed the goals and objectives of the court in line with the vector formulated by the ideological inspirer of the school M. Speransky.

According to Speransky, first of all, the correction of justice in the empire required “capable and well-mannered clerks.”¹⁴ These jurist clerks from worthy noble families had to raise the application of the law in court to the proper height. With full awareness of the high mission of jurist, Aksakov wrote in his thesis in detail that justice should consist in the accurate three-stage execution of laws by judges:

(1) by investigating and certifying the existence of a crime; (2) assessing of the harm caused by the crime – by well-known persons, representatives of public justice; (3) pronouncing and executing a sentence based either on a positive law or on the reason of all legislation. This set of forms, protected by law . . . is called Criminal Process or Judicial Proceedings.¹⁵

Referring to such a process of justice as “public justice,” Aksakov opposed to it the dangerous subjectivity of the judge and, perhaps, secret proceedings initiated by the Third Department, which he was aware of. He emphasized that in the matter of justice, the law but not a person should rule:

His (judge’s. – *T. B.*) personality is destroyed and he becomes an instrument of a completely external, objective force; he must beware of himself and the inner voice of compassion. He must decide the case not according to conscience but according to the logical force of the letter of the law. . .¹⁶

If there was no law suitable for resolving a case, Aksakov suggested informing the Supreme power about the “insufficiency of laws.” The orderly scheme, in which the judge had to either apply the law or appeal to the Supreme power, was based on the principles of transparency and accountability of written justice. Young jurist Aksakov resolutely opposed the open adversarial court, defending the merits of written legal proceedings, which,

YuI MVD Rossii, 2017), 41–51. Unfortunately, the publication does not include all the comments of H. Guisetti, the teacher who checked Aksakov’s diploma essay, so in this article I refer to the pages of the unpublished document.

¹⁴ “Speranskii M.M. ‘O spetsial'nykh uchilishchakh’. Zapiska. Kopiia rukoi N.M. Startsova s pometoii M.M. Speranskogo o doklade imperatoru 24 yanvarya 1835 g.” [M.M. Speransky ‘On special schools.’ A note. Copy made by N.M. Startsov with the note of M.M. Speransky about the report to the emperor on January 24, 1835]. F. 637, d. 782, l. 3. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscript Department of the National Library of Russia] (OR RNB), St Petersburg, Russia.

¹⁵ “I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa” [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, l. 3. RO IRLI.

¹⁶ *Ibid.*, l. 5.

by putting the facts on paper, have the advantage to preserve the correct testimony and proof of all the details of the case, which could be forgotten in verbal proceedings.¹⁷

Despite the critical comments of the teacher who reviewed the work and the inspector's suggestion that some corrections to the thesis be made, Aksakov's work was highly appreciated. It clearly reflected the general spirit of the autocratic legality of the Nicholas reign, which the School of Jurisprudence was supposed to strengthen with the help of the worthiest and most reliable officials from the well-born nobility. The key working principles of that legality were the exact execution of the law regardless of persons and the declared rejection of "subjective views." The legitimacy of the entire justice system was given to it by the Supreme power. It initiated laws, on the strict basis of which judges judged; it also had to dispel all possible difficulties of the judge. From 1722 on, senatorial inspections were an important element of control over the correctness of the execution of law by local officials.¹⁸

The senatorial revision of P. Gagarin was distinguished by an obvious educational and correctional task, which greatly appealed to jurist Aksakov. He proudly wrote that the Gagarin commission worked not only with report documents as other inspections did. On the contrary, all the current "cases, papers, and proceedings for three years" were inspected right in the office.¹⁹ Aksakov saw the benefit of such an inspection method in the fact that local officials could immediately figure out how to correct their lapses, and the senator received data on where a change in the law was required. Thus, the correct public enforcement of order prevailed, which was especially important for lawyers in view of the secret activity of the political police.²⁰

During the work of the commission, jurist Aksakov, the most active of all the members of the Gagarin commission, acted as an ideal inspector. The 15-volume Code of Laws in his hands became proof of the lack of justice on the ground and at the same time a detailed instruction on amending the situation. In his reports to Prince Gagarin, Aksakov relied on specific articles of the law that required decent

¹⁷ "I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa" [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, l. 8 ob. RO IRLI.

¹⁸ D.V. Sokolov, "The Evolution of Senatorial Revisions during 1722–1917" [in Russian], *Novyi rakurs*, no. 2 (2017): 123–33.

¹⁹ "Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844," 64.

²⁰ A.N. Biktasheva, "Local Authorities in Russia in the First Quarter of the 19th Century (Based on the Data of the Inspections Conducted by the Senate)" [in Russian], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 158, bk. 3 (2016): 696. See a comprehensive literature review on the participation of the Third Department in secretly disciplining the administration, among other things, in relation to the judiciary in G.N. Bibikov, "Supervision of the Third Department over the Private Life of Provincial Officials (1820s–1830s)" [in Russian], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 2 (2019): 79–108, <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

organization of judicial premises. In a special section of his report, “The External Structure of the Court,” he wrote in a dry bureaucratic manner that the arrangement of the judicial institution did not comply with the regulations and listed violations:

The office is so cramped that a desk for the recording secretary is not placed there, as it is prescribed by article 49 of the Provincial Institution, Volume 2 of the Code of Laws of the 1842 edition. There is no separate entrance hall, but the entrance from the stairs is directly into the room where the Civil Department of the Chancery is located. The desks in the chancery are not covered with cloth and, what is more, do not have locks on the drawers, contrary to article 65.²¹

Due to the limited volume of the journal article, I do not cite here in detail the disclosure of the Astrakhan courts in the report of strict inspector Aksakov. He described all violations in accordance with the system he devised himself, thereby showing that violations of the laws were not isolated or random, but repetitive. Let me quote only the main points that Aksakov formulated to systematize the violations detected. These points are found in his reports on the uyezd and zemstvo courts as the titles of the sections in Aksakov’s inspection reports:

- slowness;
- incorrect archiving of unfinished cases;
- complete disregard of some cases and regulations;
- disorder in the investigation;
- evasiveness in the execution of regulations.²²

In accordance with the mission of jurists,²³ not only did titular counselor Aksakov document violations, but he also demanded execution of the legal order and active correction of the errors of the officials under inspection. Here’s how he emphasized the educational effect of his inspection in a letter to his family:

All remarks are put in pencil right there and then put in order, and I make requests to the judge, for which he *is obliged to give me a written explanation, so that every mistake is cleared either by consciousness or by sufficient justification* (italics added. – T. B.).²⁴

²¹ “Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 4–4 ob. RO IRLI.

²² Ibid., ll. 1–21 ob.

²³ For more, see R.S. Wortman, *The Development of A Russian Legal Consciousness* [in Russian], trans. M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004).

²⁴ “Aksakov I.S. – to Relatives, February 15, 1844,” 35–38.

But the explanations of the court officials of Astrakhan Governorate were not at all what Aksakov expected to hear. To his indignation, officials in the judicial institutions under inspection did not try to do anything to acquit themselves in the eyes of their superiors. What is more, they seemed to be ashamed of nothing and found excuses for everything. The inspector wrote in his report that officials, for example, shifted responsibility for violations to already absent colleagues. For instance, the head clerk Nikitin turned out to be such a scapegoat in the uyezd court:

They attribute all the confusion of the previous time to the former head clerk Nikitin, who was sentenced to being recruited to soldiers for bad behavior.²⁵

The same Nikitin was remembered by former colleagues when Aksakov discovered the absence of cases in the archive of the uyezd court:

The reasons for this are unknown to the present staff, but the blame is on: the prior disorder of affairs and the carelessness of the head clerks, of whom one, Nikitin, was sentenced to be recruited to soldiers.²⁶

In the zemstvo court, the deceased head clerk Fedotov turned out to be guilty of all violations, and Aksakov conveyed the absurdity of such irresponsibility of acting officials with the direct speech of the members of the court quoted by him:

the case. . . turned out not to be reported to the court at all, which the zemstvo court considers to be the guilt of the former head clerk Fedotov: “Having put it into the resolved cases, he fell sick and died.”²⁷

In general, the staff of the zemstvo court and the uyezd court standing over it presented the most pitiful sight in Aksakov’s report. The lower zemstvo court especially impressed the young jurist from the capital. In the conclusion of his report on the inspection of that court, Aksakov wrote:

Lack of concern in the service, poor knowledge of laws, and lack of understanding of the importance of their duties make the members of the zemstvo court completely incapable of the position of bailiffs. As for the police officer, although he has a lot of zeal and he works more than anyone, a number of misfortunes that struck the Zemstvo Court (in the person of head clerks Kumakov, Fedotov, and Fedorov, who did not hand over their cases, drunken

²⁵ “Otchet po revizii astrakhanskogo ueznogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 5 ob. RO IRLI.

²⁶ Ibid., l. 7.

²⁷ Ibid., l. 9 ob.

clerks (registrar), leaving the archive in disorder) make his work extremely difficult and confuse it more and more, despite the diligent cooperation of associated judge Sharapov. Therefore, I would like to appoint a commission to put old cases in order and frequent inspections and strict supervision to keep the books and records in order.²⁸

While Aksakov considered strengthening control to be a sufficient measure to eliminate shortcomings in the work of the lower court, other methods of influence were required for the higher instance (the uyezd court). The problems of the uyezd court were also related to personnel, but it was impossible to improve the situation there only with the help of frequent inspections. For example, Judge Kopytovsky was quite ready to be inspected. Aksakov stated that the judge

cares not for the general benefit in matters of service, but for his own clearing. For this reason, he often unfairly sends back the cases that should have been accepted and does it in order to show a smaller number of registered cases by the end of the year. He has confessed this to me both in writing and verbally.²⁹

All other judicial officials, with rare exceptions, were unable to perform their duties for various reasons.

Being inexperienced and ignorant people, associated judges from the estates are subject to the influence of the judge. The secretary is a young man with little ability and completely ignorant. . . . Head clerk Alekseev is a capable and diligent man, but being alone and not having a capable scribe, he accomplishes little. The position of the criminal head clerk remains vacant for now and there is no one to replace him. Scribes, for the most part, are drunk, completely illiterate and lazy. None of them are suitable as assistants to the head clerk.³⁰

In order to attract more capable personnel to the service, Aksakov proposed to find funds to raise the salaries of justice officials. He believed that the new cadres might have prevented non-compliance with the requirements of the law, especially towards the representatives of the lower classes, in respect of whom justice was clearly class-biased.

For instance, Aksakov recorded that in relation to peasants who sought freedom from the landlords who tortured them, the court incorrectly interpreted the law in favor of the landlords. He wrote that he explained to the judge the laws on status,

²⁸ “Otchet po revizii astrakhanskogo ueznogo suda, sostavlennyy titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 15. RO IRLI.

²⁹ Ibid., l. 21 ob.

³⁰ Ibid., l. 21–21 ob.

namely, the part which prescribed that landlords had to confirm in writing not to beat and punish those seeking freedom without the knowledge of the police authorities. That was necessary because in Astrakhan Uyezd, as Aksakov wrote in the report,

on the contrary, those seeking freedom are all obliged to confirm in writing full obedience to the landlord. Meanwhile, in the case of house-serf girl Melania Sidorova seeking freedom from the landowner Vezeleva; Olympiada Nazarova, seeking freedom from Major Galun and some other cases, it is clear that there were complaints of torture and severe beatings by landlords. As a result of my remarks, the Judge informed me that a decision had been made in the uyezd court to oblige the landowners to make written confirmations.³¹

Aksakov dwelt in detail on the negligence shown by the uyezd and zemstvo courts in resolving issues concerning lower estates and non-Russians. With indignation, he wrote how much the decision on the fate of the girl Praskovya, who was begot by sailor Danila Vasil'ev in a peasant rank, was delayed. The provincial government sent her case to the uyezd court in order to “make a conclusion on this subject: whether Praskovya should be returned to the landowner’s possession or left with her father.” Censor Aksakov pointed out that while the uyezd court delayed the decision of this case, the law was not observed; after all, the sailor was not subject to a civil court. Even for his interrogation, according to the law, it was necessary to summon a deputy, “which was not done.”³²

The unsatisfactory condition of the courts was part of the overall picture of numerous violations, which were revealed by the inspection not without difficulty. In his letters from Astrakhan, Aksakov talked about the resistance to the inspection, which was overcome only when Senator Gagarin used all his strength to remove the local governor I. Timiryazev from office by the decision in the capital. Aksakov wrote, that after that the local officials stopped resisting the inspectors.

Mutual protection of local leaders in the face of the capital’s authorities became an object of denunciation in fiction and journalistic literature, starting with the famous *The Government Inspector* by N. Gogol. However, what Aksakov saw with his own eyes shocked him with the calmness and naive self-justification with which officials explained why their actions did not comply with the requirements of the law. Inspector Aksakov noted that due to the wretched interests, the local officials found the local order quite convenient and were not afraid of punishment.

Later, M. Saltykov-Shchedrin denounced this calmness and self-confidence of provincial chief officials as an obvious public evil. In the satirical essay

³¹ “Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnoho suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 21. RO IRLI.

³² *Ibid.*, l. 15.

“Zaveshchanie moim detyam” [Testament to my Children], his “hero” described the foundations of local mutual protection in terms typical of the descriptions of valor on the battlefield, thus ridiculing the false pathos of the nobility serving the throne. This is how the writer conveyed the determination of the local nobles to fight for each other in the face of whistleblowers:

We were all people, all human, all felt our weaknesses. If Khlobystovsky is to blame, Rasplyuev is to blame, Gvozdilov is to blame – can they cock their noses at each other? Well, we had discipline here, . . . a real, natural, so to speak, discipline. . . .For the most part, it turned out that they would make noise, make noise among themselves, and then determine: Stop! Why stop? Because, my lords, if you touch one of us, where would all the others go? Well, they are aiming their cannons, they’re letting their mutts loose again – we will not move, we will stand all as one! So what about our cannons? Here’s what: they will fire time and again, see that it is in vain, and go away.³³

In the face of mutual protection, when each decision-maker covered for others, it was difficult to isolate someone from the close-knit ranks of local leaders for trial and punishment. Gagarin’s exemplary inspection was noted as particularly successful, and inspector Aksakov was especially distinguished. According to Gagarin, Aksakov was “most graciously granted the rank of Collegiate Assessor” in June 1845.³⁴ (As we remember, it was this rank that the false government inspector Khlestakov dreamed of.)

Upon completion of the revision, Aksakov returned to his former service in the Moscow Senate. And then an interesting role reversal awaited him. In a letter to his associate, jurist F. Buhler, he indignantly wrote that on the eve of the revision from St Petersburg, his work in the office became unbearable. Aksakov was instructed to create an illusion of active professional activity on paper for the inspector, on which the Astrakhan officials he condemned did not want to waste time. Aksakov’s everyday life was now occupied with completely meaningless filling in empty spaces in the papers:

“We have too much white space in our desktop registers, we must fill it up, we must certainly cover it with writing, otherwise the minister will think that we are not doing anything. . . .” St[ate] Coun[selor] of His I[mperial] M[ajesty’s] court,

³³ M.E. Saltykov-Shchedrin, “Testament to My Children” [in Russian], in M.E. Saltykov-Shchedrin, *Collected Works* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969), vol. 17, 18–19.

³⁴ Cited in *Ivan Sergeevich Aksakov. Materials for the Chronicle of Life and Creative Work*, 53–54.

chamberlain Khanykov, who is at the chief prosecutor's desk, told me yesterday, a stupid log.³⁵

As can be seen from his other letters, Aksakov's irritation had another reason: his poetic works found their readers, but he was prevented from diving deeper into poetry and reflecting in it the living confession of a contemporary, who was searching, doubting, and full of thoughts, by Senate worries about the upcoming revision. The poems of Ivan Aksakov, known to the people of his circle, began to be published in the beginning of 1845. Aksakov won the praise of N. Gogol, who praised the civic pathos of the young poet:

There is a determined talent in the young man, a desire to adapt poetry to the cause and to a legitimate influence on current events.³⁶

Gogol gave this review to Aksakov's poem, ending with the words of bitter regret about the impossibility of changing unacceptable manifestations of public life:

And how many generations
Again await unrighteousness of fate,
The heavy burden of aspirations,
And *the offensiveness of events* (italics added. – T. B.),
And heartbreaking strife!³⁷

“The offensiveness of events” is highlighted by the author as an important concept for understanding the motivation of jurist Aksakov, who realized the importance of the educational tasks of domestic law studies. If we follow Speransky's thought, unlike abstract science of law, Russian equivalent of this concept – jurisprudence – implied the elevation of law in the court practices. Aksakov became the most zealous executor of this idea. His letters to his family are full of references to the systematic study of the Code of Laws and the success of its application during the inspection and in further judicial activity, when under the patronage of fellow lawyers, he managed to receive an appointment to the Kaluga Criminal Chamber in 1847.

³⁵ “I.S. Aksakov – to F.A. Buhler, April 26, 1845. Publication by V.G. Buchert”, in *Russian Archive. History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries* [in Russian], iss. 9 (Moscow: Studiia “TRITE” – Rossiiskii Arkhiv, 1999), 183–84.

³⁶ Cited in E.I. Annenkova, “Gogol and Ivan Aksakov: ‘Continuous Internal Processing’ as a Factor of Creativity” [in Russian], in *Gogol and the Ways of Development of Russian Literature. To the 200th Anniversary of I.S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings: A Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, April 1–3, 2018)*, ed. V.P. Vikulov (Moscow; Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 2019), 60–68.

³⁷ I.S. Aksakov, “Among the Suitable and the Lazy” [in Russian], in *Moscow Literary and Scholarly Collection* (Moscow: V tipografii Avgusta Semena, 1846), 216–17.

But the realities of legal proceedings, the wretchedness and “animal life” of law enforcement officers both in the provinces and in the capitals disappointed Aksakov. In letters to his closest legal associates, he frankly wrote that he had changed his views on the essence of the service and had to change the vector of his service. Following the voice of truth, he decided to move away from adherence to the letter of the law. In a letter to his associate D. Obolensky, he wrote:

I am strongly convinced that there are only two uses one can be of at service: (1) negative, i.e. not to take bribes, (2) private, and only when you allow yourself to break the law. What good is it that the law is observed when this observance of the law does not destroy evil, does not reward innocence.³⁸

A month later, having refused the once-coveted prosecutor’s position, he explained his decision in a letter to his friend Buhler:

my political opinions have taken a different direction, which, however, I have always sympathized with. And I don’t want to belong to the government, i.e. to what Russia suffers from. A noble official, a vile official, all the same, it is an official, a victim of the false and disastrous system, which must be fought against, which must be uprooted, not supported. I am convinced that it is impossible to bring common benefit in the service.³⁹

Aksakov now saw the general benefit only in public activities aimed at changing the system. In this intention, he was inspired by Gogol’s words of encouragement. Young Aksakov was ready to “arm himself” with all his talents in order to legally influence the current events. Zealous service to the law led jurist Aksakov to the need to reconsider the role of the educated class. Now he wanted not only to assert the legal order but also to “legitimately influence” the present. Thus, having freed himself from the dope of ambitious career prospects, he turned his attention to more correct, from his point of view, forms of approaching positive changes.

Aksakov hoped that as chairman of the Kaluga Criminal Chamber he would have more time for literary activities and that he would be able to retire soon. However, due to his responsibility, he became very actively involved in the activities of the Chamber, although he did not abandon the idea of leaving the service. In his letters to relatives of 1847–49 Aksakov noted with great pleasure how well he behaved in the face of the impending Senate inspection from the capital. While chairman of the Kaluga Criminal Chamber, lazy gambler Yakovlev, got cold feet, Aksakov calmly

³⁸ *Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters. An Epistolary Diary, 1838–1886. Preface, Commentary and Memoirs by A.F. Aksakova [in Russian], vol. 1, Letters, 1838–1849, comp. T.F. Prokopov (Moscow: Russkaya kniga, 2003), 189.*

³⁹ “I.S. Aksakov – to F.A. Buhler, May 21, 1845,” 185–86.

waited for it and did not make special orders before the inspection. In letters to his family, he wrote that he was not afraid of the inspection, because

the resolution of cases is carried out by me in the most conscientious manner and quite quickly, by the way . . . it is often necessary to choose articles from five or six volumes (of the code of laws. – T. B.) for some minor decision.⁴⁰

Even despising service as such, calling it “vile,” jurist Aksakov continued to be an ideal official, in whose hands the 15-volume Code of Laws was a means of establishing the correct order. He was pleased to note that despite the heaviness of the language, the new Criminal Code allowed the judge to make fairer decisions. It required judges to be much more responsible:

The punishments are very strict, but the judge has the right to take into account even the moral motives of the criminal, such as poverty, severe insult, and many others. Of course, this gives rise to great abuse. Meanwhile, I am glad of this because the title of judge rises, a deep understanding of a person is required of him, he is not a simple executor of the letter of the law, according to the spirit of these laws he is given a fairly large field for interpreting circumstances; probably some rogue, an uyezd judge, will begin to make such interpretations and reasoning that you will involuntarily regret the power given to him.⁴¹

Realizing his own professional superiority and a high level of moral pretensions, the capital jurist treated the uyezd judges in Astrakhan and judicial officials in Kaluga with undisguised contempt. In letters to his family, Aksakov accused his colleagues at the Kaluga Criminal Chamber of being unable to act and take responsibility for their decisions. Just like in Astrakhan, Kaluga officials did not know the laws well, but they also did not seek to learn them, being content with the ability to compile reporting documents about their activities. As a result, an impression was quite skillfully created on paper for the central authorities that the local officials had an idea of the requirements of the laws and the courts implemented the laws in practice as far as possible.

Aksakov formulated his most succinctly critical attitude to provincial justice in the preamble to the play *Scenes from the Court* in 1851. He emphasized that he had created a completely vulgar and familiar picture of provincial justice, the vices of which

are excused easily, get along with a condescending conscience, live next to the good qualities of the soul, even accept some completely sincere, good-natured

⁴⁰ “Aksakov I.S. – to Relatives, September 21, 1846,” 311.

⁴¹ “Aksakov I.S. – to Relatives, October 30, 1845,” 203.

physiognomy, lull the very consciousness with some kind of special simple-hearted logic.⁴²

In the play, Aksakov vividly demonstrated to the public the criminal leniency of judges who cruelly punished peasants and condoned the tyranny of landowners. Having led the readers of his play behind the closed doors of the court, the author seemed to invite them to become a collective inspector of the court's work. Unlike the official inspector, whose duty was to verify all the processes in the court room with the procedure prescribed by the Code of Law, the public became a moral inspector. The "offensiveness of events" of judicial proceedings behind closed doors was conveyed by Aksakov with thorough accuracy and with a large number of references to the Code of Laws of the Russian Empire. With those references to the Code, the play resembled his inspection reports of his younger years.

Unlike the squalid Astrakhan courts of lower instances, the provincial court portrayed by Aksakov in the play was praised by the governor and the minister himself, as the chairman of the court boastfully recalled in one of the acts of the play. The facade of the Nikolas's legality in the play was quite "decent" in form (order in the papers) and in content. By court decisions, a clear class hierarchy was established in the play, when the downtrodden peasants were reliably subordinated to the tyrant well-done landlords. A frank on-stage discussion of the need to "clean up" before the end of the year clarified how the picture of order in court cases and a decent facade of the system were created. At the same time, as Aksakov bitterly wrote, "the mechanism of the administration makes us forget about the goal, and all officials in Russia strive for written purification only."⁴³ However, according to Aksakov, the initial task under such governance should have been to clear the conscience of all officials.

Conclusion

All of Aksakov's works, written by him as a young legal theorist, inspector, judge and whistle-blower, reflected the problems of Russian justice in a certain way. The evolution of Aksakov's views from the idea of following the letter of the law in public service to the awareness of the need for public service was the result of his disappointment in the possibilities of administrative restructuring of justice. The personal experience of Aksakov, an official, considered in the article, reflected in diverse sources, is an important cross-section of the ideological climate for the preparation of judicial reform and professionalization of legal knowledge in Russia. Aksakov's experience is valuable evidence that allows us to understand why during the reign of Nicholas I, the need for fundamental transformations became more and

⁴² I.S. Aksakov, *Letters from the Provinces*, 5.

⁴³ "Aksakov I.S. – to Relatives, September 17, 1844," 152.

more pronounced among representatives of the enlightened stratum of society. Initially conceived in administrative logic, it gradually acquired the features of an increasingly influential ethical requirement.

Список литературы

Анисимова И.В. Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 1 (7). С. 207–228.

Анненкова Е.И. Гоголь и Иван Аксаков: «бесперывная внутренняя переработка» как фактор творчества // Гоголь и пути развития русской литературы. К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 01–03 апреля 2018 г.) / под редакцией В.П. Викулова. Москва, Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2019. С. 60–68.

Бибиков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 2. С. 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

Бикташева А.Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 691–698.

Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 10–23.

Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.

Крестьянников Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 3–20.

Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.

Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43–46.

Соколов Д.В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Новый ракурс. 2017. № 2. С.123–133.

Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

Lincoln W.B. Nikolai Miliutin, an enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977. 130 p.

References

Anisimova, I.V. “Imperskaya sudebnaya politika v Tsentral'noaziatskikh okrainakh vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: osnovnye formy, napravleniya i rezul'taty” [Imperial judicial policy in the Central Asian outskirts in the second half of the 19th – early 20th centuries: main forms, directions, and results]. *Journal of Frontier Studies*, vol. 7, no. 1 (2022): 207–28. (In Russian)

Annenkova, E.I. “Gogol' i Ivan Aksakov: ‘bespreryvnaya vnutrennyaya pererabotka’ kak faktor tvorchestva” [Gogol and Ivan Aksakov: “continuous internal processing” as a factor of creativity]. In *Gogol' i puti razvitiya russkoi literatury. K 200-letiyu I.S. Turgeneva. Vosemnadtsatye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 01–03 aprelya 2018 g.)* [Gogol and the ways of development of Russian literature. To the 200th anniversary of I.S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings: a collection of scientific articles based on the proceedings of the International scientific conference (Moscow, April 1–3, 2018)], edited by V.P. Vikulov, 60–68. Moscow, Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 2019. (In Russian)

Bibikov, G.N. “Nadzor III otdeleniya za chastnoi zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-e gg.)” [Supervision of the Third Department over the private life of provincial officials (1820s–1830s)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 2 (2019): 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108> (In Russian)

Biktasheva, A.N. “Mestnoe upravlenie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (po materialam senatorskikh revizii)” [Local authorities in Russia in the first quarter of the 19th century (based on the data of the inspections conducted by the Senate)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 158, bk. 3 (2016): 691–98. (In Russian)

Efimova, V.V. “Reviziya senatora D.O. Baranova kak istochnik po izucheniyu sostoyaniya gosudarstvennogo upravleniya v Olonetskoii gubernii vo vtoroi polovine XIX veka” [Senator D.O. Baranov’s inspection as a source for studying the state of public administration in Olonets Governorate in the second half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, no. 2 (93) (2008): 10–23. (In Russian)

Kirmse, S.B. *Imperiya zakonnosti. Yuridicheskie peremeny i kul'turnoe raznoobrazie v pozdneimperskoi Rossii* [The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late tsarist Russia], translated from English by A. Lange. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. (In Russian)

Krest'yannikov, E.A. “Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevolyutsionnoi Sibiri” [Scripts of introduction of justice of peace court in pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii*, no. 9 (2016): 3–20. (In Russian)

Lincoln, W.B. *Nikolai Miliutin: An Enlightened Russian Bureaucrat*. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977.

Motin, S.V. *Rossiiskii slavyanofil na pravookhranitel'noi sluzhbe. I.S. Aksakov – sotrudnik Ministerstva yustitsii i Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Imperii* [Russian Slavophile in law enforcement service. I.S. Aksakov as an official of the Ministry of Justice and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. Ufa: Ufimskii YuI MVD Rossii, 2017. (In Russian)

Motin, S.V. “‘Sudebnye stseny’ I.S. Aksakova, opublikovannye A.I. Gertsenom v ‘Polyarnoi zvezde’ v 1858 godu” [“Scenes from the court” by I.S. Aksakov published in the *Polyarnaya zvezda* by A.I. Herzen in 1858]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2 (2016): 43–46. (In Russian)

Sokolov, D.V. “Evolutsiya senatorskikh revizii v period 1722–1917 gg.” [Evolution of senatorial inspections during 1722–1917]. *Novyi rakurs*, no. 2 (2017): 123–33. (In Russian)

Wortman, R.S. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness], translated from English by M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Борисова – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>, tyuborisova@gmail.com, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия); НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (д. 16, ул. Союза Печатников, 190008 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Tat'yana Yu. Borisova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>, tyuborisova@gmail.com, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia), National Research University Higher School of Economics in St Petersburg (16, ul. Soyuz Pechatnikov, 190008 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 85–126.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 85–126.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

EDN RQJWBR

Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864)

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия;
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Amiran T. Urushadze

Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia;
European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Аннотация. Статья посвящена определению места и особенностей репрезентации Кавказской войны в российской публичной сфере XIX в. Рассматриваются причины периферийного характера дискуссий о Кавказской войне, среди которых выделяются проблемы путей коммуникации с далекой южной окраиной, увлеченность российского общества европейскими новостями и дефицит «кавказских» сообщений в российской печати. Подчеркивается роль русской романтической литературы о Кавказе, которая сформировала влиятельные образы края и его населения. В статье показано, что динамика публичного обсуждения Кавказской войны и связанных с ней вопросов имперской политики на южной окраине прямо зависела от изменения правительственного курса. Масштабные перемены в административном управлении регионом, назначение на ответственные должности популярных публичных фигур активизировали общественное внимание. Формулируется вывод, что различные официальные акторы использовали российскую публичную сферу как неформальное пространство политической конкуренции.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказская война, публичная сфера, кавказский наместник

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00649, «Формирование публичной сферы в России второй половины

© Урушадзе А.Т., 2024

© Urushadze A., 2024

XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>).

Для цитирования: Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 85–126, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864)

Abstract. The article is devoted to determining the place and features of the representation of the Caucasian War in the Russian public sphere in the 19th century. The reasons for the peripheral nature of discussions about the Caucasian War are considered, among which the problems of communication routes with the far southern outskirts, the fascination of Russian society with European news, and the shortage of “Caucasian” news items in the Russian press are highlighted. The role of Russian romantic literature about the Caucasus is emphasized, which formed influential images of the region and its population. The article shows that the dynamics of public discussion of the Caucasian War and related issues of imperial policy in the southern outskirts directly depended on the changes in the governmental policy. Large-scale changes in the administration of the region, the appointment of popular public figures to responsible positions intensified public attention. The conclusion is drawn that various official actors used Russian public sphere as an informal space of political competition.

Keywords: Russian Empire, Caucasian War, public sphere, Caucasian viceroy

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00649 “Formation of the Public Sphere in Russia in the Second Half of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Communicative Practices and Channels of Social Interaction,” <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

For citation: Urushadze, A.T. “The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 85–126, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

Введение

В декабре 1848 г. чиновник кавказской администрации А.Л. Зиссерман (1824–1897) выехал по служебным делам «в Россию». Так военные и чиновники Кавказского края называли тогда путешествие во внутренние российские губернии. По известным мемуарам А.Л. Зиссермана, он проехал в Петербург через Екатеринослав и Житомир, а обратно на Кавказ вернулся через Киев и Одессу, Крым и Тамань. Одним из самых сильных впечатлений той поездки для А.Л. Зиссермана стало поразившее его безразличие российской публики к событиям на Кавказе:

Помню, как в то пребывание в России меня поразило отсутствие в русском обществе самых элементарных сведений о Кавказе; представления о нем были самые забавные. Конечно, мы всегда больше интересовались положением какой-нибудь Бразилии, чем своего отечества и неведение оправдывалось крайне ограниченным числом печатных известий и еще более ограниченным числом желающих читать, но все же казалось

странным, что люди, так называемого образованного класса, относились с полным равнодушием к окраине, бывшей уже полвека в руках России, содержавшей там двухсоттысячную армию и приносившей громадные жертвы на борьбу с горцами, борьбу, казавшуюся бесконечной¹.

Мемуарное свидетельство А.Л. Зиссермана удивляет и сегодня. Действительно, на Кавказе к середине XIX в. успели послужить уже многие представители самых известных фамилий империи: Воронцовых, Барятинских, Гагариных, Голицыных. Там служил М.Ю. Лермонтов, бывал А.С. Пушкин, воевал и погиб А.А. Бестужев-Марлинский. Их произведения составили традицию «кавказских повестей», которая пользовалась популярностью у современников. Но петербургская публика была хорошо знакома с горцами не только по литературным сочинениям. В 1828 г. из представителей аристократических родов Северного Кавказа был сформирован Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, служивший при царском дворе.

Разумеется, о войне на Кавказе российское общество слышало и горцев из гвардейского полуэскадрона видело, но для понимания военно-политических задач империи в регионе и оценки трудностей, которые Россия пыталась преодолеть, т.е. для публичной дискуссии, этого было мало.

Основным местом обсуждения актуальных новостей в России первой половины XIX в. были светские салоны. Именно салоны как пространство неформального и равного общения выступали важной частью публичной сферы, которую, как писал Ю. Хабермас, образовывали двор и город². Публичная сфера состояла из тех, кто читал, говорил, слушал и смотрел, или, другими словами, – из читателей, зрителей и слушателей. В этом отношении салоны были универсальны: здесь обсуждали новости, читали новые литературные произведения, делились мнением о театральных представлениях. Как отметила О.С. Муравьева, «салон представлял собой сложную форму самоорганизации дворянской элиты, позволяющую объединить ее высокие интеллектуальные и художественные запросы с культом “элегантной жизни”»³.

Но перед тем как включаться в обсуждение определенной темы, необходимо получить сведения о событии, его героях и антигероях. В предлагаемой статье рассмотрено место и значение Кавказской войны в российской публичной сфере первой половины – середины XIX в. Эта исследовательская проблема

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. 1842–1851. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1879. С. 328–329.

² Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Ивановой. Москва: Весь мир, 2016. С. 82.

³ Муравьева О.С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // Литературный факт. 2022. № 4 (26). С. 140–182.

является многосоставной и включает несколько вопросов. Во-первых, через какие источники и информационные ресурсы российская публика узнавала о Кавказской войне? Во-вторых, каков был уровень осведомленности общества о военно-политическом противостоянии на Кавказе? В-третьих, как официальные власти влияли на публичную сферу?

Специальных работ, посвященных восприятию и обсуждению Кавказской войны в российской публичной сфере, историография не знает. В то же время, заметный историографический пласт составляют исследования, в которых проанализированы образы региона и темы Кавказской войны в российском общественном сознании XVIII–XIX вв.⁴, а также представления о Кавказе отдельных интеллектуалов⁵.

Изучение публичной сферы демаркируется от исследований «общественной мысли» и «общественного сознания» по нескольким параметрам. Предметом изучения выступают не только мнения и оценки выдающихся писателей и публицистов («властителей дум»), но вся информационная инфраструктура, в том числе периодические издания, правительственные манифесты и акты, салонные разговоры, публичные письма. Исследование публичной сферы предполагает анализ ситуации взаимодействия различных акторов, которые вступают в равную дискуссию по актуальной политической повестке. Наконец, изучать публичную сферу невозможно в отрыве от исторического контекста, который во многом определяет степень свободы высказывания («режим публичности») и результат общественного обсуждения («эффект публичности»)⁶.

Предлагаемая статья написана в диалоге с двумя наиболее фундаментальными и известными коллективными работами о проблемах публичного регистра русского языка и российской публичной сферы:

⁴ *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). Москва: Восточная литература, 2000; *Патракова В.Ф.* Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века // *Essequamvideri*. Вып. 2. Памяти Ю.И. Серого (1922–1986) / под редакцией А.В. Лубского, В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. С. 155; *Гатагова Л.С.* Образ Кавказа в русском общественном сознании (XVII–XIX вв.) // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)* / под редакцией В.В. Трепавлова. Тула: Гриф и К; Москва: Институт российской истории РАН, 2011. С. 153–199.

⁵ *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017; *Сулаберидзе Ю.С.* Восприятие Кавказа декабристами: культурный тип декабриста на Кавказе // *Исторический курьер*. 2020. № 6 (14). С. 53–71.

⁶ *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России* / составители Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 50–52.

«Синдромом публичной немоты» и «Несовершенной публичной сферой»⁷. В статье предпринята попытка, с одной стороны, проблематизировать идею сознательной политики имперских властей, которые стремились не допустить возможность социального диалога, а с другой – показать структурную нормальность российской публичной сферы.

Основная часть

Кавказская война, как и все проблемы интеграции южной окраины империи, долгое время находилась на периферии правительственной политики и внимания российского общества. При этом, по справедливому замечанию В.В. Лапина, информация о событиях на Кавказе распространялась в России четырьмя путями: «в письмах, в рассказах побывавших за Терекком и Кубанью, в материалах газет, а также на страницах книг и журналов»⁸.

Обсуждение вопроса о присоединении Восточной Грузии к державе Романовых растянулось в Государственном совете на полгода: с апреля по сентябрь 1801 г. Александр I сомневался в необходимости принятия нового владения в состав империи. Влиятельные сановники А.Р. Воронцов и В.П. Кочубей указывали, что «грузинский вопрос» отвлекал внимание императора от приоритетных задач внутреннего реформирования государства, «слишком уже обширного»⁹. И все же, большинство членов Государственного совета поддержали присоединение новой провинции. Отметим, что одним из аргументов в пользу присоединения стало донесение вице-президента Берг-коллегии А.А. Мусина-Пушкина о богатейших грузинских рудниках¹⁰. Впоследствии выяснилось, что эти и другие подобные сведения оказались сильно преувеличенными.

Присоединение Восточной Грузии потребовало выстроить с закавказским владением надежные коммуникации. Эта задача, в свою очередь, заставила Российскую империю обеспечить регулярный военно-политический контроль

⁷ «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / под редакцией Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. Москва: Новое литературное обозрение, 2017; Несовершенная публичная сфера.

⁸ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. С. 50.

⁹ Архив Государственного совета. Т. III. Царствование императора Александра I. 1801–1810 гг. Часть 2. Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. С. 1200.

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. С. 514.

над территорией Северного Кавказа. Так присоединение Восточной Грузии стало «спусковым механизмом» Кавказской войны¹¹.

В начале XIX в. российская публика почти ничего не знала о Кавказе и многочисленных народах, проживавших в этом регионе. Имперские администраторы постоянно проговаривались соответствующим образом. Главнокомандующий российскими войсками на Кавказе в 1802–1806 гг. генерал П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 7 января 1803 г. сообщал, что «военной же карты Кавказской линии я и доселе не имею, поелику приводится еще к окончанию»¹².

Спустя пятнадцать лет легендарный «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов в письме к М.С. Воронцову от 29 декабря 1816 г. признавался:

Я в такой земле (на Кавказе. – А. У.), где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей¹³.

В это время (1815–1818 гг.) М.С. Воронцов командовал российским оккупационным корпусом во Франции, и А.П. Ермолов в их личной переписке постоянно подчеркивал, что он, в отличие от друга, находится на краю мира и никогда не сможет снискать славы бессмысленным трудом:

Я в стране дикой, непросвещенной, которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека¹⁴.

Как отмечали современники, достоверные новости о войне на Кавказе редко проникали за границы региона:

На линии, по крайней мере, говорили о тамошнем крае, но здесь счастливые и беспечные малороссиянки едва знают, что войска наши в Грузии, а еще менее, что несчастный этот край окружен войною,

– писал А.Х. Бенкендорф из Херсона в марте 1804 г.¹⁵ Человек, уехавший из российских столиц на Кавказ, считался для публики мертвым. «Никто из моих

¹¹ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. С. 24.

¹² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 15.

¹³ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / составители Я.А. Гордин и др. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2011. С. 29.

¹⁴ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. С. 36.

коротких знакомых обо мне не хватит, всеми забыт, ни от кого ни строчки», – жаловался А.С. Грибоедов в 1819 г. в письме к Н.И. Гречу, издателю-редактору журнала «Сын Отечества»¹⁶.

Внимание российского общества в начале XIX в. было сфокусировано на европейских новостях. Приход к власти во Франции Наполеона Бонапарта, а затем войны антинаполеоновских коалиций закономерно интересовали публику больше событий на Кавказе. Кроме того, по удачному выражению А.Н. Пыпина, именно на царствование императора Александра I пришелся «наплыв общественно-политических идей»¹⁷. Публика активно обсуждала вопросы государственного устройства, внутренних преобразований, искала ответы в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Еще одним фактором «публичной немоты» о Кавказской войне было состояние дорог. Единственной логистической артерией, связывавшей российские столицы и административный центр южной окраины Тифлис, была Военно-Грузинская дорога. Однако сделать эту дорогу надежным каналом коммуникации в первой половине XIX в. так и не удалось, несмотря на все старания имперской администрации. Движению почты, курьеров, грузов и войск препятствовали, в первую очередь, природные катаклизмы: лавины, камнепады, сходы сели. В 1808, 1817 и 1832 гг. проезд по Военно-Грузинской дороге по нескольку месяцев был заблокирован. О масштабах разрушений в 1817 г. можно судить по сообщениям главноуправляющего путей сообщения, известного инженера Ф.П. де Воллана, который писал А.А. Аракчееву 29 августа 1817 г., что находит возможным лишь поддерживать дорогу «в сносном состоянии, чтобы не прервать вовсе по ней сообщения»¹⁸.

Дефицит новостей непосредственно из региона российские газетчики и журналисты компенсировали некритическим заимствованием информации из европейской прессы. Это приводило к тиражированию откровенных выдумок, публикация которых в России вызывала недовольство «кавказских» чиновников и офицеров. В уже приводившемся выше письме А.С. Грибоедова есть и упрек в адрес столичной публики, слишком доверявшей непроверенным

¹⁵ А.Х. Бенкендорф – М.С. Воронцову. 5 марта 1804 г., Херсон // Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. Письма графа А.Х. Бенкендорфа и С.Н. Марина. Москва: Университетская типография, 1889. С. 15.

¹⁶ Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса от 21 января 1819 года // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. II. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. Санкт-Петербург: Нотабене, 1999. С. 263.

¹⁷ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. С. 13.

¹⁸ О затруднениях сообщения между Грузией и Кавказской линией в виду разлития реки Терек, разрушившей мосты и дороги // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Раздел 1817 г. Д. 1983. Л. 1–3.

новостям: «... если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может называться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно»¹⁹.

Важнейшую роль в преодолении информационной блокады Кавказа играли ссыльные, в первую очередь декабристы. Но еще за месяц до выступления на Сенатской площади в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча были опубликованы «Отрывки о Кавказе» А.И. Якубовича. Он был переведен на Кавказ в 1818 г. за участие в качестве секунданта в дуэли А.П. Завадовского и В.В. Шереметева («четверная дуэль»)²⁰.

А.И. Якубович представил свой очерк по просьбе издателей «Северной пчелы» и, вероятно, передал его лично, так как в конце 1824 г. он получил отпуск и 1825 г. провел в Петербурге. Авторскую задачу А.И. Якубович видел в том, чтобы познакомить читателей «Северной пчелы» с «племенами Кавказа и образом их войны»²¹. Очерк состоит из двух частей. В первой автор сообщает сведения о двух этносах – карачаевцах и абадзехах, во второй – описывает военную повседневность.

Настоящим Колумбом истории Кавказской войны для российской читающей публики стал писатель-декабрист А.А. Бестужев (1797–1837). После активного участия в восстании на Сенатской площади его отправили в Роченсальмскую крепость на берегу Финского залива, а затем определили на поселение в Якутск, где он жил в 1828–1829 гг. Летом 1829 г. А.А. Бестужева перевели рядовым в состав Отдельного Кавказского корпуса. В 1830-е гг. кавказские повести А.А. Бестужева (под псевдонимом «Марлинский») печатались в столичных журналах «Московский телеграф», «Сын Отечества», «Библиотека для чтения»²².

Бестужевские сочинения имели громкий успех у публики. Один из современников писал, что они «тают в книжных лавках как моченый сахар... немногие книги идут так быстро»²³. Об успехе повестей А.А. Бестужева говорит и то, что в 1832 г. выходит пятитомное собрание его сочинений, однако, без указания имени и псевдонима²⁴. В прозе А.А. Бестужева образ Кавказа и Кавказской войны конструировался в соответствии с романтической

¹⁹ Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. II. С. 404.

²⁰ Декабристы. Биографический справочник / под редакцией М.В. Нечкиной. Москва: Наука, 1988. С. 209.

²¹ А[лександр]. Я[кубович]. Отрывки о Кавказе. (Из походных записок) // Северная пчела. 1825. № 138. С. 3–4.

²² Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. Санкт-Петербург: Наука, 1995. С. 618.

²³ Цит. по: Патракова В.Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века. С. 155.

²⁴ Русские повести и рассказы. Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1832.

традицией. Это производило большое впечатление на публику. Из воспоминаний А.Л. Зиссермана:

Мне было 17 лет, когда, живя в одном из губернских городов, я в первый раз прочитал некоторые сочинения Марлинского. Не стану распространяться об энтузиазме, с каким я восхищался «Амалат-беком», «Мулла-Нуром» и другими очерками Кавказа; довольно сказать, что чтение это родило во мне мысль *бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями* (курсив наш. – А. У.), неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетней головы, да еще у мальчика, с детства уже обнаруживавшего чрезвычайную склонность к ощущениям более сильным, чем обыкновенные школьные забавы²⁵.

Сходные чувства и мотивации испытывали и другие читатели кавказских повестей А.А. Бестужева, а в обществе было принято давать прозвища по именам героев «кавказских повестей». Так, например, молодых людей, проявлявших излишнюю пылкость и страстность, называли Аммалатами²⁶.

Произведения А.А. Бестужева и других романтиков создавали моду на Кавказ как на своеобразный «собственный Восток» Российской империи. Однако эта литература не могла стать точкой сборки публичной дискуссии. Основной функцией романтической литературы было развлечение. Попутно происходило конструирование ориенталистского образа Кавказа как страны благородных и странных дикарей. Красноречивую оценку этой традиции в конце 1860-х гг. дал российский исследователь региона и местных языков П.К. Услар (1816–1875):

В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, – тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать, сколько душе угодно, насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились «чему-нибудь и как-нибудь» в Петербурге, – сами всячески подделывались под Амалат-беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они казаться интересными, – иначе, что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах? Горцев не могли мы представить себе иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, – людей режущих направо и

²⁵ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). С. 7.

²⁶ Макаров Н. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь. Ч. I. Санкт-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1881. С. 108.

налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!²⁷

Цензура была милостива в отношении сочинений А.А. Бестужева, что можно объяснить их аполитичностью. Сам А.А. Бестужев надеялся на литературное признание и, видимо, рассчитывал также на социальную реабилитацию.

Но не все художественные произведения о войне на южной окраине империи были безопасны с точки зрения официальных властей. Публикация романа «Проделки на Кавказе» в 1844 г. вызвала заметный административный переполох и подставила под удар всех, так или иначе причастных к этому тексту. Автором романа была Е.П. Лачинова – жена генерала Н.Е. Лачинова, служившего на Кавказе в 1836–1840 гг. Судя по дневникам известной английской путешественницы Анны Листер, Е.П. Лачинова была хорошо известна в русском обществе Тифлиса и дружна со ссыльными декабристами, в том числе с А.А. Бестужевым²⁸.

Скрывшись под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов, Е.П. Лачинова опубликовала один из самых критичных текстов о Кавказской войне. В романе показаны многочисленные пороки региональной военной и гражданской администрации: мздоимство, nepotизм, казнокрадство, самодурство начальников. Один из главных героев «Проделок на Кавказе» – Александр Пустогородов, разжалованный в солдаты за участие в политическом заговоре и сосланный на Кавказ, где храбростью и распорядительностью возвратил себе офицерский чин и приобрел уважение сослуживцев. Именно Пустогородов формулирует в романе фундаментальные проблемы имперской политики на Кавказе, которые стоят на пути полноценной интеграции региона:

Первое из этих препятствий – различие веры, нравов и понятий; мы не понимаем этих людей, и они нас не понимают в самых лучших намерениях наших²⁹.

Согласно дневниковым записям А.В. Никитенко, военный министр А.И. Чернышев прочитал роман и ужаснулся. Вызвав к себе начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

²⁷ У[слар] П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. V. Народные сказания кавказских горцев. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 4–5.

²⁸ Хорошилова О.А. Джентльмен Джек в России. Невероятное путешествие Анны Листер. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. С. 315–317.

²⁹ Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. С. 131.

(СЕИВК) Л.В. Дубельта, военный министр сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда»³⁰. В конце мая 1844 г. Л.В. Дубельт сообщил министру народного просвещения С.С. Уварову, что в «Проделках на Кавказе» много «сомнительных мест, которые не должны быть передаваемы читающей публике»³¹. Книгу изъяли из книжных лавок Петербурга, но в Москве, по свидетельству А.В. Никитенко, «она уже успела разойтись в большом количестве экземпляров»³². Кроме того, большая рецензия на книгу Е.П. Лачиновой с пространными цитатами из опального романа была опубликована в июньском номере журнала «Отечественные записки». Автором рецензии, вероятно, был В.Г. Белинский. Из еще не разосланных экземпляров «Отечественных записок» рецензию буквально вырезали³³.

Случай с «Проделками на Кавказе» показывает, что институты власти Российской империи вступили, хотя и в специфической форме, в диалог с обществом. Признание военного министра А.И. Чернышева в правдивости лачиновских (хамар-дабановских) оценок российской политики на южной окраине и поспешно-неуклюжее изъятие из публичной сферы «Проделок на Кавказе» и рецензий на нее свидетельствуют именно о диалогическом контакте, а не о якобы имманентно присущих имперской власти «патерналистских устремлениях»³⁴.

Без этого показного запрета, притом очевидно обреченного на неудачу, российская публика могла бы и не заметить «Проделки на Кавказе». При этом все причастные к публикации романа и его фрагментов избежали радикальных взысканий. Московский цензор Н.И. Крылов, пропустивший книгу Е.П. Лачиновой, был отставлен из цензурного комитета, но сохранил за собой место декана юридического факультета Московского университета. Для редактора «Отечественных записок» А.А. Краевского эта история и вовсе не имела негативных последствий, хотя в 1847–1848 гг. за публикацию повестей М.Е. Салтыкова «Противоречие» и «Запутанное дело» А.А. Краевского вызвали в III Отделение СЕИВК и приказали вести журнал в «полном согласии с видами правительства»³⁵. Больше всех пострадала автор, Е.П. Лачинова, которую взяли под полицейский надзор. В России ее сочинения больше не печатались, но в

³⁰ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857 / под редакцией Н.Л. Бродского и др. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 282–283.

³¹ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 390.

³² *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 283.

³³ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 510–511.

³⁴ «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России. С. 49.

³⁵ *Демченко А.А.* «Отечественные записки» и цензура 1840-х – 1880-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 119–123.

1846 г. «Проделки на Кавказе» были опубликованы на немецком языке в Лейпциге³⁶.

Скандалная публикация романа Е.П. Лачиновой случилась накануне масштабных перемен в системе управления Кавказом. В ноябре 1844 г. Николай I призвал новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова занять специально учреждаемый пост кавказского наместника:

Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях, с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моего к вам доверия, не откажетесь исполнить мое ожидание³⁷.

М.С. Воронцов был одним из самых популярных людей в России второй четверти XIX в. Как отметила С.В. Самойлова,

за всю жизнь он приобрел у различных людей и в разных кругах массу достаточно эклектичных образов. Реальное начало данного процесса можно с уверенностью отнести ко времени нахождения графа во Франции, когда формируется его образ либерала, служебного фрондера, «оппозиционера предписанному»³⁸.

Для петербургской бюрократии резкая смена правительственного курса на Кавказе, от попыток полного административного слияния региона с внутренними российскими губерниями до фактического вывода местной администрации из министерского контроля, стала большим потрясением. Многолетний неофициальный руководитель имперской политики на Кавказе статс-секретарь М.П. Позен после конфликта с М.С. Воронцовым в январе 1845 г. был вынужден уйти в отставку. В обществе падение М.П. Позена встретили благожелательно, а многочисленные враги статс-секретаря хвалили кавказского наместника и утверждали, что

³⁶ Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. Москва: Дело, 2022. С. 258.

³⁷ Архив князя Воронцова. Кн. XL. Письма к князю М.С. Воронцову графов К.В. Нессельроде и А.Ф. Орлова. Москва: Университетская типография, 1895. С. 499–500.

³⁸ Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1995. С. 19.

если бы Воронцову и не удалось ничего сделать на новом его поприще, то одним удалением Позена он уже оказал огромную государственную заслугу государю и России³⁹.

Всеобщее восхищение М.С. Воронцовым вызвало некоторую ревность со стороны Николая I. В феврале 1845 г. в редакцию «Русского инвалида» – официальной газеты Комитета о раненых, а позднее Военного министерства – поступила рукопись статьи «Из письма в Москву», в которой подробно описывался торжественный прием кавказского наместника в Английском клубе столицы. Статью не пропустил в печать лично император, усмотревший неприличные выражения в произнесенных на празднестве речах. Так, генерал Н.Ф. Плаутин выразил

общее признательное чувство, что граф (М.С. Воронцов. – *А. У.*), несмотря ни на лета, ни на тяжкие труды свои, от которых имел бы право теперь успокоиться, снова решился выступить на обширное поприще трудов военных, лишь только общее доверие, выраженное священной волею монарха, воззвало к нему⁴⁰.

Напротив этих слов Николай I написал: «вовсе неприлично; благодарить могу я, а ни кто другой»⁴¹.

Назначение популярного и известного в обществе М.С. Воронцова на Кавказ и падение ненавистного многим М.П. Позена⁴² привлекли внимание публики к событиям на южной окраине империи. Это заметно по увеличившемуся с 1845 г. количеству сообщений о Кавказе в российской периодической печати, в частности, в «Московских ведомостях» (см. рисунок⁴³).

³⁹ Корф М.А. Записки. Москва: Захаров, 2003. С. 115.

⁴⁰ Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912. С. 4.

⁴¹ Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. С. 5.

⁴² Литвинова Т.Ф. Прижизненная репутация и историографическая судьба М.П. Позена // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (4). С. 44–50.

⁴³ При составлении диаграммы учитывались все сообщения, в которых упоминался Кавказский край, в том числе сообщения о движении офицеров, высочайших указах, ведомственные объявления и т.д. Автор благодарит Э.О. Сагинадзе за предоставленную информацию.

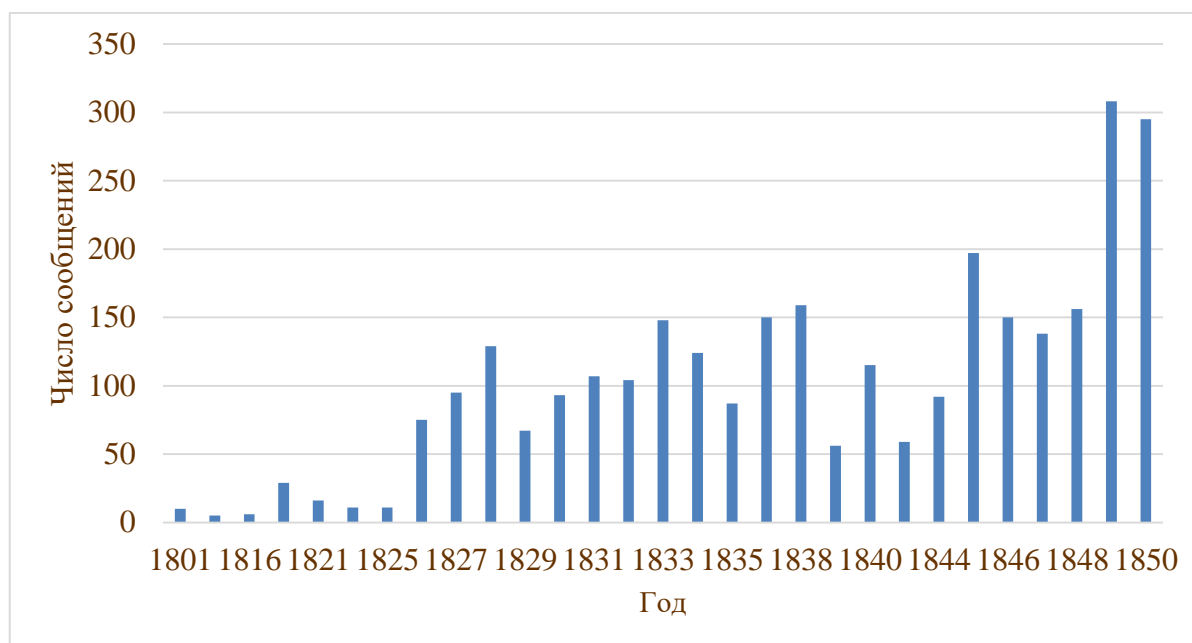

Рисунок. Кавказ и Кавказская война в сообщениях «Московских ведомостей», 1801–1850 гг.

Но во второй половине 1845 г. российская публика обсуждала не только сообщения «Московских ведомостей» и других газет, но и неофициальные сведения о провале Даргинской экспедиции, которые распространялись в письмах офицеров Отдельного Кавказского корпуса, слухах и разговорах.

План Даргинского похода разрабатывался в Петербурге при личном участии Николая I и предполагал нанесение решающего удара в центр имамата Шамиля – чеченское селение Дарго. Это должно было принудить горцев к капитуляции и завершить военные действия на Левом фланге Кавказской линии. В июле 1845 г. М.С. Воронцов взял Дарго, но Шамиль и его мюриды не собирались сдаваться. В итоге российский отряд был вынужден оставить Дарго. На обратном пути войска наместника понесли большие потери: из 12-тысячного отряда 4 тысячи погибли или были ранены, в том числе три генерала и десятки офицеров⁴⁴.

Однако в официальных сообщениях Даргинская экспедиция была признана большой победой:

Вы вполне оправдали мои ожидания, проникнув в недра гор дагестанских, считавшихся доселе неприступными. Приняв личное начальство над

⁴⁴ Даргинская трагедия. 1845 год / составитель Г.Г. Лисицына. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 23.

главным отрядом, вы собственным примером непоколебимой твердости и самоотвержения указали войскам путь к подвигам незабвенным⁴⁵,

– отмечал Николай I в высочайшем рескрипте кавказскому наместнику. Сообщения о походе и его итогах летом 1845 г. регулярно печатались в «Русском инвалиде» и также носили победно-триумфальный характер⁴⁶. Успех военной операции должны были подтвердить и щедрые награды всем его участникам. М.С. Воронцов был удостоен титула князя, офицеры получили повышения и/или ордена, солдатам раздали деньги.

Вместе с тем, в российском обществе распространилось мнение о провале военной экспедиции. Столицы не верили официальным сведениям. Московские разговоры о походе в Дарго стали предметом обсуждения в переписке двух старых приятелей, А.П. Ермолова и М.С. Воронцова⁴⁷.

Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и дать ему еще большую власть; что, если требуется неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, и еще оставался бы страх, что может прийти сам главный начальник и поправить, буде бы что не хорошо было сделано. Безрассудно говорят, будто бы теперь горцы несравненно сильнее будут сопротивляться всякому из генералов, когда за потери их, хотя, впрочем, значительные, нанесено нам не менее чувствительное поражение. Рассказчики выставляют потерю трех генералов, утверждая, что это без сильного поражения быть не могло. К сему присоединяются будто из получаемых писем заимствованные сведения, которых нет без сомнения. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобой дух должен упасть необходимо и что это, конечно, не легко поправить⁴⁸,

– писал А.П. Ермолов наместнику М.С. Воронцову 31 августа 1845 г.

⁴⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. С. 313–314.

⁴⁶ Русский инвалид. 1845. № 142 (28 июня), № 152 (10 июля), 153 (11 июля); Известия с Кавказа за 1845 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178.1. Кар. 11148. Ед. 14.

⁴⁷ Подробнее см.: *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1994.

⁴⁸ *Ермолов А.П.* Кавказские письма, 1816–1860 / под редакцией Я.А. Гордина. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2014. С. 462–463.

В письмах А.П. Ермолова можно найти множество указаний на критическое отношение московской публики к походу в Дарго. Так, в послании к Н.Н. Муравьеву от 10 октября 1845 г. подчеркивалось, что «...немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами»⁴⁹.

Нет сомнений, что М.С. Воронцов был уязвлен недоверием к его победным реляциям и тяжело переносил язвительную критику А.П. Ермолова, на которую тот, несмотря на многолетнюю дружбу, не скупился.

Неофициальное и невыгодное для М.С. Воронцова обсуждение Даргинского похода, видимо, привело кавказского наместника к идее активного контроля в публичной сфере. Инструментом реализации этой идеи могло стать новое специализированное издание. М.С. Воронцов хорошо понимал политическое значение институтов публичной печати. Сам он ежедневно читал европейские издания, прежде всего английские и французские газеты⁵⁰.

Уже в январе 1846 г. по инициативе М.С. Воронцова была учреждена газета «Кавказ», которую контролировала канцелярия наместника. «Кавказ», по заявлению редакции газеты, выполнял две взаимосвязанные задачи:

нас, русских, знакомит она (газета «Кавказ». – А. У.) с любопытною богатою страной, о которой мы знаем, кажется, меньше, нежели об Америке, и с которою, однако, судьба связала нас неразрывными узами братства и общих выгод; между туземцами распространяет мало-помалу охоту к чтению и укореняет понятия более чистые, образ мыслей и взгляд более образованные⁵¹.

Именно «Кавказ» должен был стать для российского общества главным источником сведений о событиях на южной окраине. По словам журналиста И.А. Сливацкого, возглавлявшего редакцию «Кавказа» в 1852–1855 гг.,

вообще, на здешние газеты нужно смотреть как на учебники, по которым Россия знакомится с Кавказом и Закавказьем, а учебники должны писаться сколько-нибудь опытными педагогами⁵².

⁴⁹ Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 464.

⁵⁰ Этой привычке М.С. Воронцов изменил только после начала Крымской войны в 1853 г. Он был потрясен этими событиями и, по выражению его личного врача Э.С. Андреевского, «возненавидел политику». См.: Из архива К.Э. Андреевского. Записки Э.С. Андреевского. Т. III / под редакцией С.А. Авалиани. Одесса: Типография акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1914. С. 353.

⁵¹ Кавказ. 1848. № 1 (3 января). С. 1.

⁵² Кавказ. 1850. № 74 (20-го сентября). С. 297.

«Кавказ» распространялся в Тифлисе, Одессе и Петербурге, что подчеркивало статус издания. Кроме того, другие российские издания, в том числе, такие влиятельные как «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид» перепечатывали сообщения из номеров «Кавказа».

Однако практику перепечатывания статей из «Кавказа» столичными изданиями вскоре ограничили. 24 октября 1850 г. министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов приказал петербургскому цензурному комитету следить за тем, чтобы известия о военных действиях перепечатывались газетами только после их публикации в «Русском инвалиде». Современники отмечали, что сведения об одних и тех же операциях Отдельного Кавказского корпуса, публикуемые в «Русском инвалиде» и «Кавказе», заметно отличались. «Кавказ» публиковал приказы М.С. Воронцова, которые «бывали иногда подробнее и интереснее», чем репортажи военного министра, выходившие в «Русском инвалиде»⁵³. По словам известного петербургского журналиста П.С. Усова, кавказского наместника «парализовали относительно публики, не выписывавшей газету “Кавказ”»⁵⁴.

В то же время «Кавказ» оставался доступен в столицах. Ограничения были связаны не с намерением властей тотально ограничить публичные дебаты, а, скорее, со служебно-иерархическими боями кавказского наместника с министрами и главноуправляющими⁵⁵.

Таким образом, структуры публичной сферы николаевской России были разнородны. Общество не только наблюдало за публичным информационным противостоянием правительства и кавказского наместника, но и имело возможность выбирать различные источники сведений о событиях на далекой южной окраине. В этой связи затруднительно рассматривать российскую публичную сферу 1830–1850-х гг. как период «активизации централизованной пропаганды»⁵⁶. Напротив, здесь заметна децентрализация, ведь даже корпоративно-властные противостояния становились достоянием гласности.

Российские публичные дебаты в первой половине – середине XIX в. формировались, в значительной степени, вокруг информационной повестки европейских и, прежде всего, французских газет и журналов. С началом Крымской войны (1853–1856) публикации французской прессы приобрели воинственный антироссийский характер. Всех противников Российской империи французские газетчики изображали героями, сражавшимися против

⁵³ Усов П.С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. Т. 12, № 5. С. 367–368.

⁵⁴ Усов П.С. Из моих воспоминаний. С. 368.

⁵⁵ Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs царские министры (1844–1853) // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 31–39.

⁵⁶ Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. С. 50.

варварской и деспотичной державы Николая I. Повышенное внимание французских журналистов, а вслед за ними писателей и театральных режиссеров, привлекала фигура имама Шамиля. Писатель П. Мерис (1818–1905) – ученик и близкий друг В. Гюго – написал пьесу «Шамиль», которая в 1854 г. была поставлена в парижском театре Сен-Мартен и пользовалась популярностью. Финалом пьесы стала высадка англо-французского десанта на черноморском побережье Кавказа и его соединение с войском Шамиля. Как известно, Шамиль действительно рассчитывал на удачное наступление союзников на Кавказе, такое развитие событий являлось, по сути, единственной надеждой предводителя горцев на успешное завершение Кавказской войны⁵⁷.

Ответом на пьесу П. Мериса и многочисленные публикации во французской печати стала обширная статья «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» сотрудников редакции «Кавказа» Е.А. Вердеревского и Н.Л. Дункель-Веллинга⁵⁸. Как отмечали авторы, «весь настоящий труд посвящен подробному и терпеливому разоблачению лжи, на которой основана смешная шамилемания Запада»⁵⁹.

Статья Е.А. Вердеревского и Н.Л. Дункель-Веллинга, опубликованная на русском языке, предназначалась российской публике. «Шамиль поближе» должен был, по замыслу его авторов, стать антидотом против французской «шамилеграфии». Вероятно, статья была встречена публикой позитивно, о чем говорит как ее отдельное издание в 1855 г. в виде брошюры, так и положительные оценки в литературной критике. «Итак, брошюра сообщает настоящие сведения о Шамиле и опровергает ложные, существующие в Париже, и делает то и другое удовлетворительно»⁶⁰, – писал в короткой рецензии редактор «Современника» Н.А. Некрасов.

Пик общественного обсуждения Кавказской войны пришелся на 1860-е гг. Это было связано со зримыми свидетельствами успехов Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии), пленением Шамиля в 1859 г. и с тем, что должность кавказского наместника занял великий князь Михаил Николаевич. Еще лишь одна окраина удостаивалась подобной чести –

⁵⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 452–467.

⁵⁸ Кавказ. 1854. № 95–100 (4, 8, 11, 15, 18, 22 декабря). Позднее статья вышла отдельным изданием: Вердеревский Е., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1855.

⁵⁹ Кавказ. 1854. № 95 (4 декабря). С. 385.

⁶⁰ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11, кн. 2. Критика, публицистика 1847–1869. Ленинград: Наука, 1990. С. 126–127.

Польша, где наместниками были великие князья Константин Павлович (1826–1830 гг.) и Константин Николаевич (1862–1863 гг.)

В 1860 г. в петербургском Пассаже цикл публичных лекций о Кавказской войне прочитал офицер Генерального штаба Д.И. Романовский, служивший на Кавказе в 1852–1858 гг.

Упорная война, которую правительство наше ведет на Кавказе в продолжении стольких лет, давно обратила на себя общее внимание. Последние славные успехи придали этой войне особый, живой интерес. Между тем недостаток сведений о Кавказе по настоящее время весьма ощутителен⁶¹,

– отмечал Д.И. Романовский во вводной лекции. Выступления Д.И. Романовского привлекли внимание публики и подробно описывались в прессе⁶². В том же году лекции были опубликованы отдельным изданием.

В начале 1861 г. ветераны Кавказской войны впервые собрались в Петербурге на «кавказский вечер», который был посвящен воспоминаниям о службе на южной окраине. Впоследствии эти собрания стали проходить ежегодно (4 февраля), их почетным председателем был выбран генерал В.М. Козловский, возглавлявший «вечера» вплоть до своей смерти в 1873 г.⁶³

Заметным событием стала публикация «Писем с Кавказа» Р.А. Фадеева, которые печатались «Московскими ведомостями» в 1864–1865 гг., а затем вышли отдельной книгой⁶⁴. Р.А. Фадеев воевал на Кавказе в 1840–1850-х гг. и с 1859 г. был ближайшим сотрудником кавказского наместника А.И. Барятинского. Именно Р.А. Фадеев ввел номинацию «Кавказская война» для обозначения различных военных конфликтов на южной окраине империи, которые происходили после присоединения Восточной Грузии в 1801 г.⁶⁵

⁶¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. С. 1–2.

⁶² Колосовская Т.А. Кавказ в служебной биографии и историко-литературном наследии генерал-лейтенанта Д.И. Романовского (1825–1881) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 45.

⁶³ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / под редакцией Л.Г. Захаровой. Москва: Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. С. 37–38.

⁶⁴ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова, 1865.

⁶⁵ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная Типография Главного Штаба Кавказской армии, 1860.

В «Письмах с Кавказа» Р.А. Фадеев не только сообщал сведения о событиях Кавказской войны, но и представил публике ее военно-стратегическое оправдание, имперскую идеологию этого военного конфликта, самого продолжительного в истории России. По мнению Р.А. Фадеева, борьба за Кавказ была частью большого геополитического противостояния России с другими ведущими европейскими державами, прежде всего, с Англией и Францией. Регион не мог оставаться самостоятельным в политическом отношении, поскольку, в случае установления здесь доминирования империи-конкурента, вся южная граница государства Романовых находилась бы под постоянной угрозой.

Внимание публики недолго было приковано к Кавказу и истории Кавказской войны. Грандиозные события Великих реформ, политический террор и, наконец, закономерный уход из публичной сферы многих ветеранов покорения Кавказа отодвинули Кавказскую войну на периферию общественного внимания. Как вспоминал Д.А. Милютин, «со времени же окончательного умиротворения Кавказского края и прежнее сочувствие к Кавказу заметно охладело»⁶⁶.

Заключение

Кавказская война занимала особое место в российской публичной сфере. Обсуждение событий военно-политического противостояния на южной окраине империи проходило параллельно с накоплением научных сведений об этнографии, хозяйственном и правовом укладе региона. В отсутствие надежных кавказоведческих описаний важнейшим навигатором в истории и современности края, охваченного войной, являлись литературные сочинения. Они способствовали формированию романтического образа Кавказа и Кавказской войны, который долгие годы задавал рамки понимания и узнавания региона и его повседневности. Российское правительство вплоть до 1840-х гг. не проводило заметных ограничительных интервенций в обсуждение в публичной сфере вопросов, связанных с Кавказской войной. Основным ограничителем выступал дефицит сведений и новостей, который можно было объяснить, в том числе, затрудненной логистикой и отсутствием соответствующей инфраструктуры.

На динамику обсуждения Кавказской войны в российской публичной сфере прямое влияние оказывала правительственная политика в отношении южной окраины и перемены ее курса. Учреждение наместничества и назначение кавказским наместником М.С. Воронцова привели к активизации

⁶⁶ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. С. 38.

общественного обсуждения Кавказской войны. Впоследствии служебно-иерархическое противостояние наместников и министров находило выражение в публичной сфере, где присутствовали сообщения о событиях Кавказской войны, по-разному транслируемые в региональной и центральной прессе.

Российская публичная сфера была пространством конкуренции различных официальных акторов за общественно-политическое влияние. Эта конкуренция приобретала особую интенсивность в условиях неразделенности общества и государства, характерного для Российской империи, где большинство представителей правящей дворянской корпорации имело несколько социальных валентностей: днем – чиновник, вечером – участник светского салона. Российская публичная сфера в XIX в. была неформальным продолжением формальной политики, что видно на примере взаимодействия общества и Кавказской войны.

Introduction

In December 1848, A. Zisserman (1824–97), an official of the Caucasian administration, went on official business “to Russia.” That is what the military officers and civil officials of the Caucasian Territory called the trip to the inner Russian provinces at that time. According to the famous memoirs of A. Zisserman, he came to St Petersburg through Yekaterinoslav and Zhitomir and returned to the Caucasus through Kiev and Odessa, Crimea and Taman. One of the strongest impressions of that trip for Zisserman was the indifference of the Russian public to the events in the Caucasus:

I remember how during that stay in Russia I was struck by the lack of the most basic information about the Caucasus in Russian society; the ideas about it were most amusing. Of course, we have always been more interested in the situation somewhere in Brazil than in our homeland, and the ignorance was justified by an extremely limited number of printed news and an even more limited number of the people who wanted to read, but still it seemed strange that people of the so-called educated class were completely indifferent to the outskirts, which had been in Russia’s hands for half a century, and Russia maintained an army of two hundred thousand there and made enormous sacrifices in the fight against the highlanders, the fight that seemed endless.¹

Zisserman’s memoir testimony is still surprising today. Indeed, by the middle of the 19th century, many representatives of the most famous families of the empire had already served in the Caucasus: the Vorontsovs, the Baryatinskys, the Gagarins, the Golitsyns. M. Lermontov served there, A. Pushkin had been there, A. Bestuzhev-Marlinsky fought and died there. Their works formed the tradition of the “Caucasian stories,” which were popular among the contemporaries. But St Petersburg’s public was well acquainted with the highlanders not only through literary works. In 1828, the Life-Guards Caucasian-Mountain Half-Squadron, which served at the royal court, was formed from representatives of the aristocratic families of the North Caucasus.

Of course, Russian society heard about the war in the Caucasus and saw the highlanders from the half-squadron, but that was not enough to understand the military and political tasks of the empire in the region and to assess the difficulties that Russia was trying to overcome, i.e. not enough for public discussion.

High society salons were the main place for discussing current news in Russia in the first half of the 19th century. It was the salons as a space of informal and equal communication that were an important part of the public sphere, which, as

¹ A.L. Zisserman, *Twenty-Five Years in the Caucasus (1842–1867)* [in Russian]. pt. 1, 1842–1851 (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1879), 328–29.

J. Habermas wrote, was formed by the court and the city.² The public sphere consisted of those who read, spoke, listened, and watched, or, in other words, of readers, viewers and listeners. In this regard, salons were universal: news was discussed, new literary works were read, and opinions on theatrical performances were shared there. As noted by O. Muravyova, “the salon represented a complex form of self-organization of the noble elite, allowing them to combine their high intellectual and artistic demands with the cult of ‘elegant life’.”³

However, before getting involved in the discussion of a certain topic, it is necessary to get information about the event and its heroes and antiheroes. The proposed article examines the place and significance of the Caucasian War in the Russian public sphere of the first half – middle of the 19th century. This research problem is multidimensional and includes several questions. Firstly, through what sources and information resources did the Russian public learn about the Caucasian War? Secondly, what was the level of public awareness about the military-political confrontation in the Caucasus? Thirdly, how did the official authorities influence the public sphere?

Historiography does not know any special works devoted to the perception and discussion of the Caucasian War in the Russian public sphere. At the same time, a notable historiographical layer consists of the studies that analyze the images of the region and the themes of the Caucasian War in the Russian public consciousness of the 18th–19th centuries⁴ as well as the ideas of individual intellectuals about the Caucasus.⁵

The study of the public sphere is demarcated from the studies of “public thought” and “public consciousness” in several ways. The subject of the study embraces not only the opinions and assessments of outstanding writers and opinion journalists

² J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [in Russian], trans. V.V. Ivanova (Moscow: Ves' mir, 2016), 82.

³ O.S. Murav'eva, “The Rise and Fall of High Literary Salons in the ‘Golden Age’” [in Russian], *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26) (2022): 140–82.

⁴ S.V. Soplentov, *A Journey to Arzrum: Russian Social Thought about the East (First Half of the 19th Century)* [in Russian] (Moscow: Vostochnaya literatura, 2000); V.F. Patrakova, “The Caucasian War in the Public Consciousness of Russia in the First Third of the 19th Century” [in Russian], in *Essequamvideri*, iss. 2, *In Memory of Yu.I. Seryi (1922–1986)*, ed. A.V. Lubskii, and V.V. Chernous (Rostov-on-Don: Antei, 2013), 148–60; L.S. Gatagova, “The Image of the Caucasus in the Russian Public Consciousness (17th–19th centuries)” [in Russian], in *Images of Regions in the Public Consciousness and Culture of Russia (17th–19th centuries)*, ed. V.V. Trepavlov (Tula: Grif i K; Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN2011), 153–99.

⁵ D.S. Dudarev, and S.L. Dudarev, *The North Caucasus through the Eyes of Representatives of Russian Society of the First Half – Mid-19th Century* [in Russian] (Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B, 2017); Yu.S. Sulaberidze, “The Perception of the Caucasus by the Decembrists: Decembrist Cultural Type in the Caucasus” [in Russian], *Istoricheskii kur'er*, no. 6 (14) (2020): 53–71.

(“rulers of thoughts”) but the entire information infrastructure, including periodicals, government manifestos and acts, salon conversations, and public letters. The study of the public sphere involves an analysis of the situation of interaction between various actors who enter into an equal discussion on the current political agenda. Finally, it is impossible to study the public sphere in isolation from the historical context, which largely determines the degree of freedom of expression (“publicity mode”) and the result of public discussion (“publicity effect”).⁶

The proposed article is written in dialogue with two of the most fundamental and well-known multi-author works on the problems of the public register of the Russian language and the Russian public sphere: “*Public Muteness Syndrome*” and *Imperfect Public Sphere*.⁷ The article attempts, on the one hand, to problematize the idea of a conscious policy of the imperial authorities, who sought to prevent the possibility of social dialogue, and on the other hand, to show the structural normality of the Russian public sphere.

Main body

Like all the problems of integration of the southern outskirts of the empire, the Caucasian War had long been on the periphery of government policy and the attention of Russian society. At the same time, according to V. Lapin’s fair remark, information about the events in the Caucasus was distributed in Russia in four ways: “in letters, in stories from those who visited the Terek and Kuban, in newspaper materials, and in the pages of books and magazines.”⁸

The discussion on the annexation of Eastern Georgia to the Romanov empire in the State Council took six months: from April to September 1801 Alexander I doubted the need to accept the new domain into the empire. Influential dignitaries A. Vorontsov and V. Kochubei pointed out that the “Georgian issue” distracted the emperor’s attention from the priority tasks of internal reforms of the state, which was “too extensive.”⁹ And yet, the majority of the members of the State Council supported the annexation of the new province. It should be noted that one of the arguments in favor of annexation was the report of Musin-Pushkin, the vice-president

⁶ T.M. Atnashev, T.V. Vaizer, and M.B. Velizhev, comps., *Imperfect Public Sphere. History of Publicity Modes in Russia* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021), 50–52.

⁷ N.B. Vakhtin, and B.M. Firsov, eds., “*Public Muteness Syndrome*”: *History and Modern Practices of Public Debate in Russia* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017); Atnashev, Vaizer, and Velizhev, *Imperfect Public Sphere*.

⁸ V.V. Lapin, *Russia’s Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Evropeiskii dom, 2008), 50.

⁹ *Archive of the State Council* [in Russian], vol. 3, *Reign of Emperor Alexander I. 1801–1810*, pt. 2 (St Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1878), 1200.

of the Berg Board, about the richest Georgian mines.¹⁰ Subsequently, it turned out that this and other similar information was greatly exaggerated.

The annexation of Eastern Georgia required reliable communications with the Transcaucasian domain. That task, in turn, forced the Russian Empire to ensure regular military and political control over the territory of the North Caucasus. Thus, the annexation of Eastern Georgia became the “trigger mechanism” of the Caucasian War.¹¹

At the beginning of the 19th century, the Russian public knew almost nothing about the Caucasus and the numerous peoples who lived in that region. The imperial administrators were constantly blurting it out accordingly. In a report to Emperor Alexander I on January 7, 1803, General P. Tsitsianov, Commander-in-chief of the Russian troops in the Caucasus in 1802–06, stated, “I still do not have a military map of the Caucasian line, since it is still being drawn up.”¹²

Fifteen years later, A. Ermolov, the legendary “Proconsul of the Caucasus”, confessed in the letter to M. Vorontsov dated December 29, 1816:

I am in such a land (in the Caucasus. – A. U.), where objects and activities that are unfamiliar to me, completely new to me, make me feel the shortcomings of my talents.¹³

At that time (1815–18), M. Vorontsov commanded the Russian occupation corps in France, and A. Ermolov constantly emphasized in their personal correspondence that unlike his friend, he was on the edge of the world and would never be able to gain fame through meaningless work:

I am in a wild, unenlightened country, whose existence seems to be based on all kinds of debauchery and disorder. The education of nations takes centuries, not a human lifetime.¹⁴

As contemporaries noted, reliable news about the war in the Caucasus rarely penetrated the borders of the region:

¹⁰ A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 1 (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866), 514.

¹¹ Ya.A. Gordin, *Caucasus: Land and Blood. Russia in the Caucasian War of the 19th Century* [in Russian] (St Peterburg: Zhurnal “Zvezda”, 2000), 24.

¹² A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 2 (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1868), 15.

¹³ Ya.A. Gordin et al., coms., *Caucasian Letters from A.P. Ermolov to M.S. Vorontsov* [in Russian] (St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2011), 29.

¹⁴ Gordin et al., *Caucasian Letters*, 36.

On the line, at least, they talked about that region, but here the happy and carefree Little Russian women hardly know that our troops are in Georgia, and even less that this unfortunate region is surrounded by war,

A. Benkendorf wrote from Kherson in March 1804.¹⁵ A man who left the Russian capitals for the Caucasus was considered dead for the public. “None of my acquaintances will miss me, everyone has forgotten, not a line from anyone,” A. Griboedov complained in a 1819 in a letter to N. Grech, editor and publisher of the magazine *Syn Otechestva*.¹⁶

In the early 19th century, the attention of Russian society was focused on European news. The rise to power of Napoleon Bonaparte in France and the wars of anti-Napoleonic coalitions after that naturally interested the public more than the events in the Caucasus. In addition, according to the apt expression of A. Pypin, it was the reign of Emperor Alexander I that underwent “an influx of socio-political ideas.”¹⁷ The public actively discussed the issues of government and internal transformations and sought answers in N. Karamzin’s *History of the Russian State*.

Another factor in the “public muteness” about the Caucasian War was the condition of the roads. The only logistical artery connecting the Russian capitals and the administrative center of the southern outskirts in Tiflis was the Georgian Military Road. However, it was never possible to make that road a reliable communication route in the first half of the 19th century despite all the efforts of the imperial administration. The movement of mail, couriers, cargo, and troops was hindered, first of all, by natural disasters: avalanches, rockfalls, and mudslides. In 1808, 1817, and 1832, passage along the Georgian Military Road was blocked for several months. The scale of the destruction in 1817 can be deduced from the reports of the chief of communication routes, famous engineer F. de Wollant, who wrote to A. Arakcheev on August 29, 1817 that he found it possible only to maintain the road “in a tolerable condition so as not to interrupt communications along it at all.”¹⁸

¹⁵ “A. Kh. Benckendorff to M.S. Vorontsov. March 5, 1804, Cherson” [in Russian], in *Archives of Prince Vorontsov* [in Russian], bk. 35, *Letters from Count A.Kh. Benkendorf and S.N. Marin* (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889), 15.

¹⁶ “Letter to the publisher of *Syn Otechestva* from Tiflis as of January 21, 19189” [in Russian], in A.S. Griboedov, *Complete Works* [in Russian], vol. 2, *Dramatic essays. Poems. Articles. Travel Sketches* (St Petersburg: Notabene, 1999), 263.

¹⁷ A.N. Pypin, *Social Movement in Russia under Alexander I* [in Russian] (St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001), 13.

¹⁸ “O zatrudneniyakh soobshcheniya mezhdru Gruziei i Kavkazskoi liniei v vidu razlitiya reki Terek, razrushivshei mosty i dorogi” [On the difficulties of communication between Georgia and the Caucasian line due to the flooding of the Terek River, which destroyed bridges and roads]. F. 1409, op. 1. Razdel 1817 g. D. 1983, ll. 1–3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

Russian newspapermen and journalists compensated for the lack of news directly from the region by uncritically borrowing information from the European press. That led to the circulation of outright fabrications, the publication of which in Russia caused discontent among the “Caucasian” officials and officers. In the letter of A. Griboedov cited above, there is also a rebuke to the metropolitan public, who trusted unverified news too much: “. . . If this region in relation to you, gentlemen from St Petersburg, can justly be called the land of oblivion, it is permissible to forget it, but not to invent or repeat absurdities about it.”¹⁹

The most important role in overcoming the information blockade of the Caucasus was played by exiles, primarily the Decembrists. But a month before the events on Senate Square, “Excerpts about the Caucasus” by A. Yakubovich was published in the *Severnaya Pchela* of F. Bulgarin and N. Grech. Yakubovich was transferred to the Caucasus in 1818 for his participation as a second in the duel between A. Zavadovsky and V. Sheremet'ev (“the quadruple duel”).²⁰

A. Yakubovich submitted his essay at the request of the publishers of the *Severnaya Pchela* and probably handed it over personally, since at the end of 1824 he was granted a leave and spent 1825 in St Petersburg. A. Yakubovich saw the author’s task in introducing the readers of the *Severnaya Pchela* to the “tribes of the Caucasus and the way of their war.”²¹ The essay consists of two parts. In the first part, the author provides information about two ethnic groups – the Karachai and the Abzakh; in the second part, he describes military daily life.

Decembrist writer A. Bestuzhev (1797–1837) was a real Columbus of the history of the Caucasian War for the Russian reading public. After active participation in the uprising on Senate Square, he was sent to the Rochensalm fortress on the shore of the Gulf of Finland, and then assigned to a settlement in Yakutsk, where he lived in 1828–29. In the summer of 1829, A. Bestuzhev was transferred to the Separate Caucasian Corps as a private. In the 1830s, the Caucasian novels by A. Bestuzhev (under the pseudonym Marlinsky) were published in the metropolitan magazines *Moskovskii telegraf*, *Syn Otechestva*, and *Biblioteka dlya chteniya*.²²

Bestuzhev’s works were a resounding success with the public. One of his contemporaries wrote that they “melt in bookstores like soaked sugar . . . few books sold as fast.”²³ The success of Bestuzhev’s stories is also evidenced by the fact that a five-volume collection of his works was published in 1832, however, without

¹⁹ Griboedov, *Complete Works*, vol. 2, 404.

²⁰ M.V. Nechkina, ed., *Decembrists. A Biographical Reference Book* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1988), 209.

²¹ A[leksandr]. Ya[kubovich]. “Excerpts about the Caucasus. (From Campaign Notes)” [in Russian], *Severnaya pchela*, no. 138 (1825): 3–4.

²² A.A. Bestuzhev-Marlinskii, *Caucasian Stories* [in Russian] (St Petersburg: Nauka, 1995), 618.

²³ Cited in Patrakova, “The Caucasian War in the Public Consciousness,” 155.

inclusion of his name and pseudonym.²⁴ In A. Bestuzhev's prose, the image of the Caucasus and the Caucasian War was constructed in accordance with the romantic tradition. It made a great impression on the audience. From the memoirs of A. Zisserman:

I was 17 years old when, living in one of the provincial towns, I read some of Marlinsky's works for the first time. I will not expand on the enthusiasm with which I admired "Amalat-bek," "Mullah-Nur," and other essays of the Caucasus; suffice it to say that that reading gave me the idea *to give up everything and fly to the Caucasus, to this promised land with its formidable nature, belligerent inhabitants, wonderful women, poetic sky, high, eternally snow-covered mountains, and other delights* (italics added. – A. U.), inevitably inflaming the imagination of a seventeen-year-old head, especially in a boy who has already shown since childhood an extraordinary tendency to the sensations stronger than ordinary school amusements.²⁵

Similar feelings and motivations were experienced by other readers of Bestuzhev's Caucasian tales, and it was customary in society to give nicknames by the names of the heroes of the "Caucasian stories." For example, young people who showed excessive ardor and passion were nicknamed Ammalats.²⁶

The works of A. Bestuzhev and other romantics created a fashion for the Caucasus as a kind of "its own East" of the Russian Empire. However, that literature could not become an assembly point for a public discussion. The main function of romantic literature was entertainment. Along the way, the Orientalist image of the Caucasus as a country of noble and strange savages was being constructed. An eloquent assessment of that tradition was given by Russian researcher of the region and local languages P. Uslar (1816–75) in the late 1860s:

In the era of romanticism, both nature and people in the Caucasus were incomprehensible. It was impossible to fantasize about nature – scientists would immediately expose the inconsistencies. But nothing prevented one from fantasizing about people as much as they wanted. Highlanders do not read Russian books and do not write refutations on them. The highlanders, who studied "something and somehow" in St Petersburg in those blissful times, imitated the Ammalat-beks, Kazbichs, etc in every possible way. In such a masquerade form, they could only seem interesting, or otherwise, what could be interesting about those under-educated cadets? We could hardly imagine the highlanders in the form other than that of the people possessed by some kind of

²⁴ *Russian Tales and Stories* [in Russian], (St Peterburg: Tipografiya N. Grecha, 1832).

²⁵ Zisserman, *Twenty-Five Years in the Caucasus*, 7.

²⁶ N. Makarov, *My Seventy-year-old Memories and at the Same Time My Complete Deathbed Confession* [in Russian], pt. 1 (St Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1881), 108.

madness, something like inflammation in the brain – cutting people right and left until they themselves are cut by a new generation of madmen. And there was a time when those frenzied children of our poetic imagination delighted a part of the Russian reading public!²⁷

Censorship was merciful towards the works of A. Bestuzhev, which can be explained by their apolitical nature. Bestuzhev himself hoped for literary recognition and, apparently, also counted on social rehabilitation.

But not all works of fiction about the war on the southern edge of the empire were safe from the point of view of the official authorities. The publication of the novel *Tricks in the Caucasus* in 1844 caused a noticeable administrative commotion and exposed everyone involved in this text in one way or another. The author of the novel was E. Lachinova, the wife of General N. Lachinov, who served in the Caucasus in 1836–40. Judging by the diaries of famous English traveller Anna Lister, E. Lachinova was well known in the Russian society of Tiflis and was friendly with the exiled Decembrists, including A. Bestuzhev.²⁸

Having concealed her identity under the pseudonym E. Khamar-Dabanov, E. Lachinova published one of the most critical texts about the Caucasian War. The novel shows numerous vices of the regional military and civil administration: bribery, nepotism, embezzlement, tyranny of superiors. One of the main characters of *Tricks in the Caucasus* is Aleksandr Pustogorodov, who was demoted to soldiers for participating in a political conspiracy and exiled to the Caucasus, where he regained his officer rank with bravery and efficiency and gained the respect of his colleagues. In the novel, it is Pustogorodov who formulates the fundamental problems of imperial policy in the Caucasus, which stand in the way of full-fledged integration of the region:

The first of these obstacles is the difference of faith, morals, and concepts; we do not understand these people, and they do not understand us in our best intentions.²⁹

According to the diary entries of A. Nikitenko, Minister of War A. Chernyshev read the novel and was horrified. He summoned L. Dubel't, the head of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and said, "This book is all the

²⁷ P. U[slar], "Something about the Verbal Works of the Highlanders" [in Russian], in *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*, vol. 1, sec. 4, *Folk Tales of the Caucasian Highlanders* (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1868), 4–5.

²⁸ O.A. Khoroshilova, *Gentleman Jack in Russia. The Incredible Journey of Anne Lister* [in Russian] (Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2022), 315–17.

²⁹ E. Khamar-Dabanov, *Tricks in the Caucasus* [in Russian] (Stavropol: Knizhnoe izdatel'stvo, 1986), 131.

more harmful because every line in it is true.”³⁰ At the end of May 1844, L. Dubel't informed Minister of Public Education S. Uvarov that there were many “dubious places in the *Tricks in the Caucasus* that should not be passed on to the reading public.”³¹ The book was withdrawn from bookshops in St Petersburg, but according to A. Nikitenko, a large number of copies had already been sold in Moscow.³² In addition, a long review of E. Lachinova's book with lengthy quotations from the disgraced novel was published in the June issue of the magazine *Otechestvennye Zapiski*. Probably, V. Belinsky was the author of the review. The review was literally cut out of the copies of *Otechestvennye Zapiski* that had not yet been sent out.³³

The case of the *Tricks in the Caucasus* shows that the institutions of power of the Russian Empire entered into a dialogue with society, albeit in a specific form. The admission by Minister of War A. Chernyshev the truthfulness of Lachina's (Khamar-Dabanov's) assessments of Russian policy in the southern outskirts and the hastily clumsy withdrawal of the book and its reviews from the public sphere indicate dialogical contact rather than “paternalistic aspirations,” allegedly inherent in the imperial government.³⁴

Without that ostentatious ban, which was obviously doomed to failure, the Russian public might have paid little attention to the *Tricks in the Caucasus*. At the same time, all those involved in the publication of the novel and its fragments escaped radical penalties. Moscow censor N. Krylov who permitted the publication of Lachinova's book was dismissed from the censorship committee but retained his position as dean of the Faculty of Law at Moscow University. For A. Kraevsky, the editor of the *Otechestvennye Zapiski*, that story did not have any negative consequences at all. However, A. Kraevsky was summoned to the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and ordered to maintain the magazine in “full agreement with the views of the government” after the publication of M. Saltykov's stories “Contradiction” and “An Entangled Case” in 1847–48.³⁵ E. Lachinova, who was taken under police supervision, suffered most of all. Her works were no longer published in Russia, but in 1846 *Tricks in the Caucasus* was published in German in Leipzig.³⁶

³⁰ A.V. Nikitenko, *Diary* [in Russian], vol. 1, 1826–1857, ed. N.L. Brodskii et al. (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955), 282–83.

³¹ Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 390.

³² Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 283.

³³ Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 510–11.

³⁴ Vakhtin, and Firsov, “*Public muteness syndrome*”, 49.

³⁵ A.A. Demchenko, “*Otechestvennye zapiski* and Censorship in the 1840s–1880s” [in Russian], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68) (2012): 119–23.

³⁶ S.M. Voloshina, *Power and Journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky and Others* [in Russian] (Moscow: Delo, 2022), 258.

The scandalous publication of the novel by E. Lachinova happened on the eve of large-scale changes in the system of the Caucasus' administration. In November 1844, Nicholas I called on the Novorossiysk Governor-General M. Vorontsov to take up the specially established post of the Caucasian viceroy:

Knowing your ever-ardent zeal for the benefits of the state, my choice fell on you in the conviction that you as commander-in-chief of the troops in the Caucasus and my viceroy in these regions, with unlimited authority, imbued with the importance of the assignment and my trust in you, will not refuse to fulfill my expectation.³⁷

M. Vorontsov was one of the most popular persons in Russia in the second quarter of the 19th century. As noted by S.V. Samoilova,

Throughout his life, he acquired a lot of quite eclectic images from various people and in different circles. The real beginning of that process can be confidently attributed to the time when the count was in France, when his image of a liberal, an official frondeur, an “oppositionist to the prescribed” was formed.³⁸

For the St Petersburg's bureaucracy, the abrupt change of government policy in the Caucasus from the attempts to completely merge the region with the internal Russian provinces to the actual withdrawal of the local administration from the ministerial control was a great shock. The long-term unofficial head of imperial policy in the Caucasus, State Secretary M. Posen, was forced to resign after a conflict with Vorontsov in January 1845. The fall of Posen was greeted favorably by society, and numerous enemies of the state secretary praised the Caucasian viceroy and claimed that

even if Vorontsov had failed to do anything in his new field, by removing Posen he had already rendered great state favor to the sovereign and to Russia.³⁹

The general admiration of M. Vorontsov caused some jealousy on the part of Nicholas I. In February 1845, the editorial office of *Russkii Invalid*, the official newspaper of the Committee on the Wounded, and later of the Ministry of War, received the manuscript of the article “From a Letter to Moscow,” which described in

³⁷ *Archives of Prince Vorontsov* [in Russian], bk. 40, *Letters to Prince M.S. Vorontsov from Counts K.V. Nesselrode and A.F. Orlov* (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1895), 499–500.

³⁸ S.V. Samoilova, “Count M.S. Vorontsov in the Socio-Political Life of Russia in the First Quarter of the 19th Century” (PhD thesis, Moscow State University, 1995), 19.

³⁹ M.A. Korf, *Notes* [in Russian] (Moscow: Zakharov, 2003), 115.

detail the solemn reception of the Caucasian viceroy at the English Club of the capital. The article was not allowed to be published personally by the emperor, who saw indecent expressions in the speeches delivered at the festival. For instance, General N. Plautin expressed

a general feeling of gratitude that despite both his age or his hard work, from which he would now have the right to retire, the Count (M. Vorontsov. – A. U.) again decided to enter the vast field of military labor, as soon as the general trust expressed by the sacred will of the monarch appealed to him.⁴⁰

Opposite these words, Nicholas I wrote: “Completely indecent; I can thank, but no one else.”⁴¹

The appointment of M. Vorontsov, who was popular and well-known in society, to the Caucasus and the fall of M. Posen,⁴² who was hated by many, attracted public attention to the events on the southern outskirts of the empire. This is noticeable in the increased number of items about the Caucasus in the Russian periodical press after 1845, in particular in the *Moskovskie vedomosti* (see the chart below⁴³).

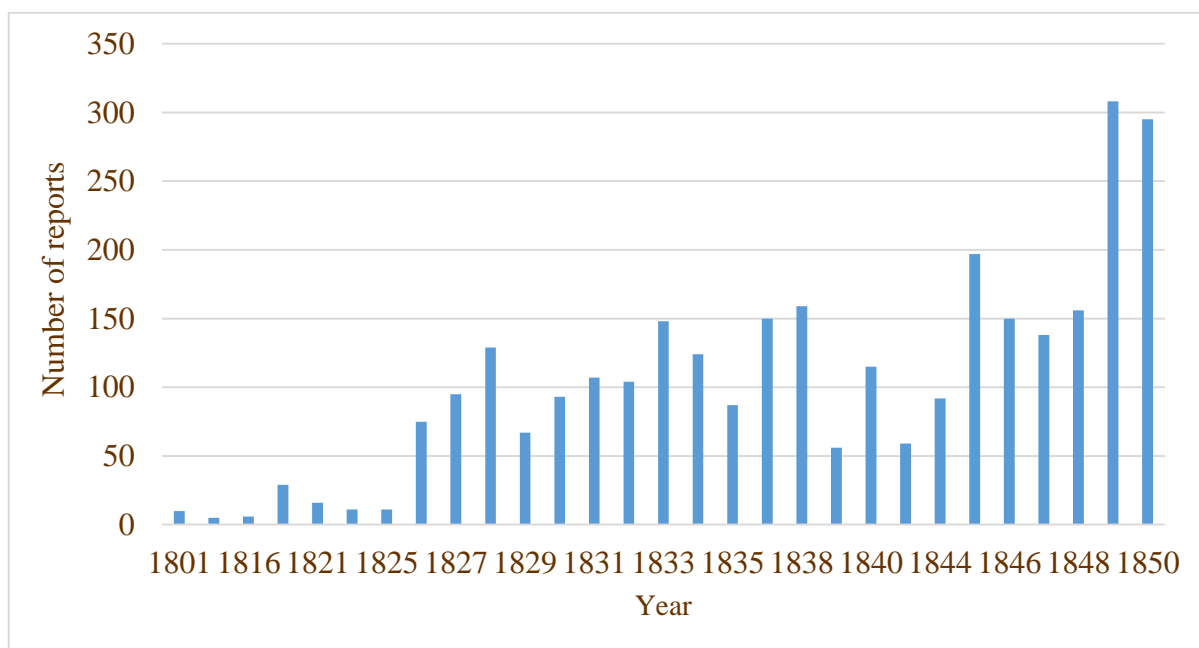

Figure. The Caucasus and the Caucasian War in the items of *Moskovskie vedomosti*, 1801–50

⁴⁰ I.I. Uspenskii, *Send-off of Count M.S. Vorontsov to the Caucasus* [in Russian] (Stavropol: Tipografiya Stavropol'skogo gubernskogo pravleniya, 1912), 4.

⁴¹ Uspenskii, *Send-off of Count M.S. Vorontsov*, 5.

⁴² T.F. Litvinova, “Lifetime Reputation and Historiographical Fate of M.P. Posen” [in Russian], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 4 (4) (2014): 44–50.

⁴³ When compiling the diagram, all information that mentioned the Caucasus region was taken into account, including news items about the movement of officers, the highest decrees, departmental announcements, etc. The author thanks E. Saginadze for the information provided.

However, in the second half of 1845, the Russian public discussed not only the pieces in *Moskovskie vedomosti* and other newspapers, but also unofficial information about the failure of the Dargo Expedition, which was distributed in the letters from the officers of the Separate Caucasian Corps, rumors, and conversations.

The plan of the Dargo campaign was developed in St Petersburg with the personal participation of Nicholas I and assumed a decisive blow to the center of Shamil's imamate, the Chechen village of Dargo. It was planned that the highlanders would be forced to surrender and the military operations on the Left flank of the Caucasian line would be completed. In July 1845, M. Vorontsov took Dargo, but Shamil and his murīds were not going to give in. As a result, the Russian detachment was forced to leave Dargo. On the way back, the viceroy's troops suffered heavy losses: out of the 12,000 detachment, 4,000 were killed or wounded, including three generals and dozens of officers.⁴⁴

However, the Dargo expedition was recognized as a great victory in official reports:

You have fully justified my expectations by penetrating the depths of the Dagestan mountains, which have been considered inaccessible before. Having assumed personal command over the main detachment, by your own example of unshakable firmness and dedication, you showed the troops the way to unforgettable feats.⁴⁵

This is what Nicholas I noted in the highest rescript to the Caucasian viceroy. Reports on the campaign and its results in the summer of 1845 were regularly published in the *Russkii Invalid* and were also victorious and triumphant.⁴⁶ The success of the military operation was to be confirmed by generous awards to all of its participants. M. Vorontsov was awarded the title of prince, the officers received promotions and/or orders, and money was given to the soldiers.

At the same time, the opinion about the failure of the military expedition was spreading in Russian society. The capitals did not believe the official information. Moscow talks about the Dargo campaign became the subject of discussion in the correspondence of two old friends, A. Ermolov and M. Vorontsov.⁴⁷

⁴⁴ G.G. Lisitsyna, comp., *The Dargo Tragedy. 1845* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", 2001), 23.

⁴⁵ A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 10 (Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885), 313–14.

⁴⁶ *Russkii invalid*, no. 142, June 28, 1845; no. 152, July 10, 1845; no. 153, July 11, 1845; *Izvestiya s Kavkaza* for 1845. F. 178.1, kar. 11148, ed. 14. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library], Moscow, Russia.

⁴⁷ For more, see M.A. Davydov, *His Majesty's Opposition* [in Russian] (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1994).

They say that it was better not to go to the mountains at all than for the commander-in-chief to put himself in the position of being pursued and surrounded; that the unsuccessful venture is certain to enhance Shamil's glory and give him even greater power; that if the immediate destruction of the village of Dargo was required, it was better to entrust it to one of the generals, and there would still be fear that the main commander himself might come and correct if something had not been done well. It is recklessly said that now the highlanders will be incomparably stronger to resist any of the generals, when their losses, although significant, have inflicted an equally sensitive defeat on us. The narrators expose the loss of three generals, arguing that it could not have happened without a severe defeat. This is complemented by the information, allegedly borrowed from the letters, which does not exist without an explanation. Against all evidence, they say that the spirit you have restored must fall, and that this, of course, is not easy to fix,⁴⁸

A. Ermolov wrote to the viceroy M. Vorontsov on August 31, 1845.

In Ermolov's letters, one can find many indications of the critical attitude of the Moscow public towards the Dargo campaign. For instance, in the letter to N. Muravyov dated October 10, 1845, it was emphasized that “. . . there are few who are surprised by this expedition and admire its results.”⁴⁹

There is no doubt that M. Vorontsov was wounded by distrust of his victorious speeches and had a hard time enduring the sarcastic criticism from A. Ermolov, who did not spare it despite many years of friendship.

The informal discussion of the Dargo campaign, unfavorable for Vorontsov, apparently led the Caucasian viceroy to the idea of active control in the public sphere. A new specialized publication could become a tool for implementing that idea. M. Vorontsov understood well the political importance of the institutions of public press. He read European periodicals, primarily English and French newspapers, every day.⁵⁰

Already in January 1846, the newspaper *Kavkaz* was established on the initiative of M. Vorontsov. It was controlled by the viceroy's office. According to the newspaper's editors, the *Kavkaz* performed two interrelated tasks:

⁴⁸ A.P. Ermolov, *Caucasian Letters, 1816–1860* [in Russian], ed. Ya.A. Gordin (St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2014), 462–63.

⁴⁹ Ermolov, *Caucasian Letters*, 464.

⁵⁰ M. Vorontsov changed this habit only after the outbreak of the Crimean War in 1853. He was shocked by those events and, as his personal physician E. Andreevsky put it, “conceive a hatred for politics.” See *From the Archives of K.E. Andreevsky. Notes of E.S. Andreevsky* [in Russian], vol. 3, ed. S.A. Avaliani (Odessa: Tipografiya aktsionernogo Yuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela, 1914), 353.

it (the newspaper *Kavkaz*. – A. U.) introduces us, Russians, to a curiously rich country, about which we seem to know less than about America, and with which, however, fate has bound us by indissoluble bonds of brotherhood and common benefits; little by little, it spreads the desire for reading among the natives, and it roots purer concepts, a way of thinking and a more educated outlook.⁵¹

It was the *Kavkaz* that was supposed to become the main source of information for Russian society about the events on the southern outskirts. According to journalist I. Slivitsky, who was editor-in-chief of the *Kavkaz* in 1852–55,

in general, local newspapers should be viewed as textbooks by which Russia gets acquainted with the Caucasus and Transcaucasia, and textbooks should be written by some experienced teachers.⁵²

The newspaper *Kavkaz* circulated in Tiflis, Odessa, and St Petersburg, which emphasized its status. In addition, other Russian periodicals, including such influential publications as *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, *Moskovskie vedomosti*, and *Russkii Invalid*, reprinted pieces from the issues of the *Kavkaz*.

However, the practice of reprinting articles from *Kavkaz* by metropolitan press was soon limited. On October 24, 1850, Minister of Public Education P. Shirinsky-Shikhmatov ordered St Petersburg's censorship committee to ensure that news of military operations was reprinted by newspapers only after its publication in the *Russkii Invalid*. Contemporaries noted that the information about the same operations of the Separate Caucasian Corps that was published in the *Russkii Invalid* and the *Kavkaz* differed markedly. The *Kavkaz* published the orders of M. Vorontsov, which “sometimes happened to be more detailed and interesting” than the reports of the Minister of War published in the *Russkii Invalid*.⁵³ According to famous St Petersburg journalist P. Usov, the Caucasian viceroy “was paralyzed in relation to the public who did not subscribe to the newspaper *Kavkaz*.”⁵⁴

At the same time, the *Kavkaz* remained available in the capitals. The restrictions were connected with official and hierarchical battles of the Caucasian viceroy with ministers and governors-in-chief⁵⁵ rather than with the intention of the authorities to totally limit public debate.

⁵¹ *Kavkaz*, no. 1. January 3, 1848, 1.

⁵² *Kavkaz*, no. 74. September 20, 1850, 297.

⁵³ P.S. Usov, “From My Memories” [in Russian], *Istoricheskii vestnik*, vol. 12, no. 5 (1883): 367–68.

⁵⁴ Usov, “From My Memories,” 368.

⁵⁵ A.T. Urushadze, “The Other Caucasian War: Caucasian Viceroy vs the Tsar’s Ministers (1844–1853)” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (64) (2019): 31–39.

Thus, the structures of Russia's public sphere under Nicholas I were heterogeneous. The society not only observed the confrontation between the government and the Caucasian viceroy but also had the opportunity to choose various sources of information about the events on the far southern outskirts of the empire. In this regard, the Russian public sphere in the 1830s–50s can hardly be considered as a period of “intensification of centralized propaganda.”⁵⁶ On the contrary, decentralization is noticeable here because even corporate-power confrontations became public.

Russian public debates in the first half to the middle of the 19th century were formed, to a large extent, around the information agenda of European and, above all, French newspapers and magazines. With the outbreak of the Crimean War (1853–56), publications in the French press acquired a militant anti-Russian character. French newspapermen portrayed all opponents of the Russian Empire as heroes who fought against the barbaric and despotic power of Nicholas I. The figure of Imam Shamil attracted the increased attention of French journalists, followed by writers and theater directors. Paul Meurice (1818–1905), a French novelist and playwright known for his friendship with Victor Hugo, wrote the play “Shamyl”, which was staged in the Parisian Saint Martin theatre in 1854 and was popular. The finale of the play was the landing of the Anglo-French assault force on the Black Sea coast of the Caucasus and its connection with Shamil's army. It is known that Shamil really counted on a successful allied offensive in the Caucasus, and such a development of events was, in fact, the only hope for the leader of the highlanders to finish the Caucasian War successfully.⁵⁷

The response to the play by P. Meurice and numerous publications in the French press was an extensive article “Shamil in Paris and Shamil A Little Closer” by the editors of the *Kavkaz* E. Verderevsky and N. Dunkel-Welling.⁵⁸ As the authors noted, “the entire work was devoted to the detailed and patient exposure of the lies on which the ridiculous shamilemania of the West was based.”⁵⁹

The article by E. Verderevsky and N. Dunkel-Welling, published in Russian, was intended for the Russian public. According to its authors, “Shamil A Little Closer” was supposed to become an antidote against the French “shamilography.” The article must have been received by the public well, which is evidenced by its separate publication in 1855 in the form of a brochure as well as positive reviews. “So, the brochure provides real information about Shamil and refutes the lies that circulate in

⁵⁶ Atnashev, Vaizer, and Velizhev, *Imperfect Public Sphere*, 50.

⁵⁷ N.I. Pokrovskii, *The Caucasian Wars and Shamil's Imamate* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 452–67.

⁵⁸ *Kavkaz*, no. 95–100, December 4, 8, 11, 15, 18, 22, 1854. The article was published as a separate edition later (E. Verderevskii, and N. Dunkel-Welling, *Shamil in Paris and Shamil A Little Closer* [in Russian] (Tiflis: Tipografiya Kantselyarii namestnika kavkazskogo, 1855).

⁵⁹ *Kavkaz*, no. 95, December 4, 1854, 385.

Paris, and does both things satisfactorily,”⁶⁰ N. Nekrasov, the editor of the *Sovremennik*, wrote in a short review.

The peak of public discussion of the Caucasian War occurred in the 1860s. That was due to the visible evidence of the success of the Separate Caucasian Corps (the Caucasian Army after 1857), the capture of Shamil in 1859, and the fact that the post of Caucasian viceroy was taken by Grand Duke Mikhail Nikolaevich. Only one other outskirt was awarded such an honor. It was Poland, where viceroys were Grand Duke Konstantin Pavlovich (1826–30) and Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1862–63).

In 1860, D. Romanovsky, an officer of the General Staff who served in the Caucasus in 1852–58, delivered a series of public lectures on the Caucasian War in the St Petersburg’s Passage.

The persistent war that our Government has been waging in the Caucasus for so many years attracted general attention long ago. Recent glorious success has lent this war a special, lively interest. Meanwhile, shortage of information about the Caucasus is still very noticeable,⁶¹

D. Romanovsky noted in the introductory lecture. Romanovsky’s lectures attracted the attention of the public and were described in detail in the press.⁶² In the same year, the lectures were published in a separate edition.

At the beginning of 1861, veterans of the Caucasian War gathered in St Petersburg for the first time for a “Caucasian evening”, which was dedicated to memories of service on the southern outskirts. Subsequently, these meetings began to be held annually (February 4), General V. Kozlovsky was chosen honorary chairman and presided over the evenings until his death in 1873.⁶³

A notable event was the publication of “Letters from the Caucasus” by R. Fadeev, which were published in the *Moskovskie vedomosti* in 1864–65, and then came out as a separate book.⁶⁴ R. Fadeev fought in the Caucasus in the 1840s–50s and from 1859 on, he was the closest colleague of the Caucasian viceroy A. Baryatinsky. It was

⁶⁰ N.A. Nekrasov, *Complete Collection of Works and Letters* [in Russian], vol. 11, bk. 2, *Criticism, Journalism 1847–1869* (Leningrad: Nauka, 1990), 126–27.

⁶¹ D.I. Romanovskii, *The Caucasus and the Caucasian War. Public Lectures Delivered in the Passage Hall in 1860* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1860), 1–2.

⁶² T.A. Kolosovskaya, “The Caucasus in Service Biography and Historical and Literary Heritage of Lieutenant General D.I. Romanovsky (1825–1881)” [in Russian], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 42–49.

⁶³ L.G. Zakharova, ed., *Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862* [in Russian] (Moscow: Redaktsiya al'manakha “Rossiiskii Arkhiv”, 1999), 37–38.

⁶⁴ R.A. Fadeev, *Letters from the Caucasus to the Editor of “Moskovskie Vedomosti”* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova, 1865).

R. Fadeev who introduced the name “Caucasian War” to designate various military conflicts on the southern edge of the empire that took place after the annexation of Eastern Georgia in 1801.⁶⁵

In “Letters from the Caucasus”, R. Fadeev not only provided information about the events of the Caucasian War but also presented to the public its military strategic justification, the imperial ideology of that military conflict, the longest in Russian history. According to Fadeev, the struggle for the Caucasus was part of a larger geopolitical confrontation between Russia and other leading European powers, Britain and France in particular. The region could not remain politically independent, and if a rival empire had established dominance there, the entire southern border of the Romanov’s state would have been under constant threat.

The public’s attention was not focused on the Caucasus and the history of the Caucasian War for a long time. The grandiose events of the Great Reforms, political terror and, finally, the natural withdrawal from the public sphere of many veterans of the conquest of the Caucasus pushed the Caucasian War to the periphery of public attention. D. Milyutin recalled, “After the final pacification of the Caucasian region, the former sympathy for the Caucasus noticeably reduced.”⁶⁶

Conclusion

The Caucasian War took a special place in the Russian public sphere. The discussion of the events of the military-political confrontation on the southern outskirts of the empire unfolded in parallel with the accumulation of scientific information about the ethnography, economic and legal structure of the region. In the absence of reliable historical descriptions, literary works were the most important navigator in the history and modernity of the region engulfed by war. They contributed to the formation of a romantic image of the Caucasus and the Caucasian War, which defined the framework for understanding and recognizing the region and its everyday life for many years. Until the 1840s, the Russian government did not make any noticeable restrictive interventions in the discussion of the issues related to the Caucasian War in the public sphere. The main constraint was the lack of information and news, which could be explained, among other things, by difficult logistics and the lack of appropriate infrastructure.

The dynamics of the discussion of the Caucasian War in the Russian public sphere was directly influenced by government policy towards the southern outskirts and changes in its course. The establishment of the viceroyalty and the appointment of M. Vorontsov as the Caucasian viceroy led to the intensification of public discussion of the Caucasian War. Subsequently, the official-hierarchical confrontation between

⁶⁵ R.A. Fadeev, *Sixty Years of the Caucasian War* [in Russian] (Tiflis: Voенно-Pokhodnaya Tipografiya Glavnogo Shtaba Kavkazskoi armii, 1860).

⁶⁶ Zakharova, *Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin*, 38.

the viceroys and ministers found its expression in the public sphere, where the communications about the events of the Caucasian War were variously broadcast by the regional and central press.

The Russian public sphere was a space of competition of various official actors for socio-political influence. That competition became particularly intense in the conditions of the inseparability of society and the state, characteristic of the Russian Empire, where most representatives of the ruling noble corporation had several social valences: officials during the day and members of high society salons at night. The Russian public sphere of the 19th century was an informal continuation of formal policy, as can be seen from the example of the interaction of society and the Caucasian War.

Список литературы

Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. Москва: Дело, 2022. 664 с.

Гатагова Л.С. Образ Кавказа в русском общественном сознании (XVII–XIX вв.) // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)* / под редакцией В.В. Трепавлова. Тула: Гриф и К; Москва: Институт российской истории РАН, 2011. С. 153–199.

Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.

Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 191 с.

Даргинская трагедия. 1845 год / составитель Г.Г. Лисицына. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. 612 с.

Демченко А.А. «Отечественные записки» и цензура 1840-х – 1880-х гг. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2012. № 4 (68). С. 119–123.

Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / составители Я.А. Гордин и др. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2011. 376 с.

Колосовская Т.А. Кавказ в служебной биографии и историко-литературном наследии генерал-лейтенанта Д.И. Романовского (1825–1881) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2021. № 2. С. 42–49.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 400 с.

Литвинова Т.Ф. Прижизненная репутация и историографическая судьба М.П. Позена // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки.* 2014. № 4 (4). С. 44–50.

Муравьева О.С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // *Литературный факт.* 2022. № 4 (26). С. 140–182.

Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / составители Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 744 с.

Патракова В.Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века // *Essequamvideri*. Вып. 2. Памяти Ю.И. Серого (1922–1986) / под редакцией А.В. Лубского, В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. С. 148–160.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 511 с.

Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. 556 с.

Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1995. 22 с.

«Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / под редакцией Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). Москва: Восточная литература, 2000. 210 с.

Сулаберидзе Ю.С. Восприятие Кавказа декабристами: культурный тип декабриста на Кавказе // *Исторический курьер*. 2020. № 6 (14). С. 53–71.

Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs царские министры (1844–1853) // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 3 (64). С. 31–39.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Ивановой. Москва: Весь мир, 2016. 344 с.

Хорошилова О.А. Джентльмен Джек в России. Невероятное путешествие Анны Листер. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 400 с.

References

Atnashev, T.M., T.V. Vaizer, and M.B. Velizhev, comps. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [Imperfect public sphere. History of publicity modes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. (In Russian)

Davydov, M.A. *Oppozitsiya Ego Velichestva* [His Majesty's opposition]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1994. (In Russian)

Demchenko, A.A. “‘Otechestvennye zapiski’ i tsenzura 1840-kh – 1880-kh gg. [*Otechestvennye zapiski* and censorship in the 1840s – 1880s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68) (2012): 119–23. (In Russian)

Dudarev, D.S., and S.L. Dudarev. *Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B, 2017. (In Russian)

Gatagova, L.S. “Obraz Kavkaza v russkom obshchestvennom soznanii (XVII–XIX vv.)” [The image of the Caucasus in the Russian public consciousness (17th–19th centuries)]. In *Obrazy regionov v obshchestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII–XIX vv.)* [Images of regions in the public consciousness and culture of Russia (17th–19th centuries)], edited by V.V. Trepavlova, 153–99. Tula: Grif i K; Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2011. (In Russian)

Gordin, Ya.A. *Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka* [Caucasus: land and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century]. St Peterburg: Zhurnal “Zvezda”, 2000. (In Russian)

Gordin, Ya.A. et al., comps. *Kavkazskie pis'ma A.P. Ermolova M.S. Vorontsovu* [Caucasian letters from A.P. Ermolov to M.S. Vorontsov]. St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2011. (In Russian)

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society], translated from German by V.V. Ivanova. Moscow: Ves' mir, 2016. (In Russian)

Khoroshilova, O.A. *Dzhentl'men Dzhek v Rossii. Neveroyatnoe puteshestvie Anny Lister* [Gentleman Jack in Russia. The incredible journey of Anne Lister]. Moscow. Mann, Ivanov i Ferber, 2022. (In Russian)

Kolosovskaya, T.A. “Kavkaz v sluzhebnoi biografii i istoriko-literaturnom nasledii general-leitenanta D.I. Romanovskogo (1825–1881)” [The Caucasus in service biography and historical and literary heritage of Lieutenant General D.I. Romanovsky (1825–1881)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 42–49. (In Russian)

Lapin, V.V. *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [Russia's Army in the Caucasian War of the 18th–19th centuries]. St Petersburg: Evropeiskii dom, 2008. (In Russian)

Lisitsyna, G.G., comp. *Darginskaya tragediya. 1845 god* [The Dargo tragedy. 1845]. St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala “Zvezda”, 2001. (In Russian)

Litvinova, T.F. “Prizhiznennaya reputatsiya i istoriograficheskaya sud'ba M.P. Pozena” [Lifetime reputation and historiographical fate of M.P. Posen]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 4 (4) (2014): 44–50. (In Russian)

Murav'eva, O.S. “Rastsvet i razrushenie svetskikh literaturnykh salonov ‘zolotogo veka’” [The rise and fall of high literary salons in the “Golden Age”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26) (2022): 140–82. (In Russian)

Nechkina, M.V., ed. *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* [Decembrists. A biographical reference book]. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)

Nikitenko, A.V. *Dnevnik* [Diary]. 3 vols. Vol 1, 1826–1857. Edited by N.L. Brodskii et al. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. (In Russian)

Patrakova, V.F. “Kavkazskaya voina v obshchestvennom soznanii Rossii pervoi treti XIX veka” [The Caucasian War in the public consciousness of Russia in the first third of the 19th century]. In *Essequamvideri*, iss. 2, *Pamyati Yu.I. Serogo (1922–1986)* [In memory of Yu.I. Seryi (1922–1986)], edited by A.V. Lubskii, and V.V. Chernous, 148–60. Rostov-on-Don: Antei, 2013. (In Russian)

Pokrovskii, N.I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilya* [The Caucasian wars and Shamil's imamate]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000. (In Russian)

Pypin, A.N. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Social movement in Russia under Alexander I]. St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001. (In Russian)

Samoilova, S.V. “Graf M.S. Vorontsov v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii pervoi chetverti XIX veka” [Count M.S. Vorontsov in the socio-political life of Russia in the first quarter of the 19th century]. PhD thesis, Moscow State University, 1995. (In Russian)

Soplenkov, S.V. *Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX v.)* [A journey to Arzrum: Russian social thought about the East (first half of the 19th century)]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. (In Russian)

Sulaberidze, Yu.S. “Vospriyatie Kavkaza dekabristami: kul'turnyi tip dekabrista na Kavkaze” [The perception of the Caucasus by the Decembrists: Decembrist cultural type in the Caucasus]. *Istoricheskii kur'er*, no. 6 (14) (2020): 53–71. (In Russian)

Urushadze, A.T. “Drugaya Kavkazskaya voina: kavkazskii namestnik vs tsarskie ministry (1844–1853)” [The other Caucasian War: Caucasian viceroy vs the tsar’s ministers (1844–1853)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (64) (2019): 31–39. (In Russian)

Vakhtin, N.B., and B.M. Firsov, eds. “*Sindrom publichnoi nemoty*”: *istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii* [“Public muteness syndrome”: history and modern practices of public debate in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Voloshina, S.M. *Vlast' i zhurnalistika. Nikolai I, Andrei Kraevskii i drugie* [Power and journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky and others]. Moscow: Delo, 2022. (In Russian)

Информация об авторе

Амиран Тариелович Урушадзе – кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>, aurushadze@eu.spb.ru, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (д. 16, ул. Софьи Ковалевской, 620108 Екатеринбург, Россия); доцент, декан факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия).

Author information

Amiran T. Urushadze – Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>, aurushadze@eu.spb.ru, Senior Research Fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, ul. Sof'i Kovalevskoi, 620108 Yekaterinburg, Russia); Associate Professor, Dean of the Department of History, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 08.11.2023.

The article was submitted 14.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 08.11.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 127–176.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 127–76.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

EDN TIZOCX

Социальные сети читателей радикальной литературы: случай Архангельской духовной семинарии, 1870–1872 гг.

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия,

jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Yuliya A. Safronova

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia,

jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Аннотация. В статье анализируется начальный этап развития революционного народничества через читательские практики поколения 1870-х гг. Автор обращается к сети учеников Архангельской духовной семинарии, существовавшей в начале 1870-х гг., рассматривая ее как типичный случай читательского сообщества в среднем учебном заведении. В статье показана связь радикализации семинаристов с реформой духовного образования 1867 г. В ней также выявлены контакты духовных воспитанников с политическими ссыльными, присутствие которых в Архангельске усложняет анализируемый кейс.

Отношения участников сообщества, реконструируемые на основе переписки семинаристов и выпускников, а также материалов педагогических собраний правления, исследуются с помощью инструмента анализа социальных сетей Gephi. Автор показывает замкнутость анализируемой сети в рамках духовного сословия. В губернском городе главными контрагентами семинаристов были учителя и воспитанники духовных училищ, а не их единомышленники из светских учебных заведений. Внутри семинарии анализируемая сеть характеризуется слабыми связями. Хотя интерес к радикальной литературе проявляли ученики всех классов, участники сети поддерживали отношения внутри небольшой группы, члены которой имели значительную разницу в возрасте. При этом ученики одного курса могли не знать об общих увлечениях и презрительно отзываться об одноклассниках.

Автор приходит к выводу, что поступление в высшее учебное заведение, бывшее основной целью анализируемой группы, не обязательно приводило к дальнейшему вовлечению в

© Сафронова Ю.А., 2024

© Safronova Yu., 2024

революционное движение. Увлечение радикальной литературой в среднем учебном заведении не определяло автоматически жизненные траектории представителей поколения 1870-х гг.

Ключевые слова: политический протест, социальные сети, революционное народничество, духовная семинария, практики чтения

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)»), <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>.

Для цитирования: Сафронова Ю.А. Социальные сети читателей радикальной литературы: случай Архангельской духовной семинарии, 1870–1872 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 127–176, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

Social Networks of Radical Literature Readers: The Case of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870–1872

Abstract. The article analyzes the initial stage of the development of the revolutionary Narodnik movement through the reading practices of the 1870s generation. The author addresses an issue of the student network in Arkhangelsk Theological Seminary, which existed in the early 1870s, considering it as a typical case of a reading community in a secondary educational institution. The article shows the connection between radicalization of seminarians and reform of ecclesiastical education in 1867. It also reveals contacts of ecclesiastical students with political exiles, whose presence in Arkhangelsk makes the analyzed case more complex.

The relationships of community members, which are reconstructed on the basis of correspondence between seminarians and graduates as well as materials from pedagogical board meetings, are examined by means of Gephi, a social network analysis tool. The author shows isolation of the network under analysis within the clergy estate. In the provincial city, the main counterparties of the seminarians were teachers and students of theological schools rather than their like-minded fellows from secular educational institutions. Within the seminary, the network under analysis is characterized by weak connections. Although students from all grades showed interest in radical literature, the network members maintained relationships within a small group whose members had a significant age difference. At the same time, students of the same year could not know about common interests and speak contemptuously about their classmates.

The author comes to the conclusion that admission to a higher educational institution, which was the main goal of the analyzed group, did not necessarily lead to further involvement in the revolutionary movement. Interest in radical literature in secondary school did not automatically determine the life trajectories of the 1870s generation representatives.

Keywords: political protest, social networks, revolutionary the Narodnik movement, theological seminary, reading practices

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00520 “Beyond ‘Coloniality’ and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century),” <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

For citation: Safronova, Yu.A. “Social Networks of Radical Literature Readers: The Case of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870–1872.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 127–76, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

Введение

Исследователи революционного народничества первой половины 1870-х гг. описывают движение с двух крайних позиций: либо как историю революционной организации¹, либо как молодежную суб-/контркультуру, набор идей и практик, который создал «особое *настроение* (Курсив наш. – Ю. С.), захватившее самые широкие слои образованного общества»². В недавней книге «Перепись народников» Л.Я. Лурье объединил эти два подхода, выделив на основе анализа автобиографий народников две стадии в жизни представителей «поколения семидесятников»: общий контекст взросления в реформированной системе среднего образования 1860-х гг. превратил «большую часть сверстников, родившихся на рубеже 40–50-х гг.», в когорту людей, обладавших «общими чертами». Однако «сверстнической группой» они стали в университетских городах, где постепенно из землячеств выросли кружки самообразования, а затем – революционные организации³.

Большее внимание исследователей к кружкам и организациям, существовавшим в больших городах, откуда молодые люди в 1874 г. отправились «в народ», можно объяснить состоянием источников. Поскольку в основе историографии народничества лежат материалы органов политического дознания, гораздо лучше задокументирована та стадия эволюции революционного движения, которая конвертировалась в уголовный процесс⁴. Более ранняя и «невинная» фаза его существования была недоступна оптике политической полиции. В связи с этим в тени остается предшествующий учебе в высшем учебном заведении и вхождению в революционные кружки этап биографии семидесятников, предопределивший их отъезд в университетские города из губернских центров. Для понимания начального этапа развития народнического движения необходимо обратиться к анализу слабоструктурированных сообществ учеников средних учебных заведений

¹ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991.

² Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). Москва: Новый Хронограф, 2008. С. 98.

³ Лурье Л.Я. Перепись народников. От Нечаева до Дегаева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. С. 88–91.

⁴ Рубцов А.А. Антиправительственное движение 1860–1870-х годов и деятельность органов политического дознания в Российской империи (законодательные нормы и следственная практика): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023.

начала 1870-х гг., основу которых составляло внеучебное чтение с целью самообразования⁵.

Основная часть

В статье рассматриваются связи учеников Архангельской духовной семинарии на коротком отрезке 1870/71–1871/72 учебных годов. В этом случае нет оснований говорить о существовании кружка, т.е. группы единомышленников, на протяжении длительного времени целенаправленно занимавшихся самообразованием и при этом отделявших себя от других учеников. Скорее мы имеем дело с сообществом, которое формировалось вокруг чтения книг вне образовательной программы и включало учеников разных классов, выпускников, а также лиц, не принадлежавших к учебному заведению. Подобное чтение лишь отчасти было рациональным, т.е. служило задаче подготовки к поступлению в высшее учебное заведение. В гораздо большей степени оно подчинялось задаче самовоспитания, радикально сформулированной в переписке семинаристов: «Стараться быть не зверем, а человеком, а для этого подняться на высоту мысли»⁶. Представления о том, какого рода литература может способствовать самовоспитанию, были довольно размытыми, а круг чтения – широким. Так, в списке книг, отобранных помощником инспектора Н.В. Кубинцевым у архангельских семинаристов, были не только сочинения Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова или учебники по физике и биологии, но также романы Гектора Мало и Эмиля Золя⁷.

Важно подчеркнуть, что само по себе внеклассное чтение светской литературы не только не было под запретом в семинариях, но, напротив, составляло важную часть реформы духовного образования 1867 г. Нереализованная версия устава, разработанная в 1862 г., требовала приучать юношей «строго обсуживать прочитанное», примером чему должны были служить разборы в классе «по началам здравой критики» (§ 240)⁸. Председатель комитета, готовившего устав 1862 г., архиепископ Херсонский Дмитрий

⁵ Leibov R., Vdovin A. What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Vol. 2 / edited by D. Rebacchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259–316.

⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1.

⁷ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 28 января 1875 // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 438. Л. 216–216 об.

⁸ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808–1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1908. Ст. 157.

(Муретов) даже предлагал ввести в семинариях обязательные «литературные собрания», целью которых было бы чтение «печатных литературных произведений, стихотворных и прозаических»⁹. Таким образом, объединение семинаристов на почве коллективного чтения в начале 1860-х гг. виделось реформаторам хорошим педагогическим приемом.

В уставе 1867 г. все идеи по организации внеклассного чтения были сведены в § 135 до требования «поощрять» чтение учениками «полезных книг под руководством учителей»¹⁰. Литературные кружки и рукописные журналы семинаристов, созданные в первые пореформенные годы с разрешения учителей, систематически упразднялись ревизорами Учебного комитета Синода¹¹. 18 апреля 1871 г. циркулярно были запрещены литературно-музыкальные вечера¹². Новый устав предполагал, что внеклассное чтение должно быть контролируемым, индивидуальным и строго дозированным.

В 1870 г. ревизор С.В. Керский, обозревавший Архангельскую духовную семинарию, сделал выписки из комнатного журнала, в котором «старшие» из числа учеников записывали хорошие и дурные поступки товарищей. Хотя он отметил среди «дурных» две записи: «П. в продолжение всего дня читал историю Бокля», «Вахромеев занимается больше чтением книг, нежели приготовлением лекций», привлекла его внимание «хорошая рекомендация»¹³. Ситуация показалась ревизору настолько важной, что он включил ее в печатную версию отчета, которая рассылалась по всем духовным учебным заведениям: «К. и В. занимаются чтением полезных книг, особенно последний, не только часы, данные для занятий, но и время, назначенное для прогулок и отдыха, употребляют на это доброе дело». В записи не было указано, какие именно книги читали семинаристы, но даже чтение Г.Т. Бокля не обеспокоило Керского в той же мере. Ревизора волновал вред, наносимый неумеренным чтением здоровью воспитанников, а не его гипотетическое влияние на академические успехи или нравственность. В результате он предписал начальству семинарии: «бдительно наблюдать, чтобы в часы отдыха никто из

⁹ Донесение Святейшему правительствующему синоду архиепископа Херсонского Дмитрия // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 573. Оп. 1. Д. А1/82. Л. 92 об. Я благодарю К.В. Ваничеву, указавшую мне этот источник.

¹⁰ Устав православных духовных семинарий. Санкт-Петербург: [б. и.], 1867. С. 29.

¹¹ *Зинченко И.К.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). Санкт-Петербург: [б. и.], 1875. С. 9.

¹² О воспрещении устройства в духовно-учебных заведениях концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний, 18 апреля 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 433. Л. 112.

¹³ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 49 об.

воспитанников не уклонялся совершенно от тех или других занятий, необходимых для обновления и укрепления физических сил»¹⁴.

Эти требования были буквально учтены в «Правилах для поведения учеников Архангельской семинарии». Отпечатанные в типографии, они были розданы ученикам осенью 1871 г. и стали определять их жизнь. Как писал в корреспонденции для газеты «Новое время» А.С. Пругавин, семинаристы

весь день <...> заняты: лекциями, приготовлениями к лекциям, молитвами, пением, гимнастикой, обязательным отдыхом, так что *менее получаса* (Курсив А. Пругавина. – Ю. С.) остается ежедневно «на полезные занятия по выбору самих учеников», например чтение»¹⁵.

Ужесточение контроля ощущалось семинаристами как возвращение к дореформенным порядкам: «Чуть ли бурса, придавленная новой дисциплиной, не входит в свои права времен Помяловского»¹⁶.

Противоречивые указания Петербурга, с одной стороны, требовавшего организовать внеклассное чтение, а с другой, – ограничивать и строго контролировать его, сделали обращение духовных воспитанников с книгой причиной постоянных конфликтов¹⁷. Сохранять индивидуальный характер чтения и не допускать неподконтрольного учителям обсуждения прочитанного было особенно сложно в силу условий проживания семинаристов. Архангельская семинария принадлежала к числу немногочисленных, в 1870/71 уч.г. в ней было всего 90 учеников на 12 учителей¹⁸. Ее особенностью было редкое для духовных учебных заведений компактное проживание воспитанников, включая своекоштных, в семинарском общежитии. В январе 1870 г. в семинарии жили 84 воспитанника, 9 чел. – в домах родителей, трое – у ближайших родственников и трое – на наемных квартирах¹⁹. Из-за дальности расстояний многие ученики оставались на рождественские и пасхальные

¹⁴ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). Санкт-Петербург: [б. и.], 1870. С. 64.

¹⁵ Пругавин А. Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

¹⁶ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9 об.

¹⁷ Подробно о конфликтах в Архангельской духовной семинарии см.: Сафронова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

¹⁸ Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). Санкт-Петербург: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. С. 82, 160.

¹⁹ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). С. 53.

каникулы в Архангельске, навещая родителей только летом²⁰. Такие условия способствовали тесному общению учеников, в том числе учившихся в разных классах. Свободное время семинаристы могли проводить в семинарском саду, в библиотеке или в одной из восьми спален²¹. В результате обычной была дружба учеников 5-го и 1-го классов, между которыми могло быть пять и более лет разницы, причем старший товарищ выступал в роли наставника для младшего. Стиль таких отношений упоминал семинарист Петр Иванов в письме выпускнику Василию Нахорову:

Помнишь, бывало в первый год постоянно говаривал мне «умная голова» или в этом роде. Ну а я, неопытный мальчишка, и воображал, что я дескать в самом деле умная голова, хотя в сущности-то б[ыл] почти пустая голова²².

Именно благодаря переписке Василия Андреевича Нахорова, сына священника из Шенкурского уезда, окончившего полный курс обучения в июне 1871 г., возможно восстановить отношения учеников Архангельской духовной семинарии, сложившиеся вокруг чтения с целью самообразования. 26 писем за 1871–1872 гг. были изъяты жандармами при обыске в октябре 1874 г. в общежитии Санкт-Петербургской духовной академии, где в тот момент учился Нахоров²³. Среди корреспондентов были 6 учеников Архангельской духовной семинарии: один ученик 5-го класса, три ученика 3-го класса и два – 2-го класса. Нахорову также писал выпускник семинарии Андрей Титов, уволившийся летом 1871 г. после 4 класса и служивший чиновником в Вельском уезде Вологодской губернии.

Корреспонденты Нахорова упоминали в письмах несколько десятков человек, которых объединяло стремление к самообразованию и намерение учиться в Петербурге, а также тех, кто им противостоял – не только учителей, но и других воспитанников. В переписке содержится информация о ситуации 1871/72 уч. г., но также припоминаются события предшествующих двух лет. По контрасту с мрачным настоящим более ранние годы описывались как героическая эпоха. Регулярно получавший сведения о положении дел в *alma mater* Андрей Титов сетовал весной 1872 г.: семинария «из прогрессивно-революционной делается консервативной. Ужели же начинает потухать яркая звезда, которая так

²⁰ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273.

²¹ Там же. Л. 75–75 об.

²² Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

²³ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода, 19 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1–1 об.

заблистала над ней?»²⁴ По-видимому, «революционное» состояние семинарии не было результатом усилий только воспитанников, но в какой-то мере поддерживалось преподавателями. Так, в апреле 1871 г. ученикам 6 класса среди 25 тем курсовых сочинений была предложена полемическая тема «Современное материалистическое мировоззрение перед светом Христианского учения», подразумевавшая близкое знакомство выпускников с материалистическими теориями²⁵.

Результатом героической эпохи стал массовый выход из семинарии для поступления в светские высшие учебные заведения весной 1871 г. как окончивших общеобразовательный курс, так и выпускников богословского. В мае 1871 г. педагогическое собрание констатировало, что из 11 учеников 6-го класса «пять лучших и более способных» не изъявили желания продолжить духовное образование, причем трое сообщили о намерении поступать в Санкт-Петербургский университет и Медико-хирургическую академию²⁶. 13 июня 1871 г. четверо выпускников 4-го класса подали прошения об увольнении из семинарии для поступления в высшие учебные заведения²⁷. Сам Василий Нахоров, отправившийся покорять столицу вместе с однокашниками, был вынужден поступить в Санкт-Петербургскую духовную академию²⁸. Своим архангельским приятелям он смог признаться в провале только в октябре письмом, написанным «тоном человека, который потерял надежду на возможность удовлетворения своего плана, считает себя погибшим безвозвратно»²⁹. Получив это известие, Петр Иванов писал:

Неужели от поступления туда (в академию. – Ю. С.) все твои благородные убеждения переменишь? Я нисколько этого не думаю, ведь и из Медицинской Академии и Университета можно выйти подлецом. Только главное не унывай и не теряй энергии. И кроме того, не всяк же способен абсолютно отдаться идее³⁰.

Дальнейшая судьба Василия Нахорова по-своему показательна. «Идеальные стремления» и обширная переписка сомнительного содержания были известны в

²⁴ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9 об.

²⁵ Предложения ученикам 6 класса для курсовых сочинений, 1 апреля 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 98 об.

²⁶ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 14 мая 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 144.

²⁷ Там же. Л. 168.

²⁸ О злключениях Нахорова в столице см.: *Пругавин А.* Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

²⁹ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1.

³⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 4 об.

Архангельске. Уже в декабре 1871 г. ученик 5 класса Алексей Колчин просил Нахорова писать «поскромнее насчет ректора»³¹. В апреле 1872 г. письмо Нахорова, содержащее «мысли преступные против государства и антирелигиозные», было найдено помощником инспектора Н.В. Кубинцевым у второклассника Аркадия Соловьева³². Хотя инспекция провела ряд обысков и предприняла меры, чтобы пресечь переписку, обсуждение этого казуса не попало в журналы педагогического собрания за 1872 г.³³ Более того, архангельские учителя предпочли скрыть деятельность Нахорова от своих коллег из Петербурга. 10 июня 1872 г. исполняющий должность инспектора Е.В. Шуйский написал выпускнику письмо с вопросом, справедливо ли указание Петра Иванова, что он списал сочинение Л. Бюхнера «Сила и материя» с экземпляра, оставленного Нахоровым. Интересна в этом случае аргументация правления, по решению которого наводил справки инспектор: оно обратилось напрямую

...в видах сокращения времени и могущих представиться неудобств для вас (Нахорова. – Ю. С.) давать эти разъяснения непосредственно г. ректору академии³⁴.

Очевидно, в письме содержится угроза обратиться к академическому начальству, однако само по себе решение правления сделать факт распространения «запрещенного» сочинения внутренним делом архангелогородцев показательным. Огласка была не нужна не только Нахорову, но и его бывшим учителям, так как циркуляр Синода от 5 сентября 1864 г. возлагал на них ответственность за отправку в академию неблагонадежных выпускников³⁵.

Василий Нахоров не вызывал никаких нареканий у петербургских преподавателей. Ректор духовной академии свидетельствовал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, что поведение студента «не дает ни малейшего повода сомневаться в его политической благонадежности»³⁶. 10 октября 1874 г. в академии был произведен обыск по делу о пропаганде в империи, но уже 26 октября III Отделение на запрос обер-прокурора Синода

³¹ Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2 об.

³² Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 2.

³³ Журналы педагогических собраний правления семинарии, 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451.

³⁴ Е.Н. Шуйский – В.А. Нахорову, 10 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1686. Л. 1–1 об.

³⁵ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 14 мая 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 144 об.

³⁶ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода, 19 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1 об.

сообщило: Нахоров «оказался невиновным»³⁷. Это позволило ему окончить курс и 17 июля 1875 г. поступить на службу в Архангельскую духовную семинарию уже в качестве преподавателя³⁸. Карьера Нахорова свидетельствует, что вовлечение в революционное движение не было дорогой без возврата, как и арест по подозрению в политической неблагонадежности.

Вернемся в 1871/72 учебный год. Сеть, сложившаяся в Архангельской семинарии вокруг чтения книг, была проанализирована с помощью инструмента сетевого анализа и визуализации данных Gephi. В анализ были включены 30 человек: 8 корреспондентов В.А. Нахорова, а также упомянутые в переписке третьи лица, если они а) были вовлечены в чтение или передачу книг; б) получали или стремились получить высшее образование. При этом учитывались коллективные письма, передача приветов Нахорову, а также просьбы и приветы через него к другим выпускникам, проживавшим в Петербурге. В анализ не были включены упоминания других типов отношений, например, конкуренции за стипендиальное место³⁹.

Результаты анализа представлены на рис. 1.

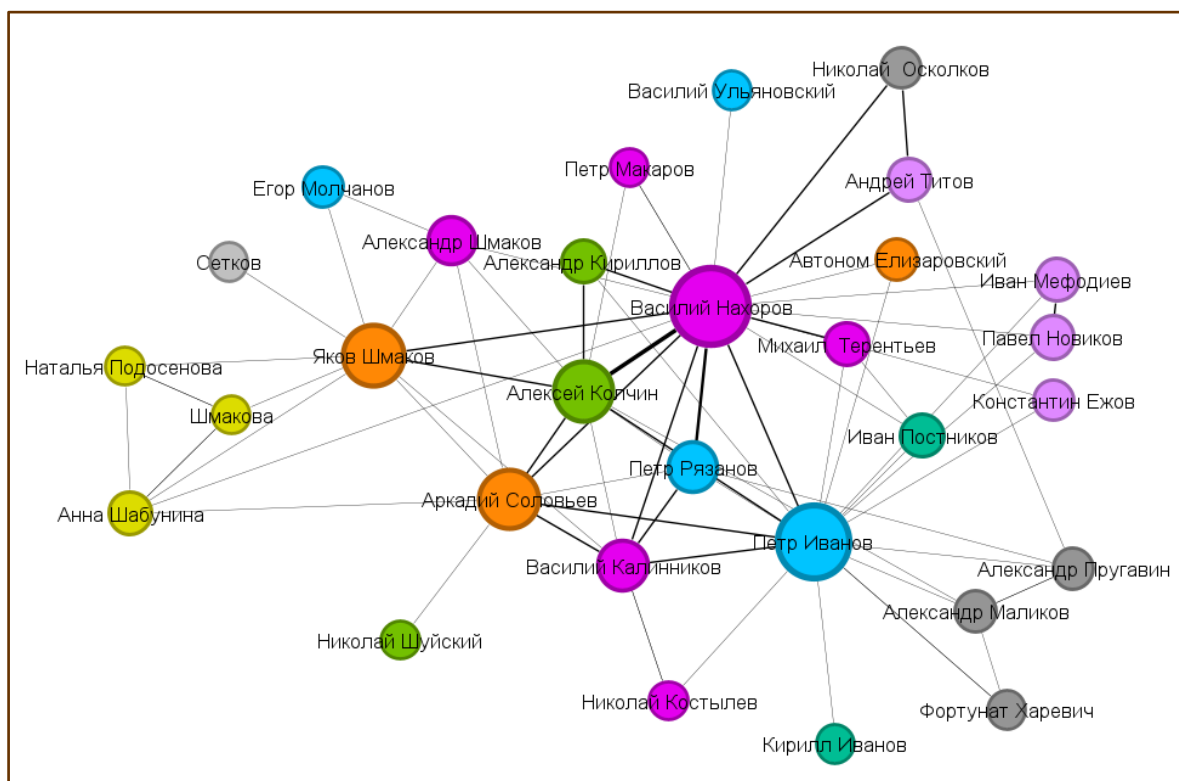

Рис. 1. Сеть корреспондентов В.А. Нахорова

³⁷ Отношение товарища главного начальника III отделения обер-прокурору Синода, 26 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 4.

³⁸ Формулярный список о службе преподавателя Архангельской духовной семинарии Василия Нахорова, 1876 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 482. Л. 330 об.

³⁹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

Важной особенностью сети является, с одной стороны, многочисленность связей семинаристов за пределами учебного заведения, а с другой – ее замкнутость внутри духовного сословия. Серым цветом на графе обозначены пять человек, не принадлежавших к духовному сословию, трое из которых – политические ссыльные. А.К. Маликов и Ф.Ф. Харевич осенью-зимой 1871 г. предоставляли семинаристам доступ к книгам публичной библиотеки, в которой служили⁴⁰. Оба были сосланы в Архангельск в первой половине 1860-х гг.: первый – по делу ишутинцев, второй – как участник польского восстания 1863–1864 гг. Петр Иванов писал о существовании «кружка Маликова», в котором прошли два литературных вечера: «не знаю, что там было и говорилось, потому что меня не приглашали»⁴¹. Видимо, в более близких отношениях с этой группой находился Алексей Колчин, про которого в связи с отъездом Маликова в Орел Иванов писал: «...некоторым господам будет особенно невыносимо, как например Алексею Ивановичу [Колчину]»⁴². Входивший в «кружок Маликова» Александр Пругавин, сын смотрителя народных училищ Архангельской губернии, был выслан на родину по делу нечаевцев в апреле 1871 г. Архангельский губернатор сообщал, что Пругавин приобрел влияние на местную молодежь, «как в гимназии, так и в семинарии»⁴³. По-видимому, о Пругавине Иванов писал: «К Ал. П. также некоторые ходят, но жаль я никак не могу познакомиться»⁴⁴.

Ректор семинарии архимандрит Донат (Бабин-Соколов) утверждал, что главным источником вредного влияния на его воспитанников был город вообще и публичная библиотека в частности⁴⁵, а потому «кружок Маликова» едва ли был единственным или главным фактором формирования сообщества читателей. Открытие свободного доступа к публичной библиотеке и активная деятельность А.С. Пругавина относятся к осени 1871 г., т.е. они не затронули когорту выпускников 1871 г., к которой принадлежал Нахоров и с которой поддерживали отношения оставшиеся в Архангельске семинаристы. Дружба с Нахоровым началась для Петра Иванова в первом классе, т.е. в 1869/70 уч.г.,

⁴⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об. Об А.К. Маликове см.: Соловьев К.А. «Я сказал: вы – боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). Москва: Книжный перекресток, 2012.

⁴¹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁴² Там же.

⁴³ Отношение Архангельского губернатора министру внутренних дел, 13 марта 1872 (отпуск) // ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 68.

⁴⁴ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁴⁵ Отчет о состоянии Архангельской Духовной семинарии за 1873/74 учебный год // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 265.

уже тогда она включала рекомендацию книг и их обсуждение⁴⁶. Возможно, такое влияние Нахоров мог получить, поскольку имел отношение к заведованию библиотекой. Имеется не совсем ясное указание, что ректор был недоволен выпускником «...за беспорядок в училищ[ной] библиотеке и в особенности за то, что там не достает много книг, напр[имер] за собрания, так какая-то из книг не оказалась»⁴⁷.

Незначительное число контактов духовных юношей со светской средой можно объяснить сословными барьерами, продолжавшими разделять молодежь губернского города⁴⁸. А.С. Пругавин привел статистику по количеству учеников в учебных заведениях Архангельска на начало 1872 года: мужская гимназия – 129, женская – 140, духовная семинария – 83, уездное училище – 102, духовное уездное училище – 170, женское духовное училище – 45, немецкое евангелическое училище – 70 учащихся⁴⁹. Несмотря на такое разнообразие, связи семинаристов в светских учебных заведениях не прослеживаются, за исключением единственного случая – отношений ученика 2-го класса Якова Шмакова и гимназиста 7-го класса Сеткова, которые познакомились в апреле 1871 г. Сама возможность знакомства объяснялась Шмаковым положением гимназиста, жившего с матерью на деньги от уроков: «Он имеет отличный характер, не горд, потому что беден». Только нужда уравнивала гимназиста с сыном священника, но именно первый должен был снизойти до общения со вторым, что было эксплицитно высказано Шмаковым: «мы оба бедные и он демократ»⁵⁰.

Осенью 1871 г. Сетков попросил у Шмакова помощи: поскольку архангельская мужская гимназия была реальной, он не знал латинского языка, который был ему нужен для поступления в Медико-хирургическую академию. Семинарист немедленно приступил к урокам, тратя на них свои воскресенья и при этом не беря платы из идейных соображений: «я давно еще решил, что первый труд будет мною совершен даром»⁵¹. Этот эпизод показывает, что в провинциальном городе даже очень узкой группе юношей, разделявших общие взгляды, было трудно сойтись вследствие сословных границ, неизбежно определявших и физические границы.

⁴⁶ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 5 июля 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 1 об.

⁴⁷ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁴⁸ См.: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / перевод с английского А.Ю. Полунова. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 65–75.

⁴⁹ Пругавин А. Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

⁵⁰ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.–2.

⁵¹ Там же. Л. 2.

Главным контрагентом для семинаристов были не гимназисты, а ученики других духовных учебных заведений – мужского и женского духовных училищ, в которых учились их братья и сестры и преподавали недавние выпускники. Петр Иванов писал в январе 1872 г.: «Только еще в училище есть несколько добрых голов, да туда ходить можно редко»⁵². Одноклассник Нахорова Константин Ежов осенью 1871 г. поступил на службу в Архангельское духовное училище в качестве преподавателя арифметики и географии⁵³. Новый статус не помешал ему стать посредником между выпускником и семинаристами, когда инспекция начала вскрывать письма. Тогда же, в январе 1872 г., Петр Иванов просил: «... только прямо на мое имя письмо не адресуй, а хотя на К. Алек. Ежова»⁵⁴.

Интерес представляет и просветительская миссия Якова Шмакова в женском епархиальном училище. 20 декабря 1871 г. Шмаков писал Нахорову, что после прочтения романа И.В. Омулевского «Светлов»⁵⁵, он решил «помочь человеку», вследствие чего в сентябре 1871 г. «явился в училище с книгой из публичной библиотеки, предложил читать – итак я начал с сестры, потом стали читать Н. Подосенова, Шабунина и проч[ие]»⁵⁶. В этом случае в общении с семинаристом были вовлечены преподавательницы – помощница начальницы училища Наталья Подосенова и учительница чистописания Анна Шабунина⁵⁷. В оправдание своего предприятия Шмаков приводил слова В.Г. Белинского, что читающий хотя бы «Еруслана Лазаревича» «вдвое будет знать тех, кто ничего не читает»⁵⁸.

Шмаков также передавал через Нахорова привет выпускнику Василию Калининскому и сообщал о том, что «Любку его гонят из училища»⁵⁹, но идет ли речь о сестре или о знакомой юноши, не ясно. Василий Нахоров сам был

⁵² П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁵³ Григорьевский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 года). Санкт-Петербург: [б. и.], 1876. С. 42. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1877 год. Архангельск: Губернская типография, 1877. С. 17.

⁵⁴ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁵⁵ «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность» – название отдельного издания романа «Шаг за шагом» (1871). Подробно о литературе о «новых людях» см.: *Ильясова Л.Р.* Идеиные искания русской разночинной интеллигенции в отражении литературы о «новых людях» рубежа 60–70-х годов XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История, История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 96. С. 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096.44-61>

⁵⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁵⁷ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1872 год. Архангельск: Губернская типография, 1872. С. 41–42.

⁵⁸ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же. Л. 1 об.

знаком с А.Е. Шабуниной, он пытался получить какую-то информацию о ней через Аркадия Соловьева в октябре 1871 г.⁶⁰, тогда как письмо о «проказах» Шмакова в училище было написано 20 декабря.

Вероятно, не все отношения семинаристов с епархиалками основывались на желании «помочь несчастному положению», так как сам Шмаков просил не подозревать его в худых намерениях и добавлял, что «отстал от романчиков»⁶¹. О том, что среди семинаристов царило не только братское или товарищеское отношение к женщинам, можно заключить из письма Алексея Колчина, в котором он передавал привет «детям Эскулапа», воображал своего бывшего одноклассника Петра Макарова на «Невском с камелиею» и спрашивал Нахорова о его собственных успехах «в деле невско-камелио-подпольных витаний»⁶².

Контакты группы семинаристов со ссыльными или с епархиалками были теми связями, которые размыкали замкнутый мир бурсы, где знакомства вроде отношений Якова Шмакова с гимназистом Сетковым были единичными и доступными скорее ученикам, проживавшим в городе⁶³. Основу описываемой сети все-таки составляли выпускники (10 человек) и воспитанники (12 человек) семинарии, связи между которыми были многообразными и плотными.

Лиловым цветом на рис. 1. обозначены 10 выпускников, 6 из которых проживали в Петербурге (обозначены ярко-лиловым) и поддерживали связи друг с другом и с оставшимися в Архангельске знакомыми. В отчете С.В. Керского приведены данные о поступлениях выпускников Архангельской семинарии в высшие учебные заведения за 1867–1869 гг. Из него следует, что к 1870 г. в Санкт-Петербурге находились семь человек (четверо в духовной академии и трое в университете) и еще двое учились в Московском университете⁶⁴. При этом 5 из 6 выпускников, включенных в анализируемую сеть, – выпускники 1871 г., что может свидетельствовать о принципиальном отличии этой группы от предшествующей когорты учеников. Единственное исключение составляет Михаил Терентьев, учившийся в Санкт-Петербургской духовной академии на два курса старше Нахорова, которому передавал привет через Иванова ученик 4 класса Иван Постников⁶⁵.

⁶⁰ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁶¹ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.

⁶² Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2.

⁶³ Я. Шмаков отсутствует в списке учеников, родители которых проживают вне Архангельска (Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273–275 об.).

⁶⁴ Там же. Л. 274.

⁶⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

Главным отличием выпускников 1871 г. был выбор в качестве учебного заведения не университета, а Медико-хирургической академии. По-видимому, это был первый случай, так как Петр Иванов в октябре 1871 г. спрашивал: «...можно ли с семинарским документом попасть в Медицинскую Ак[адемию]. Здесь носится слух, что нельзя, Калинин и Костылев попали благодаря только протекции»⁶⁶. Переписка семинаристов по поводу поступления в академию была сосредоточена вокруг вышедшего из семинарии после 4 класса Василия Калинникова⁶⁷, в то время как одноклассник Нахорова Николай Костылев⁶⁸ упоминается один раз в процитированном письме Иванова. Возможно, это связано с тем, что уроженец Шенкурского уезда Калинин во время учебы проживал в бурсе, оставаясь там и на каникулы⁶⁹, а Николай Костылев – в доме своего отца⁷⁰. В результате он был в гораздо меньшей степени включен в отношения внутри семинарского общежития.

Положение Костылева можно сравнить с положением Николая Шуйского, племянника инспектора семинарии Е.Н. Шуйского, проживавшего на его квартире. Лучший ученик 5-го класса собрался поступать в медицинскую академию, получив обещание финансовой поддержки от дяди. В июне 1872 г. Е.Н. Шуйский внезапно передумал, узнав от родственницы про

...студентов университета и медицинской академии, какие они безбожники, распустились. <...> Ну после этого Евг[ений] Ник[олаевич] считает за грех давать средства Николаю для поступления в такое заведение⁷¹.

⁶⁶ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

⁶⁷ Умер в Петербурге между 6 мая и 15 июня 1872 г. Аркадий Соловьев писал: «Калинникова у нас очень жалели. Провели по нем тризну у креста, где вспоминались все его добрые дела» (Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3).

⁶⁸ Обыскан в декабре 1874 г. по подозрению в политической неблагонадежности (Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма / под редакцией Ф. Кона и др. Т. 2. Семидесятые годы, вып. 2: Ж–Л / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. Ст. 663).

⁶⁹ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273 об.

⁷⁰ Поскольку во всех документах семинаристы указаны без отчества, Николай Костылев может быть либо сыном настоятеля Благовещенского собора Г.Ф. Костылева, либо столоначальника духовной консистории И.Е. Костылева (Адрес-календарь Архангельской губернии на 1872 г. С. 11, 48).

⁷¹ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3.

В этом случае важны даже не отношения дяди и племянника, а то, что Николай Шуйский не фигурирует в письмах учеников, совместно готовившихся к поступлению в академию. Он упомянут только в письме Аркадия Соловьева, родственника ректора и его младшего брата И.И. Соколова, преподавателя гражданской истории. Соловьев жил в квартире ректора, что ставило его в привилегированное положение, так как к нему обращались за новостями из учительской⁷². С другой стороны, надзор за ним был гораздо строже. В конце 1871 г. ему было запрещено общаться с Ивановым как с «крайне подозрительной личностью», так что последний жаловался на одиночество: «...Аркадий-то тоже залетная птица в наши Палестины, и только большей частью после обеда и после ужина на несколько часов выходило...»⁷³

Из Архангельска отношения уехавших в Петербург казались идеальным братством. Судя по многочисленным приветам, передаваемым через Нахорова, семинаристы полагали, что все выпускники поддерживают тесные контакты между собой. Схожее представление о них как о единой группе сложилось у бывшего инспектора семинарии игумена Алексия. По словам Аркадия Соловьева, по возвращении из столицы тот рассказывал ректору «про вас – Архангельцев Петербургских. Как например Шмаков и другие вели себя на похоронах Калининкова»⁷⁴. Между тем, отношения Нахорова с остальными выпускниками, по-видимому, были неровными вследствие более низкого статуса студента духовной академии по сравнению с теми, кто поступил в медицинскую. В декабре 1871 г. Нахоров отправил Колчину письмо с идеей создания кассы взаимопомощи «...с целью помогать беднякам студентам архангельцам». Реакция на этот проект внутри семинарии была разная, поскольку, он конкурировал как с другими коллективными тратами, например, с выпиской журналов вскладчину, так и с личными планами учеников, копивших деньги на жизнь в столице⁷⁵. Предполагаемое отношение петербуржцев также было неоднозначным: «ужели госп[один] Калининков эту мысль выслушает со смехом?» – спрашивал Яков Шмаков⁷⁶.

В отсутствие более точных сведений о характере взаимоотношений внутри архангельского землячества в Петербурге мы можем попытаться проследить,

⁷² «Вы желаете знать, как думает об Вас наш Отец. На это положительно ничего не могу сказать, так как в этом отношении он очень осторожен...», – писал Соловьев на запрос Нахорова (Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁷³ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁷⁴ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3.

⁷⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.

⁷⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 3.

что связывало группу выпускников 1871 г. до отъезда благодаря письмам Андрея Титова и его коллеги, окружного надзирателя Вельской уездной конторы Николая Порфирьевича Осколкова⁷⁷, в доме которого Титов жил. Прошение об увольнении из семинарии Титов подал в июне 1871 г. вместе с тремя другими учениками, окончившими 4 класс: Василием Калининковым, Петром Макаровым и Иваном Вахромеевым⁷⁸. Первые двое достигли вожделенной цели – стали студентами, о судьбе последнего сведений нет.

Описывая свое «полуживотное» существование в селе Благовещенское, Титов вспоминал «увлечения прошлого», благодаря которым «обольстительно рисовалось будущее красками самой яркой и значительной перспективы»⁷⁹. С его точки зрения, «среда студенчества» и «школьная наука» были равны в благотворном влиянии на развитие человека, в отличие от повседневного прозябания за «маранием бумаг»: «...в сфере моего умишки тоже не возникает никаких серьезных вопросов. Да откуда или вследствие чего им и возникать?» Так для Титова годы учебы в семинарии оказались более способствующими развитию, чем самостоятельная жизнь: «Я даже сам удивляюсь тому, что я был прежде в бурсе, и что я теперь. <...> Вот, право, даже обидно за это становится»⁸⁰.

О безуспешной попытке Титова вырваться из сонной «провинческой» жизни известно из письма Осколкова. Осенью 1871 г. юноша подал прошение на место сельского учителя, но, получив его, отказался из-за материальных расчетов. Осколков комментировал эту эскападу:

...еще мало на Руси людей, которые хотели бы посвятить себя на просвещение невежественной массы и отдать свои силы и ум при худой обстановке жизни. <...> Верно, проводить теорию всегда легче, чем отвечать на нее делом⁸¹.

Решение Титова сменить благоустроенную жизнь на место сельского учителя, очевидно, было продиктовано «стремлениями», сформированными в том семинарском кругу, в котором он вращался до выпуска: «...желал бы я пожертвовать свои силы на более широкое и полезительное поприще».

⁷⁷ Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год / под редакцией Ф.А. Арсеньева. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1873. С. 14–15.

⁷⁸ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 13 июня 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 168.

⁷⁹ Титов А.С. – Нахорову В.А., 27 ноября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 1 об.

⁸⁰ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 8 об.

⁸¹ Осколков Н.П. – Нахорову В.А., 2 декабря 1872 // ГАРФ. Ф.112. Оп. 2. Д. 1679. Л. 1 об.–2.

Необходимость выбрать вместо этого сытую жизнь чиновника Титов объяснял «дарвиновской теорией», вписывая добывание средств в «борьбу за существование»⁸².

Взгляды самого Нахорова во время обучения в последних двух классах семинарии можно реконструировать по письмам Петра Иванова. Поворотными в жизни Иванова стали статьи критиков, прочитанные по совету старшего товарища: «...ты меня навел на Писарева и Шелгунова и пр., и дал, так сказать, азбуку к пониманию их»⁸³. Их отношения можно сравнить с восторженным письмом Якова Шмакова, которому Нахоров написал из Петербурга в конце 1871 г. и с которым, по-видимому, в семинарии не поддерживал отношений. «Я рад дружить, тому, что есть люди, которые считают меня за человека, не настоящего, а будущего, и я за это не могу не благодарить вас», – писал второклассник, который был всего на два года младше своего корреспондента. Шмакову Нахоров посоветовал читать Белинского и Шпильгагена, на что получил ответ: «...с Белинским я неразлучен вот уже второй месяц»⁸⁴.

Таким образом, советы Нахорова младшим товарищам не шли дальше круга статей демократических критиков и романов воспитания. По-видимому, уже по своей инициативе Иванов в 1871 г. прочитал «Что делать?» Н.Г. Чернышевского⁸⁵. Единственное упоминание нелегальной литературы во всей корреспонденции Нахорова – это фраза из письма Андрея Титова «в твоём письме не упомянуто ни слова об ассоциациях Лассаля»⁸⁶, которая может относиться не собственно к запрещенному цензурой изданию 1870 г., а к проекту кассы взаимопомощи. При объяснении с жандармами в 1874 г. Нахоров утверждал, что слово «ассоциация» было «употреблено его корреспондентом некстати и относилось к желанию его земляков в Петербурге сообща помогать одному бедному студенту»⁸⁷.

На рис. 2 анализируемая сеть представлена только учениками Архангельской духовной семинарии, к подписям добавлены годы рождения. Узлы обозначены цветом в зависимости от года обучения: оранжевым – 2 класс; голубым – 3 класс; красным – 4 класс; зеленым – 5 класс, этим же цветом обозначены вышедшие после 4 класса выпускники 1871 г.; окончившие полный курс в 1871 г. обозначены лиловым. Отсутствие

⁸² Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9 об.

⁸³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 5 июля 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 1 об.

⁸⁴ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1–2.

⁸⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.

⁸⁶ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9 об.

⁸⁷ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1 об.

упоминаний учеников 1 класса объяснимо, т.к. они поступили в семинарию осенью 1871 г. и не были знакомы Нахорову. Гораздо интереснее отсутствие учеников 6 класса. Андрей Титов писал о них: «наши 6-курсные совсем обленились и только мечтают о невестах. Дико право!»⁸⁸ Из этого сообщения можно заключить, что ученики 6 класса выбрали рукоположение, обязательным условием которого был брак, т.е. не разделяли интереса к самообразованию. Таким образом, сеть состояла из учеников четырех классов, со второго по пятый, и выпускников.

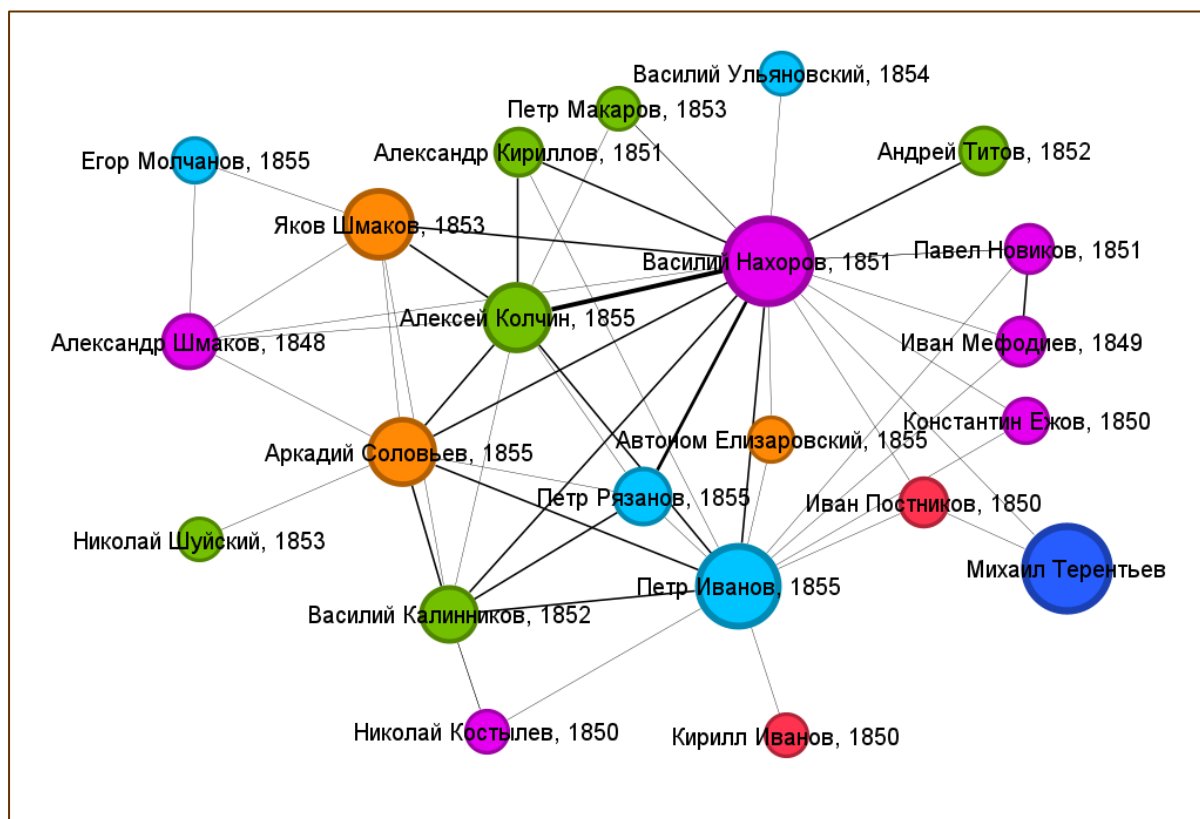

Рис. 2. Сеть учеников Архангельской духовной семинарии

Несмотря на то, что сеть пронизывала большую часть семинарии, ее плотность невелика – всего 0,175 (при условии, что максимальная плотность равна 1). Особенно показательное небольшое количество клик среди одноклассников: корреспонденты Нахорова чаще писали о единомышленниках из других классов и жаловались на соучеников. Исключение составляют пятиклассники Алексей Колчин и Александр Кириллов, которые писали Нахорову вдвоем. Возможно, они были включены в более сплоченную группу, существовавшую в 1870/71 уч. г., большая часть которой оставила семинарию летом. К этой паре примкнул Петр Иванов: в октябре 1871 г. втроем они «начали заниматься по математике и новым

⁸⁸ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9.

языкам»⁸⁹. Именно Алексею Колчину было адресовано письмо Нахорова с проектом кассы взаимопомощи, которое из его рук читали Петр Иванов («показал мне твое письмо») и Яков Шмаков («прочел вашу мысль, высказанную в письме Великого Алексиса»)⁹⁰.

Третьеклассник Иванов упоминал только одного своего соученика – Петра Рязанова, а также двух второклассников Аркадия Соловьева и Автонома Елизаровского. О конфликте между семинаристами свидетельствует туманное письмо еще одного ученика 3 класса Василия Ульяновского, который 19 января 1872 г. писал о недоразумениях, произошедших до отъезда Нахорова: «...если я что-либо и сделал против вас, то <нрзб.> по неведению, потому что я не знал тогда что вы за человек и какие ваши цели! Но теперь открылись у меня глаза, и я узнал»⁹¹. В письмах других корреспондентов Нахорова Ульяновский не фигурирует. Между тем в 1872 г. ученики 3 класса организовали «стачку» против учителя Н.В. Кубинцева: в феврале они не подали сочинение по логике, а в мае отказались отвечать на уроке. Зачинщиками выступили братья Николай и Александр Камкины, Евгений Тошаков, Яков Дьячков и Василий Ульяновский⁹².

Наиболее близкие отношения Петр Иванов поддерживал с второклассником Аркадием Соловьевым: «...кроме Аркадия и сойтись ни с кем не мог, да, пожалуй, и не желаю»⁹³. Про остальных семинаристов к концу учебного года он сформулировал радикальное мнение:

...семинария – это такой негодный хлам, который не жаль бы всем гуртом сгрузить в Двину (я под семинарией подразумеваю живущих в корпусе). Все это или болваны-пошляки или фразеры-тряпки⁹⁴.

Оно было высказано в недатированном письме, по-видимому, написанном после февральских событий, результатом которых стали запрет на общение с

⁸⁹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

⁹⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.; Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 3.

⁹¹ Ульяновский В. – Нахорову В.А., 19 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1684. Л. 1–1 об. (Письмо Ульяновского Нахорову В.А. с просьбой написать ему свое впечатление об их общих знакомых по г. Архангельску).

⁹² Григоревский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 года). С. 28–32.

⁹³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

⁹⁴ Иванов П.А. – Нахорову В.А., б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9.

Соловьевым, неудовлетворительная оценка по поведению⁹⁵ и приговор ректора: «против Иванова я самой вакансии поставил знак вопроса»⁹⁶.

В марте 1872 г. Иванов лишился общества Колчина и Рязанова. Решение пятиклассника Колчина не заканчивать курс было обдумано заранее и известно Иванову («Алексей Иванович выходит и даже оч[ень] скоро. И хочет поступать сельским учителем в Пинегу куда-то»)⁹⁷. Сам Колчин в декабре 1871 г. спрашивал у Нахорова,

...много ли мне надо денег на первый раз чтобы кое-как нищенски просуществовать в Питере хотя полгода? И много ли на дорогу потребуется грошиков? И куда по вашим соображениям лучше всего приготовляться? Я думаю за себя в лабораторию эскулапа⁹⁸.

Решение третьеклассника Рязанова выйти из семинарии за полтора года до окончания общеобразовательного курса учитель С.Ф. Арсеньев посчитал безумием: «...в нашем классе говорил моим товарищам про меня, что я сумасшедший»⁹⁹. В этом случае при поступлении в высшее учебное заведение бывший семинарист должен был сдавать экзамены за гимназический курс. Кроме того, как ученик, находившийся на казенном содержании, он обязан был компенсировать епархии расходы за обучение в семинарии – 135 рублей¹⁰⁰. По-видимому, решение было принято благодаря получению места домашнего учителя в доме купца Черепанова, но в прошении об увольнении семинарист позволил себе выпад, отражающий его мировоззрение: «жить дальше в семинарии не могу и не желаю, согласно требованию моей натуры». Рязанов описал реакцию на его выход ректора, который счел такое решение результатом чтения неподходящих книг: «вот что значит начитаться-то различных Щаповых. Я от тебя, Рязанов, ждал этого»¹⁰¹. Свое будущее Рязанов, разумеется, связывал с Медико-хирургической академией, для поступления в которую он собирался ехать в Петербург, чтобы

⁹⁵ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 марта 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451. Л. 38.

⁹⁶ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁹⁷ Там же. Л. 7.

⁹⁸ Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2.

⁹⁹ Рязанов П. – Нахорову В.А., 6 мая 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1680. Л. 1 об. (Письмо с просьбой узнать о возможности поступления в Медико-хирургическую академию).

¹⁰⁰ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 марта 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451. Л. 36.

¹⁰¹ Рязанов П. – Нахорову В.А., 6 мая 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1680. Л. 1 об.

там за год подготовиться к экзамену¹⁰². Оставшись один, Петр Иванов также стал думать об отчислении и месте учителя («махнуть сельским»): «мое желание выйти из семинарии не какая-нибудь прихоть, а действие обдуманное и необходимое»¹⁰³, но этот план не был им реализован.

Отсутствие контактов между одноклассниками, даже если они разделяли общие взгляды и читали одну и ту же литературу, особенно заметно на примере второклассников Аркадия Соловьева и Якова Шмакова. После открытия крамольной переписки с Нахоровым и запрета ректора на общение с Ивановым, Соловьеву поневоле пришлось общаться со своим классом: «...сошелся, но без пользы. Различные Павловы, Поповы – тоже скопидомы, об остальных нечего и говорить. Один Шмаков читает и серьезнее других, но и тот по временам»¹⁰⁴. В то же время из писем Шмакова Нахорову известно, что Шмаков с октября 1871 г. занимался исправлением себя:

я не стыжусь (а раньше стыдился!) открыто признаваться, что все годы учения в училище прошли без всякой пользы, так как сознание своей вины есть верный задаток по исправлению, говорит Белинский¹⁰⁵.

Хотя анализируемая сеть формировалась вокруг чтения книг и самообразования, ее участников объединяли не только «идеальные стремления». Аркадий Соловьев писал в октября 1871 г., что репутацию Нахорова в глазах ректора испортила информация обо «всех, которые были участниками экспедиции к Филату»¹⁰⁶. В декабре 1871 г. Петр Иванов сообщил, что с двумя одноклассниками Нахорова Иваном Мефодиевым и Павлом Новиковым он участвовал в «великом возлиянии Бахусу», после чего они собрались сами написать ему в Петербург¹⁰⁷. Вместе с тем употребление алкоголя, бывшее одной из главных забот Учебного комитета Синода, в этой среде также проблематизировалось. Петр Иванов уговаривал Нахорова отказаться от «частых возлияний»:

представляю твое положение сходным с положением ссыльных в уездном городишке, которые запивают свое горе и одиночество. Но Василий

¹⁰² В 1874 г. обыскан в Петербурге по подозрению в распространении запрещенных книг. (Деятели революционного движения в России. Т. 2, вып. 3: М–Р / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Ст. 1384).

¹⁰³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

¹⁰⁴ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 2 об.

¹⁰⁵ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1.

¹⁰⁶ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

¹⁰⁷ Иванов П.А. – В.А. Нахорову, 9 декабря 1871. // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5 об.

Андреевич, твое-то дело не пропащее, а твоя организация, как я думаю, не совсем геркулесовская. Побереги себя, чтобы твоя деятельность не окончилась академией, ведь ты все же, я думаю, не прочь от некоторых идеальных стремлений¹⁰⁸.

Заключение

Анализ корреспонденции Василия Нахорова в сочетании с журналами педагогических собраний и материалами ревизий Архангельской духовной семинарии позволяет в подробностях увидеть, как в начале 1870-х гг. вокруг передовой литературы формировалось и функционировало сообщество читателей. Спецификой архангельского кейса было включение в него политических ссыльных, через которых семинаристы были связаны с передовой молодежью в городе. Вместе с тем не ссыльные определяли интерес духовных воспитанников к светской литературе. В отчеты ревизоров систематически включались сведения о посещении семинаристами публичных библиотек, в том числе в епархиях, где не было политической ссылки¹⁰⁹. Таким образом, «кружок Маликова» только удовлетворял запрос на литературу воспитания и демократические журналы, существовавший в среде самих семинаристов. Хотя контакты с политическими ссыльными размыкали замкнутую внутри духовного сословия сеть отношений, основными контрагентами были учителя и ученики женского и мужского духовных училищ, что свидетельствует о сохранении сословных барьеров внутри губернского города.

До осени 1871 г. в реформированной по уставу 1867 г. Архангельской семинарии царили относительно либеральные порядки, что позволяло ученикам выбирать и читать книги без надзора со стороны учителей. В 1870/71 уч.г. в семинарии были введены обязательные отчеты о прочитанном, задачей которых была организация и поощрение внеклассного чтения, а не его контроль. В качестве отчета Василий Калинин сдал обзор книги Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы», позднее запрещенной Учебным комитетом для семинаристов, а Андрей Титов – разбор работы К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»¹¹⁰. Таким образом, преподаватели сами поддерживали интерес воспитанников к светской литературе. «Гонения»

¹⁰⁸ Иванов П.А. – В.А. Нахорову, 9 декабря 1871. // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 4–4 об.

¹⁰⁹ Например, *Зинченко И.К.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. Санкт-Петербург: [б. и], 1872. С. 34.

¹¹⁰ Отчет о состоянии Архангельской Духовной семинарии за 1870/71 учебный год // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 89–89 об.

начались с 1871/72 уч.г. и, возможно, были связаны с массовым выходом из духовного сословия выпускников 1871 г., а также возросшими контактами с городом и ссыльными, результатом которых стала публикация в газете «Новое время» в феврале 1872 г. корреспонденции А.С. Пругавина о нравах семинарии.

В 1870/71 уч.г. связи могли быть более плотными, чем они стали год спустя. На это указывает многочисленность контактов между выпускниками 1871 г. и их товарищами, оставшимися в семинарии. На момент, зафиксированный в письмах Нахорову непосредственно, эти связи были ослаблены, в том числе вследствие прямых запретов ректора на общение между семинаристами и контроля за их перепиской. Хотя среди семинаристов было много единомышленников, разделявших «идеальные стремления» или по крайней мере не имевших «религиозного чувства», они не составляли кружка и даже не всегда общались друг с другом. Показательны случаи Соловьева и Шмакова, Николая Шуйского и других пятиклассников, одновременно с ним готовившихся к поступлению в Медико-хирургическую академию.

Хотя сеть пронизывала четыре класса из шести, близкие отношения поддерживали ученики разных классов, в том числе с существенной разницей в возрасте, разделявшие общие убеждения. Для них также было характерно отрицательное отношение к одноклассникам, выливавшееся подчас в нелестные характеристики «болваны-пошляки или фразеры-тряпки». Отдельно стоит отметить, что «стачку» против преподавателя логики организовали ученики, скорее всего, не входившие в анализируемую сеть. Этот эпизод вообще не фигурирует в корреспонденции Нахорова, а поведение Петра Иванова в майском срыве урока выглядит сомнительным. Ученики договорились не готовить урок «по непониманию его ими», однако при появлении инспектора Иванов признал, что «знал урок с смутным пониманием»¹¹¹. Семинарские «бунты» были следствием внутренней жизни учебного заведения, а не чтения передовой литературы.

Наконец, переезд в Петербург и существование в составе землячества не вели автоматически к дальнейшей радикализации и вхождению в революционные кружки даже тех семинаристов, которые интересовались передовой литературой и разделяли установку на служение общему благу. В этом смысле судьба Василия Нахорова, сперва буквально воспитавшего когорту читателей передовой литературы из учеников младших классов, а затем вернувшегося в Архангельскую семинарию учителем, показательна.

¹¹¹ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 июня 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп 1. Д. 451. Л. 76.

Хотя Петр Иванов¹¹², Петр Рязанов, Николай Костылев, как и Василий Нахоров, в разное время привлекались к дознанию по делу о пропаганде в империи, революционную биографию имели не они, а один из организаторов «стачки» Евгений Тошаков, арестованный в 1877 г. в Петербурге за принадлежность к «Обществу друзей» М.А. Натансона и в конце концов оказавшийся в 1888 г. на поселении в Иркутской губернии¹¹³.

¹¹² С 1873 г. жил в Петербурге. В 1877 г. вел пропаганду в Уральске, был арестован как бродяга под фамилией Лебедев, в 1878 г. выслан на родину (Деятели революционного движения в России. Т. 2, вып. 2: Ж–Л / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Ст. 490.

¹¹³ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2, вып. 4. С–Я / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Ст. 1729–1731.

Introduction

Researchers of the revolutionary Narodnik movement in the first half of the 1870s describe the movement from two extreme positions: either as a history of a revolutionary organization¹ or as a youth sub/counter-culture, a set of ideas and practices that created “a special *sentiment* (italics added. – Yu. S.), which captured the widest strata of educated society.”² In his recent book, *Census of the Narodniks*, L. Lur'e combined these two approaches and, based on an analysis of the Narodniks' autobiographies, highlighted two stages in the life of representatives of “the 1870s generation”: the general context of growing up in the reformed secondary education system of the 1860s turned “most of the peers born at the turn of the 1840s and 1850s” into a cohort of people who had “common features.” However, they became a “peer group” in university cities, where communities gradually grew into self-education circles and then evolved into revolutionary organizations.³

Greater attention of researchers to the circles and organizations that existed in big cities from where youth “went to the people” in 1874 can be explained by the state of the sources. As the historiography of the Narodnik movement is based on materials from the agencies of political inquiry, the stage of the revolutionary movement's evolution that converted into criminal proceedings is much better documented.⁴ Its earlier and “innocent” phase was inaccessible to the eye of the political police. In this regard, the stage in the biography of the 1870s generation representatives before their study at higher educational institutions and joining revolutionary circles, which predetermined their departure to universities from provincial centers, stays in the background. To understand the initial stage of the Narodnik movement's development, it is necessary to analyze weakly structured communities of secondary school students in the early 1870s, the basis of which was extracurricular reading for the purpose of self-education.⁵

¹ N.A. Troitskii, *The First of the Brilliant Pleiad (The Grand Propaganda Society of 1871–1874)* [in Russian] (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991).

² E.I. Shcherbakova, “*The Apostates.*” *The Path to Terrorism (the 1860s–1880s)* [in Russian] (Moscow: Novyi Khronograf, 2008), 98.

³ L.Ya. Lur'e, *Census of the Narodniks: from Nechaev to Degaev* [in Russian] (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022), 88–91.

⁴ A.A. Rubtsov, “Anti-government Movement of the 1860–1870s and the Activities of Political Investigation Bodies in the Russian Empire (Legislative Norms and Investigative Practice)” [in Russian] (PhD diss., St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2023).

⁵ R. Leibov, and A. Vdovin, “What and How Russian Students Read in School, 1840–1917,” in *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, vol. 2, ed. D. Rebacchini, R. Vassena (Milano: Ledizioni, 2020), 259–316.

Main body

The article examines the connections of the students of Arkhangelsk Theological Seminary during a short period of the 1870/71–1871/72 academic years. In this case, there is no reason to talk about the existence of a circle, i.e. a group of like-minded people who were purposefully engaged in self-education for a long time and at the same time separated themselves from other students. Rather, we are dealing with a community that was formed around reading books outside the curriculum and included students of different years and graduates as well as the individuals who did not belong to the educational institution. Such reading was only partly rational, i.e. served the purpose of preparing for admission to a higher educational institution. To a much greater extent, it was subordinated to the task of self-education, radically formulated in the correspondence of the seminarians: “To try to be a man rather than a beast and for this, rise to the height of thought.”⁶ Ideas about what kind of literature could contribute to self-education were rather vague, and the range of reading was wide. For instance, the list of books taken from the Arkhangelsk seminarians by Assistant Inspector N. Kubintsev included novels by Hector Malot and Emile Zola as well as the works of N. Dobrolyubov, V. Belinsky, D. Pisarev, and N. Shelgunov or textbooks on physics and biology.⁷

It is important to emphasize that extracurricular reading of secular literature was not prohibited in seminaries. Moreover, it formed an important part of the 1867 reform of theological education. The unimplemented version of the charter, developed in 1862, required that young men be taught to “strictly discuss what they read,” and classroom discussions “based on the principles of sound criticism” (§ 240) were supposed to be an example of that.⁸ The chairman of the committee that prepared the 1862 charter, Archbishop Dmitry (Muretov) of Kherson, even proposed introducing mandatory “literary meetings” in seminaries, the purpose of which would be reading of “poetic and prosaic published literary works.”⁹ Thus, the reformers

⁶ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁷ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 28 yanvarya 1875” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, January 28, 1875]. F. 73, op. 1, d. 438, l. 216–216 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia.

⁸ *A Code of Statutes and Draft Statutes of Theological Seminaries, 1808–1814, 1862, 1867, 1884 and 1896* [in Russian] (St Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1908), col. 157.

⁹ “Donesenie Svyateishemu pravitel'stvuyushchemu sinodu arkhiepiskopa Khersonskogo Dmitriya” [Report of Archbishop Dmitry of Kherson to The Most Holy Governing Synod]. F. 573, op.1, d. AI/82, l. 92 ob. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscript Department of the National Library of Russia], St Petersburg, Russia. I thank K. Vanicheva who pointed out this source to me.

viewed unification of seminarians on the basis of collective reading in the early 1860s as a good pedagogical technique.

In the 1867 charter, all ideas for organizing extracurricular reading were reduced to the requirement to encourage students to read “useful books under the guidance of teachers” in § 135.¹⁰ Literary circles and handwritten journals of seminarians, created in the first post-reform years with the permission of teachers, were systematically abolished by the inspectors of the Synod Educational Committee.¹¹ On April 18, 1871, literary musical evenings were banned.¹² The new charter stipulated that extracurricular reading should be controlled, individual, and strictly dosed.

In 1870, S. Kersky, who inspected Arkhangelsk Theological Seminary, made extracts from the room journal, in which the “elder” of the students wrote down the good and bad deeds of their comrades. Although he noted two entries among the “bad” ones (“P. spent the whole day reading Buckle’s *History*,” “Vakhromeev spends more time reading books than preparing lectures”), a “good recommendation” attracted his attention.¹³ The situation seemed so important to the inspector that he included it in the printed version of the report, which was sent to all ecclesiastical educational institutions: “K. and V. are engaged in reading useful books, especially the latter, who uses not only the hours given for study but also the time assigned for walks and rest for this good activity.” The record did not indicate which books the seminarians read, but even reading H.Th. Buckle did not bother Kersky to the same degree. The inspector was concerned about the harm caused by excessive reading to the students’ health rather than its hypothetical impact on academic success or morality. As a result, he instructed to the leadership of the seminary “to be vigilant in ensuring that during the hours of rest none of the students completely abscond from certain activities necessary to renew and increase their physical strength.”¹⁴

These requirements were literally taken into account in the “Rules of Conduct for the Students of Arkhangelsk Seminary.” Printed in a printing house, they were

¹⁰ *Charter of Orthodox Theological Seminaries* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1867), 29.

¹¹ I.K. Zinchenko, *Report on the Inspection of Religious Educational Institutions of the Kharkov diocese (1874)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1875), 9.

¹² “O vospreshchenii ustroistva v dukhovno-uchebnykh zavedeniyakh kontsertov, spektaklei, chtenii i drugikh publichnykh sobranii, 18 aprelya 1871” [On the prohibition of organizing concerts, performances, readings and other public gatherings in religious educational institutions, April 18, 1871]. F. 73, op 1, d. 433, l. 112. GAAO.

¹³ “Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 49 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁴ S.V. Kerskii, *Transformation of Ecclesiastical Educational Institutions of the Arkhangelsk Diocese (in 1870)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1870), 64.

distributed to students in the autumn of 1871 and began to define their lives. As A. Prugavin wrote in correspondence for the *Novoe Vremya* newspaper, seminarians

... are busy for the whole day: with lectures, preparation for lectures, prayers, singing, gymnastics, compulsory rest, so that *less than half an hour* (A. Prugavin's italics. – Yu. S) is left daily 'for useful activities of the choice of the students themselves,' for example, reading.¹⁵

Strengthening of control was felt by the seminarians as a return to the pre-reform order: "Oppressed by the new discipline, the seminary seems to be entering into its rights of Pomyalovsky's times."¹⁶

Contradictory instructions from St Petersburg, which demanded organization of extracurricular reading, on the one hand, and to limit and strictly control it, on the other, made the use of books by ecclesiastical students a cause of constant conflicts.¹⁷ Maintaining the individual character of reading but not allowing the discussion of what was read without the teachers' supervision was especially difficult due to the living conditions of the seminarians.

The Arkhangelsk seminary was quite small; in the 1870/71 academic year, it accommodated only 90 students and 12 teachers.¹⁸ Among its specific features was compact accommodation of students, including those paying their own expenses, in a seminary dormitory, which was rare for theological educational institutions. In January 1870, 84 students lived in the seminary; 9 persons lived in their parents' houses; 3 with their close relatives; 3 in rented apartments.¹⁹ Due to the long distances, many students stayed in Arkhangelsk for the Christmas and Easter holidays, visiting their parents only in the summer.²⁰

Such conditions contributed to close communication between students, including those studying in different classes. Seminarians could spend their free time in the

¹⁵ A. Prugavin, "Arkhangelsk. February 2, 1872" [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

¹⁶ "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9–9 ob. GARF.

¹⁷ For more details about the conflicts in Arkhangelsk Theological Seminary, see Yu.A. Safronova, "Self-Education vs Extracurricular Reading: Secular Literature in Orthodox Theological Seminaries after the Reform of 1867" [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 57 (2023): 61–85, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

¹⁸ A.V. Sushko, *Theological Seminaries in Post-reform Russia (1861–1884)* [in Russian] (St Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010), 82, 160.

¹⁹ Kerskii, *Transformation of Ecclesiastical Educational Institutions*, 53.

²⁰ "Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870" [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 273. RGIA.

seminary garden, in the library, or in one of the eight bedrooms.²¹ As a result, friendship between the fifth- and first-year students, between whom there could be an age gap of five or more years, was common, with the elder friend acting as a mentor for the younger one. The style of such relationships was mentioned by seminarian Petr Ivanov in a letter to graduate Vasily Nakhorov:

Do you remember, in the first year, you used to say to me “a smart head” or something like that. Well, an inexperienced boy, I imagined that I was really smart, although in essence I was almost empty-headed.²²

Thanks to the correspondence of Vasily A. Nakhorov, son of a priest from Shenkursky Uyezd, who completed a full course of study in June 1871, it is possible to reconstruct the relationships of students of Arkhangelsk Theological Seminary, which evolved around reading for self-education. 26 letters for 1871–72 were seized by gendarmes during a search in October 1874 in the dormitory of St Petersburg Theological Academy, where Nakhorov was studying at that moment.²³ Among the correspondents there were 6 students of Arkhangelsk Theological Seminary: one fifth-year student, three third-years and two second-years. Seminary graduate Andrei Titov, who resigned after his fourth year in the summer of 1871 and served as an official in Velsk Uyezd of Vologda Governorate, also wrote to Nakhorov. In their letters, Nakhorov’s correspondents mentioned several dozen people who were united by the desire for self-education and the intention to study in St Petersburg as well as those who opposed them (not only teachers but also other students). The correspondence contains information about the situation of the 1871/72 academic year, but the events of the previous two years are also recalled. In contrast to the gloomy present, the earlier years were described as a heroic era. In the spring of 1872, Andrei Titov, who regularly received information about the state of affairs at his alma mater, complained that the seminary was turning “from progressive revolutionary into conservative. Was the bright star that shone so bright above it really beginning to fade?”²⁴ Apparently, the “revolutionary” state of the seminary was not the result of the students’ efforts alone but was to some extent supported by the

²¹ “Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 75–75 ob. RGIA.

²² “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

²³ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda, 19 oktyabrya 1874” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod, October 19, 1874]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1–1 ob. RGIA.

²⁴ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9 ob. GARF.

teachers. For instance, in April 1871, among the 25 topics of course essays the students of the sixth year were offered there was the polemical topic “Modern Materialist Worldview in front of the Light of Christian Doctrine,” which implied a close acquaintance of graduates with materialist theories.²⁵

The result of the heroic era was that those who completed the general-education and those who finished the theological course of the seminary entered secular higher educational institutions in the spring of 1871. In May 1871, the pedagogical meeting stated that out of 11 sixth-year students, “5 best and more capable ones” did not express a desire to continue their religious education, and 3 reported their intention to enter St Petersburg University and Medical Surgical Academy.²⁶ On June 13, 1871, four fourth-years submitted petitions for dismissal from the seminary to enter higher educational institutions.²⁷ Vasily Nakhorov, who left for the capital together with his classmates, had to enter St Petersburg Theological Academy.²⁸ He was able to admit his failure to his Arkhangelsk friends only in October in a letter written “in the tone of a man who had lost hope of being able to fulfill his plan and considered himself irretrievably lost.”²⁹

Having received this news, Petr Ivanov wrote:

Will entering there (the Academy. – Yu. S.) really change all your noble convictions? I don't think so at all because one can graduate from the Medical Academy and University as a scoundrel as well. Don't get discouraged and don't lose energy. Besides, not everyone is capable of giving himself up to an idea.³⁰

Vasily Nakhorov's further destiny is indicative in its own way. “Ideal aspirations” and extensive correspondence of dubious content were known in Arkhangelsk. Already in December 1871, fifth-year student Aleksei Kolchin asked Nakhorov to write “more modestly about the rector.”³¹ In April 1872, Nakhorov's letter, containing “criminal

²⁵ “Predlozheniya uchenikam 6 klassa dlya kursovykh sochinenii, 1 aprelya 1871” [Suggestions for 6th grade students for course essays, April 1, 1871]. F. 73, op 1, d. 445, l. 98 ob. GAAO.

²⁶ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 14 maya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, May 14, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 144. GAAO.

²⁷ Ibid., l. 168.

²⁸ About Nakhorov's misadventures in the capital, see A. Prugavin, “Arkhangelsk. February 2, 1872” [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

²⁹ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1. GARF.

³⁰ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P.A Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 4 ob. GARF.

³¹ “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2 ob. GARF.

thoughts against the state and anti-religious ones,” was found by assistant inspector N. Kubintsev on the second-year student Arkady Solovyov.³² Although the inspectors conducted a number of searches and took measures to suppress correspondence, the discussion of this incident was not included in the journals of the pedagogical meeting for 1872.³³ Moreover, Arkhangelsk teachers chose to hide Nakhorov’s activities from their colleagues in St Petersburg. On June 10, 1872, acting inspector E. Shuisky wrote a letter to the graduate asking whether the report about Petr Ivanov was correct that he copied Ludwig Büchner’s essay “Kraft und Stoff” from the copy that Nakhorov had left. In this case, of interest is the reasoning of the board, on whose decision the inspector made inquiries. It appealed directly to Nakhornov:

... In order to reduce time and any inconvenience that may arise for you (Nakhorov. – Yu. S.), give these explanations directly to the rector of the academy.³⁴

Obviously, the letter contains a threat to appeal to the academic authorities, but the very decision of the board to make the fact of dissemination of the “forbidden” work an internal matter of the Arkhangelsk residents is indicative. Neither Nakhorov nor his former teachers needed publicity because the Synod’s circular dated September 5, 1864 held them responsible for sending unreliable graduates to the academy.³⁵

Vasily Nakhorov did not cause any complaints from St Petersburg teachers. The rector of the theological academy testified to the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg that the student’s behavior “did not give the slightest reason to doubt his political reliability.”³⁶ On October 10, 1874, a search was conducted at the academy in connection with the case of propaganda in the empire, but already on October 26, the Third Department replied to the enquiry of the Chief Procurator of the Most Holy

³² “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 2. GARF.

³³ “Zhurnaly pedagogicheskikh sobranii pravleniya seminarii, 1872” [Journals of pedagogical meetings of the Arkhangelsk Theological Seminary board, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451. GAAO.

³⁴ “E.N. Shuiskii – V.A. Nakhorovu, 10 iyunya 1872” [From E.N. Shuisky to V.A. Nakhorov, June 10, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1686, l. 1–1 ob. GARF.

³⁵ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 14 maya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, May 14, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 144 ob. GAAO.

³⁶ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda, 19 oktyabrya 1874” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod, October 19, 1874]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1 ob. RGIA.

Synod that Nakhorov “turned out to be innocent.”³⁷ That allowed him to complete the course and to start service at Arkhangelsk Theological Seminary as a teacher on July 17, 1875.³⁸ Nakhorov’s career shows that involvement in the revolutionary movement as well as arrest on suspicion of political unreliability was not a road with no way back.

Let us go back to the 1871/72 academic year. The network that developed at Arkhangelsk Seminary around reading books was analyzed using the network analysis and data visualization tool Gephi. The analysis included 30 people: 8 Nakhorov’s correspondents and third parties mentioned in the correspondence if they (a) were involved in reading or transferring books; (b) received or sought to obtain higher education. At the same time, the analysis included collective letters, sending greetings to Nakhorov as well as requests and greetings sent through him to other graduates who lived in St Petersburg. The analysis did not include references to other types of relationships, such as competition for scholarship positions.³⁹

The results of the analysis are presented in Figure 1.

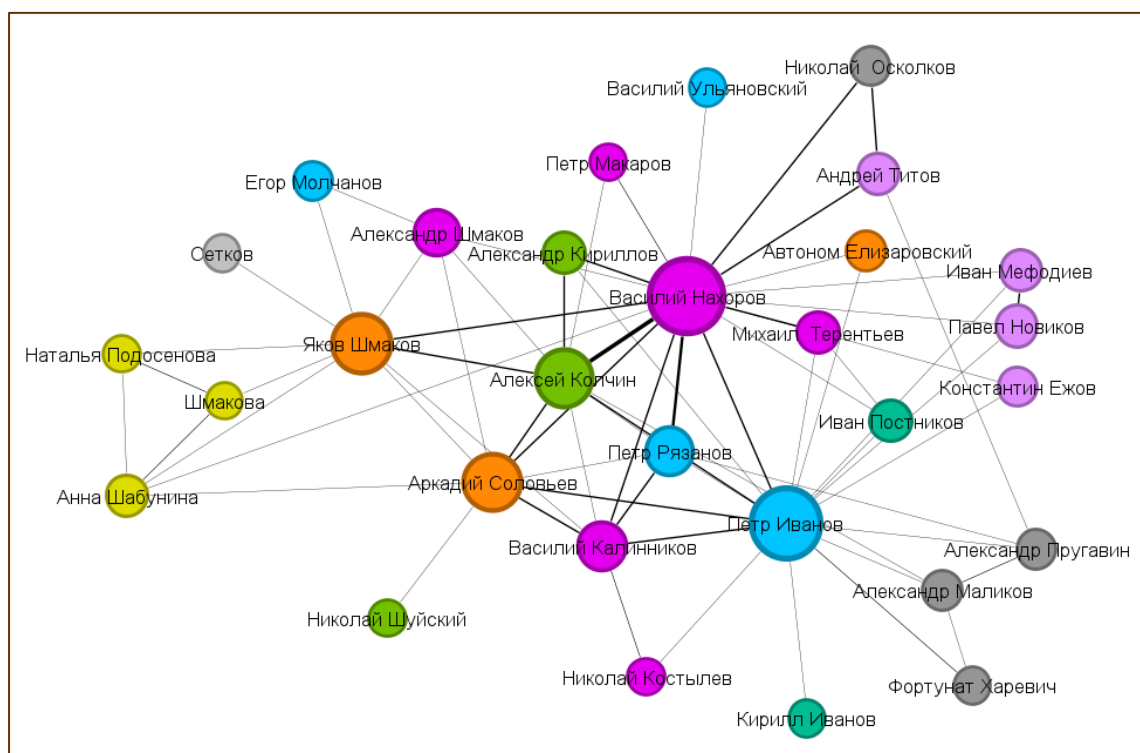

Fig. 1. The network of V. Nakhorov’s correspondents

³⁷ “Otnoshenie tovarishcha glavnogo nachal'nika III otdeleniya ober-prokuroru Sinoda, 26 oktyabrya 1874” [Memorandum of the deputy chief of the third department to the Chief Procurator of the Synod, October 26, 1874]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 4. RGIA.

³⁸ “Formulyarnyi spisok o sluzhbe prepodavatelya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii Vasiliya Nakhorova, 1876” [Record of service of Vasily Nakhorov, teacher at Arkhangelsk Theological Seminary, 1876]. F. 73, op. 1, d. 482, l. 330 ob. GAAO.

³⁹ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3 ob. GARF.

An important feature of the network is the numerous connections of the seminarians outside the educational institution, on the one hand, and its isolation within the clergy, on the other. The gray color on the graph indicates 5 people who did not belong to the clergy estate, 3 of whom were political exiles. In the autumn and winter of 1871, A. Malikov and F. Kharevich gave the seminarians access to books from the public library where they served.⁴⁰ Both were exiled to Arkhangelsk in the first half of the 1860s (Malikov in connection with the Ishutin Society case and Kharevich as a participant in the Polish Uprising of 1863–64). Petr Ivanov wrote about the existence of the “Malikov circle,” where two literary evenings took place, “I don’t know what happened and was said there because I was not invited.”⁴¹ Apparently, Aleksei Kolchin had a closer relationship with this group. In connection with Malikov’s departure to Orel, Ivanov wrote about him the following: “. . . It will be especially unbearable for some gentlemen, such as Aleksei Ivanovich [Kolchin].”⁴² Aleksandr Prugavin, a member of the “Malikov circle,” the son of the superintendent of public schools in Arkhangelsk Governorate, was exiled to his homeland in connection with the Nechaevites case in April 1871. The Arkhangelsk governor reported that Prugavin had gained influence on local youth, “both in the gymnasium and in the seminary.”⁴³ Apparently, it was Prugavin, about whom Ivanov wrote: “Some people also visit Al. P., but it’s a pity I can’t get to know them.”⁴⁴

The rector of the seminary, Archimandrite Donat (Babin-Sokolov), argued that the main sources of harmful influence on his students were the city in general and the public library in particular,⁴⁵ and therefore the “Malikov circle” was hardly the only or main factor in the formation of a community of readers. Opening of free access to the public library and A. Prugavin’s active work date back to the autumn of 1871, i.e. they did not affect the cohort of 1871 graduates, to whom Nakhorov belonged and with whom the seminarians who remained in Arkhangelsk maintained relations. Petr

⁴⁰ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3. GARF. About A.K. Malikov, see K.A. Solov’ev, *“I Said, You Are Gods...” Religious Trend in the Liberation Movement of the 1870s in Russia (“Divine Humanity”)* [in Russian] (Moscow: Knizhnyi perekrestok, 2012).

⁴¹ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

⁴² *Ibid.*, l. 5.

⁴³ “Otnoshenie Arkhangel'skogo gubernatora ministru vnutrennikh del, 13 marta 1872 (otpusk)” [Memorandum of the Arkhangelsk Governor to the Minister of Internal Affairs, March 13, 1872 (vacation)]. F. 1, op. 4, t. 1, d. 2189, l. 68. GAAO.

⁴⁴ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

⁴⁵ “Otchet o sostoyanii Arkhangel'skoi Dukhovnoi seminarii za 1873/74 uchebnyi god” [Report on the state of Arkhangelsk Theological Seminary for the 1873/74 academic year]. F. 802, op. 9, d. 1, l. 265. RGIA.

Ivanov became friends with Nakhorov in his first year, i.e. in the 1869/70 academic year, and even then it included recommendation of books and their discussion.⁴⁶ Perhaps, Nakhorov might have undergone such influence because he was involved in the management of the library. There is quite a vague indication that the rector was dissatisfied with the graduate “. . . because of the disorder in the school library and especially because of the fact that many books were missing, for example, as far as the collections were concerned, some of the books were not there.”⁴⁷

Small number of contacts between spiritual youths and the secular environment can be explained by class barriers that continued to divide the youth of the provincial city.⁴⁸ A. Prugavin cited statistics on the number of students in educational institutions of Arkhangelsk at the beginning of 1872: 129 in men’s gymnasium; 140 in women’s gymnasium; 83 in theological seminary; 102 in the uyezd school; 170 in the uyezd theological school; 45 in women’s theological school; 70 in German evangelical school.⁴⁹ Despite such diversity, connections of seminarians in secular educational institutions cannot be traced, with the exception of a single case, the relationship between second-year Yakov Shmakov and seven-year gymnasium student Setkov, who met in April 1871. The possibility of such an acquaintance was explained by Shmakov’s position as a gymnasium student, who lived with his mother on the money earned by lessons: “He has an excellent character, he is not proud, because he is poor.” Only poverty made a gymnasium student equal to the son of a priest, but it was the former who had to condescend to associate with the latter, which was explicitly stated by Shmakov: “We are both poor and he is a democrat.”⁵⁰

In the autumn of 1871, Setkov asked Shmakov for help: since the Arkhangelsk men’s gymnasium was a non-classical school, he did not know Latin, which he needed to enter the Medical Surgical Academy. The seminarian started his lessons at once, spending his Sundays on them and taking no payment for ideological reasons: “I decided long ago that my first work would be done for nothing.”⁵¹ This episode shows that in a provincial town it was difficult even for a very narrow group of young

⁴⁶ “P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 5 iyulya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, July 5, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 1 ob. GARF.

⁴⁷ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁴⁸ See L. Manchester, *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia* [in Russian], trans. A.Yu. Polunov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015), 65–75.

⁴⁹ A. Prugavin, “Arkhangelsk. February 2, 1872” [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

⁵⁰ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, ll. 1 ob.–2. GARF.

⁵¹ *Ibid.*, l. 2.

men who shared common views to get along due to class boundaries, which inevitably determined physical boundaries.

Not gymnasium students but students of other ecclesiastical educational institutions (men's and women's religious schools, where their brothers and sisters studied and recent graduates taught) were the main counterparty for the seminarians. Petr Ivanov wrote in January 1872, "There are still a few good heads in the religious school, but one can rarely go there."⁵² In the autumn of 1871, Nakhorov's classmate Konstantin Ezhov started service at Arkhangelsk Theological School as a teacher of arithmetic and geography.⁵³ The new status did not prevent him from becoming an intermediary between the graduate and the seminarians when the inspection started opening their letters. At the same time, in January 1872, Petr Ivanov asked, ". . . just don't address the letter to me directly but address it K. Alek. Ezhov."⁵⁴

The educational mission of Yakov Shmakov at the women's diocesan school is also interesting. On December 20, 1871, Shmakov wrote to Nakhorov that after reading the novel *Svetlov* by I. Omulevsky,⁵⁵ he decided to "help a person," which is why in September 1871, he "came to the school with a book from the public library and offered to read," and thus started with his sister, then N. Podosenova, Shabunina and others also started reading.⁵⁶ In this case, teachers (assistant to the head of the school Natalya Podosenova and calligraphy teacher Anna Shabunina) were also involved in communication with the seminarian.⁵⁷ To justify his venture, Shmakov cited the words of V. Belinsky, according to which "anyone who reads at least *Eruslan Lazarevich* will know twice more than those who do not read anything."⁵⁸

⁵² "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 15 yanvary 1872" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁵³ M.Kh. Grigorevskii, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions of the Arkhangelsk Diocese (1875)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1876), 42. *Official Directory of Arkhangelsk Governorate for 1877* [in Russian] (Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1877), 17.

⁵⁴ "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 15 yanvary 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁵⁵ *Svetlov, ego vzglyady, ego zhizn' i deyatelnost'* [Svetlov, his views, life and activities] is the title of a separate edition of the novel *Shag za shagom* [Step by step] (1871). For more on the literature about "new people," see L.R. Il'yasova, "Ideological Quests of the Russian Intelligentsia of Miscellaneous Ranks and Their Reflection in the Literature about the 'New People' at the Turn of the 1860–1870s" [in Russian], *Vestnik Pravoslav'nogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya, Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 96 (2020): 44–61, <https://doi.org/10.15382/sturII202096>

⁵⁶ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁵⁷ *Official Directory of Arkhangelsk Governorate for 1877* [in Russian] (Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1872), 41–42.

⁵⁸ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

Shmakov also sent his regards to graduate Vasily Kalinnikov through Nakhorov and reported that “his Lyubka was being kicked out of the school,”⁵⁹ but whether he was talking about his sister or a friend is not clear. Vasily Nakhorov knew A. Shabunina, so he tried to get some information about her through Arkady Solovyov in October 1871,⁶⁰ while the letter about Shmakov’s “monkey tricks” at the school was written on December 20.

Probably, not all relationships between the seminarians and diocesan women were based on the desire to “help the unfortunate situation” because Shmakov asked not to suspect him of bad intentions and added that he “had given up romances.”⁶¹ The fact that not only fraternal or comradely attitude towards women was common among the seminarians can be concluded from the letter of Aleksei Kolchin, in which he said hello to the “children of Aesculapius”, imagined his former classmate Petr Makarov “in the Nevsky with a camellia” and asked Nakhorov about his success “in the matter of the Nevsky-camellia-underground achievements.”⁶²

The contacts of the group of seminarians with exiles or with diocesan women were those connections that opened up the closed world of the seminary, where acquaintances like the relationship between Yakov Shmakov and gymnasium student Setkov were rare and more accessible to students who lived in the city.⁶³ After all, the basis of the described network was formed by graduates (10 people) and students (12 people) of the seminary, and connections between them were diverse and close.

In Figure 1, 10 graduates are indicated in lilac color. 6 of them lived in St Petersburg (indicated in bright lilac) and maintained contacts with each other and with their acquaintances who stayed in Arkhangelsk. S. Kersky’s report provides data on admission of the graduates of the Arkhangelsk seminary in higher educational institutions in 1867–69. It follows from it that in 1870 there were 7 persons in St Petersburg (4 at the theological academy and 3 at the university) and two more studied at Moscow University.⁶⁴

⁵⁹ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

⁶⁰ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁶¹ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

⁶² “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I. Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2. GARF.

⁶³ Ya. Shmakov is not mentioned in the list of students whose parents resided outside Arkhangelsk (“Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, ll. 273–275 ob. RGIA).

⁶⁴ *Ibid.*, l. 274.

At the same time, 5 out of 6 graduates included in the analyzed network were the graduates of 1871, which may indicate a fundamental difference between this group and the previous cohort of students. The only exception can be Mikhail Terent'ev, who studied at St Petersburg Theological Academy two years earlier than Nakhorov (fourth-year student Ivan Postnikov sent him his regards through Ivanov).⁶⁵

The main distinction of the 1871 graduates was that they chose Medical Surgical Academy as a place to study rather than a university. Apparently, that was the first instance, as Petr Ivanov asked in October 1871, “. . . Is it possible to enter the medical academy with a seminary document? There is a rumor here that it is impossible, and Kalinnikov and Kostylev got there only due to patronage.”⁶⁶ The seminarians' correspondence regarding admission to the academy was centered around Vasily Kalinnikov,⁶⁷ who left the seminary after the fourth year, while Nakhorov's classmate Nikolai Kostylev⁶⁸ was mentioned only once in the letter from Ivanov quoted above. Perhaps, this is due to the fact being a native of Shenkursky Uyezd, Kalinnikov lived in the seminary's dormitory during his studies and stayed there during vacations as well,⁶⁹ and Nikolai Kostylev lived in his father's house.⁷⁰ As a result, he was much less involved in the relationships within the seminary's dormitory.

Kostylev's position can be compared with that of Nikolai Shuisky, nephew of the seminary inspector E. Shuisky, who lived in his apartment. Having been promised financial support by his uncle, the best student in the fifth year was going to enter the

⁶⁵ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. GARF. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

⁶⁶ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871” [From PA. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3 ob. GARF.

⁶⁷ He died in St Petersburg between May 6 and June 15, 1872. Arkady Solovyov wrote, “We were very sorry for Kalinnikov. They held a funeral feast for him at the cross, where all his good deeds were recalled.” (“Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF).

⁶⁸ He was searched in December 1874 on suspicion of political unreliability. (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bio-Bibliographic Dictionary: From the Predecessors of the Decembrists to the Fall of Tsarism* [in Russian], ed. F. Kon et al., vol. 2, *The 1870s*, iss. 2, Zh–L, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poseselentsev, 1930), col. 663).

⁶⁹ “Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangel'sk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 273 ob. RGIA.

⁷⁰ Since the seminarians are mentioned in all documents without a patronymic, Nikolai Kostylev can be either the son of the rector of the Annunciation Cathedral G.F. Kostylev or the head of the spiritual consistory department I.E. Kostylev (*Official Directory of Arkhangel'sk Governorate for 1872*, 11, 48).

medical academy. In June 1872, E. Shuisky suddenly changed his mind after learning from a relative that

. . . the students of the university and medical academy were such atheists, they have got out of hand. . . Well, after that, Evg[enii] Nik[olaevich] believes it to be a sin to give funds to Nikolai to enter such an institution.⁷¹

In this case, of importance are not the relationship between the uncle and the nephew, but the fact that Nikolai Shuisky was not mentioned in the letters of the students who were jointly preparing to enter the academy. He was mentioned only in a letter from Arkady Solovyov, a rector's relative and his younger brother I. Sokolov, a teacher of civil history. Solovyov lived in the rector's apartment, which put him in a privileged position, since people turned to him for news from the teachers' room.⁷² On the other hand, supervision over him was much stricter. At the end of 1871, he was forbidden to communicate with Ivanov as an "extremely suspicious person," so the latter complained of loneliness: ". . . Arkady is also a bird of passage in our land, and only mostly after lunch and after dinner he came for a few hours. . ."⁷³

From Arkhangelsk, the relationship between those who left for St Petersburg seemed to be an ideal brotherhood. Judging by the numerous greetings sent through Nahorov, the seminarians believed that all graduates maintained close contacts with each other. The former seminary inspector, Hegumen Aleksy, had a similar idea of them as a single group. According to Arkady Solov'ev, upon returning from the capital, he told the rector about them, "the natives of Archangelsk in St Petersburg. How, for example, Shmakov and others behaved at Kalinnikov's funeral."⁷⁴ Meanwhile, Nakhorov's relations with the rest of the graduates were apparently uneven due to the lower status of the student of the theological academy compared to those who entered the medical academy. In December 1871, Nakhorov sent a letter to Kolchin with the idea of creating a mutual aid fund ". . . with the goal of helping poor Arkhangelsk students." Within the seminary, the attitude to this project differed, since it competed both with other collective expenses, such as shared subscription to magazines, and with personal plans of the students who were saving money to live in

⁷¹ "Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872" [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF.

⁷² "You want to know what our Father thinks about you. I cannot say anything about that, since in this regard he is very cautious. . .," Solov'ev wrote in response to Nakhorov's inquiry ("Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871" [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF).

⁷³ "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, b.d. [1872]" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁷⁴ "Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872" [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF.

the capital.⁷⁵ The supposed attitude of St Petersburg residents was also ambiguous. Yakov Shmakov asked, “Will M[ister] Kalinnikov listen to this idea with laughter?”⁷⁶

In the absence of more precise information about the nature of the relationships within the Arkhangelsk community in St Petersburg, we can try to find out what connected the group of the 1871 graduates before their departure thanks to the letters from Andrei Titov and his colleague, uyezd supervisor of the Velsk Uyezd office Nikolai Porfir'evich Oskolkov,⁷⁷ in whose house Titov lived. Titov submitted a petition for dismissal from the seminary in June 1871, together with three other students who finished their fourth year (Vasily Kalinnikov, Petr Makarov, and Ivan Vakhromeev).⁷⁸ The first two achieved their desired goal and they became students, but there is no information about the fate of the latter.

Describing his “half-animal” existence in the village of Blagoveshchenskoye, Titov recalled the “hobbies of the past,” thanks to which “the future was seductively depicted in the colors of the brightest and most significant perspective.”⁷⁹ From his point of view, the “student environment” and “school science” were equal in their beneficial influence on human development, in contrast to the miserable life of “pen-pushing”: “. . . In the sphere of my mind, no serious questions arise either. But where or as a result of what may they arise?” Thus, for Titov, the years of study at the seminary turned out to promote development more than independent life: “I am even more surprised myself at what I used to be in the seminary and that I am now. . . . Really, I even feel hurt by this.”⁸⁰

Titov’s unsuccessful attempt to escape from his sleepy “provincial” life is known from Oskolkov’s letter. In the autumn of 1871, the young man applied for a position of village teacher, received it, but then refused due to financial considerations. Oskolkov commented on that escapade:

⁷⁵ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF.

⁷⁶ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 3. GARF.

⁷⁷ *Memorial Book of Vologda Governorate for 1873* [in Russian], ed. F.A. Arsen'ev (Vologda: Tipografiya Vologodskogo gubernskogo pravleniya, 1873), 14–15.

⁷⁸ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 13 iyunya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, June 13, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 168. GAAO.

⁷⁹ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 27 noyabrya 1871” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, November 27, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 1 ob. GARF.

⁸⁰ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 8 ob. GARF.

. . . There are still few people in Rus' who would like to devote themselves to enlightening the ignorant masses and give all their strength and intelligence in the bad conditions of life. . . It is true that it is always easier to carry out a theory than to respond to it with action.⁸¹

Titov's decision to change his comfortable life to the post of a rural teacher was obviously dictated by the "aspirations" formed in the seminarian circle to which he belonged before graduation: ". . . I would like to donate my strength to a broader and more useful field." Titov explained the need to choose a well-fed life of an official instead of that with the "Darwinian Theory," integrating the acquisition of funds into the "struggle for existence."⁸²

The views of Nakhorov during his last two years at the seminary can be reconstructed from the letters of Petr Ivanov. The articles of critics, read on the advice of the elder comrade, were the turning points in Ivanov's life: ". . . You led me to Pisarev and Shelgunov, etc., and gave me, so to speak, the ABC's for understanding them."⁸³ Their relationship can be compared with the enthusiastic letter of Yakov Shmakov, to whom Nakhorov wrote from St Petersburg at the end of 1871 and with whom, apparently, he did not maintain relations at the seminary. "I am glad to be friends, and that there are people who consider me a person, not of the present but of the future, and for this I cannot help but thank you," wrote the second year who was only two years younger than his correspondent. Nakhorov advised Shmakov to read Belinsky and Shpielhagen, to which he received the following answer: ". . . I have been inseparable from Belinsky for more than a month now."⁸⁴

Thus, Nakhorov's advice to his younger comrades did not go beyond the range of articles by democratic critics and educational novels. Apparently, Ivanov read *What Is to Be Done?* by N. Chernyshevsky in 1871 on his own initiative.⁸⁵ The only mention of illegal literature in all of Nakhorov's correspondence is the phrase from Andrei Titov's letter "not a word about Lassalle's associations is mentioned in your letter,"⁸⁶ which can hardly refer to the censored publication of 1870, but is much

⁸¹ "Oskolkov N.P. – Nakhorovu V.A., 2 dekabrya 1872" [From N.P. Oskolkov to V.A. Nakhorov, December 2, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1679, ll. 1 ob.–2. GARF.

⁸² "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelyya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9–9 ob. GARF.

⁸³ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 5 iyulya 1871" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, July 5, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 1 ob. GARF.

⁸⁴ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, ll. 1–2. GARF.

⁸⁵ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvaryya 1872" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF.

⁸⁶ "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelyya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9 ob. GARF.

more likely to refer to the mutual aid fund project. When giving explanations to the gendarmes in 1874, Nakhorov argued that the word “association” was “used by his correspondent inappropriately and referred to the desire of his fellow countrymen in St Petersburg to jointly help one poor student.”⁸⁷

In Figure 2, the network under analysis is represented only by the students of Arkhangelsk Theological Seminary; their years of birth are added to the captions. The nodes are color-coded depending on the year of study: orange for the second year; blue for third year; red for the fourth year; green for the fifth year. The same color indicates the graduates of 1871 who left the seminary after their fourth year. Those who completed the full course in 1871 are indicated in lilac. The absence of mentions of the first-year students is understandable, since they entered the seminary in the autumn of 1871 and Nakhorov was not familiar with them. Much more interesting is the absence of the sixth-years. Andrei Titov wrote about them the following: “Our sixth-year students have become completely lazy and are only dreaming of brides. It’s really wild!”⁸⁸ From this message we can conclude that the sixth-year students chose ordination, the prerequisite for which was marriage, i.e. did not share the interest in self-education. Thus, the network included students from four years, from the second year to the fifth, and graduates.

⁸⁷ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1 ob. RGIA.

⁸⁸ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9. GARF.

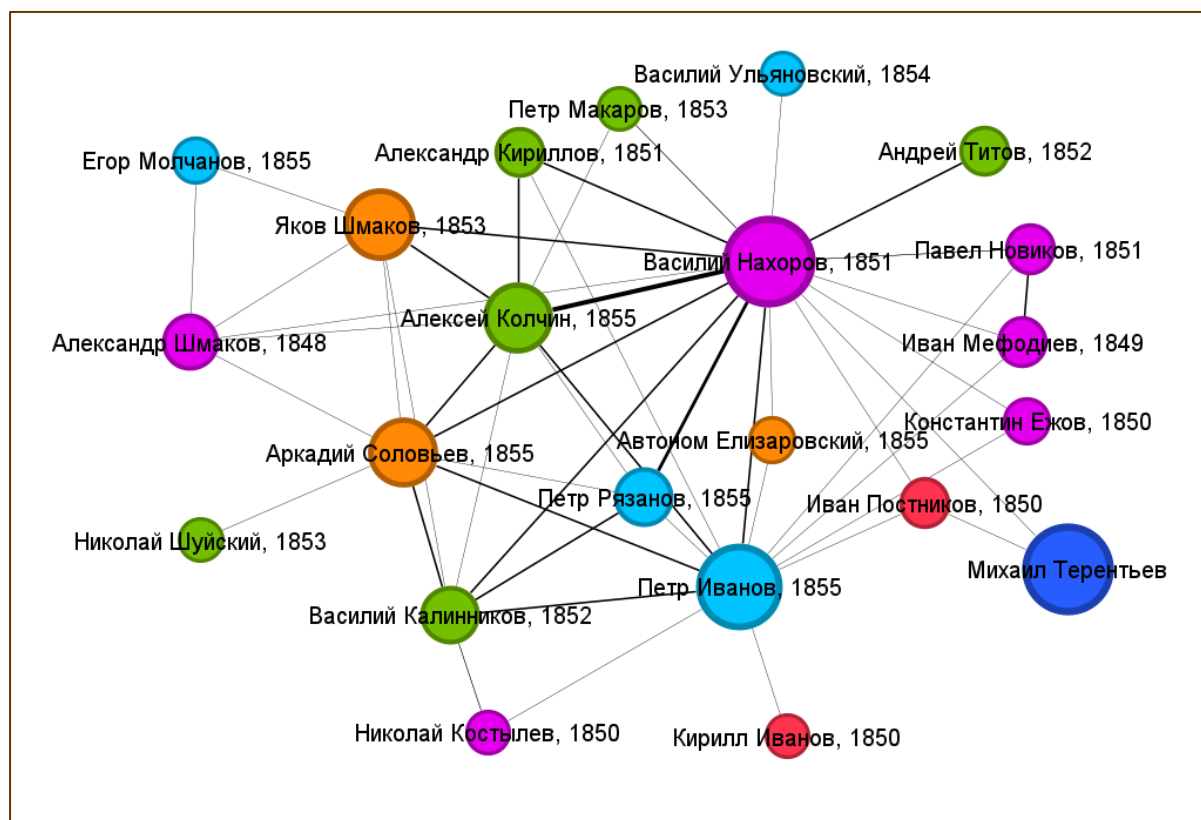

Fig. 2. Network of students of Arkhangelsk Theological Seminary

Despite the fact that the network covered most of the seminary, its density was quite low: only 0.175 (assuming a maximum density of 1). Of special significance is the small number of cliques among classmates: Nakhorov's correspondents more often wrote about their like-minded fellows from other classes and complained about their associates. The only exception is the fifth-year students Aleksei Kolchin and Aleksandr Kirillov, who wrote to Nakhorov together. Perhaps they were included in a tighter group that existed in 1870/71 academic year (the majority of its members left the seminary in the summer). Petr Ivanov joined that couple: in October 1871, the three of them "began studying mathematics and new languages."⁸⁹ It was Aleksei Kolchin who was the addressee of Nakhorov's letter that described the project for a mutual aid fund, which was read from his hands by Petr Ivanov ("showed me your letter") and Yakov Shmakov ("read your thought expressed in the letter of Great Alexis").⁹⁰

Third-year student Ivanov mentioned only one of his classmates, Petr Ryazanov, as well as two second-year students, Arkady Solovyov and Avtonom Elizarovsky. The conflict between the seminarians is evidenced by a vague letter from another third-year

⁸⁹ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3 ob. GARF.

⁹⁰ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvary 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF; "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 3. GARF.

student, Vasily Ul'yanovsky. On January 19, 1872, he wrote about misunderstanding that occurred before Nakhorov's departure: "... If I did anything against you, it was [illegibly] out of ignorance because I didn't know then what kind of person you were and what your goals were! But now my eyes have opened, and I have learned."⁹¹ Ul'yanovsky is not mentioned in the letters from other Nakhorov's correspondents. Meanwhile, in 1872, the third-year students organized a "strike" against teacher N. Kubintsev: in February they did not submit an essay in logic, and in May they refused to answer in class. The instigators were brothers Nikolai Kamkin and Aleksandr Kamkin, Evgeny Toshakov, Yakov Dyachkov and Vasily Ul'yanovsky.⁹²

Petr Ivanov maintained the closest relationship with second-year student Arkady Solov'ev: "... Except for Arkady, I couldn't get along with anyone, and, perhaps, I don't want to."⁹³ By the end of the academic year, he had formulated a radical opinion about the remaining seminarians:

... The seminary is such worthless rubbish that it would not be a pity to dump the whole bunch into the Dvina (by the seminary I mean those living in the building). All of them are either vulgar fools or phrase-mongering rags.⁹⁴

It was expressed in an undated letter, apparently written after the February events, which resulted in the ban on communication with Solovyov, an unsatisfactory assessment of behavior⁹⁵ and the rector's verdict: "I put a question mark against Ivanov for the vacation."⁹⁶

In March 1872, Ivanov lost the company of Kolchin and Ryazanov. Fifth-year student Kolchin's decision not to complete the course was premeditated and known to Ivanov ("Aleksi Ivanovich is graduating, and [v]ery soon. And he wants to become a

⁹¹ "Ul'yanovskii V. – Nakhorovu V.A., 19 yanvarya 1872" [From V. Ul'yanovsky to V.A. Nakhorov, January 19, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1684, l. 1–1 ob. GARF. (A letter from Ul'yanovsky to V.A. Nakhorov with a request to write to him his impression of their mutual acquaintances in Arkhangelsk.)

⁹² Grigorevskii, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions*, 28–32.

⁹³ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

⁹⁴ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., b.d. [1872]" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9. GARF.

⁹⁵ "Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 marta 1872" [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, March 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 38. GAAO.

⁹⁶ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

rural teacher somewhere in Pinega”).⁹⁷ Kolchin himself asked Nakhorov in December 1871:

... Do I need much money for the first time in order to somehow exist in St Petersburg for at least six months? And how many half-kopecks will be needed for the journey? And where do you think is the best place to get ready for? I think for myself that it is the Aesculapius' laboratory.⁹⁸

The decision of the third-year student Ryazanov to leave the seminary a year and a half before the end of his general education course was considered by teacher S. Arsen'ev as madness: “. . . In our class, he told my class-mates that I was crazy.”⁹⁹ In that case, for admission to a higher educational institution, a former seminarian had to take exams for the gymnasium course. In addition, as a student supported by the diocese, he was obliged to repay the cost of his study at the seminary, 135 roubles.¹⁰⁰ Apparently, the decision was made upon his receiving a post of a home teacher in the house of merchant Cherepanov, but in his petition for expulsion the seminarian allowed himself a remark reflecting his worldview: “I cannot and do not want to live further in the seminary, according to the demands of my nature.” According to Ryazanov's letter, the rector considered his decision to be the result of reading inappropriate books: “That's what it means to read a lot of Shchapov and the like. I expected this from you, Ryazanov.”¹⁰¹ Naturally, Ryazanov associated his future with the Medical Surgical Academy. To enter the academy, he was going to move to St Petersburg to prepare for the exam for a year there.¹⁰² Left alone, Petr Ivanov also began to think about expulsion and a post of a teacher (“to wave to the rural

⁹⁷ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7. GARF.

⁹⁸ “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I. Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2. GARF.

⁹⁹ “Ryazanov P. – Nakhorovu V.A., 6 maya 1872” [P. Ryazanov to V.A. Nakhorov, May 6, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1680, l. 1 ob. GARF. (A letter with a request to find out about the possibility to enter the Medical Surgical Academy).

¹⁰⁰ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 marta 1872” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, March 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 36. GAAO.

¹⁰¹ “Ryazanov P. – Nakhorovu V.A., 6 maya 1872” [From P. Ryazanov to V.A. Nakhorov, May 6, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1680, l. 1 ob. GARF.

¹⁰² In 1874, he was searched in St Petersburg on suspicion of distributing prohibited books. (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia*. Vol. 2, iss. 3, M–P, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1931), col. 1384.

population”): “My desire to leave the seminary is not some kind of a whim but a deliberate and necessary action.”¹⁰³ But he did not implement that plan.

The lack of contacts between classmates, even if they shared common views and read the same literature, is especially noticeable in the instance of second-year students Arkady Solovyov and Yakov Shmakov. After the discovery of seditious correspondence with Nakhorov and the rector’s ban on communication with Ivanov, Solov'ev had to associate with his classmates: “. . . We got along, but for nothing. Pavlov, Popov and the like are misers, to say nothing about the rest. Shmakov alone reads more seriously than others, but he does so on occasions.”¹⁰⁴ At the same time, it is known from Shmakov’s letters to Nakhorov that Shmakov had been reforming himself since October 1871:

I am not ashamed (and I used to be ashamed!) to openly admit that all the years of studying at school passed without any benefit, since the acknowledgement of one’s guilt is a sure earnest of correction, as Belinsky says.¹⁰⁵

Although the network under analysis was formed around reading books and self-education, “ideal aspirations” were not the only thing that united its members. In October 1871, Arkady Solovyov wrote that Nakhorov’s reputation in the opinion of the rector was spoiled by the information about “everyone who participated in the expedition to Filat”.¹⁰⁶ In December 1871, Petr Ivanov reported that he and two of Nakhorov’s classmates, Ivan Mefod'ev and Pavel Novikov, participated in a “great libation to Bacchus,” after which they decided to write to him in St Petersburg.¹⁰⁷ At the same time, alcohol consumption, which was one of the main concerns of the Synod Educational Committee, was also problematized in that environment. Petr Ivanov persuaded Nakhorov to give up “frequent libations”:

I imagine, your situation is similar to the situation of exiles in a provincial town, who drink away their grief and loneliness. But Vasily Andreevich, your cause is not lost, and your organization, as I think, is not entirely Herculean. Take care of

¹⁰³ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., b.d. [1872]” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

¹⁰⁴ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 2 ob. GARF.

¹⁰⁵ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1. GARF.

¹⁰⁶ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

¹⁰⁷ “Ivanov P.A. – V.A. Nakhorovu, 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5 ob. GARF.

yourself so as not to end your activities in the academia, because, I think, you are not averse to some ideal aspirations.¹⁰⁸

Conclusion

The analysis of Vasily Nakhorov's correspondence in combination with the journals of pedagogical meetings and materials from revisions of Arkhangelsk Theological Seminary allows us to see in detail how a community of readers was formed and functioned around progressive literature in the early 1870s. The specific feature of the Arkhangelsk case was inclusion of political exiles in it. Through them, the seminarians were connected with the progressive youth in the city. At the same time, it was not the exiles who determined the interest of the seminarians in secular literature. The inspectors' reports systematically included information about the seminarians' visits to public libraries, including the dioceses where there was no political exile.¹⁰⁹ Thus, the "Malikov's circle" only satisfied the demand for educational literature and democratic periodicals that existed among the seminarians. Although contacts with political exiles opened up the network of relations that was closed within the clergy, the main counterparties were teachers and students of women's and men's religious schools, which indicates the preservation of class barriers in the provincial city.

Until the autumn of 1871, relatively liberal rules reigned in the Arkhangelsk seminary. It was reformed according to the charter of 1867, which allowed students to choose and read books without supervision from teachers. In the 1870/71 academic year, mandatory reading reports were introduced at the seminary, the purpose of which was to organize and encourage extracurricular reading but not to control it. As a report, Vasily Kalinnikov submitted a review of *A History of the Intellectual Development of Europe* by J.W. Draper, which was later banned for seminarians by the Educational Committee, and Andrei Titov submitted an analysis of the work by *The Human as a Subject of Education: Pedagogical Anthropology*.¹¹⁰ Thus, the teachers themselves supported the students' interest in secular literature. "Persecution" began in the 1871/72 academic year and was probably associated with mass withdrawal from the clergy of the 1871 graduates as well as great number of contacts with the city and exiles, which resulted in the publication of A. Prugavin's piece about the morals in the seminary in the newspaper *Novoe Vremya* in February 1872.

¹⁰⁸ "Ivanov P.A. – V.A. Nakhorovu, 9 dekabrya 1871" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 4–4 ob. GARF.

¹⁰⁹ For example, I.K. Zinchenko, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions of the Kazan Diocese for 1871* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1872), 34.

¹¹⁰ "Otchet o sostoyanii Arkhangel'skoi Dukhovnoi seminarii za 1870/71 uchebnyi god" [Report on the state of Arkhangelsk Theological Seminary for the 1870/71 academic year]. F. 802, op. 9, d. 1, l. 89–89 ob. RGIA.

In the 1870/71 academic year, connections may have been tighter than they became a year later. What indicates this is the large number of contacts between the graduates of 1871 and their associates who stayed in the seminary. At the moment, immediately recorded in the letters addressed to Nakhorov, those ties were weakened, among other things, due to the rector's direct ban on communication between the seminarians and control over their correspondence. Although there were many like-minded people among the seminarians who shared "ideal aspirations" or at least did not have "the religious feeling," they did not form a circle and even did not always communicate with each other. Indicative are the cases of Solov'ev and Shmakov, Nikolai Shuisky, and other fifth-year students who were preparing to enter the Medical Surgical Academy at the same time.

Although the network covered four of the six years, close relationships were maintained by students from different classes, including those with significant age gap who shared common beliefs. They were also characterized by a negative attitude towards their classmates, which sometimes resulted in unflattering descriptions of "vulgar fools or phrase-mongering rags." It is worth noting separately that the "strike" against the teacher of logic was organized by the students who most likely were not members of the network under analysis. This episode does not appear in Nakhorov's correspondence at all, and Petr Ivanov's behavior during the lesson disrupted in May looks dubious. The students agreed not to prepare the lesson "due to their lack of understanding," but when the inspector appeared, Ivanov admitted that he "knew the lesson with a vague understanding."¹¹¹ The "revolts" of the seminarians were a consequence of the internal life of the educational institution rather than reading progressive literature.

Finally, moving to St Petersburg and existing as part of the community did not automatically involve further radicalization and entry into the revolutionary circles even for those seminarians who were interested in cutting-edge literature and shared the attitude of serving the common good. From this point of view, indicative is the destiny of Vasily Nakhorov, who literally raised a cohort of readers of cutting-edge literature from junior-year students and then returned to the Arkhangelsk Seminary as a teacher. Petr Ivanov,¹¹² Petr Ryazanov, and Nikolai Kostylev were involved in the investigation into the case of propaganda in the empire at different times in the same way as Vasily Nakhorov was, but it was not them but Evgeny Toshakov, one of the organizers of the "strike," who had a revolutionary biography. He was arrested in 1877

¹¹¹ "Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 iyunya 1872" [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, June 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 76. GAAO.

¹¹² From 1873 on, he lived in St Petersburg. In 1877 he spread propaganda in Uralsk, was arrested as a tramp under the surname Lebedev, and was deported to his homeland in 1878 (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia*, vol. 2, iss. 2), col. 490.

in St Petersburg for belonging to the “Society of Friends” of M. Natanson’s and was exiled to Irkutsk Governorate for settlement in 1888.¹¹³

Список литературы

Ильасова Л.Р. Идеиные искания русской разночинной интеллигенции в отражении литературы о «новых людях» рубежа 60–70-х годов XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История, История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 96. С. 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096.44-61>

Лурье Л.Я. Перепись народников. От Нечаева до Дегаева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 304 с.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / перевод с английского А.Ю. Полунова. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Рубцов А.А. Антиправительственное движение 1860–1870-х годов и деятельность органов политического дознания в Российской империи (законодательные нормы и следственная практика): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023. 223 с.

Сафронова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

Соловьев К.А. «Я сказал: вы – боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). Москва: Книжный перекресток, 2012. 164 с.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). Санкт-Петербург: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 254 с.

Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.

Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX в.). Москва: Новый Хронограф, 2008. 224 с.

Leibov R., Vdovin A. What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Vol. 2 / edited by D. Rebacchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259–316.

References

Il'yasova, L.R. “Ideinye iskaniya russkoi raznochinnoi intelligentsii v otrazhenii literatury o ‘novykh lyudyakh’ rubezha 60–70-kh godov XIX v.” [Ideological quests of the Russian intelligentsia of miscellaneous ranks and their reflection in the literature about the “new people” at the turn of the 1860–1870s]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya, Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 96 (2020): 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096> (In Russian)

¹¹³ *Figures of the Revolutionary Movement in Russia*. Vol. 2, iss. 4, S–Ya, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1932), col. 1729–31.

Leibov, R., and A. Vdovin. “What and How Russian Students Read in School, 1840–1917.” In *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, vol. 2, edited by D. Rebacchini, and R. Vassena, 259–316. Milano: Ledizioni, 2020.

Lur'e, L.Ya. *Perepis' narodnikov. Ot Nechaeva do Degaeva* [Census of the Narodniks: from Nechaev to Degaev]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. (In Russian)

Manchester, L. *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia], translated from English by A.Yu. Polunov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Russian)

Rubtsov, A.A. “Antipravitel'stvennoe dvizhenie 1860–1870-kh godov i deyatel'nost' organov politicheskogo doznaniya v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye normy i sledstvennaya praktika)” [Anti-government movement of the 1860–1870s and the activities of political investigation bodies in the Russian Empire (legislative norms and investigative practice)]. PhD diss., St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russian)

Safronova, Yu.A. “Samoobrazovanie vs vneklassnoe chtenie: svetskaya literatura v pravoslavnykh dukhovnykh seminariyakh posle reformy 1867 g.” [Self-Education vs extracurricular reading: secular literature in orthodox theological seminaries after the reform of 1867]. *Antropologicheskii forum*, no. 57 (2023): 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85> (In Russian)

Shcherbakova, E.I. “*Otshchepentsy*”. *Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX v.)* [“The apostates.” The path to terrorism (the 1860s–1880s)]. Moscow: Novyi Khronograf, 2008. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “*Ya skazal: vy – bogi...*”: *religioznoe techenie v osvoboditel'nom dvizhenii 70-kh gg. XIX v. v Rossii (“bogoche lovechestvo”)* [“I said, you are gods...” Religious trend in the liberation movement of the 1870s in Russia (“divine humanity”)]. Moscow: Knizhnyi perekrestok, 2012. (In Russian)

Sushko, A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoĭ Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological seminaries in post-reform Russia (1861–1884)] St Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady (Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The first of the brilliant pleiad (The Grand Propaganda Society of 1871–1874)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. (In Russian)

Информация об авторе

Юлия Александровна Сафронова – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, jсаfronova@eu.spb.ru, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Yuliya A. Safronova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 10.11.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208.

Дискуссионная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

EDN WKKCOQ

**Женская общественная деятельность:
терминология и методология изучения женского движения
в России во второй половине XIX – начале XX в.**

Анастасия Юрьевна Федотова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>

Anastasiya Yu. Fedotova

Kazan Federal University,
Kazan, Russia,
stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>

Аннотация. В статье рассматривается историография женского движения в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. на предмет использования терминов применительно к данному историческому явлению, классификации женщин-участниц движения и методологии исследования. Основными источниками являются наиболее значимые публикации современных отечественных и иностранных ученых, занимающихся указанной проблематикой. На основе анализа представленной в тексте историографии можно сделать вывод, что в исторической ретроспективе при изучении женской общественной деятельности использовались такие термины, как *феминизм*, *эмансипация женщин*, *женский вопрос*, *суфражизм*, *женское движение*. На сегодняшний день наиболее часто употребляемым термином является *женское движение*, а методологией – теории социологии общественного движения. В вопросе классификации женщин-участниц нет устоявшегося деления. Существующий терминологический и методологический инструментарий не позволяют осмыслить разнообразие форм протекания социальных процессов и реальных феминистских стратегий в позднеимперский период. Для анализа проблемы женской активности второй половины XIX – начала XX в. предлагается использовать более широкие термины – *женская общественная деятельность*, *новая женщина*, а также концепции Ю. Хабермаса, Х. Арендт о публичной и приватной сферах и теорию И. Гофмана о гендерном дисплее. При этом «политизацию» публичной сферы для

© Федотова А.Ю., 2024

© Fedotova A., 2024

женской деятельности не политико-правового характера позволит произвести высказывание Кэррол Ханиш – «личное есть политическое». В этом ключе женская общественная деятельность будет «политическим» поступком в сфере публичной, поскольку происходит выход за рамки существующих патриархальных институтов и практик. В заключительной части статьи делаются выводы о том, что расширение терминологического и методологического аппарата за счет внедрения понятия *женская общественная деятельность* и применения теорий/концепций Ю. Хабермаса, Х. Арндт, И. Гофмана позволит заполнить лакуны региональной и общероссийской женской истории путем включения в историческую память женщин, вышедших из частной приватной сферы в публичное пространство и реализовавших себя через высшее образование, благотворительность, предпринимательство, получение профессий, считавшихся ранее сугубо мужскими.

Ключевые слова: женское движение, женская общественная деятельность, феминизм в Российской империи, вторая половина XIX – начало XX в., методология изучения женского движения, новые женщины, женщины нового типа, гендерный дисплей, социология общественных движений, публичная и приватная сферы

Для цитирования: Федотова А.Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Abstract. The article deals with the historiography of the women's movement in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. It addresses the terms related to this historical phenomenon, classification of women-members of the movement, and research methodology. The main sources are the publications of the most significant modern Russian and foreign researchers working on this range of problems. Based on the analysis of the historiography presented in the text, we can conclude that in historical retrospect, researchers used such terms as *feminism*, *women's emancipation*, *the woman question*, *suffragism*, and *women's movement*. Nowadays, the most commonly used term is *women's movement*. The most commonly used methodology rests upon the theories of social movement sociology. There is currently no well-established classification of female participants in social movements. The existing terminological and methodological tools do not allow us to comprehend the diversity of forms of social processes and real feminist strategies in the late imperial period. To analyze the problem of women's activism in the second half of the 19th and early 20th century, we suggest using broader terms *women's social activism* and *the new woman*, the concepts of J. Habermas and H. Arendt of the public and private spheres, and E. Goffman's theory of gender display. At the same time, the slogan "The Personal is Political" coined by Carol Hanisch allows us to make certain "politicization" of the public sphere for women's activism of a non-political and non-legal nature. In this regard, women's social activism will be a "political" act in the public sphere because it transcends the existing patriarchal institutions and practices. The final part of the article concludes that the expansion of terminological and methodological framework due to the introduction of the concept of women's social activism

and the application of theories/concepts of J. Habermas, H. Arendt, and E. Goffman will make it possible to fill the gaps of regional and all-Russian women's history by including in the historical memory those women who went out of the private sphere into the public space and fulfilled their potential through obtaining higher education, charity, entrepreneurship, and acquiring the professions that had been considered exclusively male earlier.

Keywords: women's movement, women's social activism, feminism in the Russian Empire, second half of the 19th – early 20th century, methodology for studying the women's movement, the new woman, gender display, sociology of social movements, public and private spheres

For citation: Fedotova, A.Yu. "Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>

Введение

Современная историография истории феминизма в России дореволюционного периода весьма обширна, при этом одной из основных ее проблем по-прежнему остается отсутствие единого понятийного аппарата. Вопрос наличия многочисленных терминов особенно актуален применительно к самому женскому движению, его периодизации и классификации участниц. Попытки периодизации женского движения в дореволюционный период не раз предпринимались в российских и зарубежных научных исследованиях. Среди современных ученых, изучающих российскую женскую общественную деятельность, следует назвать О.А. Хасбулатову, С.Г. Айвазову, И.И. Юкину, Н.Л. Пушкареву¹, Р. Стайтс, Б. Пиетров-Эннкер и др.

Основная часть

О.А. Хасбулатова делит женское движение в России на три периода: 1859–1895 гг. – появление «новых женщин», 1895–1906 гг. – политизация женского общественного движения, 1907–1914 гг. – становление массового движения. Кроме того, она выделяет следующие направления в женском движении: либерально-демократическое/реформистское, социал-демократическое, пролетарское и национал-патриотическое².

Рассматривая женское движение в России, С.Г. Айвазова предлагает выделять следующие этапы: первый – дореволюционный либерально-

¹ Более полную историографию женского движения можно посмотреть в работах Н.Л. Пушкаревой. См. *Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии*. Москва: Ладомир, 2002; *Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание*. Санкт-Петербург: Алетейя, Женский проект СПб, 2007.

² *Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917)*. Иваново: Ивановский государственный университет, 1994.

демократический (1861–1917 гг.), второй – период социалистического строительства (1917–1985 гг.), третий – время перехода к рыночной экономике и демократическому правовому государству (1990-е гг.)³.

Н.Л. Пушкарева в статье «Дерзкие и беспокойные» подразделяет женское движение на период первой волны (1858–1905 гг.) и период зрелости (1905–1918 гг.). Понятия *новые женщины*, *феминистки*, *шестидесятницы* у нее фигурируют в качестве синонимов. По мнению исследовательницы, на рубеже веков на историческую арену выходят *равноправки*, *революционерки*. Среди последних называются *феминистки-либералки/либеральные равноправки* и *народоволки-террористки*, или *радикалки-нигилистки*⁴. В более поздней работе Н.Л. Пушкарева в пореформенной России вычленяет *феминизм различий* (либеральный) и *феминизм равенства* (социал-демократический). К основным требованиям *феминизма различий* исследовательница относит индивидуальные женские интересы, возможность получения образования и профессии, участие в общественной жизни, использование легальных способов оказания влияния на общество и государство, право выбирать и быть избранным. *Феминизм равенства*, по мнению Н.Л. Пушкаревой, настаивал на равном статусе людей разных полов, создании общества, справедливого для всех⁵.

Исследовательница А.А. Темкина отмечает возросшую женскую активность в анархистских и нигилистских направлениях общественного движения против крепостного права⁶.

И.И. Юкина, исходя из идеологии, делит женское движение на *женский* и *феминистский* этапы. Предложенная ею хронология совпадает с теми периодами, что выделила Н.Л. Пушкарева, но отличается от них по содержанию. На начальном этапе (1858–1905 гг.) оно «не продуцировало» идеологических установок, поэтому получило название «женское движение», а затем, обосновав женские требования гражданских прав и приобретя таким образом идеологию, перешло на следующий этап, став «феминистским движением» (1905–1918 гг.)⁷. Исследовательница считает, что политическая

³ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). Москва: РИК Русанова, 1998.

⁴ Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 61–62.

⁵ Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 20.

⁶ Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанов, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 45.

⁷ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетей, 2007. С. 8.

активность женщин имела «три русла протеста». *Нигилистки* не создавали никаких организаций, акцент делался на личной эмансипации и индивидуальных действиях (чтение книг, дискуссии в узком кругу, домашние лекции и проживание в коммунах)⁸. *Новые женщины*, или *шестидесятницы* обратились к решению социальных проблем, в том числе к помощи женщинам, путем создания общественных организаций. Молодые женщины 1870–1880-х гг., которые по разным причинам отказывались от пути, предлагаемого шестидесятницами, выбирали «нетрадиционную женскую самореализацию». К последней И.И. Юкина относит радикальное освободительное движение, называя его последовательниц *радикалками*. По своему социальному происхождению они, как и новые женщины, были преимущественно дворянками⁹.

Среди иностранных авторов, работающих в этом направлении, следует назвать Р. Стайтса и Б. Пиетров-Эннкер. Книга Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930» вышла в 1978 г., а в 1991 г. была переиздана с дополнениями. На русском языке книга увидела свет только в 2007 г. По мнению автора, в дореволюционной России женское движение формировали феминистский, нигилистский и радикальный отклики. Взгляды феминисток носили либеральный характер, а целью их деятельности было постепенное и мирное реформирование статуса женщины в российском обществе, особенно ее экономического положения и образования. На раннем этапе единственной доступной формой деятельности для женщин была благотворительность¹⁰. Нигилистки настаивали на личной эмансипации. При этом они желали изменить мир, но не обязательно политическими способами. Радикалки 1870-х гг. пришли в общественное движение не ради решения женского вопроса, а ради народного дела в целом. Лучшими качествами революционерок/радикалок этого времени были скромность, сочувствие к угнетенным, ненависть к угнетателям, стоицизм. К началу XX в. в России осталось два направления женского движения – феминистское и социалистическое¹¹.

Книга Б. Пиетров-Эннкер ««Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции» вышла в свет в 1999 г., а ее

⁸ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 132.

⁹ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С.137–139, 140–141.

¹⁰ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / перевод с английского И.А. Школьников, О.В. Шныровой. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 103.

¹¹ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. С. 184, 189, 226.

русский перевод появился в 2005 г. В ней автор указывает, что в нигилистическом движении большую притягательную силу обрел идеал свободного, равного и дееспособного гражданина. Данная модель подтолкнула женщин к развитию личных способностей путем образования и участия в общественной жизни подобно мужчинам. В женском движении начала формироваться такая группа, как *новые женщины*. Их взгляды на равные права с мужчинами в области образования и профессиональной деятельности Б. Пиетров-Эннкер оценивает как радикальные. В то же время пути достижения этих целей носили реформистский характер¹². Первые возможности для женщин беспрепятственно действовать в сфере общественной жизни возникли на основе традиционной женской благотворительности. В последующем она эволюционировала от помощи маргинальным группам к созданию обществ по защите социально-политических интересов с целью давления на правительство, чтобы последнее провело давно назревшие реформы¹³. Таким образом, по мнению исследовательницы, в конце XIX в. произошел переход от социально направленной феминистской деятельности к ее политизации, которая выразилась в борьбе за женское равноправие. Б. Пиетров-Эннкер указывает, что в начале XX в. пролетарское женское движение появляется и в России, однако автор оценивает его как слабое¹⁴.

Рассматривая вопрос терминологии, интересно обратиться к работе И.И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности». Исследовательница указывает на несколько понятий, которые в исторической ретроспективе применялись к женскому движению в России в XIX – начале XX в. Основными из них являлись *женский вопрос*, *эмансипация женщин*, *женское движение*. В XIX в. женский вопрос включал в себя ряд требований, от «свободы женского сердца» в духе Жорж Санд, проблем женского воспитания и образования до осознания социальной значимости женщин для общества. В начале XX в. в российском общественно-политическом сознании термин *женский вопрос* был переосмыслен с точки зрения марксизма. Его стали понимать как привлечение женщин к политической революционной борьбе, трудовой деятельности. По новой логике решение женского вопроса должно было произойти естественным путем после установления социалистического строя¹⁵.

¹² Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / перевод с немецкого Ю.П. Шаттона. Москва: РГГУ, 2005. С. 302, 305.

¹³ Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. С. 264–265.

¹⁴ Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. С. 278, 283, 287.

¹⁵ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 31–32.

Понятие *женский вопрос* часто использовалось в качестве синонимичного понятию *женское движение*. Для участниц и свидетельниц становления женского движения в XIX в. оно мыслилось как способ решения женского вопроса усилиями женщин, что объединяло эти понятия. А.П. Философова в начале XX в. ставила в один ряд такие понятия, как *женский вопрос*, *женское движение* и *феминизм*. В целом движение понималось как некие целенаправленные действия женщин, самостоятельно организовавшихся в разного рода женские общества, для решения неких экономических, политических проблем женщин. Главное отличие *женского вопроса* от *женского движения* заключалось в том, что инициатором решения женского вопроса выступали мужчины, а в основе женского движения лежала самостоятельность женщин в деле отстаивания своих прав. Еще одним синонимом *женского движения* являлся термин *эмансипация женщин*, который появился в середине XIX в. и обозначал движение женщин за освобождение от зависимости и ограничений по признаку пола, стремление к правовому равенству полов¹⁶.

Историки советского периода не стремились к осознанию терминологических нюансов понятия *женское движение*, понимая под ним как любое участие женщин в политической деятельности/политике (особенно в освободительном движении), так и деятельность женщин в самостоятельных женских организациях, вызванную особенностями их экономического и политического положения¹⁷.

В ранней советской историографии *феминизм* определялся как буржуазное движение, в ходе которого женщины стремились к обособленной борьбе за равноправие с мужчинами при сохранении капиталистического строя. В позднесоветское время это движение считалось антимужским, не характерным для России¹⁸.

¹⁶ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 33–34.

¹⁷ Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 35.

¹⁸ См. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург: Знание, 1909; Сердитова С.Н. Борьба коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет, 1954; Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. – февраль 1917 г.). Москва: Госполитиздат, 1959; Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984; Тишкин Г.А. Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура / под редакцией Г.А. Тишкина. Санкт-Петербург: Международный институт «Женщина и управление», Петербургская государственная академия культуры, 1995. С. 138–164; Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 37.

По мнению А.А. Темкиной, в конце XIX – начале XX в. феминизм в России проявлялся лишь в работе обществ взаимной помощи, в благотворительности и образовательной деятельности. Борьба за избирательные права, женская активность в социал-демократической работе в качестве форм женского движения появились в нем в 1905–1918 гг.¹⁹

Женское движение в России исследовательница В.И. Успенская в своих публикациях называет *суфражизмом*, или *феминистским движением*. *Феминистки* и *равноправки* у указанного автора выступают синонимами и означают женщин, боровшихся сначала за доступ к высшему образованию и профессиональному труду, а в последующем – за политические права²⁰.

В первых постсоветских работах женское движение рассматривалось как способ противостояния женщин в лице женских организаций власти, а сами организации – как организационная структура движения²¹. Термин *женское движение* употреблялся в широком смысле, в него включалась не только деятельность феминистских организаций, осознанно работавших над изменением традиционной культуры русского общества, но и женских организаций, реализовывавших возможности женщин в рамках традиционной культуры²².

С утверждением термина *женское движение* в современной историографии начала распространяться новая методология, направленная на исследование социальных движений. С этих позиций женское движение анализируется в качестве конфликтного взаимодействия между властью и представителями социальных групп, изучаются также структуры и механизмы этого взаимодействия²³. К теоретическим проблемам изучения общественных движений в западной социологии обратилась Е.А. Здравомыслова. В рамках теорий «коллективного поведения» и «массового общества», сформулированных Э. Фроммом, У. Корнхаузером, Г. Блюмером, С. Липсет и другими исследователями, общественные движения рассматриваются ею как один из типов коллективного поведения. Теория мобилизации ресурсов предполагает изучение движения в качестве специфического вида организации, имеющей внутренние и внешние факторы и ресурсы развития. В заключении к статье Е.А. Здравомыслова отмечает, что только совокупность моделей

¹⁹ Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория. С. 45.

²⁰ Успенская В.И. Суфражизм в истории феминистского движения // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 80–81.

²¹ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 37.

²² Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 9.

²³ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 13.

описания движений может дать полную картину причин их развития, механизмов формирования, результатов деятельности в социально-культурном контексте общества²⁴.

А.А. Темкина в социологии общественных движений также придерживается трех парадигм (коллективного действия, мобилизации ресурсов, новых социальных движений). Исследовательница применяет данный подход при изучении женского движения второй волны. Каждая из теорий дает свое определение женскому движению. С одной стороны, трактовки сводят движение к новой автономной деятельности. С другой стороны, данное понятие вбирает в себя большой диапазон женской деятельности в партиях, профсоюзах, общественных институтах или других социальных движениях. В женское движение включается деятельность, носящая феминистский характер, при этом она автономна, независима от политических и смешанных по признаку пола организаций. В то же время к женскому движению, по мнению указанной исследовательницы, можно отнести

различные исторические и современные проявления женской активности, социальных потребностей и усилий в области феминизма и политики, касающейся женщин. Исследование женского движения тогда будет включать разнообразные организации и сети, такие, как женские профсоюзы, женские политические организации внутри и вне политических партий, благотворительные и религиозные организации²⁵.

В работе «Женское движение как общественное движение: история и теория» А.А. Темкина расширяет хронологию и географию изучения движения. В поле ее интереса попадает женское движение первой и второй волны в США и странах Европы, в том числе в России. При этом акцент в первую очередь делается на анализе западного женского движения второй волны²⁶.

Применительно к российскому женскому движению социологические теории общественного движения использовала И.И. Юкина. Теория коллективных действий, или мобилизации ресурсов обращается к организации, коллективным действиям. В таком понимании женское движение становится нормой социальной жизни общества, движущей силой прогресса. Подход социальных

²⁴ Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88, 91, 93.

²⁵ Цит. по: Темкина А.А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 664, 671.

²⁶ Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория. С. 41–76.

движений, или идентичности акцентирует внимание на поиске и обретении участниками движения новых идентичностей, ориентирующих на новые ценности. И.И. Юкина использует все три подхода, аргументируя это принципом взаимодополняемости различных научных парадигм, которые в результате дают более сложную и полноценную картину исторического явления²⁷.

На рубеже XX–XXI вв., несмотря на циркуляцию в научной литературе различных терминов, определяющих женскую общественную деятельность, в российской историографии закрепляется понятие *женское движение*. Оно может рассматриваться как деятельность, независимая от политических организаций, или как различные исторические проявления женской активности, однако, в конечном итоге практически все авторы позиционируют его как борьбу женщин за свои права во всех сферах жизни общества²⁸. Женское движение приобретает политический и институциональный характер. Однако, само понятие *женское движение* и существующая методология исследования социальных движений не позволяют осмыслить разнообразие форм протекания социальных процессов и реальных феминистских стратегий позднеимперского периода, что в свою очередь не облегчает работу исследователей в сфере классификации конкретно-исторических личностей женского движения второй половины XIX – начала XX в.

Вместе с тем в историографию возвращается понятие *новые женщины / новый тип женщин / женщины нового типа*²⁹. Как отмечает И.И. Юкина, так называли себя шестидесятницы, то есть те женщины, которые начали свою деятельность в 1860-е годы. В их случае *новая женщина* – та, которая, оставив предрассудки, переняла передовые идеи своего времени, начала отстаивать свое

²⁷ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 14, 24.

²⁸ Петров А.В., Кокорева Ю.В. Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 213.

²⁹ Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126; Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX–XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25; Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.

человеческое достоинство и самостоятельно устраивать свою личную жизнь³⁰. При этом сама И.И. Юкина дает следующее определение *новой женщины*: самостоятельная, образованная женщина, ориентированная на деятельность в публичной сфере³¹. Т.Б. Котлова, А.М. Добрынина, И.И. Яковлева в своей статье останавливаются на общественно-исторических условиях формирования нового типа женщин. Исследовательницы приходят к выводу, что для последних были характерны такие ценностные ориентации, как образование, профессиональный труд и общественная деятельность³². По мнению Е.Н. Меньшиковой и М.Ю. Семенова, термин *женщина нового типа*, включая в себя политизированную, правовую, психологическую характеристики, отражает процесс изменения самосознания женщины на пути к свободе творческой реализации в различных сферах жизни общества³³.

На наш взгляд, наиболее подходящим термином для определения женщин второй половины XIX – начала XX в. является именно термин *новая женщина* (т.е. женщина, ориентированная на общественную деятельность в публичной сфере), при этом и само *женское движение* следует рассматривать шире – как *женскую общественную деятельность*, выводя при анализе указанного периода на передний план методологию частной и общественной/публичной сферы.

Трансформация публичной сферы была описана немецким философом Юргеном Хабермасом на примере стран Европы в период Нового времени. Суть процесса, в понимании автора, состояла в том, что с увеличением частных интересов граждане переходят в новое качество, превращаясь из «контрагента власти» в ее «полноправного партнера-оппонента», который начинает активно действовать и становится «политическим субъектом». Ханна Арендт в своей теории использует понятие «публичное пространство» в значении политической сферы общественной активности³⁴.

Модель буржуазной публичной сферы подразумевала строгое разделение пространства на публичное и частное. Публичная сфера являлась ареной

³⁰ Цит. по: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 128.

³¹ Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении. С. 118.

³² Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях. С. 25.

³³ Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века. С. 122.

³⁴ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. P. 27–73; Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. С. 65–76.

общественных дебатов и дискуссий, состоящей из множества формальных и неформальных мест. С точки зрения Ю. Хабермаса, в публичной сфере в ходе общественных дебатов обсуждались вопросы, представлявшие общий интерес, и формулировались мнения, необходимые для эффективного демократического процесса. При этом публичная сфера формировалась путем исключения из нее определенных социальных групп – женщин, этнических меньшинств и людей, не владевших собственностью. По сути, она была ограниченной, однако существование понятия «публичная сфера» позволяло представителям среднего класса воспринимать себя и свою роль как выражение универсального³⁵. Изначально публичная сфера принимала литературную форму³⁶ в широком смысле этого слова. А.С. Туманова отмечает, что в Российской империи вплоть до Первой русской революции публичная сфера состояла преимущественно из неполитических институтов: кружков и клубов по интересам, книг и печати, частных обществ и общественного мнения, органов земского и городского самоуправления³⁷. В дальнейшем она перешагнула границы читающей (в том числе и женской) публики и взяла на себя политические функции.

Малая патриархальная семья являлась ядром частной сферы буржуазного общества³⁸. Начиная с древних греков, складывалось классическое понимание приватной области в виде домохозяйства. Женщины во все времена относились к приватной / частной сфере, и уже это лишало их возможности участия в политической жизни. При этом исключение женщин из публичной сферы оправдывалось тем, что они ввиду естественных причин якобы просто неспособны переступить пределы приватной сферы. Взяв на вооружение высказывание Кэрол Ханиш – «личное есть политическое», феминистки на первый план выдвинули проблему взаимодействия между публичной и приватной сферами³⁹.

³⁵ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 237–239.

³⁶ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь мир, 2016. С. 80.

³⁷ Туманова А.С. Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. С. 203–204.

³⁸ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. С. 16.

³⁹ Чикалова И. Гендерная проблематика в политических науках // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 83–84, 86–87.

Понятие *политика* радикальными феминистками в середине XX в. трактовалось предельно широко – как любые действия, направленные на трансформацию традиционного общества⁴⁰. Следовательно, женскую общественную деятельность можно рассматривать как политический поступок в сфере публичной, поскольку происходит выход за рамки существующих патриархальных институтов и практик, преодоление стереотипов традиционного общества.

Внешним проявлением внутренних изменений стали поведение и одежда новых женщин, которую они выбирали для выхода в публичную сферу и через которую хотели донести информацию о своих взглядах. Для анализа нового типа поведения следует прибегнуть к понятию «гендерный дисплей», сформулированному И. Гофманом⁴¹. В «Словаре гендерных терминов» написано, что гендерный дисплей – это вариант дисплея идентичности, социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения; основной механизм создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу. Гендерный дисплей может транслироваться через устойчивое в обществе телесное проявление, символику, стиль и содержание общения⁴². «Гендерную атрибутику» (одежда, прическа, украшения и движения) новых женщин описывает в своей статье М.В. Рабжаева⁴³. Она отмечает «намеренное упрощение» их одежды и причесок, которые должны были соответствовать образу трудящегося человека. Не ссылаясь напрямую на теорию И. Гофмана, ряд авторов⁴⁴ также обращает внимание на внешний вид женщин нового типа. Т.А. Сабурова и Б. Эклоф на

⁴⁰ Цит. по: Чикалова И. Гендерная проблематика в политических науках. С. 89–90.

⁴¹ Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под редакцией С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 311, 330.

⁴² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендерный дисплей // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴³ Рабжаева М.В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 26–29.

⁴⁴ См., например: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 139; Федотова А.Ю. Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Баков А.А., Глушкова С.И., Еланцева О.П. и др. Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 221.

примере участниц народнического движения изучили женский облик, способы самопрезентации, а также мужской взгляд на женскую внешность, посвятив этим темам целую главу в своей монографии «Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов». Авторы пишут, что

женщины символически, через костюм, демонстрировали свое право выбора внешнего облика (платье, прическа, обувь, очки), сделав одежду одним из средств борьбы за равноправие. Смена костюма была одним из проявлений эмансипации, возможность выразить свои убеждения, но также означала и изменения в образе жизни (роскошные наряды выглядели бы не только неуместно в университетской аудитории, но были бы совсем неудобны для работы в лабораториях или клиниках)⁴⁵.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что понятийный аппарат на данном этапе развития историографии женского движения нельзя считать устоявшимся. Поиск наиболее адекватных терминологических и методологических средств для анализа проблемы женской активности второй половины XIX – начала XX в. продолжается. Введение понятия *женская общественная деятельность* и расширение методологического инструментария за счет использования концепции частной/приватной и публичной сферы, гендерного дисплея помогут в заполнении лакун как региональной, так и общероссийской женской истории, обогатят ее новыми именами. При изучении женщин пореформенного периода в поле зрения исследователей будут попадать не только женщины и женские организации, которые боролись за равноправие во второй половине XIX в. и за политические права в начале XX в., составившие костяк так называемого женского движения, не только женщины-радикалки, участницы народничества и в последующем рабочего социалистического движения, но и все остальные женщины, вышедшие из частной приватной сферы в публичное пространство путем преодоления гендерных стереотипов традиционного общества Российской империи. Они реализовывали себя через новые социальные практики – получение высшего образования, работу в профессиональных сферах, считавшихся ранее сугубо мужскими (попечительницы учебных и благотворительных организаций, акушерки и врачи, адвокаты, переводчицы, журналистки, редакторы, издатели, библиотекари и др.), благотворительность (как частное лицо и в качестве

⁴⁵ Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция. Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. С. 88–89.

организаторов благотворительных организаций, в том числе дамских комитетов), предпринимательство.

Безусловно, при этом не стоит отказываться от понятия *женское движение*, которое, сохраняя свой политико-правовой окрас, может использоваться для характеристики одного из направлений женской общественной деятельности данного периода.

Introduction

Contemporary historiography of the history of feminism in Russia in the pre-revolutionary period is quite extensive, but one of its main problems is connected with the lack of a unified conceptual system that would be used by researchers working on the subject. The issue of multiple terms is particularly relevant in relation to the women's movement, its periodization, and classification of its participants. Numerous attempts to periodize women's movement of the pre-revolutionary period have been made in both Russian and foreign research. Among contemporary historians studying social activism of Russian women, one should mention O. Khasbulatova, S. Aivazova, I. Yukina, N. Pushkareva,¹ R. Stites, B. Pietrow-Ennker, and others.

Main Body

O. Khasbulatova divides the women's movement in Russia into three periods: (1) 1859–95, the emergence of the “new women”; (2) 1895–1906, the politicization of the women's social movement; (3) 1907–14, the making of the mass movement. In addition, she identifies the following trends in the women's movement: liberal-democratic/reformist, social-democratic, proletarian, and national-patriotic.²

Considering the women's movement in Russia, S. Aivazova proposes to distinguish the following stages: (1) the pre-revolutionary liberal-democratic period (1861–1917); (2) the period of socialist construction (1917–85); (3) the period of transition to a market economy and democratic rule of law (the 1990s).³

In her article “The ‘Daring and Agitated’,” N. Pushkareva divides the women's movement into the period of the first wave (1858–1905) and the period of maturity (1905–18). She uses such terms as *new women*, *feminists*, and *women of the 1860s* as synonyms. In the researcher's opinion, *ravnopravki* [female fighters for equal rights] and *revolutsionerki* [revolutionary women] entered the historical arena at the late 1890s – early 1900s. Among the latter were also *feministki-liberal'nye* / *liberal'nye ravnopravki* [female liberal feminists/liberal female fighters for equal rights] and *narodovolki-terroristki* [female terrorists of Narodnaya Volya] and *radikalki-*

¹ A more complete historiography of the women's movement can be found in the works by N. Pushkareva. See N.L. Pushkareva, *The Russian Woman: History and Modernity: A History of the Study of the “Woman's Question” in Russian and Foreign Scholarship. 1800–2000: Materials for a Bibliography* [in Russian] (Moscow: Ladomir, 2002); N.L. Pushkareva, *Gender Theory and Historical Knowledge* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, Zhenskii proekt SPb, 2007).

² O.A. Khasbulatova, *Experience and Traditions of the Women's Movement in Russia (1860–1917)* [in Russian] (Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1994).

³ S.G. Aivazova, *Russian Women in the Labyrinth of Equality (Essays on Political Theory and History)* [in Russian] (Moscow: RIK Rusanova, 1998).

nigilistski [female radical nihilists].⁴ In her later work, N. Pushkareva distinguishes *the feminism of difference* (liberal feminism) and *the feminism of equality* (social-democratic feminism) in post-reform Russia. According to the researcher, the main demands of *the feminism of difference* include individual women's interests, an opportunity of obtaining education or profession, participation in public life, use of legal ways to influence society and the state, the right to elect and be elected. The *feminism of equality*, according to N. Pushkareva, insisted on the equal status of people of different sexes and the creation of a society that is fair to all.⁵

Researcher A. Temkina also notes the increased female activity in the anarchist and nihilist directions of the social movement against serfdom.⁶

Based on its ideology, I. Yukina divides the women's movement into a *women's period* and a *feminist period*. The chronology proposed by her coincides with the periods that were identified by N. Pushkareva but differs from them in content. At the initial stage (1858–1905) it “did not produce” ideological settings, so it received the name “the women's movement.” Having substantiated women's demands for civil rights and thus having acquired new ideology, it moved to the next stage and became “the feminist movement” (1905–18).⁷ The researcher believes that women's political activism had “three directions of protest.” *Female nihilists* did not establish any new organizations; the emphasis was placed on personal emancipation and individual actions (reading books, discussions in a small circle, home lectures, and living in communes).⁸ The *new women*, or *women of the 1860s*, turned to solving social problems, which also included their help to women by founding social organizations. Young women of the 1870s–80s, who refused to follow the way offered by their predecessors in the 1860s for various reasons, chose “non-traditional female self-realization.” I. Yukina refers to the latter as the radical liberation movement, calling its followers *radikalki* [female radicals]. In terms of their social background, like the new women, they mainly came from the nobility.⁹

Among foreign authors working in this area, we should particularly mention R. Stites and B. Pietrow-Ennker. The book by R. Stites *Women's Liberation*

⁴ N.L. Pushkareva, “The ‘Daring and Agitated’ (the ‘Women's History’ of Russia in 1801–1905: The Forms of Social Activity)” [in Russian], *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2002): 61–62.

⁵ N.L. Pushkareva, and I.M. Pushkareva, “Two centuries of Women's Movement in Russia and its Current State” [in Russian], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (2021): 20.

⁶ A.A. Temkina, “Women's Movement as a Social Movement: History and Theory” [in Russian], in *Gender Reconstruction of Political Systems*, comp. N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina (St Petersburg: Aleteiya, 2004), 45.

⁷ I.I. Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2007), 8.

⁸ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 132.

⁹ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 137–39, 140–41.

Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930 was published in 1978, and in 1991 its expanded edition appeared. The book was translated and published in Russian only in 2007. According to the author, in pre-revolutionary Russia, the women's movement was shaped by feminist, nihilist and radical responses. The views of the feminists were liberal in nature, and their aim was to gradually and peacefully reform the status of women in Russian society, especially their economic status and education. At an early stage, charity was the only form of activity available to women.¹⁰ Female nihilists insisted on personal emancipation. In doing so, they desired to change the world, but not necessarily through political means. Female radicals of the 1870s joined the social movement for the people's cause in general rather than for the solution of the women's question. Among the best qualities of revolutionary/radical women of that time were modesty, sympathy for the oppressed, hatred of oppressors, and stoicism. By the beginning of the 20th century, two directions of the women's movement had remained in Russia, the feminist and socialist ones.¹¹

The book by B. Pietrow-Ennker *Russlands Neue Menschen: Die Entwicklung Der Frauenbewegung Von Den Anfängen Bis Zur Oktoberrevolution* [Russia's "New People". Development of the Women's Movement from Its Origins to the October Revolution] was published in 1999, and its Russian translation appeared in 2005. In this work, the author points out that the model of a free, equal, and capable citizen gained great appeal in the nihilist movement. This model encouraged women to develop their personal capacities through education and participation in public life like men. In the women's movement, a group called *the new women* began to take shape. Pietrow-Ennker considers their views on equal rights with men in education and professional activities as radical. At the same time, the ways to achieve these goals were reformist in nature.¹² The first opportunities for women to act freely in the sphere of public life arose on the basis of traditional women's charity. Later, such work evolved from helping marginalized groups to establishing socio-political advocacy societies to pressure the government and to implement long overdue reforms.¹³ Thus, according to the researcher, at the end of the 19th century, there was a transition from socially directed feminist activity to its politicization, which was

¹⁰ R. Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930* [in Russian], trans. I.A. Shkolnikov, and O.V. Shnyrova (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004), 103.

¹¹ Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia*, 184, 189, 226.

¹² B. Pietrow-Ennker, *Russia's "New People". Development of the Women's Movement from Its Origins to the October Revolution* [in Russian], trans. Yu.P. Shatton (Moscow: RGGU, 2005), 302, 305.

¹³ Pietrow-Ennker, *Russia's "New People"*, 264–65.

expressed in the struggle for women's equality. In her work, B. Pietrow-Ennker points out that the proletarian women's movement appeared in Russia already in the early 20th century but assesses it as weak.¹⁴

When considering the issue of terminology, it is interesting to refer to I. Yukina's work *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. The researcher points out several concepts that could also be applied to the women's movement in Russia in the 19th and early 20th centuries in historical retrospect. The most significant of them were *the woman question*, *women's emancipation*, and *women's movement*. In the 19th century, the woman question included a number of demands, from the freedom "of a woman's heart" in the spirit of George Sand and the problems of women's upbringing and education, to the comprehension of social importance of women for society. In the early 20th century, Russian social and political consciousness reinterpreted the term *the woman question* from the point of view of Marxism. It began to be understood as the involvement of women in the political revolutionary struggle and labor activity. According to the new logic, the solution to the woman question should occur naturally after the establishment of the socialist system.¹⁵

The term *the woman question* was often used synonymously with the term *women's movement*. For the participants in and witnesses of the formation of the women's movement in the 19th century, it was thought of as a way of solving the woman question through the efforts of women and with their own hands, which in fact united these concepts. In the early 20th century, A. Filosofova put such concepts as *the woman question*, *women's movement*, and *feminism* in the same row. In general, the movement was understood as some purposeful actions of women who independently organized themselves into various kinds of women's societies in order to solve some economic and political problems of women. The main difference between *the woman question* and *women's movement* was that men initiated the solution of the woman question, while the women's movement was based on women's independence in defending their own rights. Another synonym for *women's movement* was the term *women's emancipation*, which appeared in the mid-19th century and denoted the movement of women for liberation from dependence and restrictions on the basis of sex and aspiration to legal equality of the sexes.¹⁶

Historians of the Soviet period did not seek to understand the terminological nuances of the concept *women's movement*, interpreting it as any form of

¹⁴ Pietrow-Ennker, *Russia's "New People"*, 278, 283, 287.

¹⁵ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 31–32.

¹⁶ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 33–34.

participation of women in political activity/politics (especially in the liberation movement) as well as the activities of women in amateur women's organizations, caused by the peculiarities of their economic and political situation.¹⁷

In early Soviet historiography, *feminism* was defined as a bourgeois movement in which women sought an independent struggle for equality with men while preserving the capitalist system. In late Soviet times, this movement was considered anti-masculine and uncharacteristic of Russia.¹⁸

According to A. Temkina, feminism manifested itself in Russia in the late 19th – early 20th century only in the work of mutual aid societies, in charity, and in educational activities. The struggle for suffrage and women's activity in social-democratic work as forms of the women's movement appeared in it in 1905–18.¹⁹

In her publications, V. Uspenskaya refers to the women's movement in Russia as *suffragism* or *feminist movement*. *Feministki* [feminists] and *ravnopravki* [female fighters for equal rights with men] are used in her works as synonyms and denote the women who initially fought for access to higher education and professional labor and asserted their political rights later.²⁰

The first post-Soviet works considered the women's movement as a way for confrontation between women represented by women's organizations and the authorities, and the women's organizations were seen as the organizational structure of the movement.²¹ The term *women's movement* was used in a broad sense. Not only did it cover the activities of feminist organizations that consciously worked to change the traditional culture of Russian society, but it also referred to the women's

¹⁷ Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 35.

¹⁸ See A.M. Kollontai, *The Social Basis of the Woman Question* [in Russian] (St Petersburg: Znanie, 1909); S.N. Serditova, "Struggle of the Communist Party for the Involvement of Working-Class Women in the Revolutionary Movement (1903 – February 1917)" [in Russian] (PhD thesis, Moscow State University, 1954); S.N. Serditova, *Bolsheviks in the Struggle for the Female Proletarian Masses (1903 – February 1917)* [in Russian] (Moscow: Gospolitizdat, 1959); G.A. Tishkin, *The Woman Question in Russia: 1950s–1960s* [in Russian] (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984); G.A. Tishkin, "The Woman Question in the History of Russia" [in Russian], in *Feminism and Russian Culture*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Mezhdunarodnyi institut "Zhenshchina i upravlenie", Peterburgskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 1995), 138–64; Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 37.

¹⁹ Temkina, "Women's Movement as a Social Movement," 45.

²⁰ V.I. Uspenskaya, "Suffragism in the History of the Feminist Movement" [in Russian], in *Gender Reconstruction of Political Systems*, comp. N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina (St Petersburg: Aleteiya, 2004), 80–81.

²¹ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 37.

organizations that fulfilled the possibilities of women within the framework of traditional culture.²²

With the adoption of the term *women's movement*, a new methodology aimed at the study of social movements began to spread in modern historiography. From this perspective, the women's movement is analyzed as a conflict interaction between the authorities and representatives of social groups, and the structures and mechanisms of this interaction are also being studied.²³ E. Zdravomyslova addressed the theoretical problems of studying social movements in Western sociology. In the framework of the theories of collective behavior and mass society formulated by E. Fromm, A.W. Kornhauser, H. Blumer, S. Lipset and other researchers, she considers social movements as one of the types of collective behavior. The theory of resource mobilization assumes the study of the movement as a specific type of organization with internal and external factors and resources of development. In the conclusion of the article, E. Zdravomyslova notes that only an aggregate of models for describing movements can give a complete picture of the reasons for their development, mechanisms of formation, and results of their activities in the socio-cultural context of society.²⁴

A. Temkina also adheres to three paradigms in the sociology of social movements (collective action, mobilization of resources, and new social movements). The researcher uses this approach when studying the second wave of the women's movement. Each of the theories gives its own definition of the women's movement. On the one hand, interpretations reduce the movement to a new autonomous activity. On the other hand, this concept includes a wide range of women's activities in parties, trade unions, public institutions, or other social movements. The women's movement includes activities that are feminist in nature, while being autonomous and independent of political and gender-mixed organizations. At the same time, according to this researcher, the women's movement can include

various historical and contemporary manifestations of women's activism, social needs, and efforts in the field of feminism and politics affecting women. The study of the women's movement would then include a variety of organizations

²² Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 9.

²³ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 13.

²⁴ E.A. Zdravomyslova, "Sociological Approaches to the Analysis of Social Movements" [in Russian], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7 (1990): 88, 91, 93.

and networks, such as women's trade unions, women's political organizations within and outside political parties, charities, and religious organizations.²⁵

In her work “Women's Movement as a Social Movement: History and Theory,” A. Temkina expands the chronology and geography of the study. Her field of interest includes the women's movement of the first and second waves in the United States and European countries, including Russia. The emphasis is primarily placed on the analysis of the Western women's movement of the second wave.²⁶

In relation to the women's movement in Russia, sociological theories of the social movement were used by I. Yukina. The theory of collective action, or resource mobilization, addresses organization by collective action. In this interpretation, the women's movement becomes the norm of the social life of society and the driving force of progress. The approach of social movements, or identity, focuses on the search and acquisition by movement participants of new identities that focus on new values. I. Yukina uses all three approaches, arguing for the principle of complementarity of various scientific paradigms, which provide a more complex and complete picture of the historical phenomenon in question as a result.²⁷

Despite the circulation of various terms defining women's social activities in the literature in the late 1900s – early 2000s, the concept *women's movement* became firmly established in Russian historiography. It can be seen as an activity independent of any political organization or as various historical manifestations of women's activism. However, almost all authors ultimately identify *women's movement* as the struggle of women for their rights in all spheres of society.²⁸ The women's movement is therefore acquiring a political and institutional character. However, the very concept of *women's movement* and the existing methodology for studying social movements do not allow us to comprehend the diversity of forms of social processes and real feminist strategies of the late imperial period, which, in turn, does not facilitate the work of researchers in the field of classifying specific historical figures of the women's movement of the second half of the 19th – early 20th century.

²⁵ Cited in A.A. Temkina, “Women's Movement of the Second Wave: Origins, Conceptualization and Results” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 1, *A Textbook*, ed. I.A. Zherebkina (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 664, 671.

²⁶ Temkina, “Women's Movement as a Social Movement,” 41–76.

²⁷ Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 14, 24.

²⁸ A.V. Petrov, and Yu.V. Kokoreva, “The Emergence of the Women's Social and Political Movement in Russia and Its Role in the Establishment of Women's Legal Status in the Pre-revolutionary Period” [in Russian], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2008): 213.

At the same time, the concept of *new women/new type of women/women of new type* is returning to historiography.²⁹ As noted by I. Yukina, that is how the women of the 1860s (who began their activities in the 1860s) called themselves. In their case, *the new woman* is a woman who left prejudice, adopted the advanced ideas of her time, and began to defend her human dignity and independently arrange her personal life.³⁰ At the same time, I. Yukina gives the following definition of *the new woman*: an independent, educated woman focused on activities in the public sphere.³¹ The article by T. Kotlova, A. Dobrynina, and I. Yakovleva addresses the socio-historical conditions for the formation of a new type of women. Researchers conclude that the latter were characterized by such value orientations as education, professional work, and social activities.³² According to E. Men'shikova and M. Semenov, the term *woman of new type* includes politicized, legal, and psychological characteristics and reflects the process of changing a woman's self-awareness on the path to freedom of creative realization in various spheres of society.³³

In our opinion, the most suitable term for defining women of the second half of the 19th – early 20th century is the term *the new woman* (i.e. a woman focused on social activities in the public sphere). The women's movement should be considered more broadly, as *women's social activism*, bringing to the fore, when analyzing this period, the methodology of private and social/public sphere.

The transformation of the public sphere was described by the German philosopher Jurgen Habermas on the example of European countries in the Modern Period. According to the author, the essence of the process was that with the increase in private interests, citizens moved into a new quality, turning from counterparty to the government into its full-fledged partner/opponent, who began to take active actions

²⁹ I.I. Yukina, "The 'New' Women: Motives for Participation in the Women's Movement" [in Russian], in *Russian Women and European Culture: Proceedings of the 5th Conference Dedicated to the Theory and History of the Women's Movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001), 118–26; A.M. Dobrynina, T.B. Kotlova, and I.I. Yakovleva, "A Value-based Approach in Specific Historical Research (on the Issue of the Formation of a New Type of Woman in Russia at the Turn of the 19th–20th Century)" [in Russian], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1–2 (2005): 11–25; E.N. Men'shikova, and M.Yu. Semenov, "Construction of a Representative Image of the Woman of 'New Type' of the Late 19th – Early 20th Century" [in Russian], *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 2 (2014): 117–31.

³⁰ Cited in Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 128.

³¹ Yukina, "The 'New' Women," 118.

³² Dobrynina, Kotlova, and Yakovleva, "A Value-based Approach," 25.

³³ Men'shikova, and Semenov, "Construction of a Representative Image of the Woman of 'New Type'," 122.

and thus became a political subject. In her theory, Hannah Arendt uses the concept of public space to denote the political sphere of public activity.³⁴

The model of the bourgeois public sphere implied a strict division of space into social/public and private space. The public sphere was an arena of public debate and discussion and included a variety of formal and informal venues. From J. Habermas' point of view, during public debates in the public sphere, issues of common interest were discussed and opinions necessary for an effective democratic process were formulated. At the same time, the public sphere was formed by excluding certain social groups, such as women, ethnic minorities, and people who did not own any property. In essence, the public sphere was limited, but the existence of this concept allowed representatives of the middle class to perceive themselves and their role as an expression of the universal.³⁵ Initially, the public sphere took literary form in the broadest sense of the word.³⁶ A. Tumanova notes that until the First Russian Revolution, the public sphere in the Russian Empire consisted primarily of non-political institutions: circles and clubs of interests, books and the press, private societies and public opinion, zemstvo and city governments.³⁷ Subsequently, the public sphere crossed the boundaries of the reading (including female) public and took on new political functions.

A small patriarchal family was the core of the private sphere of bourgeois society.³⁸ Starting with the ancient Greeks, a classical understanding of the private space in the form of a household began to develop. Women belonged to the private sphere at all times, and that already deprived them of the opportunity to participate in political life. At the same time, the exclusion of women from the public sphere was justified by the fact that due to natural reasons, they were allegedly simply unable to cross the boundaries of the private sphere. Having accepted Carol Hanisch's slogan

³⁴ J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* (Cambridge, MA: MIT Press, 1989), 27–73; H. Arendt, *The Human Condition* [in Russian], trans. V.V. Bibikhin (St Petersburg: Aleteiya, 2000), 65–76.

³⁵ A. Giddens, and P. Sutton, *Essential Concepts in Sociology* [in Russian], trans. E. Rozhdestvenskaya, and S. Gavrilenko (Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018), 237–39.

³⁶ J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [in Russian], trans. V.V. Ivanov (Moscow: Ves' mir, 2016), 80.

³⁷ A.S. Tumanova, "Public Space in Russia in 1906–1916: Directions of Evolution and Forms of Communication" [in Russian], in *The Russian Empire in the Period between Reforms and Revolutions, 1906–1916*, ed. A.I. Miller, and K.A. Solov'ev (Moscow: Kvadriga, 2021), 203–04.

³⁸ Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere*, 16.

“The personal is political,” feminists brought the problem of interaction between the public and private spheres to the fore.³⁹

In the mid-20th century, the concept *politics* was interpreted by radical feminists extremely broadly – as any actions aimed at transforming traditional society.⁴⁰ Consequently, women's social activity can be considered as a political act in the public sphere, since it goes beyond the existing patriarchal institutions and practices, overcoming the stereotypes of traditional society.

The external manifestations of internal changes were the behavior and clothes of new women, which they chose for entering the public sphere and through which they wanted to convey information about their views. To analyze the new type of behavior, one should refer to the concept of gender display, which was formulated by Erving Goffman.⁴¹ Dictionary of Gender Terms says that gender display is a variant of identity display, a socially determined variety of manifestations of gender at the level of interpersonal communication; the main mechanism of gender construction in the process of face-to-face interaction. Gender display can be transmitted through socially stable bodily manifestations, symbolism, style and content of communication.⁴² Gender attribution (clothing, hairstyle, jewelry and body movements) of new women is described by M. Rabzhaeva.⁴³ She notes the “deliberate simplification” of the women's clothing and hairstyles, which were intended to correspond to the image of a working person. Without directly referring to E. Goffman's theory, a number of authors also draw their attention to the appearance of a new type of woman.⁴⁴ Using the example of participants in the

³⁹ I. Chikalova, “Range of Gender Problems in Political Sciences” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 1, *A Textbook*, ed. I.A. Zhrebkina (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 83–84, 86–87.

⁴⁰ Cited in Chikalova, “Range of Gender Problems in Political Sciences,” 89–90.

⁴¹ E. Goffman, “Gender Advertisements” [in Russian], in *Introduction to Gender Studies*, pt. 2, *A Reader*, ed. S.V. Zhrebkin (Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001), 311, 330.

⁴² E.A. Zdravomyslova, and A.A. Temkina, “Gender Display” [in Russian], in *Dictionary of Gender Terms*, accessed March 12, 2023, <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770>

⁴³ M.V. Rabzhaeva, “Women's Emancipation in Russia: Experiments in Gender Construction” [in Russian], in *Russian Women and European Culture: Proceedings of the 5th Conference Dedicated to the Theory and History of the Women's Movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)*, ed. G.A. Tishkin (St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001), 26–29.

⁴⁴ See, e.g., Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*, 139; A.Yu. Fedotova, “The ‘New Women’ in Kazan Governorate at the Turn of the 19th–20th Century” [in Russian], in A.A. Bakov, S.I. Glushkova, O.P. Elantseva, et al., *Woman and the State. Historical Political and Socio-Legal Dimensions of Relations (A Problem-Based Approach)* (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022), 221.

Narodnik movement, T. Saburova and B. Eklof studied the female appearance, methods of self-presentation, and the male view on female appearance, devoting an entire chapter to these issues in their monograph *Druzhiba, sem'ya, revolyutsiya. Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution. Nikolai Charushin and the generation of the 1870s' Narodniks]. The authors write:

Symbolically, through their attire, women demonstrated their right to choose their appearance (dress, hairstyle, shoes, glasses), making clothing one of the means of fighting for equality. A change of attire was one of the manifestations of emancipation, an opportunity to express one's beliefs, but also meant a change in lifestyle (luxurious outfits would look out of place in a university classroom and would be completely inconvenient for working in laboratories or clinics).⁴⁵

Conclusion

Thus, we can conclude that the conceptual framework at this stage of the development of historiography of the women's movement cannot be considered fully established. The search for the most adequate terminological and methodological tools to analyze the problem of women's social activism in the second half of the 19th and early 20th century still continues. The introduction of the concept *women's public activism* and the expansion of methodological tools through the use of the concept of personal/private and public spheres and gender display will help to fill the gaps in regional and all-Russian women's history and enrich it with new names. When studying women of the post-reform period, researchers will focus not only on women and women's organizations that fought for equal rights in the second half of the 19th century and for political rights in the early 20th century and formed the core of the so-called women's movement, not only on *radikalki* [female radicals], *narodnitsi* [female Narodniks] and female participants of workers' socialist movement later. They will also focus on all other women who came from the private sphere into the public space by overcoming gender stereotypes of the traditional society of the Russian empire. They realized themselves through new social practices: obtaining higher education, working in professional spheres previously considered as exclusively male (trustees of educational and charitable organizations, midwives and doctors, lawyers, translators, journalists, editors, publishers, librarians, etc.), charity (as individuals and as founders of charitable organizations, including ladies' committees), and entrepreneurship.

⁴⁵ T. Saburova, and B. Eklof, *Friendship, Family, Revolution. Nikolai Charushin and the Generation of the 1870s' Narodniks* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016), 88–89.

Of course, one should not discard the concept *women's movement*, which can still be used to describe one of the areas of women's social activism of that period while maintaining its political and legal coloring.

Список литературы

Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). Москва: РИК Русанова, 1998. 405 с.

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.; Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.

Гидденс Э., Самтон Ф. Основные понятия в социологии / перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.

Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. II: Хрестоматия / под редакцией С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 306–335.

Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX–XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25.

Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендерный дисплей // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (дата обращения: 12.03.2023).

Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург: Знание, 1909. 431 с.

Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.

Петров А.В., Кокорева Ю.В. Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 213–219.

Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / перевод с немецкого Ю.П. Шаттона. Москва: РГГУ, 2005. 444 с.

Пушкарёва Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.

Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. Санкт-Петербург: Алетейя, Женский проект СПб, 2007. 496 с.

Пушкарёва Н.Л., Пушкарёва И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. Москва: Ладомир, 2002. 526 с.

Рабжаева М.В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 26–29.

Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция. Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. – февраль 1917 г.). Москва: Госполитиздат, 1959. 135 с.

Сердитова С.Н. Борьба коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет, 1954. 15 с.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / перевод с английского И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 616 с.

Темкина А.А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1. Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 664–695.

Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанов, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 41–76.

Тишкин Г.А. Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура / под редакцией Г.А. Тишкина. Санкт-Петербург: Международный институт «Женщина и управление», Петербургская государственная академия культуры, 1995. С. 138–164.

Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. 239 с.

Туманова А.С. Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. С. 203–236.

Успенская В.И. Суфражизм в истории феминистского движения // Гендерная реконструкция политических систем / составители Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 76–85.

Федотова А.Ю. Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Баков А.А., Глушкова С.И., Еланцева О.П. и др. Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 217–230.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь мир, 2016. 344 с.

Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. 135 с.

Чикалова И. Гендерная проблематика в политических науках // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. 1: Учебное пособие / под редакцией И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетей, 2001. С. 80–106.

Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетея, 2007. 544 с.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 301 p.

References

Aivazova, S.G. *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya (Ocherki politicheskoi teorii i istorii)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history)]. Moscow: RIK Rusanova, 1998. (In Russian)

Arendt, H. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The Human Condition], translated from German and English by V.V. Bibikhin. St Petersburg: Aleteiya, 2000; Moscow: Ad Marginem Press, 2017. (In Russian)

Chikalova, I. “Gendernaya problematika v politicheskikh naukakh” [Range of gender problems in political sciences]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 1: *Uchebnoe posobie* [A textbook], edited by I.A. Zherebkina, 80–106. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Dobrynina, A.M., T.B. Kotlova, and I.I. Yakovleva. “Tsennostnyi podkhod v konkretno-istoricheskikh issledovaniyakh (k voprosu o formirovanii novogo tipa zhenshchiny v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov)” [A value-based approach in specific historical research (on the issue of the formation of a new type of woman in Russia at the turn of the 19th–20th century)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1–2 (2005): 11–25. (In Russian)

Fedotova, A.Yu. “Zhenshchina ‘novogo tipa’ v Kazanskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv.” [The “new women” in Kazan Governorate at the turn of the 19th–20th century]. In A.A. Bakov, S.I. Glushkova, O.P. Elantseva, et al. *Zhenshchina i gosudarstvo. Istoriko-politicheskie i sotsial'no-pravovye izmereniya vzaimootnoshenii (problemnyi podkhod)* [Woman and the state. Historical political and socio-legal dimensions of relations (a problem-based approach)], 217–30. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. (In Russian)

Giddens, A., and Ph. Sutton. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential concepts in sociology], translated from English by E. Rozhdestvenskaya, and S. Gavrilenko. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018. (In Russian)

Goffman, E. “Gendernyi displei” [Gender advertisements]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 2: *Khrestomatiya* [A reader], edited by S.V. Zherebkin, 306–35. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society], translated from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' mir, 2016. (In Russian)

Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Khasbulatova, O.A. *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniya v Rossii (1860–1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia (1860–1917)]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1994. (In Russian)

Kollontai, A.M. *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [The social basis of the woman question]. St Petersburg: Znanie, 1909. (In Russian)

Men'shikova, E.N., and M.Yu. Semenov. “Konstruirovaniye reprezentativnogo obraza zhenshchiny ‘novogo tipa’ kontsa XIX – nachala XX veka” [Construction of a representative image of the woman of “new type” of the late 19th – early 20th century]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 2 (2014): 117–31. (In Russian)

Petrov, A.V., and Yu.V. Kokoreva. “Vozniknoveniye zhenskogo obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossii i ego rol' v stanovlenii pravovogo statusa zhenshchin v dorevolyutsionnyi period” [The emergence of the women's social and political movement in Russia and its role in the establishment of women's legal status in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2008): 213–19.

Pietrow-Ennker, B. “*Novye lyudi*” *Rossii. Razvitiye zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoi revolyutsii* [Russia's “New People”. Development of the women's movement from its origins to the October Revolution], translated from German by Yu.P. Shatton. Moscow: RGGU, 2005. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “‘Derzkie i bespokoinye’ (‘Zhenskaya istoriya’ Rossii 1801–1905 gg.: formy sotsial'noi aktivnosti)” [The ‘daring and agitated’ (the ‘women's history’ of Russia in 1801–1905: the forms of social activity)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2002): 52–66. (In Russian)

Pushkareva, N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St Petersburg: Aleteiya, Zhenskii proekt SPb, 2007. (In Russian)

Pushkareva, N.L. *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost': Istoriya izucheniya “zhenskoi temy” russkoi i zarubezhnoi naukoj. 1800–2000: Materialy k bibliografii* [The Russian woman: history and modernity: A history of the study of the “woman's question” in Russian and foreign scholarship. 1800–2000: Materials for a bibliography]. Moscow: Ladomir, 2002. (In Russian)

Pushkareva, N.L., and I.M. Pushkareva. “Dva veka zhenskogo dvizheniya v Rossii i ego sovremennoe sostoyaniye” [Two centuries of women's movement in Russia and its current state]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (2021): 17–27. (In Russian)

Rabzhaeva, M.V. “Zhenskaya emansipatsiya v Rossii: eksperimenty po gendernomu konstruirovaniyu” [Women's emancipation in Russia: experiments in gender construction]. In *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya (Sankt-Peterburg, 13–15 dekabrya 2001 g.)* [Russian women and European culture: Proceedings of the 5th conference dedicated to the theory and history of the women's movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)], edited by G.A. Tishkin, 26–29. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. (In Russian)

Saburova, T., and B. Eklof. *Druzhba, sem'ya, revolyutsiya. Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution. Nikolai Charushin and the generation of the 1870s' Narodniks]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian)

Serditova, S.N. *Bol'sheviki v bor'be za zhenskie proletarskie massy (1903 g. – fevral' 1917 g.)* [Bolsheviks in the struggle for the female proletarian masses (1903 – February 1917)]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. (In Russian)

Serditova, S.N. “Bor'ba kommunisticheskoi partii za vovlecheniye rabotnits v revolyutsionnoye dvizheniye (1903 g. – fevral' 1917 g.)” [Struggle of the Communist Party for the involvement of

working-class women in the revolutionary movement (1903 – February 1917)]. PhD thesis. Moscow State University, 1954. (In Russian)

Stites, R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shevizm, 1860–1930* [The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and bolshevism, 1860–1930], translated from English by I.A. Shkol'nikov, and O.V. Shnyrova. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. (In Russian)

Temkina, A.A. “Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriya i teoriya” [Women's movement as a social movement: history and theory]. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], compiled by N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina, 41–76. St Petersburg: Aleteiya, 2004. (In Russian)

Temkina, A.A. “Zhenskoe dvizhenie vtoroi volny: istoki, kontseptualizatsiya i rezul'taty” [Women's movement of the second wave: origins, conceptualization and results]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], 2 pts. Pt. 1: *Uchebnoe posobie* [A textbook], edited by I.A. Zhrebkina, 664–95. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Tishkin, G.A. “Zhenskii vopros v istorii Rossii” [The woman question in the history of Russia]. In *Feminizm i rossiiskaya kul'tura* [Feminism and Russian culture], edited by G.A. Tishkin, 138–64. St Petersburg: Mezhdunarodnyi institut “Zhenshchina i upravlenie”; Peterburgskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 1995. (In Russian)

Tishkin, G.A. *Zhenskii vopros v Rossii: 50–60-e gody XIX veka* [The woman question in Russia: 1950s–1960s]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. (In Russian)

Tumanova, A.S. “Publichnoe prostranstvo Rossii v 1906–1916 gg.: napravleniya evolyutsii i formy kommunikatsii” [Public space in Russia in 1906–1916: directions of evolution and forms of communication]. In *Rossiiskaya imperiya mezhdru reformami i revolyutsiyami, 1906–1916* [The Russian Empire in the period between reforms and revolutions, 1906–1916], edited by A.I. Miller, and K.A. Solov'ev, 203–36. Moscow: Kvadriga, 2021. (In Russian)

Uspenskaya, V.I. “Sufrazhizm v istorii feministского dvizheniya” [Suffragism in the history of the feminist movement]. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], compiled by N.M. Stepanov, and E.V. Kochkina, 76–85. St Petersburg: Aleteiya, 2004. (In Russian)

Yukina, I.I. “‘Novye’ zhenshchiny: motivy uchastiya v zhenskom dvizhenii” [The ‘new’ women: motives for participation in the women's movement]. In *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya (Sankt-Peterburg, 13–15 dekabrya 2001 g.)* [Russian women and European culture: Proceedings of the 5th conference dedicated to the theory and history of the women's movement (St Petersburg, December 13–15, 2001)], edited by G.A. Tishkin, 118–26. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. (In Russian)

Yukina, I.I. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity]. St Petersburg: Aleteiya, 2007. (In Russian)

Zdravomyslova, E.A. “Sotsiologicheskie podkhody k analizu obshchestvennykh dvizhenii” [Sociological approaches to the analysis of social movements]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7 (1990): 88–94. (In Russian)

Zdravomyslova, E.A., and A.A. Temkina. “Gendernyi displei” [Gender display]. In *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Accessed March 12, 2023. <http://www.owl.ru/gender/046.htm?ysclid=lpayyf8kak117929770> (In Russian)

Информация об авторе

Анастасия Юрьевна Федотова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения, Высшая школа международных отношений и мировой истории, Институт международных отношений, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, stasi7886@mail.ru, Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420018 Казань, Россия).

Information about the author

Anastasiya Yu. Fedotova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History and Archival Studies, Higher School of International Relations and World History, Institute of International Relations, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, stasi7886@mail.ru, Kazan Federal University (18, ul. Kremlevskaya, 420018 Kazan, Russia).

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 03.05.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 03.05.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 209–246.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 209–46.

Научная статья

УДК: 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-6>

EDN XJJVWI

Правые салоны Петербурга–Петрограда и Г.Е. Распутин: проблема взаимоотношений

Дмитрий Игоревич Стогов

СПбГЭТУ «ЛЭТИ»,

Санкт-Петербург, Россия,

bel-grigorij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>

Dmitrii I. Stogov

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”,

St Petersburg, Russia,

bel-grigorij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношений лидеров и участников правых салонов и кружков столицы Российской империи с приближенным к царской семье крестьянином Г.Е. Распутиным. В предреволюционные годы определенную роль в политической системе страны продолжали играть салоны и кружки правоконсервативного направления, часть из которых возникла еще в конце XIX в. (салоны князя В.П. Мещерского, генерала Е.В. Богдановича, графини С.С. Игнатьевой), другие – активизировались в период Первой мировой войны (салоны князя М.М. Андроникова, митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), кружок Н.Ф. Бурдукова). Многие из этих объединений пытались использовать в своих целях Г.Е. Распутин. Они приглашали «старца» на салонные собрания, вели с ним «духовные беседы» и т.д. На основе комплекса исторических источников (дневники, письма, мемуары и др.) реконструирован процесс развития взаимоотношений лидеров и участников правых салонов и кружков Петербурга–Петрограда с Г.Е. Распутиным. В статье автор утверждает, что главной целью их общения с Распутиным были попытки с его помощью оказывать политическое влияние на императора. Сам же «старец», по свидетельству источников, выражал недоверие к лидерам салонов и кружков и не желал участвовать в их политических играх. В статье хронологически прослеживается эволюция указанных взаимоотношений и делается вывод о том, что постепенно они изменялись в сторону все большего недоверия, а подчас (как в случае с салоном М.М. Андроникова) и открытой неприязни. Подчеркивается, что никаких реальных фактов

© Стогов Д.И., 2024

© Stogov D., 2024

осуществления через Распутина влияния на царскую политику в источниках не зафиксировано. При этом утверждения о том, что якобы Распутин с подачи лидеров правых салонов и кружков давал императору самые разнообразные указания, содержались в многочисленных статьях и заметках либеральной периодической печати предреволюционного времени. Тем самым, по мнению автора, не только готовилась психологическая почва для убийства «старца», но и дискредитировалась в глазах общественности сама монархическая идея.

Ключевые слова: Российская империя, салон, кружок, правые, монархисты, Первая мировая война, Распутин

Для цитирования: Стогов Д.И. Правые салоны Петербурга–Петрограда и Г.Е. Распутин: проблема взаимоотношений // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 209–246. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-6>

Right-Wing Salons of St Petersburg–Petrograd and Grigori Rasputin: The Problem of Relations

Abstract. The article is devoted to the problem of relations between the leaders and members of right-wing salons and circles in the capital of the Russian Empire and Grigori Rasputin, a peasant who was then close to the royal family. In the pre-revolutionary years, conservative right-wing salons and circles continued to play a certain role in the political system of the country. Some of them appeared in the late 19th century (the salons of Prince V. Meshchersky, General E. Bogdanovich, and Countess S. Ignatieva), while others became active during the First World War (the salons of Prince M. Andronikov, Metropolitan Pitirim (Oknov) of Petrograd and Ladoga, the circle of N. Burdukov). Many of those associations tried to use Rasputin for their own purposes. They invited the “starets” to the salon meetings, held “spiritual conversations” with him, etc. Based on a set of historical sources (diaries, letters, memoirs, etc.), the author of the article has reconstructed the development of relations between the leaders and members of right-wing salons and circles of St Petersburg–Petrograd and Grigori Rasputin. The author concludes that their communication with Rasputin was mainly aimed at enlisting his support in exerting political influence on the Emperor. According to these sources, the “starets” was distrustful of the leaders of salons and circles and did not want to participate in their political games. The article chronologically retraces the evolution of those relations and concludes that the attitudes gradually changed towards greater distrust and sometimes towards open hostility (as was the case of the Petrograd right-wing monarchic salon of Prince M. Andronikov). It is emphasised that no real facts of influence on Tsarist policy through Rasputin were recorded in the sources. At the same time, allegations that Rasputin gave the Emperor various instructions at the suggestion of the leaders of right-wing salons and circles were published in numerous articles and news items of the liberal pre-revolutionary periodicals. In the author’s opinion, in doing so, not only did the periodicals prepare the psychological ground for the murder of Rasputin, but they also discredited the monarchical idea itself.

Keywords: Russian Empire, salon, circle, the right wing, monarchists, First World War, Rasputin

For citation: Stogov, D.I. “Right-Wing Salons of St Petersburg–Petrograd and Grigori Rasputin: The Problem of Relations.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 209–46, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-6>

Введение

В конце XIX – начале XX в. определенную роль в политической системе царской России играли неофициальные организации – правые салоны и кружки. В период с 1905 г., в условиях становления многопартийности, роль салонов и кружков в системе власти Российской империи оставалась значительной, однако, в связи с общим кризисом правоконсервативной идеологии, она постепенно снижалась. Тем не менее, указанные объединения пытались оказывать политическое влияние как на властные структуры Российской империи, так и непосредственно на императора Николая II. Одним из инструментов подобного воздействия, по мнению лидеров и организаторов салонов и кружков правоконсервативного толка, мог стать приближенный к царской семье крестьянин Тобольской губернии Григорий Ефимович Распутин-Новый. С этой целью «старца» приглашали на салонные собрания, обсуждали с ним текущую политическую ситуацию в стране.

Под правым салоном мы понимаем объединение, лидеры и участники которого разделяли консервативные (правые, монархические) взгляды. Понятие «кружок» более широкое и включает в себя все типы неофициальных (не обладающих статусом юридического лица) организаций.

К настоящему времени опубликовано множество работ, посвященных правым салонам и кружкам¹. В них рассматриваются социальная структура этих организаций, круг вопросов, которые обсуждались на салонных собраниях, изучаются факты, связанные с попытками влияния этих объединений на имперскую политику.

Научные исследования, связанные с жизнью и деятельностью Г.Е. Распутина, также весьма многочисленны. Приведем краткую характеристику новейших

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007; *Леонов М.М.* Российские салоны второй половины XIX – начала XX веков: патронат и протектирование. Самара: Самарский муниципальный институт управления, 2010; *Друзин М.В.* Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // *Российская история.* 2020. № 1. С. 91–101. <https://doi.org/10.31857/S086956870008275-3>; *Гайда Ф.А.* «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // *Российская история.* 2020. № 1. С. 75–90. <https://doi.org/10.31857/S086956870008272-0>; *Котов А.Э.* «Ненадежный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // *Российская история.* 2020. № 1. С. 107–114. <https://doi.org/10.31857/S086956870008278-6>; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // *Российская история.* 2020. № 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.31857/S086956870008277-5>; *Шруба М.* К типологии литературных объединений дореволюционной России // *Рема.* 2020. № 4. С. 23–48. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2020-4-23-48>; *Стогов Д.И.* Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917). Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.

работ. Материалы конференции «Герценовские чтения 2020» включают несколько докладов, сделанных на секции, посвященной Г.Е. Распутину². Д.А. Коцюбинский дал характеристику влияния фактора Г.Е. Распутина на кризис легитимности самодержавной власти в межреволюционный период³. В ходе «Таврических чтений» этот же исследователь представил доклад, посвященный делегитимации императорской власти в контексте формирования антираспутинской фронды⁴. Также в последние годы вышел в свет ряд работ, посвященных как собственно Г.Е. Распутину⁵, так и положению при царском дворе накануне революции в целом (в том числе закулисной политической борьбе)⁶. Тем не менее, до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования, посвященные взаимоотношениям лидеров и участников правых салонов и кружков с Распутиным. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В ходе изучения указанных взаимоотношений ставилось задачей проследить их характер и выявить цели, преследуемые при приглашении «старца» на салонные собрания, а также эволюцию взаимоотношений лидеров и участников салонов и кружков с Распутиным. Хронологические рамки исследования определены периодом второй половины 1900-х гг. – концом 1916 г., географические – столицей России Санкт-Петербургом (с 1914 г. Петроградом).

² Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: Сборник научных и учебно-методических трудов / под редакцией А.Б. Николаева и др. Санкт-Петербург: Астерион, 2021.

³ Коцюбинский Д.А. Фактор Григория Распутина и кризис легитимности самодержавной власти в России в межреволюционные годы (1909–1916) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: Сборник научных и учебно-методических трудов / под редакцией А.Б. Николаева и др. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. С. 226–256.

⁴ Коцюбинский Д.А. Делегитимация императорской власти в контексте формирования антираспутинской фронды и освещение на страницах российской прессы думских дебатов вокруг «старца» (1909–1916 гг.) // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.): сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. Ч. 2. С. 48–63.

⁵ Smith D. Rasputin: Faith, Power, and the Twilight of the Romanovs. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016; Smith D. Grigory Rasputin and the Outbreak of the First World War: June 1914 // Was Revolution Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution / edited by T. Brenton. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 48–65.

⁶ Fuller W.C. Jr. The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006; Akifumi S. Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century) / edited by P. Sartori. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 111–136.

Рассмотрим характер взаимоотношений между лидерами и участниками некоторых правомонархических салонов и кружков и Г.Е. Распутиным.

Салон графини С.С. Игнатъевой. Обратимся к обстоятельствам, связанным с взаимоотношениями членов салона графини Софии Сергеевны Игнатъевой, вдовы киевского и иркутского генерал-губернатора графа А.П. Игнатъева, с Г.Е. Распутиным. На вечера к графине приглашались в первую очередь священнослужители, а также юродивые, старцы, среди которых, в частности, был Г.Е. Распутин. «Старец» в салоне Игнатъевой бывал неоднократно, что отмечал советский историк Н.П. Ерошкин⁷. Познакомился Распутин с графиней благодаря епископу Феофану (Быстрову)⁸. Вскоре после этого тобольский крестьянин впервые побывал на «духовных беседах» у графини⁹. Бытовало мнение, что успехи «старца» при дворе напрямую связаны с действиями салона С.С. Игнатъевой¹⁰, однако это утверждение, по нашему мнению, требует дополнительных доказательств. О том, что Г.Е. Распутин неоднократно посещал графиню и ее салон, свидетельствовал французский посол М. Палеолог¹¹.

Бывший директор Департамента полиции С.П. Белецкий уверял, что после 1912 г. отношение «старца» к кружку графини стало резко отрицательным¹², однако это утверждение не доказано. Представляется, что подобные выводы были инспирированы самой графиней путем ряда публикаций в крупных газетах, в которых говорилось о разрыве отношений с сибирским крестьянином¹³.

Итак, салон графини С.С. Игнатъевой контактировал с Г.Е. Распутиным. Именно там он был впервые представлен «высшему свету». Впоследствии, под влиянием усилившейся газетной антираспутинской кампании, графиня уменьшила количество контактов со «старцем»¹⁴ (однако, вопреки уверениям С.П. Белецкого, они сохранялись).

⁷ Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. Москва: Просвещение, 1975. С. 39.

⁸ Фюлеп-Миллер Р. Святой дьявол. Распутин и женщины / перевод с немецкого У.В. Смеловской. Санкт-Петербург: Печатный двор, 1994. С. 90–91.

⁹ Фюлеп-Миллер Р. Святой дьявол. С. 7–8.

¹⁰ Фюлеп-Миллер Р. Святой дьявол. С. 101.

¹¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / перевод с французского Д. Протопопова и Ф. Ге. Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 139.

¹² Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под редакцией П.Е. Щеголева. Ленинград: Государственное издательство, 1925. Т. 4: Записки А.Д. Протопопова и С.П. Белецкого. С. 226.

¹³ Фомин С.В. «Боже, храни Своих!» Москва: Форум, 2009. С. 225.

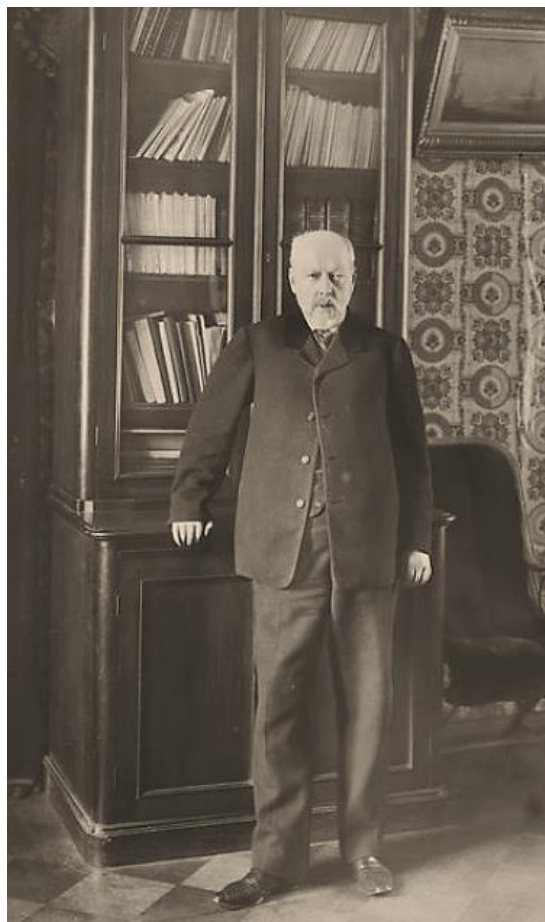
¹⁴ Покушение на убийство Распутина (телеграммы от собственных корреспондентов) // Петербургский курьер. 1914. № 160 (3 июля). С. 2.

Салон В.П. Мещерского. Князь Владимир Петрович Мещерский, редактор-издатель газеты-журнала «Гражданин», был лично знаком с Г.Е. Распутиным. На факт их общения, в частности, указывал в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства С.П. Белецкий. По словам чиновника, князь возлагал определенные надежды на «старца». Более того, согласно Белецкому, «вхождением в высочайший дворец» Распутин был обязан именно издателю «Гражданина»¹⁵. Бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков, по утверждению того же источника, познакомился с Распутиным через Мещерского¹⁶. С.П. Белецкий полагал, что тогдашний министр внутренних дел А.А. Макаров намеревался уволить его с поста директора Департамента полиции по причине того, что он «чересчур усилил наблюдение за Распутиным»¹⁷. Бывший чиновник считал, что подобные решения Макарова были спровоцированы интригами В.П. Мещерского, который поддерживал «старца».

¹⁵ Показания С.П. Белецкого от 20 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 4: Записки А.Д. Протопопова и С.П. Белецкого. С. 500.

¹⁶ Показания С.П. Белецкого от 19 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т. 4: Записки А.Д. Протопопова и С.П. Белецкого. С. 148.

¹⁷ Допрос С.П. Белецкого 12 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под редакцией П.Е. Щеголева. Ленинград: Государственное издательство, 1925. Т. 3: Допросы и показания: А.В. Герасимова, А.И. Спиридовича, В.Н. Воейкова, Н.А. Маклакова, М.С. Комиссарова, П.Г. Курлова, М.И. Трусевича, А.А. Вырубовой, С.П. Белецкого, И.Л. Горемыкина, О.А. Лохтиной, С.Е. Виссарионова, Н.С. Чхеидзе. С. 296.

Князь Владимир Петрович Мещерский, 1904 г.

Источник: История России в фотографиях. URL: <https://russiainphoto.ru/photos/59488/>

Известный черносотенный деятель, член Главного совета Союза русского народа Б.В. Никольский отмечал в дневнике, что В.П. Мещерский в конце жизни поддерживал Г.Е. Распутина и пытался через него оказывать влияние на императорскую политику: «Пырнули-то в живот Распутина, а умер-то Мещерский»¹⁸.

Положительные характеристики «старца» подчас встречались в «Дневниках» В.П. Мещерского, регулярно печатавшихся в «Гражданине». В одной из них, к примеру, утверждалось, что «у Распутина глаза красивые»¹⁹. Впрочем, имеются сведения и об изначальном отрицательном отношении князя к «старцу»²⁰.

Подводя итог, можно отметить, что в целом лидер салона князь В.П. Мещерский и его газета-журнал «Гражданин» старались воздерживаться

¹⁸ Дневники Б.В. Никольского. 6 августа 1896 г. – 30 июля 1916 г. Запись от 10 июля 1914 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1006. Оп. 1. Д. 1. Л. 342.

¹⁹ Мещерский В.П. Дневники. Четверг, 13 октября // Гражданин. 1911. № 40. 16 октября. С. 7.

²⁰ Бельгард А.В. Печать и Распутин // Николай Второй. Воспоминания. Дневники / под редакцией Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1994. С. 98.

от критики Г.Е. Распутина, относясь к нему скорее положительно. С.П. Белецкий, Б.В. Никольский, М.Г. Акимов утверждали, что князь В.П. Мещерский пытался оказывать влияние на царскую политику через «старца», однако о характере подобных воздействий на данный момент практически ничего не известно. Впрочем, тот факт, что позиции Г.Е. Распутина и В.П. Мещерского по внешнеполитическим вопросам накануне Первой мировой войны совпадали (оба были противниками войны и пытались не допустить втягивания России в конфликт), возможно, свидетельствует о некоторой координации их действий в этом направлении²¹.

Салон Е.В. Богдановича. Организатор правомонархического салона, староста Исаакиевского собора, генерал от инфантерии Евгений Васильевич Богданович в отличие от В.П. Мещерского вел совершенно иную политику в отношении Г.Е. Распутина. В салоне генерала царила неприязнь к «старцу» и его деятельности. Супруга генерала, А.В. Богданович, в дневнике еще в 1908 г. охарактеризовала Распутина как «мужика со зверскими глазами»²² (ср.: у В.П. Мещерского: с «красивыми»), в записи от 7 сентября 1911 г. Распутин назван «распутным»²³, а в июне 1912 г. – «поганеньким мужичонкой»²⁴.

Монархист Л.А. Тихомиров сообщал, что еще в период премьерства П.А. Столыпина Е.В. Богданович в письме по поводу приезда царской семьи в Москву говорил о необходимости удаления «старца». Генерал, в частности, указывал, что

пребывание Царя и Царицы должно быть встречено восторгом населения. Появление же Григория Распутина может не только охладить чувства, но вызвать даже какие-нибудь демонстрации²⁵.

²¹ Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 31.

²² Дневник Богданович А.В. 1908 г. Книжка 139-я (2–8 ноября 1908 г.) с вырезками из газет «Новое время», «Речь», «La Patrie» и др. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 431. Л. 27 об.

²³ Дневник Богданович А.В. 1911 г. Книга 74-я (14 июня – 9 сентября 1911 г.) // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 137 об.

²⁴ Дневник Богданович А.В. 1912 г. Книга 80-я (29 апреля – 21 июня 1912 г.) // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 457. Л. 122.

²⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / составитель М.Б. Смолин. Москва: Издательство журнала «Москва», 2000. С. 690–691.

По словам Л.А. Тихомирова, это письмо якобы оказало влияние на императора: Николай II настоял, чтобы «Гришка не ездил в Москву»²⁶ (данное утверждение не подтверждается другими источниками). Несмотря на указанное временное ограничение, Г.Е. Распутин вскоре снова оказался при царском дворе.

Портрет Александры Викторовны Богданович
с мужем Евгением Васильевичем Богдановичем, 1914 г.

Источник: Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Богданович,_Александра_Викторовна

Несколько позже престарелый генерал снова писал императору о необходимости устранения Распутина, который должен «исчезнуть с земли»²⁷.

Когда в 1912 г. «старец» неожиданно явился в Петербург, Е.В. Богданович вновь написал императору несколько писем, направленных против Г.Е. Распутина²⁸. К одному из них было приложено письмо епископа Холмского Евлогия (Георгиевского)²⁹. Тогда же генерал просил директора Департамента полиции С.П. Белецкого поручить своему агенту, журналисту

²⁶ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 691.

²⁷ Дневник Богданович А.В. 1912 г. Книга 78-я (18 февраля – 25 марта 1912 г.) // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 455. Л. 32 об.

²⁸ Богданович Е.В. Письма к Николаю II (1907–1911 гг.). Машинописные копии с авторской правкой // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 664. К. 1. Д. 12. Л. 14, 16; Богданович Е.В. Письма к Николаю II (1910, декабрь – 1914, май). Машинопись с авторской правкой карандашом // ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 13. Л. 41–41 об., 56.

²⁹ Дневник Богданович А.В. 1912 г. Книга 78-я (18 февраля – 25 марта 1912 г.) // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 455. Л. 63 об.

И.Ф. Манасевичу-Мануйлову, опубликовать материалы, компрометирующие «старца»³⁰. Поскольку в указанное время Г.Е. Распутин находился вместе с царской семьей в Крыму, генерал высказал пожелание, чтобы ялтинский градоначальник И.А. Думбадзе «утопил грязного бродягу в волнах Черного моря»³¹. С.П. Белецкий в показаниях ЧСК сообщал, что «старец» несколько раз удалялся из Петербурга при содействии Е.В. Богдановича³².

Раздраженный столь пристальным вниманием со стороны престарелого генерала к «старцу», император через В.А. Дедюлина сообщил Богдановичу, что не желает более получать указаний подобного рода³³. Генералу в итоге пришлось смириться³⁴.

Итак, многочисленные интриги салона Е.В. Богдановича против Г.Е. Распутина не привели к сколько-нибудь существенным результатам. «Старца» по-прежнему принимали при дворе, сам же салон вскоре прекратил свое существование по причине смерти в 1914 г. обоих хозяев.

Салон М.М. Андроникова. Деятельность салона сверхштатного чиновника по особым поручениям Святейшего Синода князя Михаила Михайловича Андроникова характерна тем, что первоначально князь поддерживал Г.Е. Распутина, однако позже повел с ним яростную борьбу.

Первая встреча князя со «старцем», со слов жандармского генерала А.И. Спиридовича, состоялась летом 1914 г. на квартире М.М. Андроникова в знаменитом «Толстовском доме»³⁵. С.П. Белецкий же утверждал, что их знакомство произошло «после конца апреля 1915 года»³⁶. Однако архивные источники свидетельствуют о том, что указанная Белецким дата не соответствует действительности³⁷. На основании данных наружного

³⁰ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. Санкт-Петербург, Москва: Лимбус-пресс, 2003. С. 146.

³¹ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. С. 150.

³² Показания С.П. Белецкого от 19 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т. 4. Записки А.Д. Протопопова и С.П. Белецкого. С. 174.

³³ Письма (2), в том числе: Дедюлина В.А., дворцового коменданта, Богдановичу Е.В. о нежелании царя получать от последнего письма с посторонними советами и указаниями; Богдановича Е.В. Дедюлину В.А. с ответом на вышеуказанное письмо // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–1 об.

³⁴ Всеподданнейшие записки, письма Богдановича Е.В. Николаю II // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³⁵ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 178.

³⁶ Протокол допроса С.П. Белецкого // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 993. Л. 81.

³⁷ Выписка из данных наружного наблюдения за Гр[игорием] Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10 февраля 1916 г. // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1925. Т. 16. С. 264.

наблюдения за Распутиным, следует признать, что знакомство состоялось не позднее декабря 1914 г.

Князь Михаил Михайлович Андроников в своем кабинете, 1916 г.
Источник: *Колотило М.Н.* Толстовский дом. Квартира князя-чекиста.
Москва: Искусство России, 2013. С. 8

Известно, что «старец» посещал дом М.М. Андроникова и М.М. Андроников бывал в квартире Г.Е. Распутина на Гороховой улице³⁸. Агентурные данные свидетельствуют³⁹, что в период с декабря 1914 г. по июнь 1915 г. «старец» наведывался в квартиру князя М.М. Андроникова 5 раз, еще два визита не датированы. Также приходили в дом князя лица, связанные со «старцем»⁴⁰.

М.М. Андроников предоставлял квартиру для секретных встреч Г.Е. Распутина с С.П. Белецким и архиепископом Варнавой (Накропиным)⁴¹. По свидетельству А.И. Спиридовича, в этих встречах также участвовал игумен Тюменского монастыря Мартемиан⁴². Жандармский генерал отмечал, что в ходе одного из обедов с участием Г.Е. Распутина, А.Н. Хвостова и С.П. Белецкого «старцу» пообещали выдвинуть на пост обер-прокурора Синода

³⁸ Последний временщик последнего царя: материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства о Распутине и разложении самодержавия / публикация А.Л. Сидорова // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 124.

³⁹ Данные наружного наблюдения за М.М. Андрониковым // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 962. Оп. 2. Д. 119. Л. 132–193 об.

⁴⁰ Там же. Л. 161, 162.

⁴¹ *Руднев В.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии / составитель А.В. Кочетов. Москва: Книжная палата, 1990. С. 289.

⁴² *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 222.

человека, который бы хорошо к нему относился⁴³. Однако вся эта затея в итоге провалилась по причине того, что Распутин сорвал планы Хвостова и Белецкого «сделать князя Андроникова единственным посредником для сношений» с ним⁴⁴. Распутин периодически лично приезжал к А.Н. Хвостову или С.П. Белецкому на службу, что тех совершенно не устраивало, так как они стремились скрывать свою дружбу со «старцем»⁴⁵.

К 1916 году отношения между Андрониковым и Распутиным резко ухудшились. Хвостов приставил к Распутину «Белецкого, Комиссарова и госпожу Червинскую»⁴⁶, а позже уверял ЧСК, что когда лично виделся с Распутиным у Андроникова и на конспиративной квартире, то они «осматривали друг друга, кто кого “съест”, непосредственные отношения не складывались, и даже разговор не клеился»⁴⁷.

С самого начала между главными участниками салона князя М.М. Андроникова – самим князем, Г.Е. Распутиным, С.П. Белецким и А.Н. Хвостовым – было много противоречий, и их союз был далеко не прочным, а позднее перерос в открытое противостояние «старца» с князем⁴⁸.

Причиной перемены отношения М.М. Андроникова к Г.Е. Распутину стало, прежде всего, то, что «старец» не желал участвовать в так называемых «коммерческих предприятиях», то есть в финансовых аферах князя. Не стал Распутин также участвовать и в интригах Андроникова против военного министра В.А. Сухомлинова и других чиновников⁴⁹.

Так или иначе, салон князя М.М. Андроникова, первоначально поддерживавший Г.Е. Распутина, в дальнейшем изменил отношение к нему, очевидно, вследствие нежелания «старца» участвовать в аферах и политической борьбе.

⁴³ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 218–219.

⁴⁴ Белецкий С.П. Григорий Распутин // Григорий Распутин: Сборник исторических материалов / составитель В. Крюков. Москва: Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. С. 153.

⁴⁵ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 221.

⁴⁶ Материалы Чрезвычайной следственной комиссии // Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 654. Оп. 5. Д. 20. Л. 4 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Белецкий С.П. Григорий Распутин (из записок). Петроград: Былое, 1923. С. 74.

⁴⁹ Евдокимов А.В. Роль князя М.М. Андроникова в «деле Сухомлинова» // XIX Нижегородская сессия молодых ученых (Нижний Новгород, «Морозовский», 21–24 октября 2014 г.). Сессия посвящена 300-летию со дня основания Нижегородской губернии: доклады / под редакцией И.А. Зверевой. Княгинино: Типография НГИЭИ, 2014. С. 199.

Салон П.А. Бадмаева. Г.Е. Распутин был хорошо знаком с врачом, специалистом по тибетской медицине Петром Александровичем Бадмаевым⁵⁰, организатором одного из правомонархических кружков, который, как принято считать, якобы имел определенное влияние при Дворе.

Петр Александрович Бадмаев

Источник: Люди. Биографии, истории, факты, фотографии.

URL: https://www.peoples.ru/state/statesmen/petr_badmaev/

Следователи ЧСК безоговорочно записали тибетского врача в список «распутинцев»⁵¹. Первоначально Бадмаев достаточно резко высказывался о деятельности «старца»⁵². В мемуарах «Крушение империи» М.В. Родзянко

⁵⁰ Документы, относящиеся к деятельности Г.Е. Распутина, извлеченные из личного архива П.А. Бадмаева (ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1), описаны тюменским исследователем А.В. Чернышевым. См.: *Чернышев А.В. Григорий Распутин: человек-легенда, реальность и вымысел // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 11. Тюмень: РУТРА, 1998. С. 102.*

⁵¹ Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 38, 41.

⁵² *От редакции // Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары / под редакцией Ю.Г. Хацкевича. Минск, Москва: Харвест, 2001. С. 6.*

утверждал, что одно время П.А. Бадмаев, наряду с А.И. Гучковым и другими лицами, помогал ему собирать сведения о деятельности Распутина с целью последующих докладов царю⁵³. В частности, через Илиодора, взявшего у Распутина письма императрицы и царских дочерей к нему, их копии попали к П.А. Бадмаеву, затем к его пациенту А.Д. Протопопову, который, в свою очередь, ознакомил с их содержанием А.И. Гучкова и М.В. Родзянко – своих коллег по октябристской фракции⁵⁴.

Однако уже к 1916 г. (и даже ранее) Бадмаев стал активно использовать «старца» в своих политических целях. Согласно документам (тайной регистрации) охранного отделения, Распутин в период с октября 1914 г. по декабрь 1916 г. посетил тибетского врача 19 раз; Бадмаев Распутина за этот же период – 34 раза⁵⁵.

По словам генерала А.И. Спиридовича, специалист по тибетской медицине через Г.Е. Распутина и А.А. Вырубову продвигал своего друга и клиента А.Д. Протопопова на пост министра внутренних дел. С подачи П.А. Бадмаева, Протопопов стал часто видаться с Распутиным, льстил ему, «разыгрывая из себя человека, уверовавшего в его святость»⁵⁶. Позже, когда в ноябре 1916 г. заговорили о возможной отставке А.Д. Протопопова, доктор П.А. Бадмаев, по воспоминаниям А.И. Спиридовича, приложил все усилия, дабы «нажать» на Г.Е. Распутина и А.А. Вырубову с целью недопущения данной отставки⁵⁷. В итоге А.Д. Протопопов сохранил свой пост министра. В декабре 1916 г., незадолго до убийства Г.Е. Распутина, по Петрограду поползли слухи о готовящемся антимонархическом заговоре, и доктор Бадмаев возобновил длительные беседы со «старцем», пытаясь добиться, чтобы тот «предупредил обо всем царицу»⁵⁸.

Сохранилось много свидетельств об участии Г.Е. Распутина в работе бадмаевского кружка. Например, на это прямо указывает в своей записке ЧСК от 24 августа 1917 г. А.Д. Протопопов. В ней говорилось, что около 15 октября 1916 г. он поехал к тибетскому врачу, где уже были П.Г. Курлов и Г.Е. Распутин. Протопопов просил «старца» ускорить передачу

⁵³ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1926. Т. 17. С. 40.

⁵⁴ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. С. 141–142; Борис Никольский и Григорий Распутин // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). С. 160.

⁵⁵ Платонов О.А. Жизнь за Царя (правда о Григории Распутине). Санкт-Петербург: Воскресение, 1996. С. 150.

⁵⁶ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 353.

⁵⁷ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 397.

⁵⁸ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 411.

продовольственного дела из Министерства земледелия в МВД⁵⁹. Распутин обещал помочь, соответствующая телеграмма от него была направлена в Ставку⁶⁰.

В кружке П.А. Бадмаева была разработана схема, согласно которой Г.Е. Распутин являлся связующим звеном между тибетским доктором и императрицей Александрой Федоровной, а также А.А. Вырубовой. Последние, согласно этой схеме, должны были передавать идеи кружка П.А. Бадмаева Николаю II⁶¹. Именно таким образом в ноябре 1916 г. шла борьба кружка с тогдашним премьером А.Ф. Треповым⁶². Сохранившиеся письма тибетского доктора к царской чете и к А.А. Вырубовой содержат положительные характеристики сибирского «старца», а также просьбы защитить его от нападков А.Н. Хвостова и С.П. Белецкого⁶³. Принято считать, что кружки П.А. Бадмаева и шталмейстера Н.Ф. Бурдукова через Г.Е. Распутина оказали влияние на царя при назначении 16 сентября 1916 г. А.Д. Протопопова министром внутренних дел⁶⁴. Сам последний царский министр внутренних дел в показаниях ЧСК придерживался этого тезиса⁶⁵. Тем не менее, прямых свидетельств назначения Протопопова на высокий пост с подачи кружка Бадмаева и Распутина пока не выявлено. Возможно, существовали и другие резоны, которые способствовали этому назначению.

Итак, кружок П.А. Бадмаева первоначально отрицательно относился к деятельности «сибирского старца», однако постепенно изменил свою позицию. Г.Е. Распутина стали приглашать на заседания кружка и с его помощью пытались влиять на кадровую политику императора. Однако прямых доказательств этого политического влияния обнаружить не удалось.

Кружок Н.Ф. Бурдукова. Шталмейстер Николай Федорович Бурдуков создал собственный кружок сразу после смерти своего приемного отца – князя В.П. Мещерского. По мнению советского историка В.П. Семенникова⁶⁶,

⁵⁹ Стенографический отчет допроса Протопопова Александра Дмитриевича 21 марта и 14 апреля 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 65. Л. 66.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Семенников В.П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева) / под редакцией В.П. Семенникова. Ленинград: Государственное издательство, 1925. С. IX.

⁶² Показания А.Д. Протопопова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 885. Л. 33.

⁶³ Бадмаев П.А. За кулисами царизма. С. 28, 30, 41–42.

⁶⁴ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. Москва: Наука, 1989. С. 137, 139.

⁶⁵ Показания А.Д. Протопопова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 885. Л. 14.

⁶⁶ Распутин и германская агентура. Седьмая глава книги Владимира Петровича Семенникова «Распутиниада». Машинописный текст (неполный) и черновик. Автограф. [1928] // РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 8, 14, 20, 30, 31, 34.

деятельность указанного кружка была связана с рядом финансовых афер. Историк высказывал предположение, что этот кружок использовал Г.Е. Распутина в своих корыстных целях, при этом сам «старец» был якобы чуть ли не слепым исполнителем воли Н.Ф. Бурдукова и М.М. Андроникова. Семенников считал, что данные лица через Распутина оказывали самое непосредственное влияние на политику Николая II⁶⁷. При этом исследователь не придавал никакого значения тому факту, что между Андрониковым и Бурдуковым были, мягко говоря, очень натянутые отношения, что они, по сути дела, ненавидели друг друга и вряд ли могли совместно заниматься какими-то финансовыми аферами (хотя и занимались ими по отдельности).

Согласно показаниям бывшего министра внутренних дел А.Н. Хвостова, у Бурдукова бывали Г.Е. Распутин (следователи ЧСК записали Николая Федоровича в число «распутинцев»)⁶⁸, Н.П. Саблин и К.Д. Нилов. Хвостов также предполагал, так как достоверно не помнил, что Бурдукова также посещали В.А. Сухомлинов и И.Ф. Манасевич-Мануйлов⁶⁹. Систематические посещения К.Д. Ниловым Н.Ф. Бурдукова подтверждаются и самим Николаем Федоровичем в мемуарах⁷⁰.

О взаимоотношениях Н.Ф. Бурдукова и Г.Е. Распутина также известно из мемуаров Н.Ф. Бурдукова⁷¹. Принято считать, что, благодаря любимым царским адъютантам Н.В. Саблину и К.Д. Нилову, участники салона всегда были в курсе событий в Царском Селе⁷². Министр иностранных дел С.Д. Сазонов, по словам А.Н. Хвостова, также имел связь с кружком и оказывал

⁶⁷ Распутин и германская агентура. Седьмая глава книги Владимира Петровича Семенникова «Распутиниада». Машинописный текст (неполный) и черновик. Автограф. [1928] // РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

⁶⁸ Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 38.

⁶⁹ Допрос А.Н. Хвостова // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под редакцией П.Е. Щеголева. Ленинград: Государственное издательство, 1924. Т. 1: Допросы: А.Н. Хвостова, Е.К. Климовича, А.Д. Протопопова, С.С. Хабалова, А.Т. Васильева, Б.В. Штюмерера, В.Л. Бурцева, А.Н. Наумова, кн. М.М. Андроникова. С. 16, 18.

⁷⁰ Бурдуков-Студенской Н. Отклики пережитого (глава «Петербургские встречи») // Иллюстрированная Россия. 1939. № 23 (735). С. 15.

⁷¹ Бурдуков-Студенской Н. Отклики пережитого // Иллюстрированная Россия. 1939. № 22 (732). С. 13–14.

⁷² Фюлен-Миллер Р. Святой дьявол. С. 73.

влияние на Распутина⁷³. Бывший глава МВД отмечал, что кружок Н.Ф. Бурдукова посещали некоторые финансисты, в частности, И.П. Манус – еще один аферист, «очень богатый человек», владелец «Российского транспортного общества», участие в котором принимал немецкий капитал, и других акционерных обществ.

В ходе одного из допросов Хвостов показал, что к Н.Ф. Бурдукову неоднократно приезжал Г.Е. Распутин, где получал «разные инструкции по разным делам»⁷⁴. Наличие отношений между Бурдуковым и Распутиным подтверждал и последний глава МВД А.Д. Протопопов, не поясняя, однако, их сущности и характера⁷⁵.

Несмотря на достоверность сведений о том, что Н.Ф. Бурдуков был знаком с Г.Е. Распутиным и пытался через него реализовывать свои «проекты», мы не располагаем ни одним фактом (за исключением уже рассмотренного нами ранее назначения А.Д. Протопопова на пост министра внутренних дел), который бы свидетельствовал о том, что эти «дела» имели реальный успех. Что же касается назначения А.Д. Протопопова, то, как мы уже указывали, здесь сошлись интересы различных политических сил и придворных кругов.

Заключение

Вопреки распространенным представлениям, отношения между организаторами и участниками правых кружков и салонов и Г.Е. Распутиным были далеко не безоблачными. С течением времени они претерпевали существенные изменения. Сказанное прежде всего касается салона князя М.М. Андроникова. Хорошие поначалу отношения с Г.Е. Распутиным в этом салоне со временем ухудшились и даже переросли в открытую конфронтацию. Причину таких изменений, по нашему мнению, следует видеть главным образом в нежелании Распутина подчиняться чужой воле и быть «использованным» политическими интриганами в корыстных целях.

Никаких реальных фактов, связанных с осуществлением через Распутина теми или иными салонами и кружками влияния на царскую политику, в источниках не зафиксировано. Между тем утверждения о том, что якобы «Гришка», с подачи П.А. Бадмаева, М.М. Андроникова и других хозяев салонов и кружков, дает «царям» самые разнообразные указания, в изобилии содержались в многочисленных статьях и заметках либеральной и левой

⁷³ Допрос А.Н. Хвостова // Падение царского режима. Т. 1. С. 20; Стенографический отчет первого допроса Хвостова Алексея Николаевича 18 марта 1917 г. в здании Сената // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 72. Л. 12 об.

⁷⁴ Допрос А.Н. Хвостова // Падение царского режима. Т. 1. С. 17.

⁷⁵ Стенографический отчет (непроверенный) первого допроса Протопопова А.Д. 21 марта 1917 г. в Петропавловской крепости // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 65. Л. 48 об.

периодической печати предреволюционного времени. Таким путем формировалось общественное мнение о том, что Распутин и так называемая «камарилья» – абсолютное зло, будто бы завладевшее умами императора и императрицы, сделавшее Николая II неспособным самостоятельно принимать политические решения. Тем самым не только готовилась психологическая почва для убийства Распутина, но и дискредитировалась сама монархическая идея.

Introduction

In the late 19th – early 20th century, unofficial organisations played a certain role in the political system of Tsarist Russia. Among them were right-wing salons and circles. In the period after 1905, in the conditions of the formation of multi-party system, the role of salons and circles in the system of power of the Russian Empire continued to be significant. However, due to the general crisis of the right-conservative ideology, their authority gradually declined. Nevertheless, those associations continued to exert political influence both on the power structures of the Russian Empire and directly on Emperor Nicholas II. According to the leaders and organizers of the right-wing conservative salons and circles, Grigori Efimovich Rasputin-Novy, a peasant of Tobolsk Governorate who was close to the royal family, could become a tool of such influence. That was the reason why the “starets” was invited to the salon meetings to discuss the current political situation in the country.

By a right-wing salon we mean an association whose leaders and participants shared conservative (right-wing monarchist) views. The term “circle” is broader and includes all types of unofficial organizations (having no status of a legal entity).

To date, many works have been published on the subject of right-wing salons and circles.¹ They examine the social structure of these organizations, the range of issues discussed at the salon meetings, and the facts related to the attempts of those associations to influence the imperial policy.

Research works related to the life and activities of Grigori Rasputin are also numerous. Let us make a brief reference to the recent ones. Proceedings of the conference “Herzen Readings 2020. Topical Issues of Russian History” include

¹ D.I. Stogov, *Right-Wing Monarchic Salons of Petersburg-Petrograd (Late 19th – Early 20th Century)* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2007); M.M. Leonov, *Russian Salons of the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century: Patronage and Favouritism* [in Russian] (Samara: Samarskii munitsipal'nyi institut upravleniya, 2010); M.V. Druzin, “E.V. Bogdanovich: Public Figure of the Post-Reform Period” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 91–101, <https://doi.org/10.31857/S086956870008275-3>; F.A. Gaida, “‘Cabinet’ of Prince N.D. Golitsyn and the Search for a Political Course in the Winter of 1916–1917” [in Russian], *Rossiiskaya Istoriya*, no. 1 (2020), 75–90, <https://doi.org/10.31857/S086956870008272-0>; A.E. Kotov, “‘Unreliable Friend’: A.S. Suvorin and the Bogdanovich Salon at the End of the 19th Century” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 107–14, <https://doi.org/10.31857/S086956870008278-6>; A.V. Mamonov, “Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 101–07, <https://doi.org/10.31857/S086956870008277-5>; M. Schrub, “Towards a Typology of Literary Associations in Pre-Revolutionary Russia” [in Russian], *Rhema*, no. 4 (2020): 23–48, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2020-4-23-48>; D.I. Stogov, *Right-Wing Circles of Petrograd in the Pre-Revolutionary Political Struggle (July 1914 – February 1917)* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo SPbGETU “LETI”, 2020).

several papers that were presented at the conference panel devoted to Rasputin.² D. Kotsyubinsky characterized the influence of the Rasputin factor on the crisis of legitimacy of autocratic power in the inter-revolutionary period.³ During the Tauride Readings 2021, the same researcher presented a paper on the delegitimization of imperial power in the context of the appearance and spread of criticism towards Grigori Rasputin.⁴ In recent years, a number of works have also been published on both Rasputin himself⁵ and the situation at the Emperor's court on the eve of the revolution as a whole (including the behind-the-scenes political struggle).⁶ Nevertheless, to date there have been no comprehensive studies devoted the relations between the leaders and members of the right-wing salons and circles and Grigori Rasputin. The present article is intended to fill this gap.

In the course of the study of these relations, the purpose was to understand their nature and to identify the goals pursued by inviting the “starets” to the salon meetings and the evolution of the relations between the leaders and members of such salons and circles and Rasputin. The chronological framework of the study is limited by the period between the second half of the 1900s and the end of 1916. Geographically, it covers the capital of Russia, St Petersburg (renamed Petrograd in 1914).

Let us consider the nature of relations between the leaders and members of some right-wing monarchical salons and circles and G. Rasputin.

The salon of Countess S. Ignatieva. Let us turn our attention to the circumstances surrounding the relations between the members of the salon of Countess Sophia

² *Herzen Readings 2020. Topical Issues of Russian History: A Collection of Scholarly and Teacher Resource Articles* [in Russian], ed. A.B. Nikolaev et al. (St Petersburg: Asterion, 2021).

³ D.A. Kotsyubinskii, “The Factor of Grigori Rasputin and the Crisis of Legitimacy of Autocratic Power in Russia during the Inter-Revolutionary Years (1909–1916)” [in Russian], in *Herzen Readings 2020. Topical Issues of Russian History: A Collection of Scholarly and Teacher Resource Articles*, ed. A.B. Nikolaev et al. (St Petersburg: Asterion, 2021), 226–56.

⁴ D.A. Kotsyubinskii, “Delegitimization of Imperial Power in the Context of anti-Rasputin Opposition Formation and the Coverage of the Duma Debates about the ‘Starets’ (1909–1916)” [in Russian], in *Tauride Readings 2021. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity. International Scientific Conference (St Petersburg, the Tauride Palace, December 9–10, 2021): Collected Scientific Papers*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 2 (St Petersburg: Asterion, 2022), 48–63.

⁵ D. Smith, *Rasputin: Faith, Power, and the Twilight of the Romanovs* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016); D. Smith, “Grigory Rasputin and the Outbreak of the First World War: June 1914,” in *Was Revolution Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution*, ed. T. Brenton (Oxford: Oxford University Press, 2017), 48–65.

⁶ W.C. Fuller Jr., *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006); S. Akifumi, “Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914,” in *Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century)*, ed. P. Sartori (Leiden, Boston: Brill, 2013), 111–36.

Sergeevna Ignatieva, widow of Kiev and Irkutsk Governor-General Count Aleksei Ignatiev, and Rasputin. Among those who were invited to countess were clergymen as well as fools-for-Christ and startsy, including Rasputin. The “starets” visited the salon of Countess Ignatieva more than once, which was noted by Soviet historian N. Eroshkin.⁷ Rasputin got acquainted with the Countess with the help of Archbishop Theophan (Vasily Bystrov).⁸ Soon after that the Tobolsk peasant first visited Countess Ignatieva for “spiritual conversations.”⁹ There was an opinion that the success of the “starets” at the court was directly connected with the actions of the salon of S. Ignatieva.¹⁰ However, in our opinion, this statement requires additional evidence. The fact that Grigori Rasputin repeatedly visited the countess and her salon was also confirmed by French Ambassador Maurice Paléologue.¹¹

The former Head of the Police Department S. Beletsky claimed that after 1912 the attitude of the “starets” towards the circle of Countess Ignatieva became severely negative,¹² but this statement has not been proved yet. Such conclusions seem to have been inspired by the Countess herself through a series of publications in major newspapers, which spoke about the breakdown of her relations with the Siberian peasant.¹³

Thus, the salon of Countess S. Ignatieva was in contact with Rasputin. It was there that he was first introduced to the high society of the Russian capital. Subsequently, the countess reduced contacts Rasputin under the influence of the intensified anti-Rasputin campaign in the newspapers.¹⁴ (However, contrary to the assurances of S. Beletsky, those contacts were not terminated for good).

The salon of V. Meshchersky. Prince Vladimir Petrovich Meshchersky, publishing editor of the newspaper-magazine *Grazhdanin*, was personally acquainted with Grigori Rasputin. The fact of their communication was mentioned in the

⁷ N.P. Eroshkin, *Autocracy on the Eve of Collapse* [in Russian] (Moscow: Prosveshchenie, 1975), 39.

⁸ R. Fülöp-Miller, *The Holy Devil. Rasputin and Women* [in Russian], trans. U.V. Smelovskaya (St Petersburg: Pechatnyi dvor, 1994), 90–91.

⁹ Fülöp-Miller, *The Holy Devil*, 7–8.

¹⁰ Fülöp-Miller, *The Holy Devil*, 101.

¹¹ M. Paléologue, *Tsarist Russia During the Great War* [in Russian], trans. D. Protopopov, and F. Ge (Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923), 139.

¹² “Testimony of S.P. Beletskii” [in Russian], in *The Fall of the Tsarist Regime. Verbatim Reports of Interrogations and Testimonies Given in 1917 to the Extraordinary Investigatory Commission of the Provisional Government*, ed. P.E. Shchegolev, vol. 4, *Notes of A.D. Protopopov and S.P. Beletsky* (Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925), 226.

¹³ S.V. Fomin, “*God, Save Your People!*” [in Russian] (Moscow: Forum, 2009), 225.

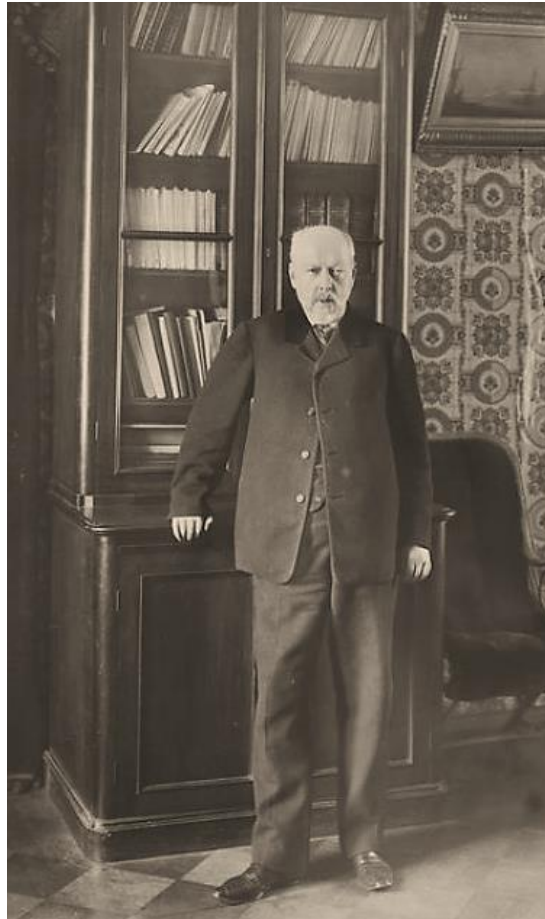
¹⁴ “The Attempted Murder of Rasputin (Telegrams from Staff Reporters)” [in Russian], *Peterburgskii kur'er*, no. 160, July 3, 1914, 2.

testimony of S. Beletsky to the Extraordinary Investigatory Commission (ChSK) of the Provisional Government. According to the official, Prince Meshchersky placed certain hopes on the “starets.” Moreover, according to Beletsky, it was the publisher of the *Grazhdanin* who provided the “entry into the highest palace” to Rasputin.¹⁵ According to the same source, the former Minister of Internal Affairs N. Maklakov also met Rasputin with the help of Meshchersky.¹⁶ Beletsky believed that A. Makarov, Minister of the Interior at the time, intended to dismiss him from the post of Director of the Police Department because he “intensified surveillance of Rasputin too much.”¹⁷ The former official believed that such decisions of Makarov resulted from the intrigues of V. Meshchersky who supported the “starets.”

¹⁵ “Testimony of S.P. Beletsky as of July 20, 1917” [in Russian], in *The Fall of the Tsarist Regime*, vol. 4, 500.

¹⁶ “Testimony of S.P. Beletsky as of May 19, 1917,” [in Russian], in *The Fall of the Tsarist Regime*, vol. 4, 148.

¹⁷ “Interrogation of S.P. Beletsky as of May 12, 1917” [in Russian], in *The Fall of the Tsarist Regime. Verbatim Reports of Interrogations and Testimonies Given in 1917 to the Extraordinary Investigatory Commission of the Provisional Government*, ed. P.E. Shchegolev, vol. 3, *Interrogations and Testimonies: A.V. Gerasimov, A.I. Spiridovich, V.N. Voeikov, N.A. Maklakov, M.S. Komissarov, P.G. Kurlov, M.I. Trusevich, A.A. Vyrubova, S.P. Beletsky, I.L. Goremykin, O.A. Lokhtina, S.E. Vissarionov, and N.S. Chkheidze* (Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1925), 296.

Prince Vladimir Petrovich Meshchersky, 1904

Source: History of Russia in Photos, <https://russianphoto.ru/photos/59488/>

B. Nikolsky, a well-known figure from the Black Hundred and a member of the Main Council of the Union of the Russian People, noted in his diary that at the end of his life V. Meshchersky supported Rasputin and tried to influence the Emperor's policy through him: "It was Rasputin who was stabbed in the stomach, but it was Meshchersky who died."¹⁸

Positive descriptions of the "starets" could be found in the diaries of V. Meshchersky's that were regularly published in the *Grazhdanin*. For example, one of them stated that "Rasputin had beautiful eyes."¹⁹ However, there is also information about the initial negative attitude of the prince to the "starets."²⁰

To summarize everything written above, we can say that in general, the leader of

¹⁸ "Dnevnik B.V. Nikol'skogo. 6 avgusta 1896 g. – 30 iyulya 1916 g. Zapis' ot 10 iyulya 1914 g." [Diaries of B.V. Nikolsky. August 6, 1896 – July 30, 1916. Entry dated July 10, 1914]. F. 1006, op. 1, d. 1, l. 342. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁹ V.P. Meshchersky, "Diaries. Thursday, October 13" [in Russian], *Grazhdanin*, no. 40, October 16, 1911, 7.

²⁰ A.V. Bel'gard, "The Press and Rasputin" [in Russian], *Nicholas II. Memoirs. Diaries*, ed. B.V. Anan'ich, and R.Sh. Ganelin (St Petersburg: Pushkinskii fond, 1994), 98.

the salon Prince V. Meshchersky and his periodical *Grazhdanin* tried to refrain from criticizing Grigori Rasputin, treating him positively rather than otherwise. S. Beletsky, B. Nikolsky, and M. Akimov argued that Prince V. Meshchersky tried to influence the Emperor's policy through the "starets," but at the moment almost nothing is known about the nature of such influence. However, the fact that the positions of both Rasputin and Meshchersky on foreign policy issues on the eve of the First World War coincided (both of them were opponents of that war and tried to prevent Russia from being drawn into the conflict) possibly indicates some coordination of their actions in that direction.²¹

The salon of E. Bogdanovich. Unlike V. Meshchersky, General of Infantry Evgeny Vasilievich Bogdanovich, organizer of a right-wing monarchist salon, churchwarden at St. Isaac's Cathedral, had a completely different attitude towards Rasputin. Dislike for the "starets" and his activities prevailed in the salon of General Bogdanovich. Alexandra Bogdanovich, the general's wife, described Rasputin in her diary as "a man with beastly eyes"²² as early as 1908 (cf. "beautiful" eyes in Meshchersky's diary). In the entry dated September 7, 1911, Rasputin is called "promiscuous,"²³ and in the entry as of June 1912, a "dirty little man."²⁴

Monarchist L. Tikhomirov reported that even during the premiership of P. Stolypin, E. Bogdanovich spoke about the need to remove the "starets" in a letter on the arrival of the royal family in Moscow. In particular, Bogdanovich, pointed out that,

the stay of the Tsar and Tsarina should be greeted by the population with great enthusiasm. Not only can the appearance of Grigori Rasputin cool feelings, but it even can cause some demonstrations.²⁵

²¹ A.I. Spiridovich, "Security and Anti-Semitism in Pre-Revolutionary Russia" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 8 (2003): 31.

²² "Dnevnik Bogdanovich A.V. 1908 g. Knizhka 139-ya (2–8 noyabrya 1908 g.) s vyrezkami iz gazet "Novoe vremya", "Rech", "La Patrie" i dr." [Diary of A.V. Bogdanovich. 1908. Book 139 (November 2–8, 1908) with clippings from the newspapers *Novoe vremya*, *Rech'*, *La Patrie*, etc.]. F. 1620, op. 1, d. 431, l. 27 ob. RGIA.

²³ "Dnevnik Bogdanovich A.V. 1911 g. Kniga 74-ya (14 iyunya – 9 sentyabrya 1911 g.)" [Diary of A.V. Bogdanovich. 1911. Book 74 (June 14 – September 9, 1911)]. F. 1620, op. 1, d. 453, l. 137 ob. RGIA.

²⁴ "Dnevnik Bogdanovich A.V. 1912 g. Kniga 80-ya (29 aprelya – 21 iyunya 1912 g.)" [Diary of A.V. Bogdanovich. 1912. Book 80 (April 29 – June 21, 1912)]. F. 1620, op. 1, d. 457, l. 122. RGIA.

²⁵ L.A. Tikhomirov, *Shadows of the Past. Memoirs* [in Russian], comp. M.B. Smolin (Moscow: Izdatel'stvo zhurnala "Moskva", 2000), 690–91.

According to L. Tikhomirov, that letter allegedly influenced the Emperor: Nicholas II insisted that “Grishka would not go to Moscow”²⁶ (this statement is not confirmed by other sources). Despite this temporary restriction, Rasputin soon found himself at the Emperor’s court again.

Portrait of Alexandra Viktorovna Bogdanovich with her husband Evgeny Bogdanovich, 1914
Source: Wikipedia, https://ru.wikipedia.org/wiki/Богданович,_Александра_Викторовна

Sometime later, elderly General Bogdanovich wrote to the Emperor again stressing the necessity to eliminate Rasputin who should “disappear off the face of the earth.”²⁷

When in 1912 the “starets” suddenly re-appeared in St Petersburg, E. Bogdanovich wrote several more letters to the Emperor against Rasputin.²⁸ A letter from Bishop

²⁶ Tikhomirov, *Shadows of the Past*, 691.

²⁷ “Dnevnik Bogdanovich A.V. 1912 g. Kniga 78-ya (18 fevralya – 25 marta 1912 g.)” [Diary of A.V. Bogdanovich. 1912. Book 78 (February 18 – March 25, 1912)]. F. 1620, op. 1, d. 455, l. 32 ob. RGIA.

²⁸ “Bogdanovich E.V. Pis'ma k Nikolayu II (1907–1911 gg.). Mashinopisnye kopii s avtorskoi pravkoi” [E.V. Bogdanovich. Letters to Nicholas II (1907–1911). Typewritten copies with the author’s corrections]. F. 664, k. 1, d. 12, ll. 14, 16. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library] (OR RGB), Moscow, Russia; “Bogdanovich E.V. Pis'ma k Nikolayu II (1910, dekabr' – 1914, mai). Mashinopis' s avtorskoi pravkoi karandashom” [Bogdanovich E.V. Letters to Nicholas II (December 1910 – May 1914). Typewritten copies with author’s corrections in pencil]. F. 664, k. 1, d. 13, ll. 41–41 ob., 56. OR RGB.

Evlogy (Georgievsky) of Kholmsk was attached to one of them.²⁹ At the same time, Bogdanovich asked Head of the Police Department S. Beletsky to instruct his agent, journalist I. Manasevich-Manuilov, to publish materials that would compromise the “starets.”³⁰ Since at that time Rasputin stayed in the Crimea with the royal family, General Bogdanovich expressed the wish that the mayor of Yalta I. Dumbadze “should drown the dirty vagabond in the waves of the Black Sea.”³¹ In his testimony to the Extraordinary Investigatory Commission, S. Beletsky reported that the “starets” was removed from St Petersburg several times with the assistance of E. Bogdanovich.³²

Irritated by such close attention from General Bogdanovich to the “starets,” the Emperor informed Bogdanovich through V. Dedyulin that he no longer wished to receive instructions of that kind.³³ Bogdanovich eventually had to put up with it.³⁴

Thus, numerous intrigues of the salon of E. Bogdanovich against Grigori Rasputin did not lead to any significant results. The “starets” was still accepted at the court, and the salon itself soon ceased to exist because of the death of both its owners in 1914.

The salon of M. Andronikov. The activity of the salon of Prince Mikhail Mikhailovich Andronikov, a supernumerary official for special assignments of the Most Holy Synod, is characterized by the fact that initially Prince Andronikov supported Rasputin but moved to open confrontation with him later.

According to Gendarme General A. Spiridovich, Prince Andronikov’s first meeting with the “starets” took place in the summer of 1914 in Andronikov’s apartment in the famous Tolstoy House.³⁵ S. Beletsky claimed that their acquaintance took place “after

²⁹ “Dnevnik Bogdanovich A.V. 1912 g. Kniga 78-ya (18 fevralya – 25 marta 1912 g.)” [Diary of A.V. Bogdanovich. 1912. Book 78 (February 18 – March 25, 1912)]. F. 1620, op. 1, d. 455, l. 63 ob. RGIA.

³⁰ A.P. Kotsyubinskii, and D.A. Kotsyubinskii, *Grigori Rasputin, Covert and Manifest* (St Petersburg, Moscow: Limbus-press, 2003), 146.

³¹ Kotsyubinskii, and Kotsyubinskii, *Grigori Rasputin*, 150.

³² “Testimony of S.P. Beletsky as of May 19, 1917,” *The Fall of the Tsarist Regime*, vol. 4, 174.

³³ “Pis'ma (2), v tom chisle: Dedyulina V.A., dvortsovogo komendanta, Bogdanovichu E.V. o nezhelanii tsarya poluchat' ot poslednego pis'ma s postoronnimi sovetami i ukazaniyami; Bogdanovicha E.V. Dedyulinu V.A. s otvetom na vysheukazannoe pis'mo” [Letters (2), including those: from Palace Commandant V.A. Dedyulin to E.V. Bogdanovich about the Tsar’s reluctance to receive any letters with unnecessary advice and instructions from the latter; from E.V. Bogdanovich to V.A. Dedyulin with a reply to the aforesaid letter]. F. 1620, op. 1, d. 85, l. 1–1 ob. RGIA.

³⁴ “Vsepoddanneishie zapiski, pis'ma Bogdanovicha E.V. Nikolayu II” [Most humble reports, letters of E.V. Bogdanovich to Nicholas II]. F. 1620, op. 1, d. 1, l. 26. RGIA.

³⁵ A.I. Spiridovich, *The Great War and the February Revolution (1914–1917)* [in Russian] (Minsk: Kharvest, 2004), 178.

the end of April 1915.”³⁶ However, archival sources indicate that the date indicated by Beletsky did not reflect the reality.³⁷ Based on the data of surveillance of Rasputin, the meeting took place no later than in December 1914.

Prince Mikhail Mikhailovich Andronikov in his study, 1916

Source: M.N. Kolotilo, *The Tolstoy House. The Apartment of the Chekist Prince* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo Rossii, 2013), 8

It is a well-known fact that the “starets” visited M. Andronikov at home, and Andronikov visited Rasputin’s apartment in Gorokhovaya Street.³⁸ Field agent data indicate that in the period from December 1914 to June 1915, the “starets” called in on Prince Andronikov at least 5 times, and two more visits were not dated.³⁹ The persons associated with the “starets” also visited the prince’s house.⁴⁰

M. Andronikov provided an apartment for secret meetings of Rasputin with

³⁶ “Protokol doprosa S.P. Beletskogo” [Record of interrogation of S.P. Beletsky]. F. 1467, op. 1, d. 993, l. 81. GARF.

³⁷ “Extract from Foot Surveillance Data on Gr[igori] Rasputin for the Period between January 1, 1915 and February 10, 1916” [in Russian], *Archive of the Russian Revolution Published by I.V. Gessen* (Berlin, 1925), vol. 16, 264.

³⁸ “The Last Favourite of the Last Tsar: Materials of the Extraordinary Investigatory Commission of the Provisional Government on Rasputin and the Decay of Autocracy” [in Russian], publ. A.L. Sidorov, *Voprosy istorii*, no. 10 (1964): 124.

³⁹ “Dannye naruzhnogo nablyudeniya za M.M. Andronikovym” [Data of foot surveillance of M.M. Andronikov]. F. 962, op. 2, d. 119, ll. 132–193 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Archive of Military History] (RGVIA), Moscow, Russia.

⁴⁰ *Ibid.*, ll. 161, 162.

Beletsky and Archbishop Varnava (Nakropin).⁴¹ According to A. Spiridovich, those meetings were also attended by Hegumen Martemian, who headed the Tyumen Troitsky Monastery.⁴² A. Spiridovich noted that during one of the dinners with the participation of G. Rasputin, A. Khvostov, and S. Beletsky, it was promised to the “starets” that a person who would be loyal to him would be recommended for the post of Chief Procurator of the Most Holy Synod.⁴³ However, the whole idea eventually failed because Rasputin foiled the plans of Khvostov and Beletsky “to make Prince Andronikov the only intermediary for communication” with him.⁴⁴ Rasputin periodically visited Khvostov or Beletsky at their offices, which did not suit them at all, as they sought to conceal their friendship with the “starets.”⁴⁵

By 1916, the relations between Andronikov and Rasputin had severely deteriorated. Khvostov attached “Beletsky, Komissarov and Madame Chervinskaya” to keep an eye on Rasputin.⁴⁶ Later he also assured the Extraordinary Investigatory Commission that when he saw Rasputin in person at Andronikov’s place and at the safe house, they “eyed each other, as if deciding ‘who would be eaten by whom,’ any direct interactions did not develop, and even conversations were strained.”⁴⁷

From the very beginning, there were many contradictions between the main participants in the salon of Prince Andronikov, namely between the prince himself, Rasputin, Beletsky, and Khvostov. Their alliance was far from very strong, and developed into an open confrontation between the “starets” and Prince Andronikov later.⁴⁸

The reason for such a change in M. Andronikov’s attitude towards Rasputin in the first place was the fact that the “starets” did not want to participate in the so-called commercial enterprises (financial scams) of the Prince. Nor did Rasputin become involved in any of Andronikov’s intrigues against Minister of War V. Sukhomlinov and other officials.⁴⁹

⁴¹ V. Rudnev, “The Truth About the Royal Family and the ‘Dark Forces’” [in Russian], in A.V. Kochetov, comp., *The Holy Devil. The Mystery of Grigori Rasputin. Memoires. Documents. Materials of the Investigatory Commission* (Moscow: Knizhnaya Palata, 1990), 289.

⁴² Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 222.

⁴³ Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 218–19.

⁴⁴ S.P. Beletskii, “Grigori Rasputin” [in Russian], in V. Kryukov, comp., *Grigori Rasputin: A Collection of Historical Materials* (Moscow: Terra, Knizhnaya lavka – RTR, 1997), vol. 1, 153.

⁴⁵ Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 221.

⁴⁶ “Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii” [Materials of the Extraordinary investigatory Commission]. F. 654, op. 5, d. 20, l. 4 ob. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the RAS] (RO IRLI), St Petersburg, Russia.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ S.P. Beletskii, *Grigori Rasputin (from the Notes)* [in Russian] (Petrograd: Byloe, 1922), 74.

⁴⁹ A.V. Evdokimov, “The Role of Prince M.M. Andronikov in the Sukhomlinov Case” [in Russian], in *The 19th Nizhny Novgorod Session of Young Scientists (Nizhny Novgorod,*

One way or another, the salon of Prince Andronikov, who initially supported Rasputin, later changed its attitude towards him, apparently due to the unwillingness of the “starets” to take part in scams and be involved in political struggle.

The salon of P. Badmaev. Rasputin was well acquainted with doctor Pyotr Aleksandrovich Badmaev,⁵⁰ an expert in Tibetan medicine and organizer of a right-wing monarchist circle, which is commonly believed to have a certain influence at the court of the Emperor.

Pyotr Aleksandrovich Badmaev

Source: People. Biographies, stories, facts, photos,
https://www.peoples.ru/state/statesmen/petr_badmaev/

“Morozovskii,” *October 21–24, 2014*). *The Session Dedicated to the 300th Anniversary of the Founding of Nizhny Novgorod Governorate: Papers*, ed. I.A. Zvereva (Knyaginino: Tipografiya NGIEI, 2014), 199.

⁵⁰ The documents related to the activities of G. Rasputin that were extracted from the personal collection of P.A. Badmaev (F. 713, op. 1. GARF) were described by Tyumen researcher A. Chernyshev. See A.V. Chernyshev, “Grigori Rasputin: A Legend Person, Reality and Fiction” [in Russian], in *Religion and Church in Siberia: Collected Scientific Articles and Documentary Materials*, iss. 11 (Tyumen: RUTRA, 1998), 102.

The investigators of the Extraordinary Investigatory Commission unconditionally put the Tibetan doctor on the list of Rasputin's supporters.⁵¹ Initially Badmaev spoke quite brusquely about the activities of the "starets."⁵² In his memoir *An Empire's Collapse*, M. Rodzyanko claimed that at one time, together with A. Guchkov and others, P. Badmaev helped him to collect information about the activities of Rasputin for the purpose of subsequent reporting to the Tsar.⁵³ In particular, through Iliodor, who took letters from the Empress and the Tsar's daughters to Rasputin, the copies of the letters got to P. Badmaev, and then to his patient A. Protopopov. Protopopov, in his turn, familiarized A. Guchkov and M. Rodzianko, his colleagues in the Octobrist faction, with the contents of the letters.⁵⁴

However, by 1916 (and even earlier) Badmaev had begun to actively use the "starets" for his political purposes. According to the documents (secret registration) of the security department, in the period from October 1914 to December 1916 Rasputin visited the Tibetan doctor 19 times. Badmaev visited Rasputin 34 times during the same period.⁵⁵

According to General A. Spiridovich, the expert in Tibetan medicine promoted his friend and patient A. Protopopov to the post of Minister of Internal Affairs through G. Rasputin and A. Vyubova. Following the suggestion of Badmaev, Protopopov began to see Rasputin often, flattered him, "acted as a man who believed in his holiness."⁵⁶ Later, when in November 1916 there were talks of a possible resignation of Protopopov, according to the memories of A.I. Spiridovich, doctor Badmaev made every effort to pressure Rasputin and Vyubova in order to prevent that resignation.⁵⁷ As a result, Protopopov retained his post of Minister of Internal Affairs. In December 1916, shortly before the assassination of Rasputin, rumors of an anti-monarchist plot began to spread in Petrograd, and Doctor Badmaev resumed long conversations with the "starets," trying to make him "warn the Tsarina about everything."⁵⁸

⁵¹ "Perepiska ob obyskakh. Spiski lits, arestovannykh i soderzhashchikhsya pod strazhei, poseshchavshikh Rasputina, predannykh tsarskomu pravitel'stvu i politseiskomu rezhimu" [Correspondence about searches. Lists of the arrested persons and those held in custody, loyal to the tsarist government and police regime, who visited Rasputin]. F. 1467, op. 1, d. 13, ll. 38, 41. GARF.

⁵² "From the Editor" [in Russian], in P.A. Badmaev, *Behind the Curtain of Tsarism. Reminiscences. Memoirs*, ed. Yu.G. Khatskevich (Minsk, Moskva: Kharvest, 2001), 6.

⁵³ M.V. Rodzyanko, "An Empire's Collapse" [in Russian], *Archive of the Russian Revolution Published by I.V. Gessen* (Berlin, 1926), vol. 17, 40.

⁵⁴ Kotsyubinskii, and Kotsyubinskii, *Grigori Rasputin, Covert and Manifest*, 141–42; "Boris Nikolsky and Grigori Rasputin" [in Russian], *Krasnyi arkhiv*, vol. 1 (68) (1935): 160.

⁵⁵ O.A. Platonov, *Life for the Tsar (Truth about Grigori Rasputin)* [in Russian] (St Petersburg: Voskresenie, 1996), 150.

⁵⁶ Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 353.

⁵⁷ Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 397.

⁵⁸ Spiridovich, *The Great War and the February Revolution*, 411.

There is much evidence of Rasputin's participation in the activities of the Badmaev's circle. For example, this fact was directly pointed out by A. Protopopov in his note to the Extraordinary Investigatory Commission as of August 24, 1917. The note indicated that on October 15, 1916, he went to the Tibetan doctor, where P. Kurlov and G. Rasputin were already present. Protopopov asked the "starets" to speed up the transfer of food affairs from the Ministry of Agriculture to the Ministry of Internal Affairs.⁵⁹ Rasputin promised to help and sent a telegram to the Headquarters.⁶⁰

The circle of P. Badmaev developed a scheme according to which Rasputin was a link between the Tibetan doctor and Empress Alexandra Feodorovna as well as A. Vyubova. According to that scheme, Alexandra Feodorovna and A. Vyubova were to transmit the ideas of Badmaev's circle to Nicholas II.⁶¹ That was how the circle fought against Prime Minister A. Trepov in November 1916.⁶² The extant letters of the Tibetan doctor to the royal couple and to A. Vyubova contain positive characteristics of the Siberian "starets" and requests to protect him from the attacks of A. Khvostov and S. Beletsky.⁶³ It is generally believed that the circles of P. Badmaev and Master of the Horse N. Burdukov influenced the Tsar through Rasputin in the appointment of A. Protopopov as Minister of Internal Affairs on September 16, 1916.⁶⁴ In his testimony to the Extraordinary Investigative Commission, the last tsarist Minister of the Interior himself adhered to that point.⁶⁵ Nevertheless, direct evidence of the appointment of A. Protopopov minister exclusively at the suggestion of the circle of P. Badmaev and Rasputin has not been found so far. Perhaps there were other reasons facilitated that appointment.

Thus, the circle of P. Badmaev initially had a negative attitude towards the activities of the Siberian "starets," but gradually changed its position. The circle members began to invite Rasputin to the meetings of the circle and tried to influence the personnel policy of the Emperor through Rasputin. However, direct evidence of that political influence have not been found.

⁵⁹ "Stenograficheskiy otchet doprosa Protopopova Aleksandra Dmitrievicha 21 marta i 14 aprelya 1917 g." [Verbatim report of the interrogation of Alexander Dmitrievich Protopopov on March 21 and April 14, 1917]. F. 654, op. 5, d. 65, l. 66. RO IRLI.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ V.P. Semennikov, "The Tibetan Doctor and the Russian Monarchy" [in Russian], in *Behind the Curtain of Tsarism (Papers of Tibetan Doctor Badmaev)* (Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925), 9.

⁶² "Pokazaniya A.D. Protopopova" [Testimony of A.D. Protopopov]. F. 1467, op. 1, d. 886, l. 33. GARF.

⁶³ Badmaev, *Behind the Curtain of Tsarism*, 28, 30, 41–42.

⁶⁴ A.Ya. Avrekh, *Tsarism on the Eve of the Overthrow* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1989), 137, 139.

⁶⁵ "Pokazaniya A.D. Protopopova" [Testimony of A.D. Protopopov]. F. 1467, op. 1, d. 885, l. 14. GARF.

The circle of N. Burdukov. Master of the Horse Nikolai Fedorovich Burdukov established his own right-wing circle immediately after the death of his adoptive father Prince V. Meshchersky. According to Soviet historian V.P. Semennikov,⁶⁶ the activities of the circle were associated with a number of financial scams. The historian made an assumption that the circle used Rasputin for its own selfish purposes, and the “starets” was allegedly almost a blind executor of Burdukov’s and Andronikov’s will. Semennikov believed that those individuals had a direct influence on the policy of Nicholas II through Rasputin.⁶⁷ At the same time, the researcher did not attach any importance to the fact that the relations between Andronikov and Burdukov were very strained, to put it mildly. In fact, they hated each other and could hardly be jointly engaged in any financial scams (although each of them was engaged in various financial scams of his own).

According to the testimony of the former Minister of the Interior A. Khvostov, Burdukov was visited by Rasputin (the investigators of the Extraordinary Commission listed Burdukov among Rasputin’s supporters),⁶⁸ N. Sablin, and K. Nilov. Khvostov also assumed, because he did not reliably remember, that V. Sukhomlinov and I. Manasevich-Manuilov also visited Burdukov.⁶⁹ K. Nilov’s systematic visits to N. Burdukov were confirmed by the latter in his memoirs.⁷⁰

The memoirs of N. Burdukov also confirm the relations between Burdukov and Rasputin.⁷¹ It is generally believed that thanks to the Tsar’s favorite adjutants N. Sablin and K. Nilov, the members of the salon were always aware of everything

⁶⁶ “Rasputin i germanskaya agentura. Sed'maya glava knigi Vladimira Petrovicha Semennikova “Rasputiniada”. Mashinopisnyi tekst (nepolnyi) i chernovik. Avtograf. [1928]” [Rasputin and the German secret agents. Chapter 7 of the book by Vladimir Petrovich Semennikov *Rasputiniad*. Typewritten text (incomplete) and the draft. Autograph. [1928]. F. 691, op. 1, d. 7, ll. 7, 8, 14, 20, 30, 31, 34. RGIA

⁶⁷ Ibid, l. 8.

⁶⁸ “Perepiska ob obyskakh. Spiski lits, arestovannykh i soderzhashchikhsya pod strazhei, poseshchavshikh Rasputina, predannykh tsarskomu pravitel'stvu i politseiskomu rezhimu” [Correspondence about searches. Lists of the arrested persons and those held in custody, loyal to the tsarist government and police regime, who visited Rasputin]. F. 1467, op. 1, d. 13, l. 38. GARF.

⁶⁹ “Interrogation of A.N. Khvostov” [in Russian], in *The Fall of the Tsarist Regime. Verbatim Reports of Interrogations and Testimonies Given in 1917 to the Extraordinary Investigatory Commission of the Provisional Government*, ed. P.E. Shchegolev, vol. 1, *Interrogations of: A.N. Khvostov, E.K. Klimovich, A.D. Protopopov, S.S. Khabalov, A.T. Vasiliev, B.V. Shtyurmer, V.L. Burtsev, A.N. Naumov, Prince M.M. Andronikov*, ed. P.E. Schegolev (Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925), 16, 18.

⁷⁰ N. Burdukov-Studenskoi, “Echoes of Past Experience (Chapter ‘Petersburg Meetings’)” [in Russian], *Illyustrirovannaya Rossiya*, no. 23 (735) (1939): 15.

⁷¹ N. Burdukov-Studenskoi, “Echoes of Past Experience” [in Russian], *Illyustrirovannaya Rossiya*, no. 22 (732) (1939): 13–14.

what was going on in Tsarskoye Selo.⁷² According to A. Khvostov, Foreign Minister S. Sazonov was also connected to that right-wing circle and influenced Rasputin.⁷³ The former Head of the Ministry of Internal Affairs noted that Burdukov's circle was also attended by some financial workers, such as I. Manus, yet another swindler, "a very rich man," and owner of the Russian Transport Society, which had German money involved, and other joint-stock companies.

During one of the interrogations, Khvostov testified that Burdukov was repeatedly visited by Rasputin, who received "different instructions on various cases"⁷⁴ from him. The last Minister of Internal Affairs A. Protopopov also confirmed the existence of relations between Burdukov and Rasputin but did not explain their exact nature.⁷⁵

Despite the reliability of information that N. Burdukov knew Rasputin and tried to implement the circle's "projects" through him, there is not a single fact (except for the appointment of A. Protopopov Minister of Internal Affairs considered above) to indicate that those "cases" had any actual success. As for the appointment of Protopopov, as we have already pointed out, the interests of various political forces and court circles converged here.

Conclusion

Contrary to widespread beliefs, the relations between the organizers and members of the right-wing monarchist circles and salons and Rasputin were far from peaceful. Over time, those relations underwent significant changes. This primarily concerns the salon of Prince Andronikov. Initially good relations with Rasputin in that salon deteriorated over time and even turned into an open confrontation. In our opinion, the reason for those changes should be seen mainly in the unwillingness of Rasputin to submit to the will of other people and be "used" by political intriguers for their selfish purposes.

No real proof that salons and circles tried to use Rasputin to influence the Emperor's policy has been found in the available sources. Meanwhile, numerous articles and news items in the liberal and leftist periodicals of the pre-revolutionary time contained abundant allegations that Rasputin apparently gave the "tsars" various

⁷² Fülöp-Miller, *The Holy Devil*, 73.

⁷³ "Interrogation of A.N. Khvostov" [in Russian], *The Fall of the Tsarist Regime*, vol. 1, 20; "Stenograficheskii otchet pervogo doprosa Khvostova Alekseya Nikolaevicha 18 marta 1917 g. v zdanii Senata" [Verbatim report of the first interrogation of Aleksei Nikolaevich Khvostov on 18 March 1917 in the Senate Building]. F. 654, op. 5, d. 72, l. 12 ob. RO IRLI.

⁷⁴ "Interrogation of A.N. Khvostov," *The Fall of the Tsarist Regime*, vol. 1, 17.

⁷⁵ "Stenograficheskii otchet (nepроверенnyi) pervogo doprosa Protopopova A.D. 21 marta 1917 g. v Petropavlovskoi kreposti" [Verbatim report (unverified) of the first interrogation of A.D. Protopopov on 21 March 1917 in the Peter and Paul Fortress]. F. 654, op. 5, d. 65, l. 48 ob. RO IRLI.

instructions at the suggestion of P. Badmaev, M. Andronikov, and other heads of salons and circles. That was a way to convince the public that Rasputin and the so-called camarilla were absolute evil that had taken possession of the minds of the Emperor and the Empress, making Nicholas II incapable of making any political decisions on his own. In doing that, the periodicals not only prepares the psychological ground for the assassination of Rasputin but also discredited the monarchical idea itself.

Список литературы

- Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. Москва: Наука, 1989. 256 с.
- Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном: в 22 т. Берлин, 1925. Т. 16. 290 с.
- Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары / под редакцией Ю.Г. Хацкевича. Минск, Москва: Харвест, 2001. 208 с.
- Белецкий С.П.* Григорий Распутин (из записок). Петроград: Былое, 1923. 101 с.
- Бурдуков-Студенской Н.* Отклики пережитого // Иллюстрированная Россия. Париж, 1939. № 22 (732). С. 13–14; № 23 (733). С. 14–15; № 25 (735). С. 14.
- Гайда Ф.А.* «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90. <https://doi.org/10.31857/S086956870008272-0>
- Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: Сборник научных и учебно-методических трудов / под редакцией А.Б. Николаева и др. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. 412 с.
- Григорий Распутин: Сборник исторических материалов: в 4 т. / составитель В. Крюков. Москва: Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. 544 с.
- Друзин М.В.* Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101. <https://doi.org/10.31857/S086956870008275-3>
- Евдокимов А.В.* Роль князя М.М. Андроникова в «деле Сухомлинова» // XIX Нижегородская сессия молодых ученых (Нижний Новгород, «Морозовский», 21–24 октября 2014 г.). Сессия посвящена 300-летию со дня основания Нижегородской губернии: доклады / под редакцией И.А. Зверевой. Княгинино: Типография НГИЭИ, 2014. С. 198–200.
- Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. Москва: Просвещение, 1975. 160 с.
- За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева) / под редакцией В.П. Семенникова. Ленинград: Государственное издательство, 1925. 175 с.
- Котов А.Э.* «Ненадежный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107–114. <https://doi.org/10.31857/S086956870008278-6>
- Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А.* Григорий Распутин: тайный и явный. Санкт-Петербург, Москва: Лимбус-пресс, 2003. 480 с.
- Коцюбинский Д.А.* Делегитимация императорской власти в контексте формирования антираспутинской фронды и освещение на страницах российской прессы думских дебатов вокруг «старца» (1909–1916 гг.) // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.): сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. Ч. 2. С. 48–63.

Коцюбинский Д.А. Фактор Григория Распутина и кризис легитимности самодержавной власти в России в межреволюционные годы (1909–1916) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: Сборник научных и учебно-методических трудов / под редакцией А.Б. Николаева и др. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. С. 226–256.

Леонов М.М. Российские салоны второй половины XIX – начала XX веков: патронат и протектирование. Самара: Самарский муниципальный институт управления, 2010. 142 с.

Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.31857/S086956870008277-5>

Мещерский В.П. Дневники. Четверг, 13 октября // Гражданин. 1911. № 40. 16 октября. С. 7.
Николай Второй. Воспоминания. Дневники / под редакцией Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1994. 560 с.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / перевод с французского Д. Протопопова и Ф. Ге. Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. 314 с.

Последний временщик последнего царя: материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства о Распутине и разложении самодержавия / публикация А.Л. Сидорова // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 117–135.

Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии / составитель А.В. Кочетов. Москва: Книжная палата, 1990. 320 с.

Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. 719 с.

Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 3–36.

Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. 312 с.

Стогов Д.И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917). Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 253 с.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / составитель М.Б. Смолин. Москва: Издательство журнала «Москва», 2000. 720 с.

Фомин С.В. «Боже, храни Своих!» Москва: Форум, 2009. 733 с.

Фюлен-Миллер Р. Святой дьявол. Распутин и женщины / перевод с немецкого У.В. Смеловской. Санкт-Петербург: Печатный двор, 1994. 271 с.

Чернышев А.В. Григорий Распутин: человек-легенда, реальность и вымысел // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 11. Тюмень: РУТРА, 1998. С. 134–136.

Шруба М. К типологии литературных объединений дореволюционной России // Рема. 2020. № 4. С. 23–48. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2020-4-23-48>

Akifumi S. Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century) / edited by P. Sartori. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 111–136.

Fuller W.C. Jr. The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 286 p.

Smith D. Grigory Rasputin and the Outbreak of the First World War: June 1914 // Was Revolution Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution / edited by T. Brenton. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 48–65.

Smith D. Rasputin: Faith, Power, and the Twilight of the Romanovs. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 817 p.

References

- Akifumi, S. “Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914.” In *Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century)*, edited by P. Sartori, 111–36. Leiden, Boston: Brill, 2013.
- Arkhiv russkoi revolyutsii, izdavaemyi I.V. Gessenom: v 22 t.* [Archive of the Russian Revolution published by I.V. Gessen]. 22 vols. Vol. 16. Berlin, 1925. (In Russian)
- Avrekh, A.Ya. *Tsarizm nakanune sverzheniya* [Tsarism on the eve of the overthrow]. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
- Badmaev, P.A. *Za kulisami tsarizma. Vospominaniya. Memuary* [Behind the Curtain of Tsarism. Reminiscences. Memoirs], edited by Yu.G. Khatskevich. Minsk, Moskva: Kharvest, 2001. (In Russian)
- Beletskii, S.P. *Grigorii Rasputin (iz zapisok)* [Grigori Rasputin (from the notes)]. Petrograd: Byloe, 1923). (In Russian)
- Burdukov-Studenskoi, N. “Otkliki perezhitogo” [Echoes of the past experience]. *Illyustrirovannaya Rossiya*, no. 22 (732) (1939): 13–14; no. 23 (733) (1939): 14–15; no. 25 (735) (1939): 14. (In Russian)
- Chernyshev, A.V. “Grigorii Rasputin: chelovek-legenda, real'nost' i vymysel” [Grigori Rasputin: a legend person, reality and fiction]. In *Religiya i tserkov' v Sibiri: sbornik nauchnykh statei i dokumental'nykh materialov* [Religion and church in Siberia: collected scientific articles and documentary materials], iss. 11, 134–36. Tyumen: RUTRA, 1998. (In Russian)
- Druzin, M.V. “E.V. Bogdanovich: obshchestvennyi deyatel' poreformennogo vremeni” [E.V. Bogdanovich: public figure of the post-reform period]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 91–101, <https://doi.org/10.31857/S086956870008275-3> (In Russian)
- Eroshkin, N.P. *Samoderzhavie nakanune krakha* [Autocracy on the eve of collapse]. Moscow: Prosveshchenie, 1975. (In Russian)
- Evdokimov, A.V. “Rol' knyazya M.M. Andronikova v ‘dele Sukhomlinova’” [The Role of Prince M.M. Andronikov in the Sukhomlinov case]. In *XIX Nizhegorodskaya sessiya molodykh uchenykh (Nizhnii Novgorod, “Morozovskii”, 21–24 oktyabrya 2014 g.). Sessiya posvyashchena 300-letiyu so dnya osnovaniya Nizhegorodskoi gubernii: doklady* [The 19th Nizhny Novgorod Session of Young Scientists (Nizhny Novgorod, “Morozovskii,” October 21–24, 2014). The Session dedicated to the 300th anniversary of the founding of Nizhny Novgorod Governorate: papers], edited by I.A. Zvereva, 198–200. Knyaginino: Tipografiya NGIEI, 2014. (In Russian)
- Fomin, S.V. “Bozhe, khрани Svoikh!” [“God, save your people!”]. Moscow: Forum, 2009. (In Russian)
- Fuller, W.C. Jr. *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.
- Fülöp-Miller, R. *Svyatoi d'yavol. Rasputin i zhenshchiny* [The holy devil. Rasputin and women], translated from German U.V. Smelovskaya. St Petersburg: Pechatnyi dvor, 1994. (In Russian)
- Gaida, F.A. “‘Kabinet’ knyazya N.D. Golitsyna i poiski politicheskogo kursa zimoi 1916–1917 gg.” [‘Cabinet’ of Prince N.D. Golitsyn and the search for a political course in the winter of 1916–1917]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 75–90, <https://doi.org/10.31857/S086956870008272-0> (In Russian)
- Gertsenovskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy russkoi istorii: Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov* [Herzen Readings 2020. Topical issues of Russian history: a collection of

scholarly and teacher resource articles], edited by A.B. Nikolaev et al. St Petersburg: Asterion, 2021. (In Russian)

Kochetov, A.V., comp. *Svyatoi chert. Taina Grigoriya Rasputina. Vospominaniya. Dokumenty. Materialy sledstvennoi komissii* [The holy devil. The mystery of Grigori Rasputin. Memoirs. Documents. Materials of the investigatory commission]. Moscow: Knizhnaya palata, 1990. (In Russian)

Kotov, A.E. “‘Nenadezhnyi drug’: A.S. Suvorin i salon Bogdanovichei v kontse XIX v. [‘Unreliable Friend’: A.S. Suvorin and the Bogdanovich salon at the end of the 19th century]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 107–14, <https://doi.org/10.31857/S086956870008278-6> (In Russian).

Kotsyubinskii, A.P., and D.A. Kotsyubinskii. *Grigorii Rasputin: tainyi i yavnyi* [Grigori Rasputin, covert and manifest]. St Petersburg, Moscow: Limbus-press, 2003. (In Russian)

Kotsyubinskii, D.A. “Delegitimatsiya imperatorskoi vlasti v kontekste formirovaniya antirasputinskoi frondy i osveshchenie na stranitsakh rossiiskoi pressy dumskikh debatov vokrug ‘startsa’ (1909–1916 gg.)” [Delegitimization of imperial power in the context of anti-Rasputin opposition formation and the coverage of the Duma debates about the ‘starets’ (1909–1916)]. In *Tavrisheskie chteniya 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sankt-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 9–10 dekabrya 2021 g.): sbornik nauchnykh statei* [Tauride Readings 2021. Current problems of parliamentarism: history and modernity. International scientific conference (St Petersburg, the Tauride Palace, December 9–10, 2021): Collected scientific papers], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 2, 48–63. St Petersburg: Asterion, 2022. (In Russian)

Kotsyubinskii, D.A. “Faktor Grigoriya Rasputina i krizis legitimnosti samodержavnoi vlasti v Rossii v mezhrevolyutsionnye gody (1909–1916)” [The factor of Grigori Rasputin and the crisis of legitimacy of autocratic power in Russia during the inter-revolutionary years (1909–1916)]. In *Gertsenovskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy russkoi istorii: Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov* [Herzen Readings 2020. Topical issues of Russian history: a collection of scholarly and teacher resource articles], edited by A.B. Nikolaev et al., 226–56. St Petersburg: Asterion, 2021. (In Russian)

Kryukov, V., comp. *Grigorii Rasputin: Sbornik istoricheskikh materialov* [Grigori Rasputin: a collection of historical materials]. 4 vols. Vol. 1. Moscow: Terra, Knizhnaya lavka – RTR, 1997. (In Russian)

Leonov, M.M. *Rossiiskie salony vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov: patronat i protezhirovaniye* [Russian salons of the second half of the 19th – beginning of the 20th century: patronage and favouritism]. Samara: Samarskii munitsipal'nyi institut upravleniya, 2010. (In Russian)

Mamonov, A.V. “Graf M.T. Loris-Melikov i salon Bogdanovichei” [Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 1 (2020): 101–07, <https://doi.org/10.31857/S086956870008277-5> (In Russian)

Meshcherskii, V.P. “Dnevnik. Chetverg, 13 oktyabrya” [Diaries. Thursday, October 13]. *Grazhdanin*, no. 40, October 16, 1911, 7. (In Russian)

Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II. Memoirs. Diaries], edited by B.V. Anan'ich, and R.Sh. Ganelin. St Petersburg: Pushkinskii fond, 1994. (In Russian)

Paléologue, M. *Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoi voiny* [Tsarist Russia during the Great War], translated from French by D. Protopopov, and F. Ge. Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. (In Russian)

“Poslednii vremenshchik poslednego tsarya: materialy Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo Pravitel'stva o Rasputine i razlozhenii samoderzhaviya” [The last favourite of the last tsar: materials of the Extraordinary Investigatory Commission of the Provisional Government on Rasputin and the decay of autocracy], published by A.L. Sidorov. *Voprosy istorii*, no. 10 (1964): 117–35. (In Russian)

Schruba, M. “K tipologii literaturnykh ob"edinenii dorevolyutsionnoi Rossii” [Towards a typology of literary associations in pre-revolutionary Russia]. *Rhema*, no. 4 (2020): 23–48, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2020-4-23-48> (In Russian)

Semennikov, V.P., ed. *Za kulisami tsarizma (arkhiv tibetskogo vracha Badmaeva)* [Behind the curtain of tsarism (papers of Tibetan doctor Badmaev)]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. (In Russian)

Smith, D. “Grigory Rasputin and the Outbreak of the First World War: June 1914.” In *Was Revolution Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution*, edited by T. Brenton, 48–65. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Smith, D. *Rasputin: Faith, Power, and the Twilight of the Romanovs*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016.

Spiridovich, A.I. “Okhrana i antisemitizm v dorevolyutsionnoi Rossii” [Security and anti-Semitism in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*, no. 8 (2003): 3–36. (In Russian)

Spiridovich, A.I. *Velikaya voina i fevral'skaya revolyutsiya (1914–1917)* [The Great War and the February Revolution (1914–1917)]. Minsk: Kharvest, 2004. (In Russian)

Stogov, D.I. *Pravomonarkhicheskie salony Peterburga-Petrograda (konets XIX – nachalo XX veka)* [Right-wing monarchic salons of Petersburg-Petrograd (late 19th – early 20th century)]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2007. (In Russian)

Stogov, D.I. *Pravye kruzhki Petrograda v predrevolyutsionnoi politicheskoi bor'be (iyul' 1914 – fevral' 1917)* [Right-wing circles of Petrograd in the pre-revolutionary political struggle (July 1914 – February 1917)]. St Petersburg: Izdatel'stvo SPbGETU “LETI”, 2020. (In Russian)

Tikhomirov, L.A. *Teni proshlogo. Vospominaniya* [Shadows of the past. Memoirs], compiled by M.B. Smolin. Moscow: Izdatel'stvo zhurnala “Moskva”, 2000. (In Russian)

Информация об авторе

Дмитрий Игоревич Стогов – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>, bel-grigorij@yandex.ru, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (д. 5, литера Ф, ул. Профессора Попова, 197022 Санкт-Петербург, Россия).

Dmitrii I. Stogov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>, bel-grigorij@yandex.ru, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI” (5, litera F, ul. Professora Popova, 197022 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 28.04.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 28.04.2023.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 247–291.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 247–91.

Научная статья

УДК-94(100)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-7>

EDN ХКНИQJ

Дело «Амистад»

Андрей Андреевич Шумаков

Тульский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова,
Тула, Россия,
takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Andrei A. Shumakov

Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
Tula, Russia,
takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Аннотация. Данная работа отражает результаты изучения одного из важнейших эпизодов в истории американского рабства и аболиционизма – дела «Соединенные Штаты против “Амистад”» 1839–1841 гг. История о восстании рабов на одноименном испанском судне буквально захватила американское общество, став предметом одного из самых длительных и резонансных судебных разбирательств. В этот процесс оказались вовлечены виднейшие представители американского аболиционистского движения и политического истеблишмента, включая бывшего и действующего президентов США, испанского консула, министра иностранных дел Великобритании и многих других. Итоговое же решение Верховного суда создало важнейший прецедент в американском праве, став еще одной ступенью в деле освобождения рабов. Указанная тема довольно хорошо освещена в англо-американской историографии, особенно в работах специалистов по направлению «афроамериканская история» (Black History), в то время как отечественные исследователи никогда не уделяли ей должного внимания. Представленная работа призвана восполнить данный пробел. Она опирается на широкую источниковую базу, основу которой составляют материалы судебного производства, многочисленные отчеты и журналистские публикации, а также на англо-американские исследования. Автор восстанавливает картину событий восстания и последующего судебного разбирательства, акцентируя внимание на выявлении каузальных связей и характеристике основных этапов развития событий 1839–1841 гг. В последней части им разъясняются последствия и значение дела «Амистад» в афроамериканской и американской истории.

© Шумаков А.А., 2024

© Shumakov A., 2024

Ключевые слова: дело «Амистад», дело «Соединенные Штаты против “Амистад”», Джозеф Синке, Джон Куинси Адамс, Роджер Болдуин, Мартин Ван Бюрен, аболиционизм, рабство, работорговля, афроамериканская история (Black History)

Для цитирования: Шумаков А.А. Дело «Амистад» // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 247–291, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-7>

The Amistad case

Abstract. This article is devoted to the study of one of the most significant episodes in the history of American slavery and abolitionism – the United States v. the Amistad case of 1839–41. The story of the slave uprising on the Spanish ship of the same name literally captured American society and became the subject of one of the longest and most resonant court proceedings. The most prominent representatives of American abolitionist movement and political establishment were involved in this process, including former and current US presidents, the Spanish Consul, the British Foreign Minister, and many others. The final verdict of the Supreme Court created the most important precedent in American law, marking another milestone in the cause of emancipation. This topic is quite well covered in Anglo-American historiography, especially among specialists in the field of African American history (Black History), while Soviet and Russian researchers have almost never paid proper attention to it. The present work is meant to fill this gap. The study is built on a broad source base, which includes the materials of judicial proceedings, numerous reports and journalistic publications as well as on available Anglo-American research studies. The author reconstructs the picture of the events of the Amistad mutiny and the subsequent trial, focusing on the identification of causal connections and the characteristics of the main stages of the 1839–41 events. In the last part of the article, the author reflects on the consequences and significance of the Amistad case in African-American and American history.

Keywords: Amistad case, United States v. the Amistad, Joseph Cinque, John Quincy Adams, Martin Van Buren, Roger Baldwin, abolitionism, slavery, slave trade, African American history (Black History)

For citation: Shumakov, A.A. “The Amistad Case.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 247–91, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-7>

Введение

Судебное разбирательство по делу «США против “Амистад”», длившееся с сентября 1839 по март 1841 г., в англо-американской историографии принято рассматривать как одну из ключевых вех в истории американского аболиционизма. В первую очередь это связано с тем, что данное дело наглядно продемонстрировало определенные позитивные тенденции в изменении общественного мнения в отношении рабства. В частности, сами ход и продолжительность процесса по указанному делу показали, насколько укрепились позиции противников данного явления в американском социуме.

Говоря о значимости рассматриваемого события, необходимо отметить, что общественный резонанс, вызванный публичным слушанием дела «Амистад», на тот момент являлся поистине беспрецедентным. Его можно сравнить разве что с более поздними делами Дреда Скотта (1846–1857), Селии (1855) и Джона Брауна (1859). Вот только в отличие от перечисленных исход судебного разбирательства

по делу «Амистад» трактуется как однозначная победа американского аболиционизма, создавшая крайне важный прецедент в судебной практике и послужившая делу освобождения. И пусть впереди предстояло еще почти четверть века ожесточенной борьбы за полную и окончательную отмену рабства, дело «Соединенные Штаты против “Амистад”», несомненно, стало одним из переломных моментов в американской и афроамериканской истории.

Указанное событие оставило глубокий след в англо-американской культуре. На протяжении долгих 19 месяцев общественность Соединенных Штатов с неослабевающим интересом следила за перипетиями судебных баталий, отчеты о которых регулярно появлялись на страницах ведущих изданий. Рассказы о бунте на рабовладельческом корабле и изображения черных повстанцев, особенно их лидера Сенгбе Пье, более известного как Джозеф Синке, пользовались огромной популярностью, а сама история обрастала невероятным количеством явно вымышленных деталей. Даже после окончания судебного разбирательства и возвращения чернокожих пленников в Сьерра-Леоне американское общество еще долго лихорадило от продолжавшейся дискуссии по вопросу допустимости рабства. Лишь в начале 1850-х гг. дело «Амистад» уступило место новым аболиционистским сюжетам.

Повторный всплеск интереса к указанным событиям наблюдался уже в середине 1960-х гг. Он был вызван небывалым подъемом протестного движения в США, одним из главных направлений которого, как известно, являлась борьба за права чернокожих. Именно в это время – в 1966 г. – при Департаменте расовых отношений в Нэшвилле, штат Теннесси был создан специализированный Исследовательский центр «Амистад», чьей основной задачей значилось изучение афроамериканской истории¹. Спустя три года он переехал в Новый Орлеан. Данный институт и по сей день остается ведущим центром изучения американского рабства и афроамериканской истории.

В конце 1990-х гг. тема бунта рабов на шхуне «Амистад» и последующего судебного разбирательства вновь обрела актуальность. На сей раз она была связана с выходом в 1997 г. одноименного фильма Стивена Спилберга. Лента была тепло принята критиками, хотя и вызвала крайне неоднозначную реакцию академического сообщества², спровоцировав очередное обострение дискуссии по данному вопросу.

Отметим, что, несмотря на периодический всплеск интереса, отношение к делу «Амистад» на протяжении последнего столетия в американском обществе практически не менялось, а споры историков касались в основном отдельных

¹ About // Amistad Research Center. URL: <https://www.amistadresearchcenter.org/about> (дата обращения: 15.02.2023).

² Foner E. The Amistad Case in Fact and Film // History Matters. URL: <https://historymatters.gmu.edu/d/74> (дата обращения: 15.02.2023).

нюансов и не затрагивали каких-либо концептуальных моментов интерпретации или восприятия указанного события. Так, например, профессор Кельнского университета Михаэль Цайски (M. Zeuske) на основе изучения новых документов предположил, что пленники «Амистада» могли быть доставлены на Кубу на американском судне «Хью Бойл» капитаном Джоном Брауном, а история с португальской шхуной «Текора» на самом деле являлась не более чем прикрытием, чтобы отвести подозрения³.

В наши дни дело «Амистад» по-прежнему остается одной из самых популярных тем изучения и обсуждения для исследователей афроамериканской истории. Можно даже сказать, что в последние годы в англо-американской академической среде фиксируется усиление внимания к резонансному процессу 1839–1841 гг., происходящее на фоне очередного роста протестной активности движения за права афроамериканского населения.

Любопытно, что в нашей стране интерес к указанным событиям впервые начал проявляться как раз после выхода упомянутой кинокартины С. Спилберга. Однако тема восстания на шхуне «Амистад» и последующего судебного разбирательства в отечественной историографии так и не стала предметом серьезного научного анализа. Более того, первичное знакомство с делом «Амистад» как с художественным сюжетом привело к некоторому перекоосу в изучении данного события. Вместо объективного научного анализа имеющейся источниковой базы большинство авторов сосредоточились исключительно на исследовании влияния упомянутой киноленты⁴, которую некоторые из них восприняли едва ли не как основное пособие по изучению знакового судебного процесса.

Конечно, не только российская историография страдает от мифологизации дела «Амистад», ставшей причиной фактического размывания границ между реальным историческим сюжетом и художественным вымыслом. В англо-американской исторической науке, особенно среди специалистов направления Black history, схожие тенденции наблюдались на протяжении всего периода изучения указанной проблемы. Об этом можно судить на основании качества

³ *Zeuske M. Rethinking the Case of the Schooner Amistad: Contraband and Complicity after 1808/1820 // Slavery & Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies. 2014. Vol. 35, № 1. P. 156–164.*

⁴ *Давыдов Н.В. Свобода: подходы к пониманию (на примере фильма «Амистад») // Философия права и права человека: сборник научных статей / под редакцией О.Н. Томюк. Екатеринбург: Макс-Инфо, 2015. С. 99–101; Михеева Е.А. Эволюция репрезентации афроамериканского населения в американском кинематографе // История и политика в искусстве: материалы III Международной научно-практической конференции для школьников, студентов и аспирантов (Красноярск, 25 апреля 2019 г.) / под редакцией Е.С. Меер. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2019. С. 88–90.*

ряда исследований, где серьезный научный анализ зачастую разбавлялся явно вымышленными художественными деталями без каких-либо ссылок на первоисточник, или наоборот, литературное произведение подавалось как основанное на реальных событиях и использовалось при изучении темы в качестве пособия. Ярчайшим примером подобного подхода является работа Дэвида Пеша (D. Pesci)⁵, которая фигурирует в списках литературы у подавляющего большинства исследователей дела «Амистад».

Тем не менее, несмотря на все нюансы, можно сказать, что в англо-американской историографии данная тема проработана весьма основательно. Что касается серьезных академических исследований, то среди них особо следует выделить монографии Говарда Джонса (H. Jones)⁶, Уильяма Оуэнса (W.A. Owens)⁷, Кристофера Мартина (C. Martin)⁸, Артура Абрахама (A. Abraham)⁹, Маркуса Редикера (M. Rediker)¹⁰.

Основу источниковой базы дела «Амистад» составляют материалы судебного разбирательства и многочисленные журналистские статьи. В 1840 г. вышел отчет братьев Джона и Эдмунда Барберов (E.L. & J.W. Barber)¹¹, обобщивший имевшиеся сведения и ставший одним из ведущих источников по данной теме.

Целью проведенного автором исследования стало воссоздание картины событий 1839–1841 гг., связанных с восстанием на шхуне «Амистад» и последующим судебным разбирательством.

Восстание

28 июня 1839 г. из порта Гаваны вышло испанское судно «Амистад» (*La Amistad* в переводе с испанского означает «дружба». – *А. III.*)¹², построенное на

⁵ Pesci D. *Amistad: The Thunder of Freedom*. Boston, MA: Da Capo Press, 1997.

⁶ Jones H. *Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy*. New York: Oxford University Press, 1987.

⁷ Owens W.A. *Black Mutiny: The Revolt on the Schooner Amistad*. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1997.

⁸ Martin C. *The Amistad Affair*. New York: Tower Publications, 1970.

⁹ Abraham A. *The Amistad Revolt: An Historical Legacy of Sierra Leone and The United States*. Freetown, Sierra Leone: United States Information Service, 1987.

¹⁰ Rediker M. *The Amistad Rebellion: An Atlantic Odyssey of Slavery and Freedom*. New York: Viking, 2012.

¹¹ *A History of the Amistad Captives: Being a Circumstantial Account of the Capture of the Spanish Schooner Amistad, by the Africans on Board; Their Voyage, and Capture Near Long Island, New York; with Biographical Sketches of Each of the Surviving Africans; Also, an Account of the Trials had on Their case, Before the District and Circuit Courts of the United States, for the District of Connecticut / compiled by J.W. Barber*. New Haven, CT: E.L. & J.W. Barber, Hitchcock & Stafford, 1840 // Documenting the American South. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html> (дата обращения: 15.02.2023).

¹² *A History of the Amistad Captives*. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html>

судовой Балтимора и предназначенное в основном для прибрежной торговли¹³ и каботажного мореплавания. М. Цайски на основе проведенного исследования предположил, что шхуна была построена на Кубе – в порту Бахас в Нуэвитасе – с разрешения Главного коменданта военно-морского флота Гаванского порта¹⁴.

Доподлинно известно, что на борту при отправке судна, помимо семи членов команды, находились 53 раба, четверо из которых принадлежали Педро Монтесу, а 49 – его компаньону Хосе Руису. Последний в ходе следствия показал, что судно взяло курс на Гуанаху – порт провинции Пуэрто-Принсипи (ныне – провинция Камагуэй, Куба. – *А. Ш.*)¹⁵. Предполагаемая продолжительность плавания составляла не более четырех суток, за которые судно должно было преодолеть порядка 300 миль, не отдаляясь от береговой зоны более чем на 18–20 миль. Причиной выбора такого маршрута являлись опасения команды по поводу надвигавшегося урагана. Внезапно изменившийся ветер привел к тому, что плавание затянулось, и капитану Рамону Ферреру для того, чтобы нагнать график, пришлось отказаться от высадок на берег для пополнения запасов продовольствия. В связи с этим ежедневный паек рабам пришлось значительно урезать. Теперь он состоял из одного банана, двух картофелин и небольшой чашки воды на человека. Это вызвало ропот среди невольников. Некоторые из них попытались самостоятельно взять больше воды. В ответ капитан приказал выпороть нарушителей на палубе¹⁶.

Примечательно, что двое членов команды – юнга Антонио и кок-мулат Селестино – являлись рабами капитана Р. Феррера. Причем, по словам повстанцев, именно кок спровоцировал восстание. Непосредственно перед бунтом он жестами дал понять рабам, что в Пуэрто-Принсипи их съедят¹⁷. Синке в ходе следствия сообщил следующее: «Повар сказал, что они везут нас в какое-то место, где убьют и съедят» (Здесь и далее перевод наш. – *А. Ш.*). Кинна добавил, что Селестино

показал им «жест смерти», быстро проведя своим ножом у горла, а затем указал на бочки с говядиной, таким образом как бы намекнув Синкесу¹⁸, что его самого и его товарищей следует разделать и засолить, как говядину¹⁹.

¹³ *Rediker M.* The Amistad Rebellion. P. 34.

¹⁴ *Zeuske M.* Rethinking the Case of the Schooner Amistad: Contraband and Complicity after 1808/1820. P. 156.

¹⁵ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 5.

¹⁶ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 24.

¹⁷ A History of the Amistad Captives. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html>

¹⁸ Испанское произношение имени Синке.

¹⁹ *Rediker M.* The Amistad Rebellion. P. 70.

Он также указал на «остров впереди, где, собственно, и должно было совершиться роковое действие».

Восстание началось около 4 утра 2 июня, когда рабу Джозефу Синке с помощью гвоздя удалось освободиться от оков и освободить остальных. Невольники выбрались на палубу и напали на экипаж. В ходе непродолжительной схватки рабы убили капитана и повара Селестино, оставив в живых Монтеса, Руиса и Антонио. Первые двое были нужны для управления кораблем, а третьего, понимавшего язык менди, планировалось использовать в качестве переводчика. Еще двоим членам экипажа, испанцам Мануэлю Падилья из Каталонии и Хасинто Вердаке из Санто-Доминго²⁰ удалось избежать смерти на борту судна. Они скрылись на шлюпке, по другой версии – бросились в море. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно²¹. Среди повстанцев 2 или 3 человека погибли, были и раненые, но их количество неизвестно.

После схватки на палубе управление судном перешло к трем рабам – Синке, Грабо и Бурне. Первый настаивал на немедленной казни белых пленников, в то время как двое других требовали сохранить им жизнь, чтобы испанские моряки доставили их домой. В итоге Монтесу и Руису было приказано направить корабль в сторону восходящего Солнца. Рабы полагали, что, следуя этим курсом, они вернутся назад в Африку. Однако, пользуясь тем, что у черных повстанцев были весьма примитивные представления о навигации, Монтес постоянно менял курс в темное время суток, смещаясь все дальше на север по направлению к побережью Соединенных Штатов в надежде встретить американский или британский военный корабль²². Кроме того, испанцы старались максимально замедлить скорость движения своего судна на восток, держа курс против ветра.

Несколько раз рабы высаживались на пустынный берег в поисках пресной воды и пропитания, но последнего все же катастрофически не хватало. Несмотря на все меры предосторожности, их передвижение довольно быстро было раскрыто. На своем пути «Амистад» неоднократно встречался с другими торговыми судами. Об этих встречах можно судить не только по рассказам задержанных, но и по упоминаниям в целом ряде американских изданий того времени²³. Негры крайне неохотно шли на контакт, однако по мере истощения запасов были вынуждены предпринять несколько попыток выменять или купить провизию и воду у встречавшихся судов. Им даже удалось совершить одну

²⁰ *Rediker M. The Amistad Rebellion. P. 12.*

²¹ *Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 225–226.*

²² *Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 26.*

²³ *Boston Liberator. September 6, 1839. P. 143; Morning Courier & New-York Enquirer. August 30, 1839. P. 2; New York Advertiser & Express. August 28, 1839. P. 2; New York Commercial Advertiser. August 26, 1839. P. 2; New York Evening Star. August 31, 1839. P. 4; New York Sun. August 29, 1839. P. 3; New York Whig. August 26, 1839. P. 2; Washington National Intelligencer. August 28, 1839. P. 3.*

сделку: у капитана судна «Блоссом» из Кингстона за один дублон и несколько шиллингов были приобретены четверть бочонка воды, батат и немного сухарей²⁴. Но в большинстве случаев подобные встречи заканчивались для африканцев безрезультатно. В частности, когда команда того же «Блоссом» попробовала взять «Амистад» на буксир, невольники, по всей видимости, предприняли попытку атаковать судно. Впрочем, до вооруженного столкновения дело не дошло. Увидев на палубе шхуны вооруженных негров, капитан «Блоссом» приказал перерубить трос. 20 августа ситуация фактически повторилась с судном «Эммелин», которому также пришлось спешно ретироваться, чтобы избежать захвата²⁵. Из Бостона на перехват предполагаемого пиратского корабля с чернокожей командой даже был отправлен паровой фрегат «Фултон»²⁶.

В ходе двухмесячных скитаний ситуация с провизией на «Амистаде» стала катастрофической. Найдя в трюме бутылки с лекарствами и выпив их содержимое, несколько рабов получили смертельное отравление. Общие потери среди повстанцев с момента восстания составили 10 человек²⁷.

25 августа команда шхуны приняла решение сделать очередную высадку у мыса Каллоден, что располагается на восточной оконечности побережья Лонг-Айленда, штат Нью-Йорк. Там неграм удалось купить двух собак, бутылку джина и немного сладкого картофеля, а также пообщаться с местными капитанами Генри Грином и Пелатией Фордхэмом по поводу возможного сопровождения их шхуны в Сьерра-Леоне. Судя по показаниям американцев, стороны были близки к заключению сделки. Однако уже на следующий день к берегу подошел американский военный корабль «Вашингтон». Его капитан Томас Гедни приказал захватить «Амистад» как пиратское судно. Приказ был исполнен лейтенантом Ричардом Мидом. Измотанные и ослабевшие африканцы сдались без какого-либо сопротивления. Синке и его ближайшие подручные в момент захвата находились на берегу. Увидев приближающуюся к «Амистаду» шлюпку с вооруженными людьми, они поспешили вернуться на шхуну, но были захвачены. Сам Синке, по свидетельству американцев, попытался скрыться с золотыми дублонами, но это ему не удалось. Капитан Гедни отправил в Нью-Хейвен сообщение следующего содержания:

В живых осталось 44 негра, среди них трое – маленькие девочки; около 10 человек погибли. Они были в море 63 дня. Судно и груз стоили сорок тысяч долларов, когда они покинули Гавану, за исключением негров,

²⁴ *Rediker M.* The Amistad Rebellion. P. 81.

²⁵ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 42–43.

²⁶ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 43.

²⁷ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 27.

которые стоят от 20 до 30 тысяч долларов. Судно и груз были застрахованы в Гаване²⁸.

Взяв «Амистад» на буксир, Т. Гедни и его команда отплыли в Нью-Лондон. Причиной смены курса, по всей видимости, являлась надежда на получение по адмиралтейскому праву денежного вознаграждения за спасение судна, равнявшегося трети от стоимости самого судна и его груза. А поскольку в Нью-Йорке рабство было отменено, то получить деньги за невольников там капитан не мог. Поэтому Гедни направил судно в Коннектикут²⁹, где, несмотря на все введенные ограничения, рабство все еще считалось вполне законным явлением, а значит – он мог рассчитывать на большую сумму компенсации. Невольников перевозили в трюме «Амистада», в то время как Синке, которого Монтес назвал главарем восставших рабов, был отделен от остальных и помещен на «Вашингтоне». 27 августа 1839 г. корабли прибыли к месту назначения. В этот день пленники были переданы Федеральному маршалу Норрису Уилкоксу, который направил письмо окружному судье.

Судебное разбирательство

Расследование по указанному делу началось 29 августа 1839 г. в Нью-Лондоне. В этот день окружной судья Эндрю Джадсон поднялся на борт «Вашингтона», чтобы провести первые следственные действия. Примечательно, что дело первоначально было внесено в реестр под названием «Соединенные Штаты против Джозефа Синке и других». В первый день Р. Мид и Т. Гедни представили судье доказательства в виде изъятых на «Амистаде» материалов деловой переписки и разрешений на перевозку рабов и товаров³⁰. Также суд заслушал показания Монтеса, Руиса и Антонио, изложивших обстоятельства дела. На основании заявлений испанцев в отношении рабов были выдвинуты обвинения в пиратстве и убийстве как минимум двух человек. После завершения первого заседания африканцы были доставлены в тюрьму в Нью-Хейвене, а испанцы отправились в Бостон для консультации с консулом.

Уже на этом этапе выявилась серьезная проблема: задержанные не могли давать показания, поскольку не знали английского языка. Помочь в ее решении вызвался профессор Йельского колледжа Джозайя Уиллард Гиббс, который установил, что все негры говорили на языке менде, после чего, выучив несколько слов на нем, отправился на поиски переводчика. Вскоре Гиббс нашел подходящего человека в лице матроса Джеймса Кови, бывшего португальского

²⁸ A History of the Amistad Captives. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html>

²⁹ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 28.

³⁰ Martin C. The Amistad Affair. P. 61.

раба, освобожденного британским судном³¹. Кроме того, какое-то время роль переводчика выполнял выходец из племени кисси Джон Ферри, но его знание языка менде было недостаточным.

Стоит отметить, что особое внимание американской общественности к делу «Амистад» было приковано с самого начала. Причиной его стала масштабная кампания в прессе, развернутая аболиционистами. Противники рабства увидели в пленении свободолюбивых африканцев «то самое драматическое событие, которое способно открыть глаза их соотечественников на отвратительную природу данного явления»³². 4 сентября нью-йоркские аболиционисты провозгласили создание так называемого Комитета «Амистад», куда вошли видные представители этого движения Льюис Таппан, Джошуа Ливитт и Симеон Джослин³³. Первоочередной задачей данного объединения стал сбор денежных средств на адвокатов, а также на личные нужды чернокожих задержанных, пока те пребывали в тюрьме Нью-Хейвена³⁴. В итоге в качестве представителей защиты аболиционисты выбрали Сета П. Стейплза и Теодора Седжвика из Нью-Йорка, в роли же главного советника выступил Роджер С. Болдуин из Нью-Хейвена³⁵.

Согласованная линия защиты первоначально выглядела следующим образом: задержанные чернокожие не могут считаться рабами и испанскими подданными, так как слишком молоды и совершенно не владеют испанским языком. Дело в том, что по испано-британскому соглашению с октября 1820 г. ввоз невольников с Черного Континента был запрещен³⁶, а значит, для того, чтобы выступать в качестве подсудимых по выдвинутым обвинениям, восставшие на «Амистаде» негры должны были проживать на Кубе не менее 19 лет, в то время как многие из них еще даже не достигли указанного возраста. К тому же, согласно испанскому королевскому закону, трансатлантическая работоторговля приравнивалась к пиратству и наказывалась смертью. Именно такого наказания аболиционисты требовали для Монтеса и Руиса.

Последние активно возражали против подобных обвинений. 6 сентября посол Испании в Вашингтоне Анхель Кальдерон де ла Барка предъявил американскому госсекретарю Джону Форсайту требование о немедленной выдаче захваченных

³¹ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 125.

³² *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 35.

³³ *Rediker M.* The Amistad Rebellion. P. 108.

³⁴ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 39.

³⁵ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 80.

³⁶ *Brinkman A.* The reluctant ally: Anglo-Spanish slave trade negotiations 1820–1821 // *Defence-in-Depth*. Research from the Defence Studies Department, King's College London. URL: <https://defenceindepth.co/2017/09/15/the-reluctant-ally-anglo-spanish-slave-trade-negotiations-1820-1821/> (дата обращения: 15.02.2023).

негров его правительству³⁷. Дипломат ссылаясь на договор Пинкни 1795 г., согласно ст. 8 которого стороны обязались не чинить никаких препятствий возвращению иностранных судов, если они по каким-то причинам окажутся в их портах. То же самое касалось товаров и имущества (ст. 9)³⁸. Администрация президента Мартина Ван Бюрена, поначалу отказывавшаяся принять какую-либо сторону в данном процессе, была склонна поддержать требования испанской стороны. Причиной являлось очевидное нежелание портить отношения с этой страной, по-прежнему игравшей важную роль в Карибском регионе, а также справедливые опасения потери электоральной поддержки со стороны представителей Южных штатов в преддверии президентских и парламентских выборов 1840–1841 гг.

14 сентября пленники были перевезены в Хартфорд³⁹, а четыре дня спустя открылось первое судебное заседание под председательством Смита Томпсона, временно заменившего Э. Джадсона. В тот же день П. Монтес и Т. Гедни подали иски. Первый настаивал на том, что рабы должны быть возвращены как незаконно отчужденная собственность, и уверял, что приобрел их на Кубе в полном соответствии с испанским законодательством и международным правом. Второй подал иск по адмиралтейскому праву, утверждая, что судно было захвачено в открытом море, а значит – капитан и его команда имели полное право требовать возмещения в виде трети стоимости всего «спасенного» имущества.

Адвокат Р. Болдуин сходу отверг аргументы Монтеса, заявив, что последний просто не мог не знать, что эти рабы доставлены на Кубу незаконно, поскольку были слишком молоды и не говорили ни по-испански, ни по-португальски⁴⁰. В качестве конкретного прецедента юрист сослался на дело «Антилопы» 1820–1825 гг.⁴¹ и институт англо-саксонского уголовно-процессуального права *habeas corpus*, запрещающий незаконное задержание свободного человека и предписывающий выдачу специального судебного постановления о проведении

³⁷ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 50.

³⁸ Treaty of Friendship, Limits, and Navigation, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795. Original in English and Spanish Submitted to the Senate February 26, 1796. Resolution of advice and consent March 5, 1796. Ratified by the United States March 7, 1796. Ratified by Spain April 25, 1796. Ratifications exchanged at Aranjuez April 25, 1796. Proclaimed August 2, 1796 // The Avalon Project. Documents in Law: History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/sp1795.asp#art19 (дата обращения: 15.02.2023).

³⁹ Martin C. The Amistad Affair. P. 88.

⁴⁰ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 69.

⁴¹ Дело «Антилопы» связано с захватом одноименного испано-португальского судна, перевозившего рабов, кораблем налоговой службы США 29 июня 1820 г. В результате длительного судебного разбирательства 15 марта 1825 г. Верховный суд США постановил, что большая часть рабов должна быть возвращена на родину.

проверки оснований ареста. В целом же защита настаивала на том, что данное дело не попадало под юрисдикцию окружного суда, так как речь в нем шла о естественном праве, следовательно, дело необходимо было передать в Федеральный суд. Причем адвокаты мятежных рабов, пытаясь создать прецедент, изначально заявляли о необходимости получения судебного постановления *habeas corpus* хотя бы в отношении трех девочек-рабынь, принадлежавших П. Монтесу, которых сложно было обвинить в пиратстве и убийствах.

Тем не менее, обвинители по делу Уильям Хангерфорд и Ральф Ингерсолл парировали доводы защиты утверждением, что речь в процессе шла о праве собственности и международном праве. Кроме того, Р. Ингерсолл заметил, что по упомянутому договору судно и имущество в любом случае должны быть возвращены владельцам, вне зависимости от того, как, где, кем и когда именно были приобретены эти невольники. Обвинитель также напоминал, что если суд допускает факт незаконного ввоза рабов на территорию США для продажи, то в таком случае акт Конгресса 1819 г. разрешал президенту отправить их обратно в Африку. Хотя к тому моменту всем уже было совершенно очевидно, что никто с целью продажи подсудимых в США не ввозил.

В свою очередь, защита африканцев настаивала, что они были обращены в рабство незаконно и являлись свободными на момент своего задержания, а, следовательно, не могут быть принудительно репатриированы. В отношении претензий Т. Гедни был приведен следующий контраргумент: договор 1819 г. не разрешал военным судам самостоятельно обследовать побережье в поисках кораблей контрабандистов. Для этого необходимы были специальные полномочия, которых у капитана брига «Вашингтон», очевидно, не имелось, и захватывать «Амистад» ему никто не приказывал. Кроме того, Р. Болдуин заявил о незаконности перемещения невольников в Коннектикут, учитывая тот факт, что их захват состоялся в территориальных водах штата Нью-Йорк. Адвокат дополнительно акцентировал внимание суда на том, что Гедни состоял на службе ВМС США, а значит – не мог претендовать на какое-либо возмещение, а также на том, что часть рабов в момент захвата шхуны пребывала на суше, следовательно, ни о каком спасении экипажа в открытом море речи идти не могло.

Судья Э. Джадсон, вернувшийся к тому моменту в Хартфорд, почти сразу отверг притязания Гедни и Мида на возмещение в виде одной трети стоимости от всего «спасенного» имущества, включая рабов, четко обозначив, что речь можно было вести только о судне и товарах, но не о людях.

Одним из важнейших моментов процесса было то, что Болдуин фактически обвинил правительство США во вмешательстве в судопроизводство:

Я спрашиваю, какое право имеет окружной прокурор Соединенных Штатов подавать иск в Окружной суд штата Коннектикут и задерживать этих лиц как рабов или подвергать их дальнейшему судебному преследованию только потому, что испанский посол счел уместным потребовать восстановления прав собственности... Какой закон возложил на исполнительную власть Соединенных Штатов обязанность выслеживать беглых рабов испанских подданных и возвращать их обратно? <...> Является ли обязанностью губернаторов наших Свободных Штатов по требованию посла Испании выдавать соответствующие ордера на арест и выдачу беглых рабов?⁴²

Что касается обвинений в пиратстве, разбое и убийстве, то по данному вопросу судьей С. Томпсоном было созвано большое жюри, постановившее, что окружной суд Хартфорда не может вести производство по этому делу, поскольку рассматриваемые события произошли на испанском судне, а само задержание состоялось в территориальных водах штата Нью-Йорк. Тем не менее, судебное разбирательство продолжилось.

23 сентября судья С. Томпсон отклонил ходатайство о *habeas corpus* и, пытаясь снять с себя ответственность, в очередной раз усомнился в юрисдикции окружного суда, напомнив, что согласно показаниям адвоката задержанных, захват «Амистада» произошел в территориальных водах штата Нью-Йорк. Чтобы окончательно разобраться в данном вопросе, Э. Джадсон отправил окружного судью и прокурора в Монток Пойнт для установления точного места захвата судна. Задержанных же африканцев решено было оставить в тюрьме. Примечательно, что к тому моменту двое из них уже скончались от дизентерии. Чтобы не допустить повторения подобного и не навлечь обвинений со стороны аболиционистов, условия содержания подсудимых были пересмотрены: пленники продолжали оставаться в тюрьме Нью-Хейвена, но находились на особом положении, которое допускало частые посещения, религиозное обучение от преподавателей Йельского университета и физические упражнения на тюремной лужайке⁴³. Судья Э. Джадсон даже предложил освободить их под залог, однако это предложение было отвергнуто адвокатами африканцев, поскольку в этом случае сумма залога могла рассматриваться как оценка имущества⁴⁴. Следующее заседание было назначено на 19 ноября.

Стоит отметить, что к тому моменту мнения адвокатов по поводу выбора стратегии защиты разделились: Теодор Седжвик предложил сосредоточиться на

⁴² The African Captives: Trial of the Prisoners of the Amistad on the Writ of Habeas Corpus before the Circuit Court of the United States for the District of Connecticut at Hartford; Judges Thompson and Judson, September Term, 1839. New York: American Anti-Slavery Society, 1839. P. 16.

⁴³ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 77.

⁴⁴ Martin C. The Amistad Affair. P. 119.

доказательстве факта незаконного порабощения на основе испанских и международных законов, а Льюис Таппан и Роджер Болдуин – на признании приоритета так называемого естественного права. Данная позиция объяснялась в первую очередь стремлением не столько выиграть конкретное дело, сколько создать важный судебный прецедент на будущее.

Ключевым моментом стало вступление в дело на стороне заключенных бывшего президента США Джона Куинси Адамса. Выступая в роли неофициального консультанта, он сформулировал несколько вопросов Окружному суду, главным из которых было указание на странную коллизию, когда фактически признанные свободными рабы продолжали томиться в заключении. Ссылки судьи С. Томпсона на дело Палмера 1818 г. и дело «Антилопы» 1825 г. Адамс назвал несостоятельными по причине того, что в деле «Амистад» речь шла о свободных людях, а не о рабах⁴⁵. 19 ноября в письме к бостонскому аболиционисту Эллису Грею Лорингу он и вовсе настаивал, что ключом к решению дела является вопрос о захвате судна неграми. По мнению Адамса, если Джозефа Синке и других африканцев с шхуны поработили незаконно, то они были вправе защищать свою свободу, а Томас Гедни в таком случае не имел оснований для их ареста.

В октябре Монтес и Руис опубликовали свой «Рассказ» (“Narrative”) о происшествии на шхуне «Амистад».⁴⁶ После чего Таппан предложил еще более смелый ответный ход, выдвинув от лица афроамериканцев гражданский иск в адрес рабовладельцев, обвиняя последних в избиении и незаконном лишении свободы. Версия произошедшего, изложенная Монтесом и Руисом, содержала множество противоречий. Например, испанцы утверждали, что говорили с рабами во время плавания. В ответ на это в газете “New York Journal of Commerce” были представлены два письма, которые излагали уже альтернативную, «черную» версию⁴⁷. Это стало возможным во многом благодаря профессору Нью-Йоркского института Джорджу Э. Дью, которому удалось наладить общение с задержанными с помощью языка жестов.

17 октября в Нью-Йорке оба испанца были арестованы. Чтобы подстраховаться, Таппан подал сразу два иска: один в суд Нью-Йорка по делам общей юрисдикции, другой – в Верховный суд штата. На основании письменных показаний Синке и другого пленника по имени Фулива были выдвинуты совместные требования о возмещении ущерба на общую сумму 3 000 долларов. За каждого из испанцев суд установил залог в 1 000 долларов.

Подобное решение вызвало ожидаемо резкую реакцию со стороны Мадрида. Новый испанский посол в Соединенных Штатах Педро Алькантара де Аргаис

⁴⁵ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 82.

⁴⁶ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 85.

⁴⁷ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 85.

выразил протест против ареста подданных своей страны, заявив, что иностранный суд не обладает юрисдикцией в подобных делах, и в очередной раз сослался на договор Пинкни. Помимо этого, он указал на несоответствия в показаниях задержанных негров, которые, по его словам, выглядели настолько схожими, что, казалось, давались одним и тем же лицом, а также привел отдельные выдержки из них в качестве доказательства собственной позиции. В частности, африканцы заявляли о своей продаже, а это, по мнению испанского посла, напрямую свидетельствовало об их рабском статусе⁴⁸.

Опасаясь негативных последствий и обвинений в свой адрес, администрация М. Ван Бюрена в очередной раз попыталась максимально дистанцироваться от этого дела под предлогом невмешательства в гражданское судопроизводство. 22 октября нью-йоркский суд по гражданским делам провел предварительное слушание, которое закончилось обменом взаимными оскорблениями. На втором – судья и вовсе заявил, что не знает, являются ли истцы рабами. Подобные сомнения делали положение африканцев весьма неустойчивым, поскольку в случае признания их невольниками, они автоматически лишались и права подавать гражданские иски.

Стоит отметить, что сам повод для подачи иска выглядел чисто формальным и явно недостаточным для выдвижения серьезного обвинения в адрес испанцев. Учитывая этот факт, судья снизил сумму залога для Руиса и Монтеса до 250 долларов⁴⁹. Последний и вовсе вскоре был выпущен под подписку о невыезде. Чтобы не допустить подобного, аболиционисты изначально планировали придерживаться тактики одновременной подачи нескольких аналогичных исков против испанцев от лица других задержанных негров, но судья Инглис⁵⁰ постановил, что они не будут рассматриваться до тех пор, пока не будет вынесено окончательного решения по делу «Джозеф Синке против Хосе Руиса». Через четыре месяца Руис был выпущен под залог и спешно отбыл в Гавану, как и его компаньон.

19 ноября адвокат Р. Болдуин заявил, что, согласно закону штата Нью-Йорк, негры стали свободными сразу, как только достигли его берегов. Т. Гедни и Р. Мид продолжали настаивать, что захват судна произошел в открытом море. Однако у аболиционистов появился важный свидетель в лице капитана Грина, который заявил, что судно на момент захвата находилось менее чем в пятистах футах от берега. Другим важным свидетелем был раб капитана – Антонио, находившийся в это время на берегу.

Еще одним важным эпизодом судебного разбирательства стало привлечение к нему английского аболициониста Ричарда Роберта Мэддена, согласившегося

⁴⁸ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 87.

⁴⁹ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 137.

⁵⁰ В материалах дела приводится только фамилия.

дать показания в суде. Он прибыл в Нью-Хейвен 5 ноября из Гаваны вместе с Тапаном для участия в процессе. Ценность Мэддена как свидетеля заключалась в том, что он фактически представлял Британскую корону и лично установил обстоятельства дела, а именно – место и время покупки подсудимых на Кубе. В частности, он заявил, что все невольники были захвачены в Африке в апреле 1839 г., доставлены в Гавану и проданы капитаном шхуны «Текора» Педро Мартинесом. По его словам, Монтес и Руис, совершая сделку, прекрасно знали об их происхождении. Более того, Мэдден утверждал, что все разрешения на перевозку рабов являлись поддельными, поскольку рабы в них указывались как *ладинос*⁵¹. Самым важным в показаниях британского аболициониста было то, что он подтвердил игнорирование испанскими властями незаконного ввоза рабов. Попытки окружного прокурора Уильяма Холаберта опровергнуть показания Мэддена и исключить их из дела успеха не имели.

Из-за трудностей, возникших в связи с переводом, болезнью Джеймса Кови, который не мог приехать в Хартфорд, и отсутствием ключевых свидетелей, заседание было перенесено на 7 января 1840 г. в Нью-Хейвен. К этому времени позиция испанской стороны претерпела некоторые изменения. Теперь посол Педро Алькантара де Аргаис утверждал, что испанская сторона требует выдачи не рабов, а убийц. Причиной смены риторики, по всей видимости, стала позиция суда. Так, 8 января судья Джадсон заявил: «Полностью убежден, что эти люди недавно прибыли из Африки, и отрицать это бесполезно». К тому же профессор Йельского колледжа Джозайя Гиббс выдвинул новый аргумент, подтвердивший утверждение судьи. По мнению Гиббса, рабы с «Амистада» не могли быть местными, поскольку имели не испанские имена, а имена на языке менде. В тот же день были заслушаны показания задержанных Синке, Грабо и Фулива. Защита испанцев попыталась найти противоречия в показаниях лидера восстания, но ее доводы выглядели откровенно слабо.

Испанский консул Антонио Вега, в свою очередь, должен был опровергнуть показания Мэддена о запрете работорговли в Гаване. Но вместо отсылок к нормативным актам, он фактически лишь подтвердил их наличие, отметив, что на Кубе никто не соблюдает подобных предписаний.

Администрация М. Ван Бюрена пыталась найти выход из сложившейся ситуации, разработав план по вывозу рабов на Кубу сразу после оглашения решения суда. 2 января 1840 г. Государственный департамент направил меморандум министру военно-морского флота Джеймсу Кирку Полдингу. Последний должен был обеспечить к 10 января прибытие в бухту Нью-Хейвена американского военного корабля «Грампус» под командованием лейтенанта Джона Пейна для доставки негров на Кубу. Президент поручил Т. Гедни и

⁵¹ Так называли испанских рабов на Кубе, которые проживали там до 1820 г., когда вступило в силу соглашение между Испанией и Англией, запретившее ввоз невольников.

Р. Миду сопровождать чернокожих для последующей дачи свидетельских показаний. Разумеется, эти приказы были строго засекречены⁵². Однако план провалился после того, как адвокаты африканцев и аболиционистские газеты узнали о замысле и раскрыли намерения администрации.

Основной задачей аболиционистов на данном этапе было не допустить передачи решения вопроса о неграх с «Амистада» президенту в случае отказа основных фигурантов от исков. Существовали вполне обоснованные опасения, что тот передаст пленников испанской стороне. К счастью для защиты, в отличие от Мида и Гедни, Грин не собирался забирать заявление, настаивая, что именно он убедил африканцев в том, что они находятся на «свободной земле», а значит, именно он заслуживает компенсации. Это позволило оставить дело в суде.

Примечательно, что окружной прокурор Уильям С. Холаберт в ходе заседания попытался вывести из числа фигурантов Монтеса и Руиса, которые к тому моменту уже находились в Гаване. Однако судья Джадсон не согласился с такой трактовкой. С испанской стороны также была предпринята попытка затянуть процесс. Поводом для этого стала болезнь консула Антонио Веги. Маршал Норрис Уилкоккс, отсылая к ранним заявлениям Синке, и вовсе попытался представить последнего в качестве африканского работорговца. Но защите через Джеймса Кови удалось доказать, что первоначальные высказывания Синке были неправильно переведены.

В понедельник 13 января 1840 г. судья Джадсон огласил вердикт. Первым решением стало признание факта захвата судна в открытом море, что не давало возможности вывести дело из-под юрисдикции окружного суда и рассматривать его в Нью-Йорке. Дело продолжало рассматриваться по месту обращения, т.е. в Коннектикуте. Для этого судья прибег к определению «открытого моря» из дела Дэниэла Вебстера, рассмотренного в Верховном суде США в 1818 г. По итогам судебного разбирательства было принято следующее определение: «Открытый океан – это место, где властвуют ветры и волны без контроля»⁵³. Аргумент защиты о том, что несколько негров в момент захвата находились на берегу, у Джадсона поддержки не нашел.

Претензии Г. Грина и П. Фордхэма были признаны ничтожными на том основании, что ни они сами, ни члены их команд не поднимались на борт «Амистада», следовательно – не могли претендовать на положенную за «спасение груза» компенсацию.

Что касается Гедни и Мида, то их действия, напротив, были признаны «спасением корабля», а значит – их претензии на получение трети стоимости груза и судна должны были быть удовлетворены, правда без учета стоимости чернокожих пленников.

⁵² Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 114.

⁵³ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 131.

Иск Монтеса и Руиса тоже был удовлетворен частично. По решению суда, «Амистад» и его груз возвращались испанским властям после вычета стоимости за «спасение» и прочих расходов, но претензии на «живой товар» суд отклонил. Джадсон заявил, что испанцы были введены в заблуждение человеком, продавшим им рабов как ладинос⁵⁴. Судья подвел следующий итог:

Покупатель должен быть бдительным в отношении имущества, которое он приобретает. Прояви Руис и Монтес в этом деле бдительность, то могли бы спасти все свое имущество и не подвергать свою жизнь такой опасности, а этот суд был бы освобожден от столь тяжелой ответственности, которая давила на него последние четыре месяца⁵⁵.

Синке и товарищи были признаны незаконно порабощенными неграми, прибывшими из Африки. В соответствии с законом Конгресса от 3 марта 1819 г. суд передавал пленных под опеку президента Соединенных Штатов, который должен был обеспечить их возвращение на историческую родину. Единственным исключением оказался раб Антонио, признанный собственностью покойного капитана Феррера и по договору Пинкни отправленный на Кубу (по другой версии – аболиционисты организовали ему побег)⁵⁶.

Что касается обвинений в пиратстве и убийстве, то судья Джадсон заявил, что поскольку инцидент произошел на испанском судне, его рассмотрение является прерогативой Королевского суда. 13 января после оглашения вердикта «Грампус» снялся с якоря и отплыл из Коннектикута.

Решение выглядело явным компромиссом, и обе стороны остались им не удовлетворены. В итоге прокурор Холаберд по просьбе президента подал апелляцию, то же самое сделали и владельцы груза. Как только Белый дом в начале апреля через окружного прокурора сообщил о подаче апелляции в окружной суд, адвокаты защиты африканцев подали ходатайство о немедленном ее отклонении. Аболиционисты Стейплз и Болдуин настаивали, что правительство Соединенных Штатов не имеет права в соответствии с международными нормами, Конституцией или американскими законами предъявлять претензии на собственность от имени правительства Испании. Фактически все вернулось к тому, с чего началось. Даже испанский министр П. Алькантара де Аргаис отказался от требования выдачи убийц, а не рабов, заявив, что его слова были неправильно поняты судом из-за ошибки перевода. Таким образом, испанская сторона вернулась к исходному требованию о возвращении собственности своих граждан в полном объеме.

⁵⁴ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 169.

⁵⁵ *Hartford Courant.* January 16, 1840. P. 4.

⁵⁶ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 200.

Стоит отметить, что американская пресса все это время активно подогревала и без того неутраченные страсти по делу африканцев со шхуны «Амистад», постоянно публикуя материалы о личном вмешательстве президента в судебный процесс. Но самое неприятное для администрации Ван Бюрена заключалось в другом: аболиционисты активно пытались вовлечь в дело «Амистад» британское правительство. Мэдден лично обратился к британскому послу Генри С. Фоксу с просьбой помочь в разрешении этого дела, а тот в свою очередь передал полученную информацию министру иностранных дел Великобритании лорду Генри Джону Темплу Палмерстону. Администрацию Ван Бюрена в сложившейся ситуации больше всего беспокоило, что англичане смогут использовать этот случай как повод для обвинения Испании в нарушении соглашения англо-испанского договора 1817 г., запрещавшего торговлю африканскими рабами, с целью интервенции на Кубу. Мэдден сообщил британскому представителю в Вашингтоне, что договоры с Англией, согласно толкованию Веги, «являлись бесполезными, а будучи де-факто недействующими, они были недействительны». Великобритания начала настойчиво требовать от испанского правительства судебного преследования Руиса и Монтеса на Кубе.

В начале мая судьи С. Томпсон и Э. Джайсон отклонили ходатайство адвокатов защиты и подтвердили решение окружного суда, озвученное ранее: дело «Амистада» должно быть передано в Верховный суд и рассмотрено в январе 1841 г.⁵⁷ Негры остались в заключении. Судья Томпсон также отклонил требование защиты о назначении залога.

В середине июня дело «Амистад» вновь оказалось на первых полосах ведущих изданий после того, как газета “New York Express” с подачи Р. Болдуина фактически напрямую обвинила Белый дом в подделке судебных документов. Выяснилось, что в копиях материалов дела, отправленных в Конгресс окружным прокурором Холабертом, речь шла о “ladinos”, хотя окружной суд ранее пришел к однозначному выводу, что восставшие рабы являлись “bozales”, т.е. имели африканское, а не креольское происхождение и были привезены на Кубу уже после вступления в силу англо-испанского соглашения 1820 г.⁵⁸ 10 декабря Джон Куинси Адамс вынес этот вопрос на рассмотрение Палаты представителей и предложил создать комитет из пяти человек для расследования того, был ли документ № 185 «сфальсифицирован» или имела место обычная ошибка перевода. Итогом стало внесение соответствующих исправлений, в то время как обвинения в сознательном мошенничестве комиссия отвергла.

Готовясь к финальному заседанию, комитет «Амистад» обратился к Д.К. Адамсу с просьбой занять место старшего советника вместо Р. Болдуина. Последний, по общему признанию, неплохо справлялся со своими

⁵⁷ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 142.

⁵⁸ Jones H. Mutiny on the Amistad. P. 145.

обязанностями, но не обладал такой известностью, как бывший президент. Кроме того, Адамс не считался аболиционистом, а значит, для сторонников рабства выглядел вполне приемлемой фигурой. В качестве старшего советника Д.К. Адамс начал с того, что подал ходатайство о прекращении дела на том основании, что суды Соединенных Штатов не обладают необходимой юрисдикцией для его решения и, более того, являются заинтересованной стороной⁵⁹.

Решающее заседание началось 22 февраля с выступления генерального прокурора Генри Д. Гилпина, который озвучил все те же аргументы, сославшись на Договор Пинкни и дело «Антилопы». Р. Болдуин в ответ вновь попытался парировать традиционными ссылками на принцип справедливости, дух Декларации независимости и естественное право. Обратившись к решению Верховного суда по делу «Нью-Йорк против Милна», он заявил, что Федеральное правительство не имело право подавать апелляцию от имени иностранцев⁶⁰.

В своей речи 24 февраля Адамс усилил аргументацию Болдуина, фактически обвинив прокурора Холаберта, госсекретаря Форсайта и бывшего президента М. Ван Бюрена в потворстве испанским интересам и вмешательстве в судопроизводство. В частности, он ссылаясь на письмо Д. Форсайта П. Алькантаре де Аргаису, в котором госсекретарь фактически признавал потерпевшими Руиса и Монтеса, но не их бывших невольников. «По какому праву было отказано людям, которые вернули себе свободу и заставили своих угнетателей терпеть последствия совершенного ими насилия?»⁶¹ – восклицал Д.К. Адамс.

На следующий день прения должны были продолжиться, но в связи со смертью судьи Филипа Барбура заседание перенесли на 1 марта. Стоит отметить, что главный аргумент Гилпина выглядел довольно абсурдно. По его мнению, рабы действовали как пираты, захватывая себя как собственность у испанцев⁶². Прокурор отметал все ссылки на незаконное порабощение, заявляя, что только испанский суд может установить факт нарушения королевского законодательства.

9 марта судья Джозеф Стори озвучил окончательный вердикт по делу «Амистад». Он отверг ссылки на Акт 1819 г., обвинения в пиратстве и работорговле, действие ст. 9 договора 1795 г. на том основании, что испанская

⁵⁹ *Martin C.* The Amistad Affair. P. 188.

⁶⁰ *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 173.

⁶¹ John Quincy Adams – Amistad Speech February 24, 1841 // Dispatch, February 23, 2016. URL: <https://www.theglobaldispatch.com/john-quincy-adams-amistad-speech-february-24-1841-61756/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁶² *Jones H.* Mutiny on the Amistad. P. 189.

сторона так и не представила убедительных доказательств прав собственности. Ст. 6, все еще действовавшая благодаря договору Адамса-Ониса⁶³, в данном случае не имела никакого значения, поскольку в ней речь шла о случаях военного времени, когда собственность подданных одной из договорившихся сторон насильно переходила под территориальную юрисдикцию другой. Ст. 8 касалась инцидентов, связанных с погодой, нападением пиратов и врагов, вынуждавших судно одной страны искать убежища в порту другой. Ст. 9 предусматривала, что корабли и грузы, спасенные от пиратов или грабителей в море и доставленные в порт любой подписавшей договор страны, должны быть переданы портовым властям и «полностью возвращены в собственность, как только будут представлены надлежащие и достаточные доказательства». Стори объяснил, что для того, чтобы действовали ст. 8 или 9, должны быть соблюдены все эти условия. Судья заявил, что обстоятельства дела «Амистад» не попадают ни под одну из указанных статей, потому что ни погода, ни враги не послужили причиной высадки корабля в американских водах, а негры совершенно точно не являлись пиратами⁶⁴. Более того, суд отказался признать их законной собственностью испанских граждан Монтеса и Руиса на том основании, что Синке и его товарищи не относились к категории «ладинос», т.к. родились на Черном континенте, где были незаконно похищены и вывезены на Кубу в нарушение международных договоров. Таким образом, находясь закованными на борту «Амистада», они имели полное право на вооруженное сопротивление. Права Т. Гедни и экипажа «Вашингтона» на вознаграждение также были подтверждены, а громкие обвинения Д.К. Адамса в адрес правительства М. Ван Бюрена – оставлены без внимания. Но главным итогом, несомненно, стало постановление о немедленном освобождении всех задержанных.

На этом в деле «Амистад» фактически была поставлена точка. Негры были перевезены в Фармингтон (штат Коннектикут), где какое-то время трудились на полях. Попытка комитета «Амистад» настоять на отправке их в Африку за счет федерального правительства провалилась. Пришлось вновь прибегнуть к сбору средств. К делу были привлечены и сами бывшие «пленники», часть которых отправилась в турне по штатам. Когда необходимая сумма было собрана, Джозеф Синке и 34 негра отплыли во Фритаун, Сьерра-Леоне. Это произошло 25 ноября 1841 г.

Последствия

Главным итогом дела «Амистад», безусловно, стало широкое привлечение внимания американской общественности к проблеме рабства. Данное судебное

⁶³ Международный договор о территориальном размежевании в Северной Америке, подписанный в Вашингтоне 22 февраля 1819 года между США и Испанией.

⁶⁴ *Jones H. Mutiny on the Amistad*. P. 192.

разбирательство однозначно вывело дискуссию противников и сторонников указанного явления на качественно новый уровень. Впоследствии дело «Амистад» стали рассматривать как главный успех американского аболиционистского движения в 1840-е гг. Гордые фигуры Джозефа Синке, прозванного в прессе «Черным принцем», и его товарищей вдохновили многих людей на борьбу против рабства. В частности, к их образам обращались такие известные аболиционисты, как Мартин Робинсон Делани, Фредерик Дуглас, Генри Хайленд Гарнет, Томас Уэнтворт Хиггинсон и Джон Браун.

Помимо всего прочего, дело «Амистад» повлекло за собой заметные внутривнутриполитические изменения. Так, по факту именно оно стало «лебединой песней» администрации президента Мартина Ван Бюрена и Демократической партии, проигравших президентские и парламентские выборы. Вообще почти вся предвыборная кампания 1840 г. строилась вокруг вопроса рабства, что во многом было инициировано резонансным судебным процессом. В итоге партия вигов сумела обойти демократов и получить большее количество мест в Конгрессе, что явилось отражением изменений, произошедших в американском общественном мнении⁶⁵. Разумеется, данную политическую силу сложно назвать аболиционистской, но все же ее победа выглядела позитивным сдвигом в глазах противников рабства. Примечательно, что позднее, в 1850-е г., в партии вигов произошел раскол по поводу расширения зоны рабовладения, и многие из ее сторонников вскоре примкнули к новой Республиканской партии, занимавшей более жесткую позицию по указанному вопросу.

Конечно, у всех этих позитивных изменений имелась и своя оборотная сторона, о которой нельзя не упомянуть. Так, в 1850-е гг. начала распространяться обратная тенденция, вызванная консервативной реакцией на подъем аболиционистского движения. Она нашла свое конкретное выражение в новых судебных прецедентах, таких, как дело Дреда Скотта (1846–1857), Селии (1855), Джона Брауна (1859), и в принятии таких законодательных инициатив, как Закон о беглых рабах 1850 г. и акт Канзас-Небраска 1854 г. Все это привело к радикализации аболиционистского движения и появлению доктрины черного национализма, виднейшими представителями которого стали упомянутые выше Мартин Робинсон Делани⁶⁶ и Генри Хайленд Гарнет⁶⁷.

Отметим также, что дело «Амистад» имело и заметные внешнеполитические последствия, долгое время оставаясь очагом дипломатической напряженности в

⁶⁵ *Formisano R.P.* The New Political History and the Election of 1840 // *Journal of Interdisciplinary History*. 1993. Vol. 23, № 4. P. 661–682.

⁶⁶ *Шумаков А.А.* Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // *Вестник Брянского государственного университета*. 2021. № 1 (47). С. 141–153.

⁶⁷ *Шумаков А. А.* Генри Хайленд Гарнет – голос радикального афроамериканского аболиционизма середины XIX в. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2023. № 3 (57). С. 143–160.

испано-американских и американо-британских отношениях. Так, испанское правительство на протяжении 20 лет продолжало тщетно добиваться пересмотра дела и выплаты компенсации.

Но самое главное – дело «Амистад» наглядно продемонстрировало наличие глубокого раскола в американском обществе по вопросу рабства, который спустя 20 лет стал одной из причин гражданской войны.

В заключение укажем, что мятеж на судне «Амистад» нельзя отнести к типичным восстаниям рабов XIX в. в США. В отличие от Орлеанского вооруженного выступления 1811 г. под руководством Шарля Деслонда или знаменитого Вирджинского восстания Ната Тернера 1831 г., главную роль в нем играли не креолы, а африканцы, которые, к тому же не были порабощены на территории Соединенных Штатов, а оказались там исключительно благодаря стечению обстоятельств. Кроме того, повстанцы изначально не преследовали целью освобождение местных невольников, а место локализации восстания было ограничено лишь бортом шхуны «Амистад». Тем не менее, отмеченные отличия ничуть не умаляют значимости указанного события. Дело «Амистад» и принятые по нему судебные решения можно назвать уникальными для того времени, т.к. повстанцы впервые оказались фактически оправданы американской системой правосудия, что создало важный прецедент. Собственно именно этим и объясняется однозначность оценок дела «Амистад» в англо-американской историографии.

Introduction

The United States v. Amistad trial, which continued from September 1839 to March 1841, is generally considered in Anglo-American historiography as one of the key milestones in the history of American abolitionist movement. This is primarily due to the fact that this case clearly demonstrated certain positive trends in the change of public opinion regarding slavery. In particular, the course and duration of the Amistad trial showed how much the positions of slavery opponents had strengthened in American society.

Speaking of the significance of the event under consideration, it should be noted that the public response caused by the Amistad case public hearing was truly unprecedented at the time. It can be compared only to the later cases of Dred Scott (1846–57), Celia (1855), and John Brown (1859). However, unlike those cases, the outcome of the Amistad trial is interpreted as an unequivocal victory of American abolitionism that set an important precedent in jurisprudence and served the cause of emancipation. Even though nearly a quarter of a century of struggle for the complete abolition of slavery lay ahead, the United States v. the Amistad trial was undoubtedly one of the turning points in American and African-American history.

This event left a trace on the Anglo-American culture. For nineteen long months, the US public followed the ups and downs of the legal battles with unflagging interest, for reports of those battles regularly appeared in the pages of leading publications. Stories of the slave rebellion and depictions of the black rebels, especially those of their leader Sengbe Pieh, better known as Joseph Cinque, were extremely popular, and the story itself was filled with an incredible amount of obviously fictional details. Even after the end of the trial and the return of black captives to Sierra Leone, American society was excited for a long time by the ongoing debate over the acceptability of slavery. Only in the early 1850s the Amistad case gave way to new abolitionist storylines.

A renewed resurgence of interest in those events was observed in the mid-1960s. It was caused by the unprecedented rise of the protest movement in the United States. The struggle for black rights is well known to be one of its main directions. It was at that time – in 1966 – that the Amistad Research Centre was established at the Race Relations Department in Nashville, Tennessee, to study African-American history.¹ Three years later, the Centre moved to New Orleans. To this day, this institute remains the leading center for the study of American slavery and African-American history.

In the late 1990s, the subject of the slave rebellion on the schooner Amistad and the subsequent trial regained its relevance. This time it was associated with the 1997 release of Steven Spielberg's film of the same name. The film *Amistad* was warmly

¹ "About," Amistad Research Center, accessed February 15, 2023, <https://www.amistadresearchcenter.org/about>

received by critics, although it provoked a very mixed reaction from the academic community,² leading to yet another intensification of the debate on the issue.

It should also be noted that, despite the periodic resurgence of interest, the attitude to the Amistad case has remained virtually unchanged in American society over the last century, and historians' disputes have mainly concerned individual nuances and have not touched upon any conceptual points of interpretation or perception of the event itself. For example, based on a study of new documents, Michael Zeuske, a professor at the University of Cologne, assumed that the Amistad captives might have been taken to Cuba on the American ship Hugh Boyle by Captain John Brown and that the story of the Portuguese slave schooner *Tecora* was in fact nothing more than a cover-up to avert possible suspicion.³

Today, the Amistad case remains one of the most popular topics of study and discussion for researchers of African-American history. It can even be said that in the Anglo-American academic environment there has been a recent increase in interest in the high-profile trial of 1839–41, taking place against the backdrop of another increase in protest activity of the movement for the rights of the African-American population.

It is curious that the interest in those events first began to appear just in our country after the release of the above-mentioned film by Steven Spielberg. However, the mutiny on the schooner Amistad and the subsequent trial have not been a subject of serious scientific analysis in the domestic historiography so far. Moreover, the initial acquaintance with the Amistad case through a movie script led to certain bias in the study of this event. Instead of making an objective scientific analysis of the available sources, most authors focused exclusively on the impact of the film,⁴ which some of them even perceived as a basic guide to studying the trial.

Of course, Russian historiography is not the only one to suffer from mythologization of the Amistad case, which caused the boundaries between the real historical events and fiction to be blurred. Similar tendencies have been observed in

² E. Foner, *The Amistad Case in Fact and Film*, accessed February 15, 2023, <https://historymatters.gmu.edu/d/74>

³ M. Zeuske, "Rethinking the Case of the Schooner Amistad: Contraband and Complicity after 1808/1820," *Slavery & Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies*, vol. 35, no. 1 (2014): 156–64.

⁴ N.V. Davydov, "Freedom: Approaches to Its Understanding (Based on the Film *Amistad*)" [in Russian], in *Philosophy of Law and Human Rights: Collected Scientific Articles*, ed. O.N. Tomyuk (Yekaterinburg: Max-Info, 2015), 99–101; E.A. Mikheeva, "The Evolution of the Representation of the African-American Population in American Cinema" [in Russian], in *History and Politics in Art: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference for School, Undergraduate, and Post-graduate Students (Krasnoyarsk, April 25, 2019)*, ed. E.S. Meer (Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2019), 88–90.

Anglo-American historical science, especially among experts in Black history, throughout the entire period of studying this subject. This can be seen from the quality of some studies, where serious scientific analysis was often weakened by clearly fictionalized details used without any reference to the original source, or vice versa, when a literary work was presented as based on real events and was used as a source in the study of the topic. The most striking example of this approach is the work of David Pesci,⁵ which appears on the reading lists of the vast majority of Amistad researchers.

Nevertheless, despite all the nuances mentioned above, it can be said that this topic has been studied quite thoroughly in Anglo-American historiography. As for the serious academic studies, the monographs by Howard Jones,⁶ William Owens,⁷ Christopher Martin,⁸ Arthur Abraham,⁹ and Marcus Rediker should be highlighted.¹⁰

The source base of the Amistad case involves the materials of the trial and numerous journalistic articles. In 1840, the report of the brothers John and Edmund Barber was published.¹¹ It summarized the available information and became one of the leading sources on the subject.

The purpose of the author's research is to reconstruct a picture of the 1839–41 events related to the Amistad slave rebellion and the subsequent trial.

Slave Rebellion

On June 28, 1839, the Spanish ship Amistad (*La Amistad* means “friendship” in Spanish. – A. Sh.),¹² built at the Baltimore shipyard and designed mainly for coastal trade and coastal navigation,¹³ left the port of Havana. Based on his research, Zeuske

⁵ D. Pesci, *Amistad: The Thunder of Freedom* (Boston, MA: Da Capo Press, 1997).

⁶ H. Jones, *Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy* (New York: Oxford University Press, 1987).

⁷ W.A. Owens, *Black Mutiny: The Revolt on the Schooner Amistad* (Baltimore, MD: Black Classic Press, 1997).

⁸ C. Martin, *The Amistad Affair* (New York: Tower Publications, 1970).

⁹ A. Abraham, *The Amistad Revolt: An Historical Legacy of Sierra Leone and The United States* (Freetown, Sierra Leone: United States Information Service, 1987).

¹⁰ M. Rediker, *The Amistad Rebellion: An Atlantic Odyssey of Slavery and Freedom* (New York: Viking, 2012).

¹¹ J.W. Barber, comp., *A History of the Amistad Captives: Being a Circumstantial Account of the Capture of the Spanish Schooner Amistad, by the Africans on Board; Their Voyage, and Capture Near Long Island, New York; with Biographical Sketches of Each of the Surviving Africans; Also, an Account of the Trials had on Their case, Before the District and Circuit Courts of the United States, for the District of Connecticut* (New Haven, CT: E.L. & J.W. Barber, Hitchcock & Stafford, 1840), Documenting the American South, accessed February 15, 2023, <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html>

¹² Barber, *A History of the Amistad Captives*.

¹³ Rediker, *The Amistad Rebellion*, 34.

assumed that the schooner was built in Nuevitas in Cuba with the permission of the Commandant General of the Navy in the port of Havana.¹⁴

It is a well-known fact that in addition to seven crew members, 53 slaves were also on board the ship when it left Havana. Four of the slaves belonged to Pedro Montes and 49 – to his companion, José Ruiz. The latter testified during the investigation that the ship was bound for Guanaja, a port in Puerto del Príncipe Province (now Camagüey Province, Cuba. – *A. Sh*).¹⁵ The estimated duration of the voyage was not more than four days, during which the ship was to cover about 300 miles, without going more than 18–20 miles off the coast. The reason for choosing such a route was the crew's fear of an impending hurricane. The sudden change in the wind caused the voyage to drag on, and in order to catch up with the initial schedule, Captain Ramon Ferrer had to decide against going ashore for refilling food supplies on board. As a result, the daily rations for the slaves had to be significantly reduced and consisted of one banana, two potatoes, and a small cup of water per person. This caused grumbling among the slaves. Some of them even tried to take more water on their own. In response, the captain ordered the offenders to be flogged on the deck.¹⁶

It is noteworthy that two crew members (the captain's Afro-Cuban cabin boy Antonio and the cook Celestino) were slaves of Captain Ramon Ferrer himself. Moreover, according to the rebels, it was Celestino who provoked the slave rebellion. Just before it, he made it clear to the slaves that they would be eaten as soon as they reach Puerto del Príncipe.¹⁷ During the investigation, Cinque reported that the cook said they were taking them to some place where they would kill them and eat them. Kinna added that Celestino

with his knife, made signs of throat-cutting and pointed to the barrels of beef, and thus hinted to Cinquez¹⁸ that himself and his companions were to be cut up and salted down for food like beef.¹⁹

He also pointed to “an Island ahead where the fatal deed was to be perpetuated.”

The rebellion began around 4 a.m. on June 2, when slave Joseph Cinque managed to free himself from his shackles with the help of a nail and then set the others free. The slaves got out on deck and attacked the ship crew. In a brief fight, the slaves killed Captain Ferrer and the cook Celestino but left Montes, Ruiz, and Antonio alive. The first two were needed to steer the ship, while the third, who understood the Mende language, was to be used as an interpreter. Two other crew members,

¹⁴ Zeuske, *Rethinking the Case of the Schooner Amistad*, 156.

¹⁵ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 5.

¹⁶ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 24.

¹⁷ Barber, *A History of the Amistad Captives*.

¹⁸ Spanish equivalent of the name *Cinque*.

¹⁹ Rediker, *The Amistad Rebellion*, 70.

Spaniards Manuel Padilla from Catalonia and Jacinto Verdague from Santo Domingo,²⁰ avoided death. They escaped in a small boat or, according to another version, threw themselves into the sea. Nothing is known about their fate.²¹ Two or three of the rebels were killed. There were also wounded but their number is not known.

After a brief fight on the deck, to three slaves, Cinque, Grabeau, and Burna, took control of the ship. The first insisted on the immediate execution of the white captives, while the other two demanded that they should be kept alive so that Spanish sailors could bring them home. Eventually, Montes and Ruiz were ordered to steer the ship toward the rising sun. The slaves believed that following that course would take them back to Africa. However, taking advantage of the fact that the black rebels had very primitive ideas about navigation, Montes constantly changed course in the dark, shifting farther north toward the coast of the United States in the hope of meeting an American or British warship.²² In addition, the Spaniards tried to slow their ship's eastward speed as much as possible by keeping its course against the wind.

The slaves landed on the deserted shore in search of fresh water and food several times, but the latter was still terribly lacking. Despite all precautions, their movements were fairly quickly discovered. On its way, the Amistad repeatedly met other merchant ships. Those encounters were mentioned not only in the accounts of the detainees but also in a number of American publications of the time.²³ The Negroes were extremely reluctant to make contact, but as supplies ran low, they were forced to make several attempts to barter or buy food and water from other ships they encountered on their way. They even managed one bargain: a quarter of a barrel of water, sweet potatoes, and some sea biscuits were purchased from the captain of the pilot ship Blossom from Kingston for one doubloon and several shillings.²⁴ However, in most cases such meetings ended for the Africans with no result. In particular, when the crew of the Blossom tried to take Amistad in tow, the slaves, apparently, attempted to attack the ship. However, it did not come to an armed clash. Seeing armed Negroes on the deck of the schooner, the captain of the Blossom ordered to cut rope that was attached to the Amistad. On August 20, the situation was virtually

²⁰ Rediker, *The Amistad Rebellion*, 12.

²¹ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 225–26.

²² Jones, *Mutiny on the Amistad*, 26.

²³ *Boston Liberator*, September 6, 1839, 143; *Morning Courier & New-York Enquirer*, August 30, 1839, 2; *New York Advertiser & Express*, August 28, 1839, 2; *New York Commercial Advertiser*, August 26, 1839, 2; *New York Evening Star*, August 31, 1839, 4; *New York Sun*, August 29, 1839, 3; *New York Whig*, August 26, 1839, 2; *Washington National Intelligencer*, August 28, 1839, 3.

²⁴ Rediker, *The Amistad Rebellion*, 81.

repeated with the ship *Emmeline*, which also had to hastily retreat to avoid capture.²⁵ The steam frigate *Fulton* was even sent from Boston to intercept the alleged pirate ship with a black crew.²⁶

During the two-month wanderings, the situation with provision on the *Amistad* became catastrophic. Finding bottles of medicine in the hold, several slaves drank their contents and were fatally poisoned. Thus, total casualties among the rebels since the uprising amounted to ten people.²⁷

On August 25, the schooner's crew decided to attempt another landing at Culloden Point on the eastern end of the coast of Long Island, New York. There, the Negroes were able to buy two dogs, a bottle of gin, and some sweet potatoes, and talk to local captains Henry Green and Pelatiah Fordham about possibly escorting their schooner to Sierra Leone. Judging from the Americans' testimony, the parties were close to a deal. The very next day, however, the American revenue cutter *Washington* approached the shore. Its captain, Lieutenant Thomas R. Gedney, ordered to seize the *Amistad* as a pirate ship. The order was executed by Lieutenant Richard Meade. The exhausted and weakened Africans surrendered without any resistance. Cinque and his close associates were on shore at the time of the capture. When they saw a dinghy with armed men approaching the *Amistad*, they hurried back to the schooner but were captured. According to the Americans' testimony, Cinque attempted to escape with the gold doubloons but failed. Captain Gedney sent the message to New Haven informing that,

There are now alive 44 negroes, 3 of whom are girls; about 10 have died. They have been at sea 63 days. The vessel and cargo were worth forty thousand dollars when they left Havana, exclusive of the negroes, who cost from 20 to 30 thousand dollars. Vessel and cargo insured in Havana.²⁸

With the *Amistad* in tow, Thomas R. Gedney and his crew sailed to New London. The reason for the change of course, apparently, was the hope of receiving a monetary reward under admiralty law for saving the ship, equal to a third of the cost of the ship and its cargo. Also, since slavery was abolished in New York, the captain could not receive any money for slaves there. Therefore, Gedney sent the captured ship to Connecticut,²⁹ where slavery was still considered a completely legal phenomenon despite all the imposed restrictions, which meant that he could count on a large compensation. The slaves were transported in the hold of the *Amistad*, while Joseph Cinque, whom Montes described as the leader of the rebellious slaves, was

²⁵ Martin, *The Amistad Affair*, 42–43.

²⁶ Martin, *The Amistad Affair*, 43.

²⁷ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 27.

²⁸ Barber, *A History of the Amistad Captives*.

²⁹ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 28.

separated from the rest and placed on the Washington. On August 27, 1839, the ships reached their destination. On that day the prisoners were turned over to Federal Marshal Norris Wilcox, who sent a letter to the district judge.

Amistad Trial

The investigation of the case began on August 29, 1839 in New London. On that day, District Judge Andrew T. Judson boarded the Washington to perform the first investigative steps. Significantly, the case was originally docketed as *United States v. Joseph Cinque and others*. On the first day, Meade and Gedney presented evidence in the form of business correspondence and permits to transport slaves and goods, which they had seized on the Amistad.³⁰ The court also heard testimony from Montes, Ruiz, and Antonio, who outlined the circumstances of the case. Based on the statements of the Spaniards, charges of piracy and the murder of at least two persons were brought against the slaves. After the conclusion of the first session, the Africans were taken to prison in New Haven, while the Spaniards travelled to Boston to consult with the Spanish consul.

Already at this stage, a serious problem emerged. The detainees could not give evidence because they did not speak English. Yale College professor Josiah Willard Gibbs volunteered to help. He established that all the blacks spoke the Mende language, and having learned a few words in it, he went in search of an interpreter. Gibbs soon found a suitable man, sailor James Covey, a former Portuguese slave freed by a British ship.³¹ In addition, the role of interpreter was performed for some time by John Ferry, a native of the African tribe Kissi, but his knowledge of the Mende language was insufficient.

It is worth noting that the Amistad case initially received special attention from the American public. The reason for this was a large-scale press campaign launched by abolitionists. Opponents of slavery saw the captivity of freedom-loving Africans as a cause célèbre for “publicizing the evils of the African slave trade and of slavery itself.”³² On September 4, New York abolitionists proclaimed the formation of the so-called Amistad Committee, which included such prominent members as Lewis Tappan, Joshua Leavitt, and Simeon S. Jocelyn.³³ The first priority of this group was to raise money for lawyers and for the personal needs of black detainees while they were in New Haven prison.³⁴ As a result, the abolitionists chose Seth P. Staples and

³⁰ Martin, *The Amistad Affair*, 61.

³¹ Martin, *The Amistad Affair*, 125.

³² Jones, *Mutiny on the Amistad*, 35.

³³ Rediker, *The Amistad Rebellion*, 108.

³⁴ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 39.

Theodore Sedgwick from New York to represent the defense, with Roger S. Baldwin from New Haven as Senior Counsellor.³⁵

The chosen line of defense initially looked as follows: the detained blacks could not be considered slaves and Spanish subjects because they were too young and did not speak Spanish at all. The fact is that the Anglo-Spanish agreement of October 1820 forbade the import of slaves from the Black Continent,³⁶ which meant that in order to be defendants on the charges, the Negroes who had rebelled on the Amistad had to have lived in Cuba for at least 19 years, while many of them had not even reached that age. In addition, according to Spanish royal law, the transatlantic slave trade was equal to piracy and punishable by death. That was the punishment the abolitionists demanded for Montes and Ruiz.

Montes and Ruiz actively objected to such accusations. On September 6, the Ambassador of Spain to Washington Ángel Calderón de la Barca presented American Secretary of State John Forsyth with a demand for the immediate extradition of the captured blacks to his government.³⁷ The diplomat cited Pinckney's Treaty of 1795, under Article 8 of which the parties pledged not to obstruct the return of foreign vessels if they should for any reason find themselves in their ports. The same applied to goods and property (Article 9).³⁸ The administration of President Martin Van Buren, initially reluctant to take sides in the process, was inclined to support the Spanish demands. The reason was an obvious reluctance to spoil relations with the country that still played an important role in the Caribbean and a justifiable fear of losing electoral support from the Southern states in the run-up to the parliamentary and presidential elections of 1840–41.

On September 14, the captives were transported to Hartford,³⁹ and four days later the first court session opened under the presidency of Smith Thompson, who temporarily replaced Judge Judson. On the same day Montes and Gedney both filed lawsuits. Montes insisted that the slaves should be returned as illegally alienated property and assured that he had acquired them in Cuba in full compliance with both

³⁵ Martin, *The Amistad Affair*, 80.

³⁶ A. Brinkman, "The Reluctant Ally: Anglo-Spanish Slave Trade Negotiations 1820–1821," *Defense-in-Depth*. Research from the Defense Studies Department, King's College London, accessed February 15, 2023, <https://defenseindepth.co/2017/09/15/the-reluctant-ally-anglo-spanish-slave-trade-negotiations-1820-1821/>

³⁷ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 50.

³⁸ "Treaty of Friendship, Limits, and Navigation, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795. Original in English and Spanish Submitted to the Senate February 26, 1796. Resolution of advice and consent March 5, 1796. Ratified by the United States March 7, 1796. Ratified by Spain April 25, 1796. Ratifications exchanged at Aranjuez April 25, 1796. Proclaimed August 2, 1796," The Avalon Project. Documents in Law: History and Diplomacy. Yale Law School, accessed February 15, 2023, https://avalon.law.yale.edu/18th_century/sp1795.asp#art19

³⁹ Martin, *The Amistad Affair*, 88.

Spanish and international law. Gedney filed a suit under admiralty law, claiming that the ship had been seized on the high seas, and therefore the captain and his crew were fully entitled to claim one-third of the value of all “salvaged” property.

Lawyer Roger Baldwin immediately rejected Montes’s arguments, saying that it was impossible for the latter not to know that the slaves were brought to Cuba illegally because they were too young and did not speak either Spanish or Portuguese.⁴⁰ The lawyer cited the *Antelope* case of 1820–25 as a specific precedent⁴¹ and *habeas corpus*, the institution of Anglo-Saxon criminal procedural law that prohibited the unlawful detention of a free person and required the issuance of a special court order to verify the grounds for arrest. In general, the defense insisted that the case did not fall within the jurisdiction of the district court, since it dealt with natural law, and therefore, the case had to be transferred to the Federal Court. Moreover, trying to set a precedent, the lawyers of the rebel slaves initially stated the need to obtain a *habeas corpus* court order for at least three girls who belonged to Montes, for they could hardly be accused of piracy and murder.

However, William Hungerford and Ralph Ingersoll, prosecutors in the case, countered the defense by arguing that the trial was about property rights and international law. In addition, Ingersoll noted that according to the above-mentioned agreement, the ship and property must in any case be returned to the owners, regardless of how, where, by whom, and when exactly those slaves had been acquired. The prosecutor also reminded that if the court admitted the fact of illegal importation of slaves into the United States for sale, in that instance, the act of Congress of 1819 allowed the president to send them back to Africa. However, it was obvious to everyone at that time that no one had brought the defendants into the United States for the purpose of selling them.

The Africans’ defense insisted that they had been illegally enslaved, were free at the time of their detention, and therefore could not be forcibly repatriated. As for Gedney’s claims, the defense provided a counterargument that the 1819 treaty did not authorize military vessels to explore the coast independently in search of smugglers’ ships. That required special authorization, which the captain of *Washington* obviously did not have and no one ordered him to seize the *Amistad*. In addition, Roger Baldwin stated that it was illegal to transport the slaves farther to Connecticut, given the fact that their capture took place in the territorial waters of the State of New York. The lawyer additionally drew the court’s attention to the fact that Gedney was in the service of the US Navy, and therefore could not claim any compensation, as

⁴⁰ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 69.

⁴¹ The *Antelope* Case involved the capture of the Spanish-Portuguese slave ship of the same name by a United States Revenue-Marine vessel on June 29, 1820. On March 15, 1825, after a long trial, the US Supreme Court ruled that most of the slaves from the *Antelope* should be returned to their homeland.

well as to the fact that some of the slaves were on land at the time of the seizure of the schooner, and therefore any rescue of the crew on the high seas was undoubtedly out of the question.

Judge Andrew T. Judson, who had returned to Hartford by that time, almost immediately rejected Gedney and Meade's claims for compensation in the form of one-third of the value of all "salvaged" property, including slaves. He clearly indicated that only the ship and goods could be discussed, but there could be no discussion about the people onboard.

One of the most important moments of the trial was that Baldwin actually accused the US government of interfering in legal proceedings saying that,

I ask, what right has the District Attorney of the United States to file a libel in the District Court of the State of Connecticut, and cause to be apprehended as slaves, or to be held subject to further proceedings, these persons, simply because the Spanish minister has thought proper to make the demand for their restoration? . . . What law has imposed upon the executive of the United States the obligation to hunt up the runaway slaves of Spanish subjects, and restore them? . . . Is it thereby made the duty of the Governors of our free States, upon the demand of the minister of Spain, to issue a warrant and arrest the fugitive slave, and deliver him up?⁴²

As to the charges of piracy, robbery and murder, a grand jury was convened by Judge S. Thompson. The jury ruled that the Hartford District Court could not proceed in the case because the events in question occurred on a Spanish vessel and the detention itself took place in the territorial waters of New York State. Nevertheless, the trial continued.

On September 23, Judge Smith Thompson denied the *habeas corpus* petition and, in an attempt to absolve himself of any responsibility, once again questioned the jurisdiction of the District Court, recalling that, according to the testimony of the detainees' attorney, the seizure of the Amistad had occurred in New York State territorial waters. In order to get to the bottom of the matter, Judson sent a district judge and a prosecutor to Montauk Point to determine the exact location of the seizure. It was also decided to keep the detained Africans in jail. It is noteworthy to add that by that time two of them had already died of dysentery. In order to prevent that from happening again and to avoid abolitionist accusations, the conditions of confinement were revised. The prisoners continued to remain in New Haven prison, but were kept in a special status that allowed for frequent visits, religious instruction

⁴² *The African Captives: Trial of the Prisoners of the Amistad on the Writ of Habeas Corpus before the Circuit Court of the United States for the District of Connecticut at Hartford; Judges Thompson and Judson, September Term, 1839* (New York: American Anti-Slavery Society, 1839), 16.

from Yale professors, and performing physical exercises on the lawn.⁴³ Judge Andrew T. Judson even offered to release them on bail, but the offer was rejected by the Africans' attorneys because the sum of bail could then be considered to be an assessment of the property value.⁴⁴ The following hearing was scheduled for November 19.

It is also worth noting that by that time the attorneys could no longer agree on the choice of a common defense strategy. Theodore Sedgwick suggested focusing on proving illegal enslavement on the basis of both Spanish and international law. Lewis Tappan and Roger Baldwin suggested recognizing the primacy of the so-called natural law. This position was explained mainly by the desire to set an important judicial precedent for the future rather than win a particular case.

The intervention of the former US President John Quincy Adams on the side of the prisoners was a key moment in the case. Acting as an informal consultant, he formulated several questions for the District Court. The main question pointed out the strange inconsistency that slaves who were actually recognized as free people continued to suffer in confinement. Adams called Judge Smith Thompson's references to the Palmer case of 1818 and the Antelope case of 1825 untenable on the grounds that the Amistad case involved not slaves but free people.⁴⁵ On November 19, in a letter to Ellis Gray Loring, a Boston abolitionist, he insisted that the key to resolving the case was the matter of Negroes seizing the ship. In Adams's view, if Joseph Cinque and the other Africans on the schooner had been illegally enslaved, they were entitled to defend their freedom, and Thomas Gedney had no grounds for their arrest in such a case.

In October, Montes and Ruiz published their "Narrative" about the Amistad incident.⁴⁶ Tappan then offered an even bolder response, filing a civil suit on behalf of African Americans against the slave owners, accusing that latter of beatings and unlawful imprisonment. Montes' and Ruiz's version of the events contained many contradictions. For example, the Spaniards claimed that they had spoken to the slaves during the voyage. In response, two letters were submitted to *The New York Journal of Commerce*, which presented an alternative, "black," version of the same events.⁴⁷ This was made possible largely thanks to George E. Day, Yale Divinity Professor, who was able to communicate with the detainees using sign language.

On October 17, both Spaniards were arrested in New York. To secure himself, Tappan filed two lawsuits at once, one in the New York Court of Common Pleas and the other in the State Supreme Court. Based on affidavits from Cinque and another

⁴³ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 77.

⁴⁴ Martin, *The Amistad Affair*, 119.

⁴⁵ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 82.

⁴⁶ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 85.

⁴⁷ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 85.

captive named Fuliwa, joint claims for damages totaling \$3,000 were made. For each of the Spaniards the court set bail at \$1,000.

Such a decision provoked an expectedly sharp response in Madrid. Pedro Alcántara de Argai, the new Spanish minister at Washington, D.C., protested the arrest of his country's citizens, declaring that a foreign court had no jurisdiction in such matters and once again appealing to Pinckney's Treaty. In addition, he pointed out inconsistencies in the testimonies of the detained Negroes, which, according to him, looked so similar that they seemed to be given by the same person, and also cited separate excerpts from them as proof of his own position. In particular, the Africans announced their sale, and that, according to the Spanish minister, directly testified to their slave status.⁴⁸

Fearing negative consequences and accusations, the administration of Martin Van Buren once again tried to distance itself as much as possible from the case under the pretext of non-interference in civil proceedings. On October 22, the New York Civil Court held a preliminary hearing, which ended in an exchange of mutual insults. At the second hearing, the judge stated that he did not know whether the plaintiffs were slaves. Such doubts made the position of Africans very precarious because if they were recognized as slaves, they automatically lost the right to file civil suits.

It should be noted that the reason for filing a lawsuit looked purely formal and clearly insufficient to bring a serious charge against the Spaniards. Given the fact, the judge reduced the bail for Ruiz and Montes to 250 dollars.⁴⁹ The latter was soon released on his own recognizance. To prevent that, the abolitionists had originally planned to follow the tactic of simultaneously filing several similar lawsuits against the Spaniards on behalf of other detained blacks, but Judge Inglis ruled that those lawsuits would not be considered until there was a final decision in the case of *Joseph Cinque v. José Ruiz*.⁵⁰ Four months later, Ruiz was released on bail and hastily departed for Havana, as did his companion.

On November 19, attorney Roger Baldwin stated that according to New York State law, the Negroes became free as soon as they reached its shores. Gedney and Meade continued to insist that the seizure of the ship took place on the high seas. However, the abolitionists had an important witness in Captain Green, who stated that the ship was less than five hundred feet from shore at the time of the seizure. Another important witness was Captain Ferrer's slave Antonio, who was on shore at the time.

Another important episode in the trial was the involvement of English abolitionist Richard Robert Madden, who agreed to testify in court. He arrived in New Haven on November 5 from Havana together with Tappan to participate in the trial. Madden's value as a witness was that he actually represented the British Crown and personally

⁴⁸ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 87.

⁴⁹ Martin, *The Amistad Affair*, 137.

⁵⁰ Only the last name is mentioned in the case files.

acknowledged the circumstances of the case, namely, the exact place and time when the defendants were purchased in Cuba. Specifically, he stated that all the slaves were captured in Africa in April, 1839, taken to Havana, and sold by Pedro Martinez, captain of the schooner Tecora. According to him, Montes and Ruiz were well aware of their provenance when they made the transaction. Moreover, Madden claimed that all the slave transport permits were forgeries because they listed the slaves as *ladinos*.⁵¹ The most important thing in the British abolitionist's testimony was that he confirmed the Spanish authorities' disregard for the illegal importation of slaves. Attempts by District Attorney William S. Holabird to contradict Madden's testimony and exclude it from the case were unsuccessful.

Due to certain difficulties arising from the transfer, the illness of James Covey who could not come to Hartford, and the absence of key witnesses, the meeting was rescheduled for January 7, 1840, in New Haven. By that time the position of the Spanish side had undergone some changes. The Spanish minister Pedro Alcántara de Argaiz stated that the Spanish side was now demanding the extradition of murderers, not slaves. The reason for the change of rhetoric, apparently, was the position of the court. Thus, on January 8, Judge Judson said that we was fully convinced that those people had arrived from Africa a short while earlier and it was useless to deny it. In addition, Josiah Gibbs, a Yale professor, put forward a new argument that confirmed the judge's assertion. According to Gibbs, the Amistad slaves could not have been local because their names were not Spanish but Mende. On the same day, the testimonies of detainees Cinque, Grabeau, and Fuliwa were heard. The Spanish defense tried to find contradictions in the testimony of the rebel leader, but its arguments looked frankly weak.

Antonio Vega, vice-consul of Spain, in his turn was supposed to refute Madden's testimony about the prohibition of slave trade in Havana. However, instead of referring to the regulations, he actually only confirmed their existence, noting that no one in Cuba observed such regulations anyway.

Van Buren's administration tried to find a way out of the situation by devising a plan to export the slaves to Cuba immediately after the announcement of the court's verdict. On January 2, 1840, the State Department sent a memorandum to Secretary of the Navy James Kirke Paulding. The latter was to ensure the arrival of the American warship *Grampus* commanded by Lieutenant John Payne in New Haven harbor by January 10. The ship was to deliver the Negroes to Cuba. The President instructed Gedney and Meade to escort the Negroes for subsequent testimonies. Of course, those orders were highly classified.⁵² However, the plan miscarried after

⁵¹ That word was used to denote Spanish slaves in Cuba, who lived there until 1820, when an agreement between Spain and England banning the import of slaves came into force.

⁵² Jones, *Mutiny on the Amistad*, 114.

African American lawyers and abolitionist newspapers learned of the plot and revealed the administration's intentions.

The main task of the abolitionists at this stage was to prevent the matter of Amistad slaves from being handed over to the President in the event of the main case figures dropping their claims. There was a well-founded fear that he would simply hand over the captives to the Spanish side. Fortunately for the defense, unlike Meade and Gedney, Green was not going to withdraw the plea, insisting that it was he who had convinced the Africans that they were on "free land" and therefore it was he who deserved compensation. That allowed the case to remain in court.

It is noteworthy that during the hearing District Attorney William S. Holabird attempted to remove Montes and Ruiz, who were already in Havana at that time, from the case. However, Judge Judson disagreed with that interpretation. The Spanish side also made an attempt to delay the process. The reason for that was the illness of the Spanish consul Antonio Vega. Referring to Cinque's earlier statements, Marshal Norris Wilcox tried to portray the latter as an African slave trader. However, with the help of by James Covey, the defense was able to prove that Cinque's initial statements had been misinterpreted.

On Monday, January 13, 1840, Judge Judson announced the verdict. The first judgment was a finding of seizure of the vessel on the high seas, which prevented the case from being removed from the jurisdiction of the District Court and tried in New York. The case continued to be tried at the place of appeal, i.e. in Connecticut. To do so, the judge resorted to the definition of high seas from the Daniel Webster case heard in the U.S. Supreme Court in 1818. The trial resulted in the definition stating that the open ocean is a place where the winds and waves rule without control.⁵³ The defense argument that several Negroes were on shore at the time of the capture was not supported by Judge Judson.

The claims of H. Green and P. Fordham were recognized as void on the grounds that neither they nor members of their crews boarded the Amistad and therefore could not claim compensation for "cargo salvage."

As for Gedney and Meade, their actions, on the contrary, were recognized as "salvage of the ship," and thus their claims for one-third of the cargo and ship value were to be satisfied, though without considering the value of black captives.

Montes' and Ruiz's claims were also partially satisfied. According to the court decision, the Amistad and its cargo were to be returned to the Spanish authorities after deducting the cost for "salvage" and other expenses, but the court rejected any claims for "human commodity." Judson stated that the Spaniards had been misled by the man who sold them the slaves as *ladinos*.⁵⁴ The judge summarized as follows:

⁵³ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 131.

⁵⁴ Martin, *The Amistad Affair*, 169.

The purchaser must be vigilant in the investigation of the property he buys. If there had been vigilance in this case, Ruez and Montez might have saved all their property, and the imminent hazard of life; and this Court might have been relieved from this heavy responsibility, which has been pressing it down for these four months.⁵⁵

Cinque and his fellowmen were recognized as illegally enslaved Negroes from Africa. Under the Act of the US Congress of March 3, 1819, the court placed the captives in the custody of the President of the United States, who was to ensure their return to their historic homeland. The only exception was the slave Antonio, who was recognized as the property of the late Captain Ferrer and sent to Cuba under Pinckney's Treaty (according to another version, the abolitionists arranged his escape).⁵⁶

As for the charges of piracy and murder, Judge Judson stated that since the incident occurred on a Spanish ship, it was the prerogative of the Royal Court to deal with it. After the verdict was announced on January 13, the *Grampus* pulled its anchor and sailed from Connecticut.

The decision seemed to be a clear compromise, and both sides were evidently dissatisfied with it. As a result, Attorney Holabird filed an appeal at the President's request, and the owners of the cargo did the same thing. As soon as the White House announced the appeal to the district court through the district attorney in early April, the Africans' defense attorneys filed a motion to dismiss it immediately. Abolitionists Staples and Baldwin insisted that the United States government had no right to claim property on behalf of the Spanish government under international norms, the Constitution, or American law. In fact, it all went back to where it started. Even the Spanish minister Pedro Alcántara de Argaiz dropped his demand for the extradition of the murderers, not the slaves, saying that his words had been misunderstood by the court because of an error in translation. Thus, the Spanish side returned to the original demand for the full return of its citizens' property.

It should be noted that the American press actively stirred up the heated reactions around the case of the Africans from the schooner *Amistad* by frequent publications telling about the personal intervention of the President in the judicial process. But the most unpleasant thing for Van Buren's administration was something else: the abolitionists tried to involve the British government in the *Amistad* case. Madden personally appealed to British Ambassador Henry S. Fox to help resolve the case, and the latter passed the information to British Foreign Secretary Lord Henry John Temple Palmerston. Van Buren's administration was most concerned that the British might use the case as an excuse to accuse Spain of violating the 1817 Anglo-Spanish

⁵⁵ *Hartford Courant*, January 16, 1840, 4.

⁵⁶ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 200.

treaty prohibiting the trade of African slaves in order to invade Cuba. Madden informed the British representative in Washington that according to Vega's interpretation, the treaties with England were useless, and being de facto inoperative, they were null and void. Britain began pressing the Spanish government to prosecute Ruiz and Montes in Cuba.

In the beginning of May, judges S. Thompson and A. Judson denied the defense attorneys' motion and reaffirmed the district court's decision announced earlier. The Amistad case was to go to the Supreme Court and be heard again in January 1841.⁵⁷ The Negroes remained in custody. Judge Thompson also denied the defense's request to set bail.

In mid-June, the Amistad case was once again hit the front pages of leading periodicals after at the behest Baldwin, *The New York Express* actually directly accused the White House of falsifying court documents. It turned out that the copies of the case files sent to the Congress by District Attorney Holabird mentioned *ladinos*, although the District Court had previously come to the unequivocal conclusion that the rebellious slaves were *bozales*, i.e. they were not of Creole but of African origin and were brought to Cuba after the Anglo-Spanish agreement of 1820 had entered into force.⁵⁸ On December 10, John Quincy Adams brought the matter before the House of Representatives and proposed the formation of a five-member committee to investigate whether Document no. 185 had been "falsified" or whether there had been a simple translation error. As a result, the appropriate corrections were made, while the committee rejected any charges of deliberate fraud.

In preparation for the final hearing, the Amistad Committee asked John Quincy Adams to take the place of Roger Baldwin as Senior Counselor. The latter, undoubtedly, was doing a good job but did not have the same fame as the former president. In addition, Adams was not considered an abolitionist, and therefore looked acceptable for the supporters of slavery. As Senior Counselor, John Quincy Adams began by filing a motion to dismiss the case on the grounds that the United States courts lacked the necessary jurisdiction to decide it and, moreover, were an interested party.⁵⁹

The crucial hearing began on February 22 with the speech of Attorney General Henry D. Gilpin, who voiced the same arguments, referring to Pinckney's Treaty and the Antelope case. In response, Roger Baldwin tried to parry with the traditional references to the principle of justice, the spirit of the Declaration of Independence, and natural law. Turning to the Supreme Court's decision in the *New York v. Miln*

⁵⁷ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 142.

⁵⁸ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 145.

⁵⁹ Martin, *The Amistad Affair*, 188.

case, he argued that the Federal Government had no right at all to appeal on behalf of foreigners.⁶⁰

In his speech on February 24, Adams strengthened Baldwin's argument by actually accusing Attorney Holabird, Secretary of State Forsyth, and former President Van Buren of pandering to Spanish interests and interfering in the proceedings. In particular, he referred to a letter from Forsyth to the Spanish minister Pedro Alcntara de Argaiz, in which the Secretary of State actually recognized Ruiz and Montes, but not their former slaves, as actual victims. "By what right was it denied to the men who had restored themselves to freedom, and secured their oppressors to abide the consequences of the acts of violence perpetrated by them?" exclaimed John Quincy Adams.⁶¹

The debate was supposed to continue the following day, but due to the death of Judge Philip Barbour, the meeting was postponed to March 1. It is worth noting that Gilpin's main argument seemed rather absurd. In his opinion, slaves acted like pirates, seizing themselves as property from the Spaniards.⁶² The prosecutor rejected all references to illegal enslavement, stating that only a Spanish court could establish whether there was a fact of violation of royal law.

On March 9, Judge Joseph Story announced the final verdict in the Amistad case. He rejected references to the 1819 Act, the charges of piracy and slave trade, and the validity of Article 9 of the 1795 treaty on the grounds that the Spanish side had failed to provide convincing evidence of ownership. Article 6, still in force through the Ons-Adams Treaty,⁶³ was irrelevant in this case because it dealt with wartime incidents in which the property of subjects of one of the agreed parties was forcibly transferred to the territorial jurisdiction of the other. Article 8 dealt with incidents of weather, pirates and enemies forcing a ship of one country to seek refuge in the port of the other. Article 9 stipulated that ships and cargoes rescued from pirates or robbers at sea and brought to the port of any signatory country were to be turned over to the port authorities and fully repossessed as soon as proper and sufficient evidence was produced. Storey explained that for Article 8 or Article 9 to apply, all of those conditions were to be met. The judge stated that the circumstances of the Amistad case did not fall under any of those articles because neither weather nor enemies caused the ship to land in the American waters, and the Negroes were most definitely not pirates.⁶⁴ Moreover, the court refused to recognize them as the legitimate property

⁶⁰ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 173.

⁶¹ "John Quincy Adams – Amistad Speech February 24, 1841," *Dispatch*, February 23, 2016, accessed February 15, 2023, <https://www.theglobaldispatch.com/john-quincy-adams-amistad-speech-february-24-1841-61756/>

⁶² Jones, *Mutiny on the Amistad*, 189.

⁶³ The Ons-Adams Treaty was signed by the United States and Spain in Washington on February 22, 1819 to settle a border dispute between the two countries.

⁶⁴ Jones, *Mutiny on the Amistad*, 192.

of Spanish citizens Montes and Ruiz on the grounds that Cinque and his companions did not belong to the category of *ladinos*. They were born in Africa, where they had been illegally kidnapped and taken to Cuba in violation of international treaties. Therefore, they were fully entitled to armed resistance while chained on board the Amistad. The rights of Thomas R. Gedney and the crew of the Washington to remuneration were also confirmed, while the loud accusations of John Quincy Adams against Van Buren's government were left unattended. But the main outcome was, undoubtedly, the order for the immediate release of all the detainees.

This verdict effectively ended the Amistad case. The Negroes were transported to Farmington, Connecticut, where they worked in the fields for a time. The attempt of the Amistad Committee to insist that they be sent to Africa at the expense of the Federal Government failed. It was necessary to restore to fundraising once again. The former captives were also involved, and some of them went on a tour of the states. When the necessary sum of money was raised, Joseph Cinque and 34 other Negroes sailed for Freetown, Sierra Leone. That occurred on November 25, 1841.

Consequences

The key result of the Amistad case was undoubtedly the widespread sensitization of the American public to the problem of slavery. The trial unequivocally brought the debate between opponents and supporters of the phenomenon to a new level. As a result, the Amistad case came to be regarded as a major success of the American abolitionist movement in the 1840s. The proud figures of Joseph Cinque, nicknamed the Black Prince by the press, and his comrades inspired many people to fight against slavery. In particular, such notable abolitionists as Martin Robinson Delany, Frederick Douglass, Henry Highland Garnet, Thomas Wentworth Higginson, and John Brown appealed to their images.

Among other things, the Amistad case provoked notable internal political changes. In fact, it became the swan song of the administration of President Martin Van Buren and the Democratic Party, which lost the next presidential and parliamentary elections. In general, almost the entire election campaign of 1840 was built around the issue of slavery, which was largely influenced by the high-profile Amistad trial. As a result, the Whig Party managed to beat the Democrats and win more seats in the Congress, reflecting the changes in American public opinion.⁶⁵ Of course, that political force could hardly be called abolitionist, but its victory seemed a positive development in the eyes of the opponents of slavery. It is noteworthy that later, in the 1850s, the Whig Party split over the expansion of slavery, and many of its supporters soon joined the new Republican Party, which had a much tougher position on the issue.

⁶⁵ R.P. Formisano, "The New Political History and the Election of 1840," *Journal of Interdisciplinary History*, vol. 23, no. 4 (1993): 661–82.

Of course, all these positive changes had their downside that should also be mentioned here. Thus, in the 1850s, a reverse trend began to spread. It was caused by the conservative reaction to the rise of the abolitionist movement. It found concrete expression in new judicial precedents, such as the cases of Dred Scott (1846–57), Celia (1855), John Brown (1859), and legislative initiatives such as the Fugitive Slave Act of 1850 and the Kansas-Nebraska Act of 1854. All this led to the radicalization of the abolitionist movement and the emergence of the black nationalism doctrine, the most prominent representatives of which were above-mentioned Martin Robinson Delany⁶⁶ and Henry Highland Garnet.⁶⁷

It should also be noted that the Amistad case had notable consequences for foreign policy as well, remaining a hotbed of diplomatic tension in both Spanish–American and US–British relations for a long time. For 20 years, the Spanish government continued to seek in vain a review of the case and payment of compensation.

Most importantly, the Amistad case clearly demonstrated the existence of a deep division in American society over the issue of slavery, which 20 years later became one of the causes of the Civil War.

In conclusion, let us say that the Amistad mutiny cannot be described as a typical nineteenth-century slave rebellion in the United States. Unlike the Orleans revolt of 1811 led by Charles Deslondes or the famous Nat Turner’s rebellion in Virginia in 1831, the main role in it was played not by Creoles but by Africans. Moreover, the Africans had not been enslaved in the territory of the United States but ended up there solely due to coincidence. In addition, the rebels did not initially seek to free local slaves, and the localization of the rebellion was limited to the schooner Amistad. Nevertheless, these differences do not diminish the significance of the event. The Amistad case and the judicial decisions taken on it can be called unique for that time, as the rebels were in fact acquitted by the American justice system for the first time, which created an important historical precedent. In fact, this explains the unambiguous assessment of the Amistad case in Anglo-American historiography.

Список литературы

Давыдов Н.В. Свобода: подходы к пониманию (на примере фильма «Амистад») // *Философия права и права человека: сборник научных статей / под редакцией О.Н. Томюк.* Екатеринбург: Макс-Инфо, 2015. С. 99–101.

⁶⁶ A.A. Schumakov, “The Life of Martin Robinson Delany and the Evolution of His Ideological and Political Views” [in Russian], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (47) (2021): 141–53.

⁶⁷ A.A. Schumakov, “Henry Highland Garnett – the Voice of Radical African American Abolitionism in the Mid-Nineteenth Century” [in Russian], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (57) (2023): 143–60.

Мухеева Е.А. Эволюция репрезентации афроамериканского населения в американском кинематографе // История и политика в искусстве: материалы III Международной научно-практической конференции для школьников, студентов и аспирантов (Красноярск, 25 апреля 2019 г.) / под редакцией Е.С. Меер. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2019. С. 88–90.

Шумаков А.А. Генри Хайленд Гарнет – голос радикального афроамериканского аболиционизма середины XIX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 3 (57). С. 143–160.

Шумаков А.А. Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 1 (47). С. 141–153.

About // Amistad Research Center. URL: <https://www.amistadresearchcenter.org/about> (дата обращения: 15.02.2023).

Abraham A. The Amistad Revolt: An Historical Legacy of Sierra Leone and The United States. Freetown, Sierra Leone: United States Information Service, 1987. 27 p.

A History of the Amistad Captives: Being a Circumstantial Account of the Capture of the Spanish Schooner Amistad, by the Africans on Board; Their Voyage, and Capture Near Long Island, New York; with Biographical Sketches of Each of the Surviving Africans; Also, an Account of the Trials had on Their case, Before the District and Circuit Courts of the United States, for the District of Connecticut / compiled by Barber J.W. New Haven, CT: E.L. & J.W. Barber, Hitchcock & Stafford, 1840. 32 p. // Documenting the American South. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html> (дата обращения: 15.02.2023).

Brinkman A. The reluctant ally: Anglo-Spanish slave trade negotiations 1820–1821 // Defence-in-Depth. Research from the Defence Studies Department, King's College London. URL: <https://defenceindepth.co/2017/09/15/the-reluctant-ally-anglo-spanish-slave-trade-negotiations-1820-1821/> (дата обращения: 15.02.2023).

Foner E. The Amistad Case in Fact and Film // History Matters. URL: <https://historymatters.gmu.edu/d/74> (дата обращения: 15.02.2023).

Formisano R.P. The New Political History and the Election of 1840 // Journal of Interdisciplinary History. 1993. Vol. 23, № 4. P. 661–682.

Jones H. Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy. New York: Oxford University Press, 1987. 271 p.

John Quincy Adams – Amistad Speech February 24, 1841 // Dispatch. February 23, 2016. URL: <https://www.theglobaldispatch.com/john-quincy-adams-amistad-speech-february-24-1841-61756/> (дата обращения: 15.02.2023).

Martin C. The Amistad Affair. New York: Tower Publications, 1970. 248 p.

Owens W.A. Black Mutiny: The Revolt on the Schooner Amistad. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1997. 322 p.

Pesci D. Amistad: The Thunder of Freedom. Boston, MA: Da Capo Press, 1997. 240 p.

Rediker M. The Amistad Rebellion: An Atlantic Odyssey of Slavery and Freedom. New York: Viking, 2012. 288 p.

The African Captives: Trial of the Prisoners of the Amistad on the Writ of Habeas Corpus before the Circuit Court of the United States for the District of Connecticut at Hartford; Judges Thompson and Judson, September Term, 1839. New York: American Anti-Slavery Society, 1839. 47 p.

Treaty of Friendship, Limits, and Navigation, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795. Original in English and Spanish Submitted to the Senate February 26, 1796. Resolution of advice and consent March 5, 1796. Ratified by the United States March 7, 1796. Ratified by Spain April 25, 1796. Ratifications exchanged at Aranjuez April 25, 1796. Proclaimed August 2, 1796 // The

Avalon Project. Documents in Law: History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/sp1795.asp#art19 (дата обращения: 15.02.2023).

Zeuske M. Rethinking the Case of the Schooner Amistad: Contraband and Complicity after 1808/1820 // *Slavery & Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies*. 2014. Vol. 35, № 1. P. 156–164.

References

“About.” Amistad Research Center. Accessed February 15, 2023. <https://www.amistadresearchcenter.org/about>

Abraham, A. *The Amistad Revolt: An Historical Legacy of Sierra Leone and the United States*. Freetown, Sierra Leone: United States Information Service, 1987.

Barber, J.W., comp. *A History of the Amistad Captives: Being a Circumstantial Account of the Capture of the Spanish Schooner Amistad, by the Africans on Board; Their Voyage, and Capture Near Long Island, New York; with Biographical Sketches of Each of the Surviving Africans; Also, an Account of the Trials had on Their case, Before the District and Circuit Courts of the United States, for the District of Connecticut*. New Haven, CT: E.L. & J.W. Barber, Hitchcock & tafford, 1840. Documenting the American South. Accessed February 15, 2023. <https://docsouth.unc.edu/neh/barber/barber.html>

Brinkman, A. “The Reluctant Ally: Anglo-Spanish Slave Trade Negotiations 1820–1821.” *Defence-in-Depth*. Research from the Defence Studies Department, King’s College London. Accessed February 15, 2023. <https://defenceindepth.co/2017/09/15/the-reluctant-ally-anglo-spanish-slave-trade-negotiations-1820-1821/>

Davydov, N.V. “Svoboda: podkhody k ponimaniyu (na primere fil'ma ‘Amistad’)” [Freedom: approaches to its understanding (based on the film *Amistad*)]. In *Filosofiya prava i prava cheloveka: sbornik nauchnykh statei* [Philosophy of law and human rights: collected scientific articles], edited by O.N. Tomyuk, 99–101. Yekaterinburg: Maks-Info, 2015. (In Russian)

Foner, E. “The Amistad Case in Fact and Film.” *History Matters*. Accessed February 15, 2023. <https://historymatters.gmu.edu/d/74>

Formisano, R.P. “The New Political History and the Election of 1840.” *Journal of Interdisciplinary History*, vol. 23, no. 4 (1993): 661–82.

“John Quincy Adams – Amistad Speech February 24, 1841.” *Dispatch*, February 23, 2016. Accessed February 15, 2023. <https://www.theglobaldispatch.com/john-quincy-adams-amistad-speech-february-24-1841-61756/>

Jones, H. *Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy*. New York: Oxford University Press, 1987.

Martin, C. *The Amistad Affair*. New York: Tower Publications, 1970.

Mikheeva, E.A. “Evolyutsiya reprezentatsii afroamerikanskogo naseleniya v amerikanskom kinematografe” [The evolution of the representation of the African-American population in American cinema]. In *Istoriya i politika v iskusstve: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya shkol'nikov, studentov i aspirantov (Krasnoyarsk, 25 aprelya 2019 g.)* [History and politics in art: proceedings of the 3rd international scientific and practical conference for school, undergraduate, and post-graduate students (Krasnoyarsk, April 25, 2019)], edited by E.S. Meer, 88–90. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2019. (In Russian)

Owens, W. A. *Black Mutiny: The Revolt on the Schooner Amistad*. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1997.

Pesci, D. *Amistad: The Thunder of Freedom*. Boston, MA: Da Capo Press, 1997.

Rediker, M. *The Amistad Rebellion: An Atlantic Odyssey of Slavery and Freedom*. New York: Viking, 2012.

Schumakov, A.A. “Genri Khailend Garnet – golos radikal'nogo afroamerikanskogo abolitsionizma serediny XIX v.” [Henry Highland Garnett – the voice of radical African American abolitionism in the mid-nineteenth century]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* no. 3 (57) (2023): 143–60. (In Russian)

Schumakov, A.A. “Zhizn' Martina Robinsona Delani i evolyutsiya ego ideino-politicheskikh vzglyadov” [The life of Martin Robinson Delany and the evolution of his ideological and political views]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (47) (2021): 141–53. (In Russian)

The African Captives: Trial of the Prisoners of the Amistad on the Writ of Habeas Corpus before the Circuit Court of the United States for the District of Connecticut at Hartford; Judges Thompson and Judson, September Term, 1839. New York: American Anti-Slavery Society, 1839.

“Treaty of Friendship, Limits, and Navigation, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795. Original in English and Spanish Submitted to the Senate February 26, 1796. Resolution of advice and consent March 5, 1796. Ratified by the United States March 7, 1796. Ratified by Spain April 25, 1796. Ratifications exchanged at Aranjuez April 25, 1796. Proclaimed August 2, 1796.” The Avalon Project. Documents in Law: History and Diplomacy. Yale Law School. Accessed February 15, 2023. https://avalon.law.yale.edu/18th_century/sp1795.asp#art19

Zeuske, M. “Rethinking the Case of the Schooner Amistad: Contraband and Complicity after 1808/1820.” *Slavery & Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies*, vol. 35, no. 1 (2014): 156–64.

Информация об авторе

Андрей Андреевич Шумаков – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, takamori@rambler.ru, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (д. 53, пр-т Ленина, 300000 Тула, Россия).

Information about the author

Andrei A. Shumakov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, takamori@rambler.ru, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics (53, pr. Lenina, Tula 300000, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 14.06.2023.

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ДИСКУССИОННАЯ
ПЛОЩАДКА

INTERDISCIPLINARY
DISCUSSION PLATFORM

2024 · Т. 8 · № 1

Научная статья

УДК 94(47)+75.071.1(470)Верещагин

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-8>

EDN XYNDAJ

Север в публицистике В.В. Верещагина (о межисточниковых связях в словесном творчестве художника)

Антон Владимирович Всеволодов

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Anton V. Vsevolodov

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Аннотация. В статье проблема соотношения словесного и визуального в творчестве В.В. Верещагина рассматривается через призму анализа его текстов, посвященных Северу России, в том числе выявленных в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи черновиков статей для «Новостей и биржевой газеты». Показано, что в словесно-творческом развитии Верещагин представляет собой тип художника, со временем преодолевающий узко-цеховые рамки профессии и переходящий к исследованию более масштабных общественно значимых проблем. Логичным поэтому представляется его обращение к публицистическому письму. Словесное творчество никогда не теряет у Верещагина генетической связи с визуальным по видо-жанровой специфике, стилю, а в каком-то смысле и по инструментарию – но в процессе развития обнаруживает тенденцию к обособлению. Здесь характерны монтажность построения, частый межвидовой и внутривидовой перенос одних и тех же структурно-содержательных компонентов. «Северные» тексты Верещагина 1880–1890-х гг., поначалу бывшие пояснением и дополнением живописных работ, затем меняются с ними местами по значимости, а в итоге освобождаются от всякого визуального сопровождения, становясь полноценными публицистическими высказываниями. Вслед за этим меняется и региональная оптика. Начав с отдельных «раскрытий» Севера как жизненного фона в биографических нарративах, Верещагин движется к его целостному восприятию как жизненного ареала и осмыслению

© Всеволодов А.В., 2024

© Vsevolodov A., 2024

конкретных тем: от сохранения памятников старины до постановки медицинской помощи, борьбы с расколом и развития народного просвещения.

Ключевые слова: В.В. Верещагин, Север, регион, публицистика, межисточниковые связи, словесное, визуальное

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01128 «Василий Верещагин: творческая идентификация, динамика восприятия, стратегии освоения и актуализации наследия в российском культурном опыте XIX – начала XXI вв.», <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>).

Для цитирования: Всеволодов А.В. Север в публицистике В.В. Верещагина (о межисточниковых связях в словесном творчестве художника) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 293–350, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-8>

The North in the Opinion Journalism of V. Vereshchagin (On the Inter-Source Connections in the Artist's Verbal Works)

Abstract. In the article, the problem of the visual-verbal correlation in the work of V. Vereshchagin is considered through the prism of the analysis of his texts devoted to the Russian North, including drafts of his articles for *Novosti i birzhevaya gazeta* found in the Manuscript Department of the State Tretyakov Gallery. It has been shown that in terms of verbal creative development, Vereshchagin represents a type of artist who eventually overcomes the narrow framework of the profession and moves on to the study of larger socially significant problems. Therefore, his taking on journalistic writing seems logical. Vereshchagin's verbal creative work never lost its genetic connection with the visual in terms of genre specificity, style, and, in some sense, instrumentation, but in the process of development it revealed a tendency to isolation. It is characterized by the assemblage of composition and frequent interspecific and intraspecific transfer of the same structural components. Vereshchagin's "northern" texts of the 1880s–90s, which initially served as explanations and additions to his paintings, changed places with them in importance, eventually freed from any visual accompaniment, and became full-fledged journalistic statements. Following that, regional focus also changed. Starting with individual episodes of "unveiling" the North as a background in biographical narratives, Vereshchagin moved towards its holistic perception as a vital areal and comprehension of specific topics, from preservation of ancient monuments to the provision of medical care, the fight against the schism, and the development of public education.

Keywords: Vasily Vereshchagin, North, region, journalism, inter-source connections, verbal, visual

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01128 "Vasily Vereshchagin: Creative Identification, Perception Dynamics, Strategies of Heritage Mastering and Actualization in the Russian Cultural Experience of the 19th – Beginning of the 21st Centuries," <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>

For citation: Vsevolodov, A.V. "The North in the Journalism of V. Vereshchagin (On the Inter-Source Connections in the Artist's Verbal Works)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 293–350, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-8>

Пишущий художник как художник-публицист

Когда человек, напряженно и плодотворно занимавшийся искусством, вдруг зачем-то отрывается от своего призвания и начинает писать, он попадает в пространство с непривычным на первых порах ландшафтом, ритмом и репертуаром событий. Если же новоиспеченный автор предпочитает темы, никак с его профессией не связанные, то это означает, что у него есть возможности, потребности, но главное – смелость высказываться именно о них.

При таких отправных посылах самое естественное, но и наиболее опасное поприще для художника – публицистика. В силу чрезвычайной разнородности своих задач и очевидной нацеленности на «публику», а значит и на то, что принято называть публичной сферой, эта область словесности трудноопределима. Она локализуется между вымышленным и документальным, литературой и журналистикой, «частным» человеком и обществом, для которого отдельно взятое мнение может не значить ровно ничего или стать симптомом и следствием крупных внутренних трансформаций. Публицистическое высказывание способно зафиксировать и констатировать проблему социального масштаба в известных границах и для определенной аудитории. Ядро высказывания образует поступок, одинаково понимаемый и в обыденном, и в возвышенно-философском значении: как ответственное действие, которым личность утверждает себя. Ее предшествующий опыт при этом переходит во внеличное, интересубъективное состояние – дает поступку духовный и ценностный фон, преодолевается, отрицается или продолжается и обретает новое качество.

Центральная, конституирующая роль поступка просматривается здесь в словоупотреблении. «Публицистичность», «публицист» часто не самостоятельные, а атрибутивные понятия, как бы прилагаемые к чему-то более важному. Б.И. Есин, например, писал о русской журналистике 1860-х гг., что в ней «Не издатель и редактор, а *критик-публицист* определяет направление, значение и авторитет издания»¹. Горький у этого же исследователя *журналист* и *публицист* без всякого различия², а художественные очерки Короленко отличаются «яркой *публицистической* формой»³. Так акцентируется, во-первых, тяготение к демократическому, открытому авторству, а во-вторых, совершенно особое свойство публицистики – быть «внешним расширением» ведущей деятельности субъекта, то есть диалектически продолжать ее в слове, не повторяя, а находя свежие фокус и материал. За ними необходимо следуют

¹ Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917). Москва: Флинта, Наука, 2006. С. 37. Здесь и далее курсив наш. – А. В.

² Есин Б.И. История русской журналистики. С. 65–66.

³ Есин Б.И. История русской журналистики. С. 64.

адекватные форма и инструментарий – частью заимствуемые, а частью индивидуально находимые.

В публицистической активности художника должен быть особенно заметен элемент самопрезентации. Имеется в виду, конечно, не самососредоточенность (нормативная в автобиографиях и дневниках⁴), а обоснование, представление и защита некой концепции себя и своего права высказываться по вопросам, не относящимся, на первый взгляд, к авторскому ведению. Пусть публицист не обязан во всем, о чем он пишет, разбираться с занудством патентованного эксперта, однако в его тексте авторское *Я* должно быть внятно артикулировано и стилистически опознаваемо. Как это будет сделано – зависит от конкретных провоцирующих обстоятельств, число которых едва ли поддается учету.

Потому из множества триггеров публицистического высказывания нас далее будет интересовать только один – *регион*, а конкретно Север Европейской России второй половины XIX столетия. Материалом исследования станут произведения В.В. Верещагина, посвященные упомянутому историко-культурному ареалу.

Подобно другим деятелям русского искусства своей эпохи, Верещагин много выступал в печати⁵. Один (неполный!) перечень его выставочных каталогов, газетных и журнальных статей, подготовленный А.К. Лебедевым, занимает

⁴ Все источники эго-типа, но прежде всего, конечно, дневники, в той или иной степени можно считать «Я-нарративами» (англ. self-narrative). Сам термин не лишен поверхностной экстравагантности, но имеет полезное для историка теоретическое обременение: чтобы им пользоваться, нужно различать автора-внетекстового субъекта и автора-субъекта повествования («автобиографического героя»). Если в литературоведческом исследовании текста такая дистинкция принята изначально в большем обобщении (там учитывается несовпадение автора и повествователя), то для источниковедения она ценна еще тем, что переозвучивает фундаментальную проблему социальной обусловленности вида. В новой аранжировке практика как первичный стимул создания источника занимает место классовых интересов, преломляющихся в сознании и деятельности конкретного лица, из марксистски ориентированного источниковедения, либо индивидуальной психики в координатах культуры – при взгляде на тот же процесс из неокантианской перспективы. Нас же это должно предостеречь от желания считать публицистическое высказывание автора его прямой проекцией. См.: Янке Г. Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 89–106.

⁵ На «исключительность» среди пишущих художников обратил внимание в своей замечательной статье В.А. Кошелев. См.: Кошелев В.А. Мемуарная проза В.В. Верещагина: метод и мастерство // «Недаром помнит вся Россия...»: материалы Международной научной конференции, посвященной 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения / составитель Н.А. Бритвина. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2003. С. 28.

семь страниц большого формата⁶. И все-таки нужно постараться, чтобы найти в этом объемистом списке что-то, связанное с живописью или вообще с искусством. Пожалуй, только две работы – «Реализм» и «Прогресс в искусстве» – без оговорок могут быть признаны программными, теоретическими. Чистой художественной критики, в отрыве от полемики, Верещагин избегал – видимо, потому, что слишком часто бывал вынужден от нее обороняться. Мысли об искусстве вплетались у него в канву иных рассуждений или переносились в личное общение, отчего казались более, чем в действительности, бескомпромиссными и – высокомерными. Это отличает его от Крамского, но и роднит с ним. Иван Николаевич, при очевидном критическом складе ума⁷, даже в переписке не мог отстраниться от оценивания (ср.: «Что касается Стасова-критика, т[о] я в нем его не признаю, т.е. разумея критика безотносительно, но готов согласиться, что он лучше многих, а по-Вашему, и всех, но это все-таки не дает права быть ему критиком действительно»⁸). Манерой критиковать и в тоне, и в едкости слова он напоминал Верещагина. Все же статьи Крамского по внешней тематике должны быть названы профессиональными – притом, что в начальной фазе его пробы в словесности были по возрасту: стихи «незрелой и наивно дилетантской формы», автобиография и дневник⁹. Потом все это лирическое, кроме дневника, было оставлено, и Крамской творчески развился в пишущего художника известного типа, а именно – критика и теоретика.

Верещагин пришел к автобиографии на склоне лет, а посредственные стихи сочинял и в зрелом возрасте. Записи дневникового характера были у него отрывочны и, насколько можно судить, часто были или становились сырьем для им же изобретенного формата публичного письма – «Из записной книжки

⁶ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество (1842–1904) / под редакцией А.В. Солодовникова. Москва: Искусство, 1972. С. 350–356.

⁷ Заметим, справедливости ради, что критические способности Крамского современники рассматривали по-разному. Например, М.М. Антокольский, по сообщению А.С. Суворина, говорил, что он «не прямо подходит к предмету» (Дневник А.С. Суворина / под редакцией М. Кричевского. Москва, Петроград: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. С. 68). Известно, что Верещагин «доморощенную философию» Крамского, при неизменной к нему симпатии, ставил невысоко, извиняя ее тягостность болезнью и «недостатком научного образования» оппонента. См.: *Верещагин В.В. Иван Николаевич Крамской: к его характеристике // Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания / составители В.А. Кошелев, А.В. Чернов. Москва: Советская Россия, 1990. С. 212–214.*

⁸ И.Н. Крамской – В.В. Верещагину. 10 ноября 1876 г. // Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах / составитель С.Н. Гольдштейн. Москва: Искусство, 1965. Т. 1. С. 382.

⁹ *Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах. Т. 1. С. VII–VIII. Статьи см. во втором томе того же издания (Москва: Искусство, 1966).*

[художника]». Называя себя по имени, а иногда сразу и по профессии («Художник В.В. Верещагин»), наш герой шел вразрез с распространенным мнением о том, что публицистике лучше быть анонимной, что подпись публицисту только мешает. Так считал, в частности, А.С. Суворин¹⁰.

Верещагин знаменитого издателя не жаловал и анонимность явно была для него неприемлема с первого появления в прессе. В списке Лебедева этот дебют отнесен к августу 1867 г., когда в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла заметка «Из путешествия по Закавказскому краю. Духоборцы». Верещагин же относил свою «первую литературную попытку» к 1862 г. («Рассказ старого охотника», который он хотел, но не смог напечатать в газете «Голос»)¹¹. Обращение к большой форме произошло позже: в 1883 г. увидели свет «Очерки, наброски, воспоминания»¹². Теперь Василий Васильевич, по меркам времени, мог считаться писателем. Шесть лет спустя Ф.И. Булгаков очень точно описал уже определившийся размах творческих и жизненных стремлений Верещагина: «художник-путешественник, изобразитель ужасов войны, иллюстратор-этнограф, писатель и боевой герой»¹³. Словесное творчество Верещагина Булгаков возводил полностью к жизненному и профессиональному опыту – путешествиям, воспоминаниям и произведениям¹⁴.

О том, что характеристика «писатель», «автор» и т.п. в отношении Верещагина превратилась в очередной своего рода стереотип, имеются и более поздние данные. В сообщениях европейской прессы о гибели художника можно встретить весьма показательные сравнения и формулировки:

Верещагин со своей кистью равен Толстому и Горькому с пером в руках: по этой самой причине он никогда не пользовался большой любовью у

¹⁰ См.: А.С. Суворин – В.В. Розанову. 29 сентября 1911 г. // Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина «Новое время», 1913. С. 176–177.

¹¹ Автобиография В.В. Верещагина // Бурова Г., Лебедев А. В.В. Верещагин и В.В. Стасов. С приложением переписки В.В. Верещагина и В.В. Стасова за 1885–1904 гг. Москва: Искусство, 1953. С. 230.

¹² Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 350–351.

¹³ Булгаков Ф.И. Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. Биографии, портреты художников и снимки с их произведений. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1889. С. 87.

¹⁴ Булгаков Ф.И. Наши художники. С. 90.

соотечественников¹⁵; Василий Верещагин, русский художник, писатель и военный корреспондент...¹⁶.

Разрыва между словом и живописью у Василия Васильевича никогда не существовало, но они и не сближались между собой в той же степени, что, например, у Блейка. Для английского поэта-художника авторская иллюстрация к стихам, по сути, представляет собой параллельную, равную книжному тексту форму их бытования. Верещагин не таков. Литературное и публицистическое его творчество, как бы ни было оно любопытно, не сравнится с визуальным, однако позволим себе сказать, что характер связи между тем и другим не передается одними по сути верными констатациями («взаимообогащение», «сосуществование», как это обозначили А.В. Кошелев и А.В. Чернов¹⁷).

Ближе к вечно ускользающей истине, кажется, был Крамской, понявший, что живопись Верещагина исходно – вербальна, причем монологична¹⁸. А он сам «скорее, агитатор», который «торопится захватить всю группу явлений и о каждой сказать свое слово, ему некогда, сколько еще дела ждет его»¹⁹. О публицистичности верещагинской живописи Иван Николаевич писал Суворину 20 ноября 1885 г., отрицая такой подход как губительный для искусства, обращающий живопись «в служителя проповедников политических, социальных и исторических доктрин»²⁰. Другой его упрек – в незавершенности многих верещагинских картин: Крамской не принимает, чтобы в живописи первична была посторонняя по отношению к искусству идея. В частности, о Балканской серии он говорит следующее:

...у зрителя возникает неудовольствие: зачем эта книга написана на таких громоздких листах. Было бы и целесообразнее, и лучше, если бы мысли

¹⁵ The greatest war painter of our time // Weekly Herald. April 23rd, 1904 // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – ОР ГТГ). Ф. 17. № 1389. Газетные вырезки о Верещагине В.В. 1904 г. Л. 2.

¹⁶ Stuart D.W. Vasili Vereshchagin // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1389. Л. 3.

¹⁷ Кошелев В., Чернов А. «Этот все может» // Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. С. 11.

¹⁸ Ср. дискуссии о «фрагментарности, этюдности» сочинений А.П. Чехова, близости его к импрессионистам (Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 293–296).

¹⁹ Цит. по: Крамской об искусстве / составитель Т.М. Коваленская. Москва: Изобразительное искусство, 1988. С. 135.

²⁰ И.Н. Крамской – А.С. Суворину. 20 ноября 1885 г. // Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах. Т. 2. С. 208.

художника были распространены посредством литературы, в одной маленькой книжечке²¹.

Верещагин, по убеждению Крамского, не снизойдет «с мировых задач, с философии, политики, социальных доктрин» и не напишет «просто картину», без скрытой за ней идеи²².

Если Крамской прав, то Верещагин в аспекте соотношения у него слова и образа близок к Микеланджело. Э. Панофский, рассуждая о неоплатонизме великого флорентийца, заметил, что стихи точно выражают специфику его мышления как скульптора: «режущие чувствительный итальянский слух своей шероховатостью и неровностью», они «отличаются от более благозвучных произведений его современников тем, что звучат правдиво. В них известные платонические идеи отражают ту же психологическую реальность, которая проявляется в его произведениях»²³.

Панофский показал и другое: Микеланджело пишет *не так*. Но не потому, что на ходу меняет правила изложения, да и итальянский, вопреки шероховатостям стиля, у него тот же, что у прочих гуманистов. Прибегая время от времени к поэтической речи, он все равно остается универсальным художником, чья эстетическая система столь же универсальна. Тогда и подход к слову и камню – один: «поэт немилосердно отбрасывает слова, формы и выражения и избирает немного, осколки мрамора летят из-под резца ваятеля»²⁴.

У Верещагина, на наш взгляд, определяется подобное же единство, пусть и другого эстетического уровня. Оба направления его творческой активности задействуют общий фонд опыта (это, сам не понимая до конца, угадал и Булгаков). Однако слово русского художника не служит живописи: тексты,

²¹ И.Н. Крамской – А.С. Суворину. 20 ноября 1885 г. // Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах. Т. 2. С. 205. Об этом же см. в статье: Куликова О.В. Палестинская серия и скандал на выставке в Вене // Братья Верещагины: искусство и общество: сборник докладов научных конференций / под редакцией А.Е. Новикова. Череповец, Вологда: Череповецкий государственный университет, Череповецкое музейное объединение, Сад-Огород, 2021. С. 33.

²² И.Н. Крамской – А.С. Суворину. 12 декабря 1885 г. // Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах. Т. 2. С. 217.

²³ Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения / перевод с английского Н.Г. Лебедевой, Н.А. Осминской. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2009. С. 302.

²⁴ Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / под редакцией С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. Москва: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 287.

взятые одиночно, строятся иначе, чем полотна. В.А. Кошелев, говоря о нетрадиционности писательского мастерства Верещагина, подчеркнул, что его опорные принципы противоречат живописным: картины строятся в серию, тексты разрозненны и сводятся только по желанию автора. Иначе говоря, литератор Верещагин действует как живописец, запечатлевая мгновения, а художник Верещагин пользуется приемами литературы, монтируя отдельные живописные фрагменты в линейно организованное повествование – в нарратив²⁵. Тогда и источниковедчески его текст нужно рассматривать как нетрадиционный, стоящий на грани видов, – хаотическое, потоковое, незавершаемое целое? Или живопись Верещагина следует трактовать идиографически как комплексный визуально-словесный источник, учитывая, что нередко, кроме самого произведения, наличествует авторская подпись к нему и авторский же комментарий, от него неотделимый?

Все это важнейшие междисциплинарные задачи, решить которые пока нельзя. Проблема, как представляется, в том, что Кошелев брал в расчет только крупные верещагинские тексты, игнорируя публицистику. Да, отдельные очерки и заметки Василий Васильевич собирал под одной обложкой, но это собрание касалось далеко не всего им написанного. И даже между разрозненными его текстами должны определяться какие-то содержательные и логические связи, учитывая, что они, в конечном счете, порождены опытом и системой идей одного человека.

Выводу Кошелева о противоположности словесных и живописных техник у Верещагина ощутимо не достает источниковых аргументов, хотя он и схватывает многое в том, как формировался творческий инструментарий художника. Чтобы уточнить наши представления об этом, следует, во-первых, согласиться с Крамским в признании публицистичности живописи Верещагина. А во-вторых – обратиться собственно к его публицистике, но не ко всей (сейчас это невозможно), а к отдельному в ней сюжету, – как к модели предварительного исследования вопроса общего порядка.

Восток – и Север

Если считать публицистическим всякое письменно или иначе зафиксированное и распространенное высказывание на общественно значимую тему, то в случае Верещагина таковым следует назвать уже знаменитую корреспонденцию в «Голосе» за 11 сентября 1874 г. – с извещением об отказе

²⁵ Кошелев В.А. Мемуарная проза В.В. Верещагина: метод и мастерство. С. 33–34.

художника от звания профессора Академии художеств²⁶. Что побудило Верещагина отправить Стасову это «неприличное письмо»²⁷ для последующего обнародования: сознательный протест против чинов в искусстве, стремление эпатировать публику самим фактом гласного отказа или простое желание оповестить общество о своем решении наиболее удобным в известных обстоятельствах (автор письма находился в Индии) способом – установить вряд ли удастся. Объяснение А.К. Лебедева, склонявшегося, как известно, к первому варианту, базируется на словах самого Верещагина, но сказанных уже в 1890-е гг., и поэтому не может быть признано исчерпывающим. Не подлежит сомнению, что, решаясь на публикацию, Верещагин дистанцировался от академизма в искусстве – но вот хотел ли он добиться эффекта, в итоге письмом произведенного? Учитывал ли, как положено публицисту, реакцию аудитории?

Тут снова нужно прибегнуть к позднему свидетельству. Крамской в письме Стасову 27 сентября 1882 г. писал о демарше восьмилетней давности: «Он (Верещагин. – А. В.) не побоялся скандала. Или лучше – для меня это был бы скандал, а для него – вещь простая»²⁸. Что было у других намерением и «годится только на мостовую», Верещагин воплотил в поступке, направленном против «вредного предрассудка» академических званий. Лидер передвижников, как видно, полагал, что не скандал и не протест был целью нашумевшей заметки, а действие само по себе – но последствия Верещагин понимал ясно уже потому, что до него никто не решался на подобное. Это было его личное гражданское и публицистическое *inventio*.

Ошибочно, тем не менее, думать, что Верещагин в словесном творчестве ориентировался только на собственные взгляды и идеи, игнорируя ожидания публики. Во вступлении к «Детству и отрочеству...» он указывал, что именно потребности читателя («польза») послужили руководством при отборе биографического материала в книгу. О втором томе, рукопись которого впоследствии была утрачена, Василий Васильевич написал, что он «представит

²⁶ См.: «Мы получили из Бомбея, от В.В. Верещагина, следующее письмо...» // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 789. Оп. 14. Д. 29-В. Л. 10. Об этом см. подробнее: *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин. С. 130–136.

²⁷ Выражение начальника Главного управления по делам печати М.Н. Лонгинова, употребленное им в письме к конференц-секретарю Академии П.Ф. Исееву 9 октября 1874 г. Это письмо см.: Личное дело В.В. Верещагина – ученика Императорской Академии художеств // РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 29-В. Л. 58. О документе см.: *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин. С. 136.

²⁸ И.Н. Крамской – В.В. Стасову. 27 сентября 1882 г. // Крамской И.Н. Письма и статьи в двух томах. Т. 2. С. 77.

еще более матерьяла для истории нашего времени и интереса для читателя»²⁹. Обмолвка об истории в автобиографической работе более чем красноречива, поскольку за ней просматривается не только известное самомнение и честолюбие (в чем Верещагину нельзя было отказать), но и некая глубинная эволюция в восприятии задач письма. Они продвигаются все дальше и расширяются: от частных, персональных к почти глобальным.

От самоутверждения, от трансляции в слове личного опыта (в первую очередь «литературных “отчетов” о своих дальних поездках»³⁰) Верещагин в 1880–90-е гг. перешел в плоскость тех самых «мировых задач», за которые так ожесточенно пенял ему Крамской. В рукописной статье о Сибирской железной дороге художник позволяет себе рассуждения, которые иначе как геополитическими назвать не получается. Например:

Постоянное безостановочное расширение наших границ, вопрос великой важности, и хоть он уже многократно был решаем в известном смысле, но нарушения этих решений, благодаря отдаленности окраин, на которых они происходят, проскальзывают как-то малозамеченными, и присоединения громадных пространств территории обращают на себя менее внимания общества, чем обыденные политические скандалы Европы <...> Известна история завоевания Туркестана: каждый новый начальник считал своею обязанностью поиграть в солдатики. Взяли Туркестан – Чемкент и Алм[а]-Ата для соединения оренбургской и сибирской линии укреплений, Ташкент захватили в придачу; Ходжент в этой операции оставался в стороне и его можно было бы оставить в покое, но как его оставить, коли он плохо лежит? – взяли и Ходжент; Ура-Тюбе, Джицак, Самарканд и после Кокан[д]ская область взяты также только потому, что плохо лежали <...> Еще был бы смысл в этих страшно дорого стоящих расширениях территории...³¹

²⁹ Детство и отрочество художника В.В. Верещагина. Т. I. Деревня. – Корпус. – Рисовальная школа. Москва: Типолиитография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1895. Предисловие (В оригинале страницы не нумерованы. – А. В.).

³⁰ Соловьева С.В. Был ли В.В. Верещагин военным агентом? Отношения художника и военного ведомства (по материалам российских архивов) // Иван Айвазовский. Взгляд из XXI века; Василий Верещагин: больше чем художник: материалы научных конференций / под редакцией Г.С. Чурак и др. Москва: Государственная Третьяковская галерея, 2019. С. 197.

³¹ Верещагин В.В. «Удивительно, что до сих пор не проведена большая Сибирская железная дорога...». Б/д. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1912. Л. 25, 26. При цитировании здесь и далее сохранена орфография автора. – А. В.

Цитированная черновая рукопись располагается в одном архивном деле с черновиком очерка об И.С. Тургеневе³², больше того: ее текст начинается на обороте последнего листа этого очерка – вслед за схематичным обозначением тургеневского портрета, который Верещагин намеревался поместить в публикации³³. Сложно сказать, означает это единство датировки обеих рукописей (около 1883 г.³⁴) или нет, но прямое совмещение столь различающихся видово и жанрово произведений замечательно характеризует потоковость верещагинского письма в плане не только инициально-творческой, но и редакторской работы. Между биографическим очерком и аналитической статьей у художника нет даже физической грани, хотя разделить их и при одновременной подготовке к изданию было бы логично. Тем важнее, что рассуждения о регионе в данном пункте отрываются от обычной для Верещагина рефлексии путешествования. Регион теперь впервые становится сразу и политически означаемым пространством и публицистическим конструктом, а не только объектом воспоминания и визуализации в слове.

Выходя на новый для себя уровень анализа, Верещагин не боится повторяться, раз за разом обращаясь к каким-то моментам в своей памяти, сюжетам, темам или отдельным деталям, переозвучивая их и переосмысляя в новых контекстах и масштабах, словно бы психологически на них фиксируясь. При этой вторичной текстуализации и перекомпоновке материала происходит также видовая конверсия. Например, элемент травелога может сначала иметь политико-публицистическое звучание. В очерке «Китайская граница. Набег» (1889) сказано об окрестностях реки Борохудзир:

³² Опубликовано в составе «Очерков, набросков, воспоминаний». См.: *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. С. 178–186.

³³ *Верещагин В.В.* [Тургенев] // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1912. Л. 1–19; *Верещагин В.В.* «Удивительно, что до сих пор не проведена большая Сибирская железная дорога...» // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1912. Л. 19 об.–30.

³⁴ Упоминание Кульджинской провинции, ранее занятой русскими войсками, а позднее возвращенной Китаю, показывает, что статья о железной дороге писалась не ранее 20 сентября 1879 г. (Ливадийский договор о разделе Илийского края между Россией и Цинской империей) или, вероятнее, после 12 февраля 1881 г. (Петербургский договор, по которому русские войска ушли из Кульджи, окончательно – в 1882 г.). См.: *Верещагин В.В.* «Удивительно, что до сих пор не проведена большая Сибирская железная дорога...» // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1912. Л. 24; *Кадников В. С.* Из истории кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Т. СХХIV. С. 908; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 179–199; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 147–150. Интересно, что к теме Сибирской дороги, правда, в другом аспекте, Верещагин вернулся много позднее – в 1898 г. (см.: *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин. С. 352).

Здесь места, обезлюдившие после кровавого возмущения в Китае, недавно перешли в наши владения; они были заняты сметливыми офицерами, главным образом, разумеется, потому, что плохо лежали; официально же под предлогом, что тут протекает речка с чистою, здоровою водицею³⁵.

В статье о Сибирской дороге эта деталь играет еще роль дополнительного аргумента в пользу ненужности присоединения новых восточных территорий:

До восстания дунган, напр[имер], граница к стороне Кульджы шла недалеко от горного хребта, вдоль которого идет большая дорога, а в конце шестидесятых годов я застал уже наш отряд и с ним границу, передвинутую в Борохудзир. Спрашивается – почему? А потому что в Борохудзире речка, а в речке хорошая прозрачная водица, значит, стоять отряду там вольготнее³⁶.

Но с наибольшей ясностью демонстрируют такое кумулятивное развитие верещагинской публицистики по региональному вектору все же не «восточные», а «северные» тексты.

Фактография и художественные плоды поездок Василия Васильевича по Верхневолжью (Ростов, Ярославль, Кострома и др.) в 1887/1888–1891 гг. хорошо исследованы многолетними усилиями Е.В. Ким³⁷ и потому сейчас не требуют отдельного освещения. Путешествие от Сольвычегодска до Соловков летом 1894 г. подробно описал сам Верещагин³⁸. Между этими крайними

³⁵ Воспоминания художника В.В. Верещагина. Китайская граница. Набег // Русская старина. 1889. Т. LXIV, кн. 10. С. 161.

³⁶ *Верещагин В.В.* «Удивительно, что до сих пор не проведена большая Сибирская железная дорога...» // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1912. Л. 25 об.

³⁷ *Ким Е.В.* В.В. Верещагин в Ростове Великом (факты, гипотезы, домыслы) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XVI / под редакцией В.В. Зякина. Ростов: [б. и.], 2006. С. 414–463; *Ким Е.В.* В.В. Верещагин в Ростове Великом (неизвестные страницы биографии) // История и культура Ростовской земли. 2006: материалы научной конференции (Ростов, 12–14 ноября 2006 г.) / под редакцией В.В. Зякина и др. Ростов: [б. и.], 2007. С. 317–331; *Ким Е.В.* В.В. Верещагин – И.А. Шляков (документы и парадоксы текстологии). К 165-летию со дня рождения И.А. Шлякова // История и культура Ростовской земли. 2007: материалы научной конференции (Ростов, 7–9 ноября 2007 г.) / под редакцией В.В. Зякина и др. Ростов: [б. и.], 2008. С. 255–277; *Ким Е.В.* В.В. Верещагин – И.А. Шляков. Ярославский проект 1888 года // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XVIII / под редакцией В.В. Зякина. Ростов: [б. и.], 2010. С. 112–145 и др.

³⁸ *Верещагин В.В.* На Северной Двине. По деревянным церквам. III приложение к каталогу картин В.В. Верещагина. Москва: Типолитография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1896 (первое изд. – 1895 г.).

вехами посещения художником Вологды, на первый взгляд, менее важны, но и событийно, и содержательно оказываются связаны с ними. Не разделяются северные путешествия и мотивно: их корневое побуждение – интерес к памятникам материальной и духовной культуры, традициям, социально-исторической специфике, экономической жизни региона. Местную самобытность, которая интересовала его во всех предметных и вербальных проявлениях: от старинных, XVI века, церквей до жемчужных серег, которые носили крестьянки, резных скамеечек, фольклора и особенностей диалектной речи, Верещагин считал общенациональным достоянием, подлежащим не просто охране, а защите от истребления и искажения. Это заставляло его собирать северные редкости³⁹ не только для себя, но и чтобы заразить любовью к ним других. Храмовая архитектура Севера – главный фокус верещагинского любопытства⁴⁰, но далеко не единственный. Точнее будет сказать, что деревянные церкви – лишь объективация познавательного настроения, а истинный его смысл и калибр *археологический*. На Двину Верещагин отправлялся, как он сообщал меценату и коллекционеру П.И. Щукину, «смотреть старину»⁴¹. Увлечшись ею со всей страстностью натуры, Василий Васильевич еще до возвращения в Москву принялся убеждать Щукина поучаствовать в «деле реставрации древности», а потом заявил, что тому следует активно приобретать русские вещи (в том числе иконы, деревянную скульптуру, резные изделия из

³⁹ Примеры некоторых вещей, привезенных Верещагиным с Севера см., например, в публикации: *Новаковская-Бухман С.* Собрание В.В. Верещагина // Василий Верещагин / под редакцией И. Афанасьевой. Санкт-Петербург: Государственный Русский музей, Palace Editions, 2022. С. 37–41.

⁴⁰ Стойкий интерес к храмовой архитектуре обнаруживается у Верещагина не только в связи с Севером. Он заметен и в японском путешествии, и даже на водах Франценсбада. В недатированной рукописи, где сравниваются условия российских вод и знаменитого божемского курорта, между утверждениями, типичными для любопытствующего туриста – о том, что «в Германии совсем нет мух» или что «Здесь есть кондитер-булочник, поставщик в[еликого] к[нязя] Сергея Александровича», встречается описание «русской церкви», построенной, по предположению художника, немцем, ибо она «представляет собой какую-то склейку понадерганых из разных изданий московско-византийских мотивов» (Рукопись Верещагина В.В. Авторские записи. Б/д. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1598. Л. 7). В книге «На Северной Двине...» Верещагин похоже оценивал русскую архитектуру Нового времени (церковную и гражданскую) – считая ее нерационально и безвкусно эклектичной (см., например: *Верещагин В.В.* На Северной Двине. С. 80–81).

⁴¹ Цит. по: *Щукин П.И.* Воспоминания. Из истории меценатства в России / составитель Н.В. Горбушина. Москва: Государственный Исторический музей, 1997. С. 211. См. также: *Риммер Э.П.* В.В. Верещагин и московский меценат П.И. Щукин // В.В. Верещагин и его «картины русской жизни, русской истории»: материалы Всероссийской научной конференции / под редакцией О.Ю. Белозеровой и др. Череповец: [б. и.], 2011. С. 29–36.

кости и др.). В аспекте коллекционирования русское искусство – и, в частности, северное как лучшее выражение национальных отличий – художник, конечно, ставил по ценности выше восточного. Верещагин убеждал Петра Ивановича:

Повторю, собрание, составленное по такой разумной мысли, будет целою наглядною школою родного искусства... Может быть, Вы иного мнения – тогда, конечно, я Вам не буду и заикаться об этом. Японщину, китайщину и проч. какая есть, продайте или выменяйте!⁴²

Щукин ни этой излишней настойчивости, ни культуртрегерского пафоса не оценил: их благоприятно начавшееся знакомство с Верещагиным оборвалось размолвкой. Но «историзирующий» импульс, данный Севером творческой энергии художника или, по крайней мере, обновленный им, не сошел на нет. Радикальная критика культурных новаций XVIII в., высказанная Щукину (так, Петр Великий ни больше ни меньше «осмеял», «оплевал» и «задушил» оригинальную русскую архитектуру⁴³), парадоксально характеризует Верещагина как человека модерного мышления. Он увлеченно защищает «старину» как пример аутентичного, т.е. лишённого позднейших наслоений искусства, но не является ее слепым апологетом. Что его действительно возмущает, так это бездумно-утилитарное отношение к наследию Московской эпохи. Но и эта позиция сложнее, чем просто порыв – привести на архаическую, отжившую окраину актуальные культурные формы и практики (вроде музея, научной реставрации, общедоступных образования и здравоохранения, рационально поставленного лесного надзора), законсервировать уцелевшее, развить то, что можно развить, и на том остановиться. Верещагин не просто изучает Север сам – он стремится показать его другим. Здесь и его интенции, и его действия опять-таки оказываются публицистичны.

Рядом с приведенной выше краткой филиппикой Петру стоит еще одна очень верещагинская фраза: «Я набрал на полотно немало остатков прошлого, от которых так и веет родною стариною, – как-нибудь покажу Вам все это»⁴⁴. Стало быть, собрание в физическом смысле (коллекционирование) и писание, например, этюда с резной деревянной колонны или с чудотворной иконы – эстетически подобные процессы, подчиненные общей цели?

⁴² Цит. по: Щукин П.И. Воспоминания. С. 213.

⁴³ Цит. по: Щукин П.И. Воспоминания. С. 212.

⁴⁴ Цит. по: Щукин П.И. Воспоминания. С. 212. Ср.: «Я набросил на полотно красивую интересную деревянную колокольню...». См.: Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 51.

Констатировать такое единство принципиально, поскольку его можно проследить и в иных сочетаниях. Северные впечатления Верещагин накапливал и обрабатывал долго. Первым крупным интеллектуальным итогом его усилий, помимо полотен, стали вышедшие в 1895 г. «Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей»⁴⁵, где регион – одно из ключевых мест действия или же родина действующих лиц. Территориальную привязку имеют шесть из семи глав книги, причем пространство повествования четко вписано в ментальный контур Севера конца позапрошлого столетия: оно включает Ярославскую, Костромскую, Вологодскую и Архангельскую губернии. Как и сам Верещагин, представляемые им в книге персонажи постоянно в движении: странствуют от монастыря к монастырю, ходят в паломничество, уезжают и возвращаются. Эта их биографическая динамика, построенная на пересечениях, повторяющихся географических реалиях, обуславливает появление своего рода блуждающих деталей и сюжетов, невольно «предсказывающих» реальные передвижения автора в скором будущем. Так, несколько раз упоминаются пешее путешествие и поездка на пароходе в Архангельск или на Соловки («в Соловецк»)⁴⁶. В главе «Алексей Иванович Шадрин» впервые появляется архангельский домик Петра, о котором впоследствии Верещагин напишет уже от своего лица⁴⁷. В изложении героя, «странника-богомольца», приведена и одна из связанных с царем легенд: о плавании по Двине и утихомирном ударе плети по воде шторме⁴⁸. Впоследствии – в одном из очерков под рубрикой «Из записной книжки» (1901) – будет заявлена уже целая концепция Севера как места памяти о Петре, «народного культа его»⁴⁹.

Неоднократные межисточниковые повторы, элементы, переходящие из текста в текст, видимо, следует считать приметами верещагинского письма. Между «территориально» и хронологически близкими произведениями они, как видим, играют роль связующего звена. Ими же организуется и видовое развитие внутри связанного с регионом источникового комплекса.

⁴⁵ Здесь и далее использовано издание: *Верещагин В.В.* Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей. С фототипиями. II приложение к каталогу картин В.В. Верещагина. Москва: Типолитография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1896.

⁴⁶ *Верещагин В.В.* Иллюстрированные автобиографии. С. 28, 49, 133. Ср.: *Верещагин В.В.* На Северной Двине. С. 109.

⁴⁷ *Верещагин В.В.* На Северной Двине. С. 106 и др.

⁴⁸ *Верещагин В.В.* Иллюстрированные автобиографии. С. 45.

⁴⁹ *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. С. 292; *Верещагин В.В.* На Северной Двине. С. 102 («по всему пути до Архангельска личность великого работника очень популярна в преданиях...»).

Названные и задуманные словно в пику «Русским замечательным людям» А.С. Суворина⁵⁰ «Иллюстрированные автобиографии» Верещагина выводят на авансцену человека почти фольклорного (мастеровой, нищенка, богомолец, отставной дворецкий, солдат, кружевница, монах): как бы неинтересного, как бы обойденного вниманием публики и как бы ей совсем, в силу *незамечательности*, незнакомого. Прямая речь героев, данная, на вид, без отделки и строгой композиции, как бы вырванная из живого потока, обеспечивает эффект остранения, исключая вмешательство автора и его оценивающее мнение. Ей не сопоставлены никакие предлагаемые обстоятельства: читателя вынуждают самого «расслышать» эту речь, а единственный знак авторского присутствия в книге, если не считать названий глав и купюр в текстах, обозначенных отточиями, – портреты. Вопреки подзаголовку, не слово здесь комментирует изображение, а портрет в паре с названием главы создает рамку для автобиографического повествования.

При доминирующем использовании чужого слова Я-нарративность «Иллюстрированных автобиографий» показывается сразу – названием имени и профессии автора на обложке, но этим не исчерпывается. Автор здесь виден в выборе формы, в сборе и сборке материала и в допечатной работе с ним. Но и по отношению к автобиографическому герою (повествователю) эта книга тоже может быть названа Я-нарративом. Вынося себя за скобки как ненужного посредника, Верещагин, по-видимому, стремился к вербализации своей живописи, чтобы достичь некой чистоты зрительского впечатления. Впрочем, первую задачу он решал и без всяких метафор. Известно, что 5 декабря 1892 г., на вечере в зале Петербургской городской думы художник читал от лица старого дворецкого стихотворение «Черт и Ванька». Портретный этюд демонстрировался собравшимся тут же и оценен был сдержанно⁵¹.

Итак, «Иллюстрированные автобиографии» тяготеют к синтезу, но оставаясь «приложением к каталогу картин», конечно, его не достигают. Они не что иное, как попытка Верещагина почти по-чеховски дать «изображение окружающего мира через конкретное воспринимающее сознание»⁵². Север показывается в них не широко, а отдельными «окнами», раскрытиями – характерологическими,

⁵⁰ См., например, по изданию: Русские замечательные люди. Рассказы А. Суворина. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Граншеля, 1874. Впечатление намеренности, соревнования усиливается тем, что Суворин пишет о деятелях XVI–XVII вв. (Никоне, А.С. Матвееве, Ермаке), а Верещагин – о современниках.

⁵¹ В.В. Верещагин – В.В. Стасову. [17 ноября 1892 г.] // Бурова Г., Лебедев А. В.В. Верещагин и В.В. Стасов. С. 186–188, 190–191. Текст стихотворения см.: *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин. С. 342. Прим. 12; о нем – на с. 232.

⁵² *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. С. 291.

социально-бытовыми и пространственными штрихами («Я Костромской губернии, Макарьевского уезда, деревни Осиповки; деревня – душ полтора; сперва почин был от села, а потом и разрослась»⁵³; «Прихожу в город Вельск, было часов 8 вечером, захотелось чаю попить...»⁵⁴; «Ходят у нас в Соловецкий-то так, а у меня страсть была...»⁵⁵) или сюжетными зарисовками («В Шенкурском уезде отец свою дочку привел в монастырь...»⁵⁶), в том числе показываемыми как часть жизненной канвы автобиографического героя («Особенно кутейников не любил, – вот семинаристы, иначе “семинары”, мы все прежде кутей их звали...»⁵⁷). Множественность ракурсов превращает регион в сцепление динамических фрагментов – карту, движущуюся вслед за героем.

В северодвинском путешествии точка сбора одна. И регион теперь выстраивается в одном видении – автора-повествователя, но тоже динамически (в ритме барки, плывущей по реке и останавливающейся то тут, то там). В «Автобиографиях» монтажность композиции обеспечивается последовательным соединением семи независимых очерков в цепочку. Рассказ героя строится аналогичным образом – из отобранных фрагментов его речи, ранее записанной художником. Очерк «На Северной Двине...» совмещает исходный материал путевого дневника с позднейшими вставками, благодаря которым повествование не просто становится линейно-целостным, достраивается, но и жанрово расширяется. За счет этого добавочного внутреннего объема в нем находится место и возможность для публицистических «осложнений».

Обе рассматриваемые книги вышли из печати в 1895 г., обе названы «приложениями к каталогу картин» и подписаны одной и той же Я-нарративной формулировкой «Художник В.В. Верещагин». Но во второй книге значение живописного изображения сведено к иллюстрации, без которой печатный текст вполне обошелся бы, тогда как в «Автобиографиях», повторимся, визуальное и словесное еще взаимодополняемы. Оценивая динамику, нельзя не учитывать разницу замыслов, а также интервалы между путешествием и подготовкой рукописи (1) и между рукописью и книгой (2). Для «Автобиографий» (1) составляет минимум год (1891–1892), либо более шести лет (1888–1895) и (2) – примерно год (1894–1895). «На Северной Двине...» пишется и публикуется в более сжатые сроки – с осени 1894 до конца

⁵³ Верещагин В.В. Иллюстрированные автобиографии. С. 79.

⁵⁴ Верещагин В.В. Иллюстрированные автобиографии. С. 57.

⁵⁵ Верещагин В.В. Иллюстрированные автобиографии. С. 117.

⁵⁶ Верещагин В.В. Иллюстрированные автобиографии. С. 59.

⁵⁷ Верещагин В.В. Иллюстрированные автобиографии. С. 2.

1895 г. Обобщая эти весьма зыбкие расчеты, скажем: Верещагин во время путешествий по волжским губерниям – одно качество авторства, а после плавания по Двине – несколько другое. Высокий темп изменений техники письма у Василия Васильевича косвенно подтверждается интенсивностью его словесного труда: за один 1895 г. свет увидели четыре книги. Именно этим, в значительной части, нужно объяснить видовое своеобразие произведений художника, их балансирование между дневником, травелогом и автобиографией. Если учесть, что в год двинского путешествия была издана и повесть «Литератор» (1894), то станет понятно, что Верещагин продвигался не только от вида к виду, но и от условной *не-литературы* (документального или квазидокументального повествования) к *литературе*. Публицистика на этом пути – необходимый промежуточный этап, параллельная творческая линия.

В очерке «На Северной Двине...», кроме рассуждений о судьбах национального искусства, публицистически озвучены еще несколько тем: церковный раскол на Севере и его последствия (термины «староверие», «старообрядчество» Верещагин не использует, предпочитая следовать официальному дискурсу), состояние лесного хозяйства, а также здравоохранения. Каждая из этих тем вводится через призму сознания повествователя, всякий раз с использованием одного и того же приема – знакомства с героем («Я познакомился тут с чиновником Удельного ведомства, заправлявшим операцией рубки и сплава леса...»⁵⁸, «Священник – почтенный, старый, выслужившийся из причетников; по его словам, когда он ... принял здешний приход, народ вовсе не ходил в церковь...»⁵⁹; «Мы познакомимся в Черевкове с местным доктором...»⁶⁰). Однако следующий за этим вводным знакомством критицизм, как правило, лишен социальной глубины – он еще слишком изобразителен, не в полной мере обособлен от путевого впечатления: этому пока препятствует сама источниковая форма, жанровая специфика, но главное – вся бытовая конкретика эпизода, в которую заключено публицистическое высказывание. Вряд ли поэтому до конца справедливо считать его одним свидетельством «негодования», «протеста» художника против чего-то, его борьбы с чем-то, как это порой делалось в историографии⁶¹.

Тон и структура высказывания Верещагина-публициста все-таки тривиальны. Визуализированное начало («В ожидании паром бабы мурлыкают песню, поддерживая костер от комаров») переходит резко, без средних тонов, в натуралистичную завязку («Везде и всюду здесь разгул, и муж обыкновенно

⁵⁸ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 23.

⁵⁹ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 28.

⁶⁰ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 56.

⁶¹ Ср.: Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 239.

пропивает все заработанные деньги в ущерб семье»), а от нее – к острой кульминации-финалу («Так как безграмотность здесь поголовная, то казалось бы, что хваленое счастье патриархального невежества должно бы было обитать тут, но на деле – иное: счастья и в помине нет – нужда, пороки и бедность вопиющие»⁶²). Вариант той же трехчастной схемы – с включением в завязку реплики персонажа-посредника, с разрастанием каждого элемента в абзац. Таково второе посещение Верещагиным земской больницы в Черевкове: «По дороге опять заезжал в больницу, еще раз подивился на убогость этого заведения...» – «“Худо ли, хорошо ли”, – говорил доктор...» – «По словам доктора, дурное питание и дурной уход выращивают местами настоящую породу детей-кретинов...»⁶³. Другой вариант – изолированная реплика-интермедия самого повествователя, например, прерывающая рассказ о перемещении из пункта в пункт («Тот администратор, который поднимет вопрос об осушении вологодских болот, сослужит краю хорошую службу»⁶⁴).

Столь же изобразительно Верещагин использует и цифровой материал; в этом у него нет аналитики, только иллюстрация:

У него под командой 11 фельдшеров, 6 бабок и 2 ветеринарных фельдшера... Это небольшое число врачебного персонала должно лечить от всевозможных болезней и эпидемий на протяжении трех-четырех сот верст!⁶⁵

К книге примыкают хронологически и содержательно разрозненные черновые заметки, внешне оформленные как новая порция «Листков из записной книжки» (с характерными разделителями-отбивками, без внятной композиционной связи между ними, небольшого, в несколько абзацев, объема)⁶⁶. В архивной описи они не совсем точно названы «дневниковыми», а с

⁶² Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 100.

⁶³ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 62.

⁶⁴ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 73.

⁶⁵ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 56.

⁶⁶ Дневниковые записи Верещагина В.В. Рукописная копия. Б/д. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 25–37. На л. 1–13 того же дела помещается еще одна составная рукопись (другого почерка) с вымаранным заголовком «Церковь и село Иоанна Богослова». По лежащим в его основе социальным и визуальным впечатлениям этот текст можно отнести к верхневолжским путешествиям Верещагина, причем ранним (упоминается и описывается церковь Иоанна Предтечи в Толчкове, этюды в интерьере которой датируются 1888 г. См. о них: Ким Е.В. О вновь выявленных произведениях русской серии В.В. Верещагина // В.В. Верещагин. Искусство и общество: материалы Всероссийской научной конференции / ответственный за выпуск Л.Х. Маликова. Череповец: [б. и.]. 2017. С. 11–18).

учетом того, что все они исполнены секретарским почерком, с авторской правкой, ясно, что перед нами – материал, частично использованный в монтаже очерка «На Северной Двине», но в основном не вошедший в книгу и переработанный. В нем присутствуют и мелкие ретроспективные добавления из верхневолжских и вологодских поездок⁶⁷, и более существенные. Здесь, в частности, расширены фактологически записи о Сольвычегодске и этимологии его названия. То, что в книге передано эскизно: «Когда-то при Строгановых это был город <...> Теперь в Сольвычегодске около тысячи человек жителей»⁶⁸, здесь озвучивается более развернуто и насыщенно:

Когда-то, во времена Строгановых, это был большой населенный и богатый город – теперь в нем до 1000 жителей населения при 11 церквях с прекрасными звонкими колоколами и интересными остатками старины в некоторых...⁶⁹

Сольвычегодский собор, выведенный в книге только фототипией с картины, описывается здесь отдельно. Упомянуты, в частности, недавно в нем обнаруженные «строгановские прихоти» (как полагал Верещагин – каменные мешки для замуравывания недовольных)⁷⁰. Выделяется и рассказ, посвященный Великому Устюгу⁷¹. Акцентированы в записях и темы, в книжной версии совсем периферийные, – северная топонимика и диалектная лексика, наивные наблюдения над которыми придают региональному пространству, в изображении Верещагина чаще плоскостному, глубину и звуковой колорит⁷².

Помимо уже знакомой рекомбинации повторяющихся текстовых фрагментов, верещагинская манера проявляется в изучаемых северных заметках

⁶⁷ Таковы упоминания о Спасо-Прилуцком, Спасо-Ярославском, Макарьёво-Унженском монастырях (Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 26 об.–27 об.).

⁶⁸ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 3.

⁶⁹ Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 25 об.

⁷⁰ Верещагин В.В. На Северной Двине. Вклейка между с. 2 и 3; Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 26 об. Имеются в виду «подвалы» или «погреба» (то есть обширные помещения в подклете) Благовещенского собора. Однако еще во второй половине XIX в. тюремное их назначение не было в городе общепризнанным: одни считали их строгановскими кладовыми, другие говорили, что это усыпальницы и т.п. См., например: Попов В. Сольвычегодская старина // Сольвычегодская старина. Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска / под редакцией А.Н. Власова. Сыктывкар: СГУ, 1994. С. 94–96.

⁷¹ Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 25–25 об.

⁷² Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 25, 37 и др.

оригинальными содержательными и стилистическими перепадами, напоминающими легкость и тематическую пестроту лирического дневника из японского средневековья (его принято было писать свободно – «как ляжет кисть»). Вот и у Верещагина рядом могут стоять афористическое авторское суждение, монтированное с поговоркой («Большинство нынешних монахов не ради Иисуса, а ради хлеба куса!»), описание поверья, трансформирующееся, опять-таки, в сугубо авторский микротекст («Интересно на Севере поверье, что пожар надобно заливать молоком. – Где же достать столько молока, сказал мой знакомый, передавший мне об этом...») и рассуждения о «русском стиле» в искусстве, о том, что обе столицы нуждаются в новых, современных музеях, а Москва – и в естественно-историческом⁷³. Публицистичность показывается у Верещагина даже там, где совсем не ожидаешь ее найти.

Знакомство с бедственным во многих отношениях настоящим северной деревни (как оно представлялось обеспеченному столичному жителю с «научным образованием» и артистически-восприимчивой натурой), с огромностью северных ресурсов, с общей «заброшенностью» края привело у Верещагина к выделению публицистики в самостоятельную (последнюю) фазу внутри регионального комплекса текстов. В декабре 1894 г. в «Новостях и биржевой газете» вышла небольшая статья художника «Лесное хозяйство на севере»⁷⁴, которая, скорее всего, должна была положить начало серии публикаций социально-экономической направленности, основанных на северных впечатлениях. Такой вывод напрашивается из того, что сохранились черновики еще двух заметок («пишем») Василия Васильевича, предназначавшихся для упомянутой газеты – «О народном развитии на Севере» (во второй, измененной редакции «Несколько слов о школе и расколе на Севере») и о врачебной помощи (точнее – «медицинской беспомощности»)⁷⁵. Последняя рукопись должна была пойти в редакцию сразу вслед за статьей о лесном хозяйстве, почему ей и предпослан краткий заголовок «Письмо II» с подстрочным указанием выходных данных предшествовавшей публикации⁷⁶. В списке Лебедева следующая верещагинская работа в «Новостях» датируется январем 1896 г.⁷⁷, из чего ясно, что черновики, вероятно, планировалось отдать

⁷³ Дневниковые записи Верещагина В.В. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1635. Л. 28.

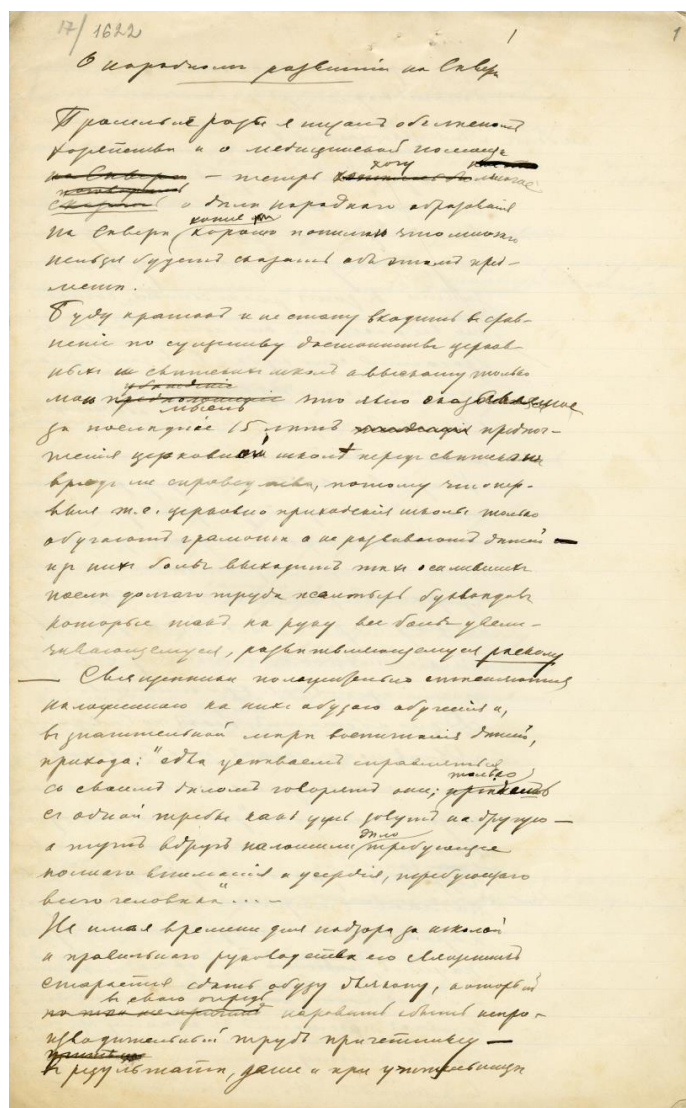
⁷⁴ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 352.

⁷⁵ Рукопись Верещагина В.В. «О народном развитии на Севере. Несколько слов о школе на Севере». Б/д. // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 1–10 об. В том числе: «О народном развитии на Севере» (л. 1–4 об.); «Письмо II» (о врачебной помощи, л. 5–6 об.); «Несколько слов о школе и расколе на Севере» (л. 7–10 об.).

⁷⁶ Верещагин В.В. Письмо II // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 5.

⁷⁷ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 352.

в печать в 1895 г. и писались они синхронно с очерком «На Северной Двине», как прямое его продолжение.

Первая страница черновика статьи «О народном развитии на Севере»

Источник: Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 17. № 1622. Л. 1

Нужно добавить, что Верещагин входил в авторский круг «Новостей» со второй половины 1880-х гг., когда газету считали едва ли не «хранительницей либеральных заветов 60-х годов», получившей это звание от «Голоса». К ее постоянным корреспондентам причислялись В.В. Стасов, П.Д. Боборыкин, К.Д. Кавелин, Вас. И. Немирович-Данченко, А.М. Скабичевский и др.⁷⁸

Оставляя за скобками вопрос о близости или принадлежности Василия Васильевича к либеральному лагерю, нельзя не заметить, что собственная политическая идентификация вряд ли занимала его как нечто, требующее

⁷⁸ Б.Г. О.К. Нотович (Некролог) // Исторический вестник. 1914. Т. СXXXVI. С. 216–217.

особого выражения. Верещагин предпочитал высказываться по отдельным интересовавшим его проблемам, причем, как позволяют судить черновики, делал это всегда от собственного имени, не ассоциируясь с некой абстрактной группой или направлением. Он и мыслил конкретно: обозначал свой ключевой тезис, затем подтверждал его рядом натуралистичных примеров, «набрасывая» их из личного опыта и, не тратя места, подходил к выводу. В «Письме» о медицинской помощи эта простая, школьная схема видна отчетливо. Констатируя, что врачебное дело в регионе находится «в ужасном состоянии», Верещагин приводит самые экспрессивные, на его взгляд, свидетельства – почерпнутые из путешествия по Двине. Здесь и необходимость сифилитическим больным «тащиться в больницу за 300 верст..., и это по ужасным дорогам», и сам облик земской больницы в одном из уездов Вологодской губернии (тесная избушка, в которой невозможно лечить одновременно мужчин и женщин, потому женщин в ней не лечат вовсе), и отсутствие у доктора возможности добраться до больного чаще, чем раз в две недели, а то и раз в несколько лет, и признаки общего сифилитического вырождения в детях, распространяющиеся по целым волостям. Излюбленный прием публицистической аргументации у Верещагина – воспроизводимый по памяти (опять-таки ради яркого примера) рассказ героя или диалог с ним, дополнительно усиливающий квазидокументальную манеру описания проблемы. В «Письме» молодой земский врач описывает приготовления к сложной операции: как его больной лежит, страдая, на койке, как дезинфицируются инструменты и – как в открытое окно избушки (дело происходит в летнюю жару и в «клетке» без свежего воздуха работать невозможно) вдруг запрыгивают одна за другой две курицы – «прямо на инструменты!»⁷⁹

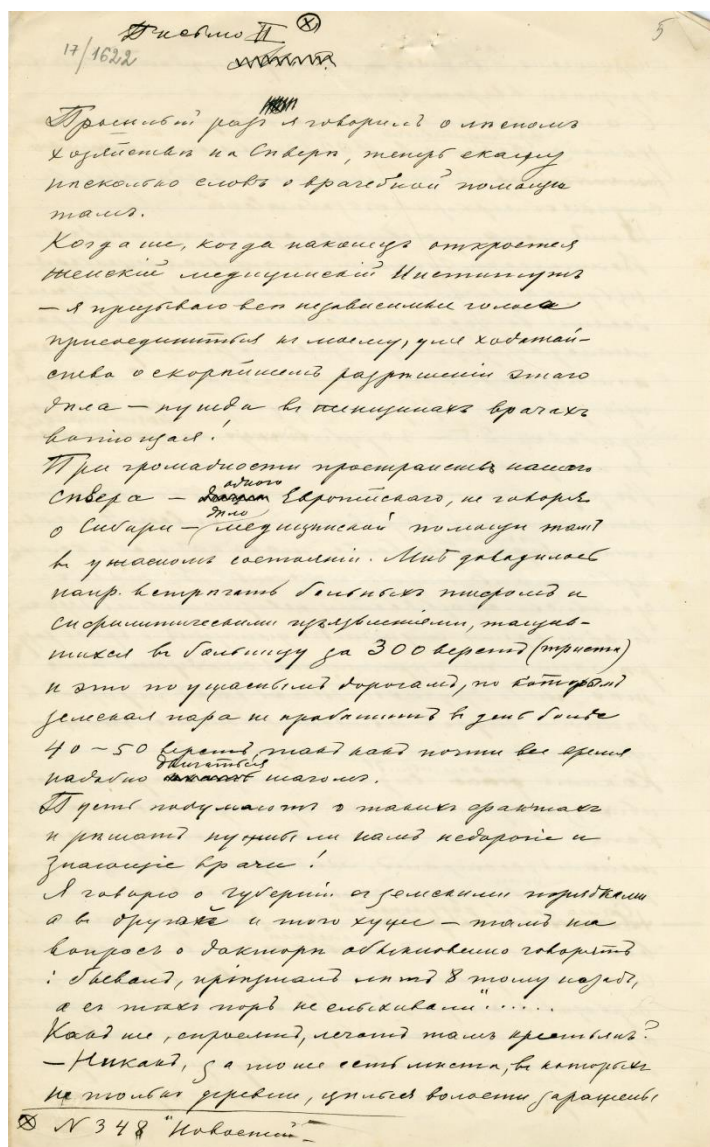
Такая сценка, достойная чеховской «Хирургии», – готовый словесный этюд. Вывод к ней отходит от изобразительности и более сложен:

Стыдно, совестно нам, представителям интеллигенции⁸⁰ нашей родины, так жестко относиться к слабым и неимущим. Когда посмотришь на такие условия существования и станешь потом читать наполняющие некоторые бойкие газеты выражения забот о неурядицах у болгар или степени благонамеренности партий у сербов, не говоря уже о мелких сплетнях из жизни европейских государств – право, думаешь: что это, легкомыслие или недостаток истинного просвещения? Как могут мириться факты этого

⁷⁹ Верещагин В.В. Письмо II // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 6.

⁸⁰ Написание, вообще принятое у Верещагина. – А. В.

жестокосердного отношения старших братьев к младшим с добрым, великодушным, прямо милосердным характером всего русского народа?»⁸¹

Первая страница черновика «Письма» о врачебной помощи на Севере
Источник: Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 17. № 1622. Л. 5

Классическая оппозиция общества и массы в этих словах облекается в одежды просвещенного патриотизма и отражает вполне определенные дистанции и иерархии, не столько сословные или политические, сколько духовно-интеллектуальные. Народ, как и в целом Север, Верещагин воспринимает объектно: как что-то, что нужно вывести из худшего состояния к оптимуму, что-то, требующее прагматического управления, воспитания и просвещения. В этом нет ни новизны мнения, ни смелости, ни высокомерной

⁸¹ Верещагин В.В. Письмо II // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 6–6 об.

снисходительности. Напротив, Василий Васильевич находится полностью в рамках нормы того дискурса (интеллигенции), к которому себя относит.

Просвещение, о котором Верещагин много говорит в статье «О народном развитии на Севере», – главный для него инструмент социальной и политической инженерии, освоения региона. Вывести «массу русского народа» из «мрака невежества» и «крамолы», навеваемых расколом, не конфессиональная, философская, а сугубо практическая задача, решить которую эффективно могут светские школы и «молодые энергические священники», наученные, как расколу противостоять⁸². «Нельзя, однако, не пожалеть о том, что большинство этих молодых священников курят – к великому отвращению заправителей раскола», – заключает Верещагин, сбиваясь с общего на частное⁸³. Такая непоследовательность объяснима: своей статьей он не выписывает рецепта для излечения общественных зол (раскол для него – одно из них), а всего лишь указывает на болезнь. Рассуждая о расколе и о земской медицине, он находится далеко за рамками профессии, но не становится журналистом, а остается, со своей точки зрения, художником⁸⁴. Но художником пишущим.

Статья «О народном развитии на Севере» в отношении к очерку-предшественнику вторична. Сюда прямо перенесены из него целые эпизоды – но сжато и с соблюдением приличествующей публицистике анонимности, благодаря которой описательный казус (элемент травелога) трансформируется в довод общего порядка (часть газетной статьи). Так, воспроизведены эпизоды с визитом епископа Вологодского Израиля в Белую Слуду и спасением молодого священника-«высочки» от клеветы собратьев⁸⁵, с «шалунами» на богослужении⁸⁶.

«Письмо», по сравнению с книгой «На Северной Двине», вводит новый материал (рассказ о курицах и др.), а также уточняет пространственную картину Севера в верещагинском восприятии. Впервые регион начинает делиться на зоны, Европейский Север отличается теперь от Сибирского, и только первым художник ограничивает свои размышления⁸⁷.

⁸² Верещагин В.В. О народном развитии на Севере // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 4.

⁸³ Верещагин В.В. О народном развитии на Севере // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 4–4 об.

⁸⁴ Оба черновика подписаны одинаково: «Художник В.В. Верещагин». – А. В.

⁸⁵ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 21–22; Верещагин В.В. О народном развитии на Севере // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 2.

⁸⁶ Верещагин В.В. На Северной Двине. С. 92–93; Верещагин В.В. О народном развитии на Севере // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 3 об.–4.

⁸⁷ Верещагин В.В. Письмо II // ОР ГТГ. Ф. 17. № 1622. Л. 5.

Несмотря на краткость, «Письмо» гораздо рельефнее показывает творческий дрейф Верещагина в сторону от артистических и в направлении широких социально-политических тем. Упоминание о «сплетнях» из европейской жизни ранее нам встречалось – в трудах, посвященных Востоку. Оно обозначает в словесном творчестве художника еще один уровень межисточниковых связей (между комплексами, а не только отдельными видами внутри комплекса) и показывает, что блуждать, переходить из текста в текст могут в верещагинских произведениях не только законченные сюжеты, но и формулировки, детали.

Заключение

Верещагин в своем обращении к Северу совпал со временем. Не как живописец (хотя здесь он опередил многих⁸⁸), а более как гражданин и просто просвещенный, рационально мыслящий человек. Интерес к региону для него родному, но на долгие годы выпавшему из внимания, пришелся у Василия Васильевича на период, когда его работа в слове сделалась столь же интенсивной, как и живописная. Между двумя аспектами верещагинской художественности – словесным и визуальным – формировались сложные, еще не до конца раскрытые и понятые связи, для исследования которых «северные» тексты оказываются, как мы пытались показать, репрезентативны. В 1890-е гг. завершился процесс становления Верещагина как пишущего художника иного типа (в сравнении с Крамским): свободно чувствующего себя вне профессиональных рамок и ограничений общественного деятеля и потому с неизбежностью – публициста.

Технически верещагинское письмо оставалось подобно живописи – если анализировать его в масштабе источникового комплекса, а не отдельно взятых текстов. Глубинная причина подобия кроется, конечно, в единстве восприятия Верещагиным действительности, когда изображаемое не полно без звучащего пояснения и само по себе может быть вербализовано; в свою очередь словесное визуально не только потому, что нуждается в сопровождении иллюстрацией, а по совокупности избираемых объектов, используемых приемов и средств выражения, даже по специфике названия произведений. Свою карьеру литератора Василий Васильевич начал с «Очерков, набросков, воспоминаний», и эта очерковость, эскизность, *этюдность* (иллюзорная незаконченность) не меньше оставалась свойственна его слову, чем живописи. Даже *воспоминание* у него было не просто механическим обращением к архиву памяти, а

⁸⁸ См.: Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. Москва: БуксМАрт, 2020. С. 276–278.

визуализацией ее в востребуемой части. Отсюда – своеобразная экспрессивность, изобразительность его текстов, насыщенность их диалогами.

Словесный этюд как небольшой, замкнутый, но словно вырванный из ткани действительности сюжет был Верещагину привычнее, чем крупная повествовательная форма. Поэтому, обращаясь к ней, художник и прибегал к монтажу (тому же, что на холстах, «набрасыванию»), к повтору, переозвучанию и перекomпоновке фрагментов, прямому переносу из текста в текст одних и тех же конструктивных частей. Частое пользование этими приемами определяет сложность видовой и жанровой классификации верещагинских текстов. Можно сказать, что в известной степени серийность (или циклизация) для них естественна именно благодаря таким межисточниковым связям. «Северный» опыт художника демонстрирует эту серийность, то, как менялась в ней пропорция визуального и словесного (от комментирования одного другим к полному разделению).

Попробуем разложить процесс словесной обработки «северного» опыта на условные фазы.

1. Путешествия по Верхней Волге и Северной Двине. Формирование исходного фонда социальных и визуальных впечатлений. Первичная их текстуализация в переписке. Выстраивание картины региона как целостного культурно-самобытного пространства и жизненного мира.

2. Работа над «Иллюстрированными автобиографиями». Выбор вида и жанра (очерки-автобиографии как приложение к каталогу картин), тематики (канва жизни человека из «массы»: рядового, не замечаемого «публикой»). Равновесие иллюстрации и ее словесного пояснения. Концепция региона как фонового пространства, раскрываемого не широко, а динамическими социальными зарисовками. Автор идентифицируется, но устраняется как повествователь.

3. Работа над книгой «На Северной Двине». Видо-жанровая модификация (рамочный вид – также приложение к каталогу, но в итоге складывается Я-нарративное повествование, близкое к путевому дневнику и монтирующее реальные путевые впечатления, взятые из альбома или записной книжки, с поздними вставками). Определение тематики (география и пространство Севера, природные условия; быт и нравы народа; социально-экономическое развитие; нравственное состояние, уровень образованности северян, старообрядчество («раскол») на Севере и его влияние). Слово и иллюстрация теряют соотнесенность, изображение теперь вторично. Концептуализация региона как окраины с огромным невостребованным потенциалом, нуждающейся в активном всестороннем развитии.

4. Параллельная текстуализация волжских и двинских впечатлений в рукописях. Отдельные произвольно монтируемые эпизоды-штрихи, подаваемые в манере лирического дневника, а структурно подобные «Листкам из записной книжки». Введение дополнительного материала, отсутствующего в книгах, но дополняющего имеющиеся в них тематико-содержательные линии. Автор выступает в роли повествователя.

5. Подготовка газетных статей по итогам путешествия на Двину. Выход в область социально-экономической публицистики, обособленной от визуального творчества, при сохранении его явных примет в характере организации текстов. Межвидовой перенос, компрессия и перекомпоновка книжного материала. Дифференциация регионального пространства (Европейский и Сибирский Север) при его «этнодной» калибровке. Акцент на решении конкретных экономических, социальных и культурных проблем региона. Автор выступает в роли повествователя. При этом в публицистической идентичности повествователя выделяется социально-групповой уровень: он представляет себя как интеллигента.

A writing painter as an opinion writer

When a person who has been intensely and fruitfully engaged in art suddenly breaks away from his vocation for some reason and begins to write, initially he finds himself in a space with an unusual landscape, rhythm, and repertoire of events. If a “newly hatched” author prefers topics that are not related to his profession in any way, it means that he has opportunities, needs, but, most importantly, the courage to express his views on them.

With such starting points, the most natural, but also the most dangerous field for an artist is opinion journalism. Due to the extreme heterogeneity of its tasks and its obvious focus on the “public,” and therefore on what is commonly called the public sphere, this area of literature is difficult to define. It is localized between the fictional and the documentary, between literature and journalism, a “private” person and society, for which a single opinion may mean absolutely nothing or become a symptom and consequence of major internal transformations. An opinion journalistic statement is able to identify and state a problem of social scale within certain boundaries and for a certain audience. The core of the statement is formed by the deed that is equally understood in both ordinary and elevated philosophical meanings as a responsible action by which a person asserts themselves. At the same time, their previous experience passes into an impersonal, intersubjective state, i.e. gives the action a spiritual and value background, is overcome, denied, or continues and acquires a new quality.

The central, constitutive role of an action is seen here in word usage. “Opinion journalistic” and “opinion journalism” are often attributive rather than independent concepts, as if attached to something more important. B. Esin, for example, wrote about the Russian journalism of the 1860s that “not the publisher and editor, but the *opinion journalist critic* determined the direction, meaning and authority of the publication.”¹ In the work by the same researcher, Gorky is a *journalist* and an *opinion journalist* without any distinction,² and Korolenko’s artistic essays are distinguished by a “bright *journalistic* form.”³ This is the way to emphasize, firstly, the attraction to democratic, open authorship, and secondly, a very special property of opinion journalism to be an “external extension” of the leading activity of the subject, i.e., to dialectically continue it in the word, not repeating, but finding fresh focus and material. They must be followed by adequate form and tools – partly borrowed, and partly found individually.

¹ Hereafter italics added. – A. V. B.I. Esin, *History of Russian Journalism (1703–1917): Learning and Teaching Kit* [in Russian] (Moscow: Flinta, Nauka, 2006).

² Esin, *History of Russian Journalism*, 65–66.

³ Esin, *History of Russian Journalism*, 64.

An element of self-presentation should be especially noticeable in the artist's journalistic activity. Of course, it is not self-concentration (which is normative in autobiographies and diaries),⁴ but the justification, presentation, and protection of a certain concept of oneself and one's right to express one's opinion about the issues that, at first glance, do not relate to the author's competence. An opinion journalist is not obliged to be a licensed expert in everything he writes about, but the author's *Self* must be clearly articulated and stylistically identifiable in his text. How this is done depends on the specific provoking circumstances, the number of which can hardly be counted.

Therefore, of the many triggers of opinion journalistic statement, we will be interested in only one, *the region*, and specifically Northern European Russia in the second half of the 19th century. The research material will be constituted by the works of V. Vereshchagin devoted to the abovementioned historical and cultural areal.

Like other figures of Russian art of his era, Vereshchagin wrote a lot for the press.⁵ One (incomplete!) list of his exhibition catalog, newspaper and magazine articles, prepared by A. Lebedev, occupies seven large-format pages.⁶ Still, one can hardly find in this long list something related to painting or art in general. Perhaps only two works ("Realism" and "Progress in Art") can be unconditionally recognized as programmatic and theoretical. Vereshchagin avoided pure artistic criticism in

⁴ All ego-type sources and diaries in the first place, of course, can be considered self-narratives to one degree or another. The term itself is not devoid of superficial extravagance but has a useful theoretical limitation for a historian: in order to use it, it is necessary to distinguish between the author as the extra-textual subject and the author who is the subject of the narrative (autobiographical hero). While in the literary study of the text such a distinction was initially accepted in a larger generalization (it takes into account the discrepancy between the author and the narrator), for source studies it is also valuable because it re-voices the fundamental problem of social conditioning. In the new arrangement, practice as the primary incentive for creating a source takes the place of class interests refracted in the consciousness and activity of a particular person from Marxist-oriented source studies or of the individual psyche in the coordinates of culture when looking at the same process from a neo-Kantian perspective. We should be warned against the desire to consider the author's journalistic statement as his direct projection. See G. Jancke, "Diaries in Historical Research: Early Modern Texts and Contexts" [in Russian], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (157) (2019): 89–106.

⁵ In his remarkable article, V. Koshelev drew attention to Vereshchagin's "exceptionality" among the painters who wrote. See V.A. Koshelev, "V.V. Vereshchagin's Memoir Prose: Method and Skill" [in Russian], in "*With Cause All Russia Fashions Lays...*": *Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to V.V. Vereshchagin's 160th Birthday and the 190th Anniversary of the Battle of Borodino*, comp. N.A. Britvina (Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2003), 28.

⁶ A.K. Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin. Life and Work (1842–1904)* [in Russian], ed. A.V. Solodovnikov (Moscow: Iskusstvo, 1972), 350–56.

isolation from polemics, apparently because he was too often forced to defend himself from it. His thoughts about art were woven into the canvas of other arguments or transferred into personal communication, which made them seem more uncompromising and arrogant than they really were. This distinguishes him from Kramskoi but also associates one with another. Having an obvious critical mindset,⁷ Kramskoi could not distance himself from assessment even in correspondence (cf. “As for Stasov *the critic*, I don’t see him like that, I mean a critic in general, but I am ready to agree that he is better than many, and in Your opinion, better than all the rest, but this still does not give him the right to be really a critic”).⁸ He resembled Vereshchagin in his manner of criticism, both in tone and in the causticness of his words. Nevertheless, Kramskoi’s articles on external topics should be called professional ones. Besides, his literary tries (poems of an “immature and naively amateurish form,” an autobiography and a diary⁹) in their initial phase were age-related. Then all lyrical stuff, except for the diary, was given up, and Kramskoi creatively evolved into a writing painter of a certain type, namely, a critic and a theorist.

Vereshchagin took up autobiography in his later years, and composed mediocre poems in adulthood. His diary entries were sketchy and, as far as we can judge, often were or became raw material for his own invented format of public writing, “From the notebook [of an artist].” Calling himself by name, and sometimes immediately by profession (“Artist V.V. Vereshchagin”), our hero went against the widespread opinion that it is better for opinion journalism to be anonymous and that the signature only hinders the writer. In particular, that was the opinion of A.S. Suvorin.¹⁰

⁷ It should be noted, in all fairness, that Kramskoi’s contemporaries viewed his critical abilities in different ways. For example, according to A. Suvorin, M. Antokolsky said, “He does not directly approach the subject” (*A.S. Suvorin’s Diary* [in Russian], ed. M. Krichevskii (Moscow, Petrograd: Izdatel'stvo L.D. Frenkel', 1923), 68). It is known that Vereshchagin did not put a great value on Kramskoi’s “home-grown philosophy.” Being always fond of him, Vereshchagin found excuses for the irksomeness in his opponent’s illness and “shortage of scientific education.” See V.V. Vereshchagin, “Ivan Nikolaevich Kramskoi: to His Characteristics” [in Russian], in V.V. Vereshchagin, *Stories. Essays. Memoirs*, comp. V.A. Koshelev, and A.V. Chernov (Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990), 212–14.

⁸ “I.N. Kramskoi to V.V. Vereshchagin. November 10, 1876” [in Russian], in I.N. Kramskoi, *Letters and Articles in Two Volumes*, comp. S.N. Gol'dshtein (Moscow: Iskusstvo, 1965), vol. 1, 382.

⁹ Kramskoi, *Letters and Articles*, vol. 1: VII–VIII. See articles in the second volume of the same publication.

¹⁰ See “A.S. Suvorin to V.V. Rozanov. September 29, 1911” [in Russian], in *A.S. Suvorin’s letters to V.V. Rozanov* (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina “Novoe vremya”, 1913), 176–77.

Vereshchagin did not like the famous publisher and anonymity was clearly unacceptable to him from the first appearance in the press. In Lebedev's list, this debut was attributed to August 1867, when *Sankt-Peterburgskie vedomosti* published a piece "From a Trip to the Transcaucasian Land. Doukhobors." Vereshchagin himself attributed his "first literary attempt" to 1862 ("The Story of an Old Hunter," which he wanted but did not manage to print in the newspaper *Golos*).¹¹ The appeal to the larger form occurred later, when the work *Essays, Sketches, Memoirs* was published in 1883.¹² Now Vereshchagin could be considered a writer by the standards of the time. Six years later, F. Bulgakov very accurately described the already determined scope of Vereshchagin's work and life aspirations: "A travelling artist, a depicter of the horrors of war, an illustrator and ethnographer, a writer and a combat hero."¹³ Bulgakov associated Vereshchagin's written work to his life and professional experience – travels, memories, and works.¹⁴

There is some later evidence that the characterization of Vereshchagin as a "writer," an "author," etc. turned into a stereotype. In the reports of the European press about the death of the artist, one can find very revealing comparisons and phrases:

Vereshchagin with his brush is equal to Tolstoy and Gorky with a pen in his hands: for that very reason, he never enjoyed great love among compatriots;¹⁵
Vasily Vereshchagin, a Russian artist, writer and war correspondent. . .¹⁶

For Vereshchagin, the gap between the word and painting never existed, but they did not come close to each other as much as, say, in the instance of William Blake. For the English poet and artist, the author's illustration of poems, in fact, represents a parallel form of their existence, equal to the text in a book. Vereshchagin was not like that. His literary and journalistic work, no matter how curious it is, cannot be

¹¹ "Autobiography of V.V. Vereshchagin" [in Russian], in G. Burova, and A. Lebedev, *V.V. Vereshchagin and V.V. Stasov. With the Attachment of Correspondence between V.V. Vereshchagin and V.V. Stasov for 1885–1904* (Moscow: Iskusstvo, 1953), 230.

¹² Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 350–51.

¹³ F.I. Bulgakov, *Our Artists (Painters, Sculptors, Mosaicists, Engravers and Medalionists) at Academic Exhibitions of the Last 25 years. Biographies, Portraits of Artists and Photographs of Their Works* [in Russian], vol. 1 (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1889), 87.

¹⁴ Bulgakov, *Our Artists*, 90.

¹⁵ "The Greatest War Painter of Our Time," *Weekly Herald*, April 23, 1904. F. 17, no. 1389 *Gazetnye vyrezki o Vereshchagine* [Newspaper clippings about Vereshchagin], l. 2. Otdel rukopisei Gosudarstvennoi Tret'yakovskoi galerei [Manuscripts Department of the State Tretyakov Gallery] (OR GTG), Moscow, Russia.

¹⁶ D.W. Stuart, "Vasili Vereshchagin." F. 17, no. 1389, l. 3. OR GTG.

compared with his visual work. However, let us say that the nature of the connection between the two is not conveyed by essentially correct statements (“mutual enrichment” and “coexistence” as it was designated by V. Koshelev and A. Chernov).¹⁷

Kramskoi seems to be closer to the ever-elusive truth. He realized that Vereshchagin's painting was initially verbal, and monologic at that.¹⁸ And he himself was “rather an agitator” who “was in a hurry to capture the entire group of phenomena and say his word about each of them, he had no time, so much more things to do awaited him.”¹⁹ Kramskoi wrote to Suvorin about the journalistic nature of Vereshchagin's painting on November 20, 1885, rejecting such an approach as disastrous for art, turning painting “into a minister of preachers of political, social, and historical doctrines.”²⁰ His other reproach was the incompleteness of many of Vereshchagin's paintings: in painting, Kramskoi did not accept the primacy of an idea extraneous to art. In particular, he said the following about the Balkan series:

... the viewer is displeased: why is this book written on such bulky sheets? It would be both more advisable and better if the artist's thoughts were expressed through literature, in one small book.²¹

According to Kramskoi, Vereshchagin would not descend “from the world tasks, from philosophy, politics, social doctrines” and would not paint “just a picture” without an idea hidden behind it.²²

If Kramskoi is right, Vereshchagin is closer to Michelangelo, in terms of the correlation of the word and the image. Talking about the Neoplatonism of the Great

¹⁷ V. Koshelev, and A. Chernov, ““This One Can Do Everything”” [in Russian], in Vereshchagin, *Stories. Essays. Memoirs*, 11.

¹⁸ Cf. the discussion about the fragmentary, sketchy nature of Chekhov's works, his closeness to the impressionists (A.P. Chudakov, *Poetics and the World of Anton Chekhov: Emergence and Approval* [in Russian] (St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016), 293–96).

¹⁹ Cited in T.M. Kovalenskaya, comp., *Kramskoi on Art* [in Russian] (Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988), 135.

²⁰ “I.N. Kramskoi to A.S. Suvorin. November 20, 1885” [in Russian], in Kramskoi, *Letters and Articles*, vol. 2, 208.

²¹ “I.N. Kramskoi to A.S. Suvorin. November 20, 1885” [in Russian], in Kramskoi, *Letters and Articles*, vol. 2, 205. About the same, see O.V. Kulikova, “The Palestinian Series and the Scandal at the Exhibition in Vienna” [in Russian], in *The Vereshchagin Brothers: Art and Society: A Collection of Papers from Scientific Conferences*, ed. A.E. Novikov (Cherepovets, Vologda: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, Cherepovetskoe muzeinoe ob"edinenie, Sad-Ogorod, 2021), 33.

²² “I.N. Kramskoi to A.S. Suvorin. December 12, 1885” [in Russian], in Kramskoi, *Letters and Articles*, vol. 2, 217.

Florentine, E. Panofsky noted that verse accurately expressed the specifics of his thinking as a sculptor: they strike the sensitive Italian ear as harsh and jagged; they differ from the more euphonious works of his contemporaries in that they have the ring of truth. In them, the familiar Neoplatonic ideas express the same psychological reality that is manifested in his works of art.²³

Panofsky also showed another thing: Michelangelo wrote *differently*. But not because he changed the rules of narration on the go, and despite the roughness of the style, his Italian was the same as that of other humanists. Resorting to poetic speech from time to time, he still remained a universal artist whose aesthetic system is equally universal. Then the approach to the word and the stone is the same: the artist sternly and mercilessly hews out words, phrases and expressions and chooses few; fragments of marble fly from under the chisel of the sculptor.²⁴

In our opinion, a similar unity can be defined in Vereshchagin, albeit of a different aesthetic level. Both directions of his creative activity involve a common store of experience (Bulgakov also guessed that, without fully understanding it). However, the word of the Russian artist does not serve painting: texts taken separately are constructed differently from canvases. Speaking about the unconventionality of Vereshchagin's writing skills, V. Koshelev stressed that his basic principles contradict the pictorial ones: paintings are built in a series, texts are scattered and are united only at the author's desire. In other words, the writer Vereshchagin acts as a painter, capturing moments, and the artist Vereshchagin uses literary techniques, mounting individual pictorial fragments into a linearly organized narrative.²⁵ Then, from the point of view of source study, should his text be considered as an unconventional one, standing on the verge of types – a chaotic, streaming, unfinishable whole? Or should Vereshchagin's painting be interpreted idiographically as a complex visual and verbal source, given that often, in addition to the work itself, there is the author's signature to it and the author's commentary, inseparable from it?

All these are the most important interdisciplinary tasks that cannot be solved yet. The problem, as it seems, is that Koshelev took into account only long Vereshchagin's texts, ignoring his opinion journalism. Yes, Vereshchagin collected individual essays and notes under one cover, but that collection did not concern everything he wrote. And some meaningful and logical connections should be

²³ E. Panofsky, *Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance* [in Russian], trans. N.G. Lebedeva, and N.A. Osminskaya (St Petersburg: Azbuka-klassika, 2009), 302.

²⁴ M.M. Bakhtin, *Collected Works* [in Russian], vol. 1, *Philosophical Aesthetics of the 1920s*, ed. S.G. Bocharov, and N.I. Nikolaev. (Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003), 287.

²⁵ Koshelev, "V.V. Vereshchagin's Memoir Prose," 33–34.

determined even between his disparate texts, given that they were generated by the experience and system of ideas of one person.

Koshelev's conclusion about the opposition of verbal and pictorial techniques in Vereshchagin's work is noticeably lacking source-study arguments, although he grasped a lot of how the artist's creative tools were formed. In order to clarify our ideas about that, we should, firstly, agree with Kramskoi in recognizing the journalistic nature of Vereshchagin's painting. Secondly, we should turn to his journalism, but not to the whole bulk of it (now it is impossible), but to a separate narrative in it as a model for preliminary research of a general issue.

The East – and the North

If we consider any written or otherwise recorded and widespread statement on a socially significant topic to be opinion journalism, in the case of Vereshchagin, we should refer to the item in the *Golos* of September 11, 1874, in which the artist notified that he refused the title of professor of the Academy of Arts.²⁶ It will hardly be possible to establish what induced Vereshchagin to send that “indecent letter”²⁷ to Stasov for subsequent publication: a conscious protest against the ranks in art, the desire to shock the public by the very fact of a public refusal, or a simple desire to inform the society about his decision in the most convenient way in certain circumstances (the author of the letter was in India). The explanation of A. Lebedev, who is known to incline to the first option, is based on the words Vereshchagin himself said in the 1890s, and therefore cannot be considered exhaustive. There is no doubt that taking the decision to publish the letter, Vereshchagin distanced himself from academicism in art. But did he want to achieve the effect that the letter eventually produced? Did he take into account, as an opinion writer should, the response of the audience?

Here again, we need to resort to late evidence. In a letter to Stasov on September 27, 1882, Kramskoi wrote about the demarche eight years earlier: “He (Vereshchagin. – A. V.) was not afraid of a scandal. Or better yet, for me it would be

²⁶ “My poluchili iz Bombeya, ot V.V. Vereshchagina, sleduyushchee pis'mo...” [“We have received from V.V. Vereshchagin, from Bombei, the following letter...”]. F. 789, op. 14, d. 29-V, l. 10. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia. For more, see Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 130–36.

²⁷ The expression of the Head of the Main Directorate for Press Affairs M. Longinov, which he used in a letter to the Conference Secretary of the Academy P. Iseev on October 9, 1874. The letter, see “Lichnoe delo V.V. Vereshchagina – uchenika Imperatorskoi Akademii khudozhestv” [Personal file of V.V. Vereshchagin, a student at the Imperial Academy of Arts]. F. 789, op. 14, d. 29-V, l. 58. RGIA. About the document, see Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 136.

a scandal, but for him it was a simple thing.”²⁸ What others had in mind and deemed “fit only for the pavement,” Vereshchagin embodied in the act directed against the “harmful prejudice” of academic titles. Apparently, the leader of the Peredvizhniki believed that it was not a scandal or a protest that was the purpose of the sensational piece, but an action in itself – but Vereshchagin understood the consequences clearly already because no one had dared to do such a thing before. It was his personal civic and journalistic *inventio*.

However, it is a mistake to think that Vereshchagin was guided only by his own views and ideas in his verbal work, ignoring the expectations of the public. In the introduction to *The Childhood and Adolescence*, he pointed out that it was the needs of the reader (“benefit”) that served as a guideline in the selection of biographical material for the book. Vereshchagin wrote about the second volume, the manuscript of which was subsequently lost, that it “would present even more material for the history of our time and more interest for the reader.”²⁹ The mention of history in an autobiographical work is more than eloquent, since it reveals not only a well-known conceit and ambition (which Vereshchagin could not be denied), but also a certain deep evolution in the perception of writing tasks. They moved further and expanded from private, personal tasks to almost global ones.

In the 1880s and 1890s, Vereshchagin moved from self-affirmation, from the translation of personal experience in the word (primarily “literary ‘reports’ about his long trips”)³⁰ to the plane of those “global tasks” for which Kramskoi reproached him so bitterly. In a handwritten article about the Siberian Railway, the artist allowed arguments that can be called nothing but geopolitical. For example:

The constant non-stop expansion of our borders is a matter of great importance, and although it has already been resolved many times in a certain sense, violations of these resolutions, due to the remoteness of the outskirts where they occur, slip somehow unnoticed, and the annexation of vast territories attracts less attention of the society than the ordinary political scandals in Europe. . . The history of the conquest of Turkestan is known: each new commander considered

²⁸ “I.N. Kramskoi to V.V. Stasov. September 27, 1882” [in Russian], in Kramskoi, *Letters and Articles*, vol. 2, 77.

²⁹ *Childhood and Adolescence of the Artist V.V. Vereshchagin* [in Russian], vol. 1, *Village. – Military School. – Drawing School* (Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1895, 1895), preface. (Pages in the original are not numbered. – A. V.)

³⁰ S.V. Solov'eva, “Was V.V. Vereshchagin a Military Agent? Relations between the Artist and the Military Department (Based on Materials from Russian Archives)” [in Russian], in *Ivan Aivazovsky. A look from the 21st Century; Vasily Vereshchagin: More Than an Artist: Materials of Scientific Conferences*, ed. G.S. Churak et al. (Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2019), 197.

it his duty to play with toy soldiers. They took Turkestan – Shymkent and Alma-Ata to connect the Orenburg and Siberian lines of fortifications, Tashkent was captured in addition; Khujand remained aside in this operation and could have been left alone, but how to leave it if it is coming easily? – they took Khujand; Ura-Tube, Jitsak, Samarkand and after that Kokan[d] region were also taken only because they were coming easily. . . If only there had been any sense in these terribly expensive extensions of the territory. . .³¹

The cited draft manuscript is stored in the same archive file with the draft essay about I. Turgenev;³² moreover, its text begins on the back of the last page of the essay – following the sketch of Turgenev's portrait, which Vereshchagin intended to place in the publication.³³ It is difficult to say whether it means the same dating of both manuscripts (around 1883)³⁴ or not, but the direct combination of works, so different in type and genre, remarkably characterizes the flow of Vereshchagin's writing in terms of not only initially-creative but also editorial work. There is no physical boundary between the biographical sketch and the analytical article, although it would have been logical to separate them while preparing for publication simultaneously. Then, of even greater importance is the fact that the discussions about the region at this point break away from the usual for Vereshchagin travel

³¹ V.V. Vereshchagin "Udivitel'no, chto do sikh por ne provedena bol'shaya Sibirskaya zheleznaya doroga..." [It is surprising that the great Siberian railway has not yet been built. . . ,] no date. F. 17, no. 1912, ll. 25, 26. OR GTG.

³² Published as part of "Essays, Sketches, Memoirs." See Vereshchagin, *Stories. Essays. Memories*, 178–86.

³³ V.V. Vereshchagin ["Turgenev"]. F. 17, no. 1912, ll. 1–19. OR GTG; V.V. Vereshchagin "Udivitel'no, chto do sikh por ne provedena bol'shaya Sibirskaya zheleznaya doroga..." [It is surprising that the great Siberian railway has not yet been built. . .], no date. F. 17, no. 1912, ll. 19 ob.–30. OR GTG.

³⁴ The mention of the Ghulja province, which was previously occupied by Russian troops and later returned to China, shows that the article on the railway was written no earlier than September 20, 1879 (the Treaty of Livadia on the division of the Ili region between Russia and the Qing Empire) or, more likely, after February 12, 1881 (The Treaty of Saint Petersburg or Treaty of Ili, according to which Russian troops left Ghulja, ultimately in 1882). See V.V. Vereshchagin "Udivitel'no, chto do sikh por ne provedena bol'shaya Sibirskaya zheleznaya doroga..." [It is surprising that the great Siberian railway has not yet been built. . .], no date. F. 17, no. 1912, l. 24. OR GTG; V.S. Kadnikov, "From the History of the Ghulja Issue" [in Russian], in *Istoricheskii vestnik*, vol. 124 (1911): 908; V.A. Moiseev, *Russia and China in Central Asia (Second Half of the XIX Century – 1917)* [in Russian] (Barnaul: AzBuka, 2003), 179–99; E.Yu. Sergeev, *The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia* [in Russian] (Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012), 147–50. It is interesting that Vereshchagin returned to the topic of the Siberian Route, albeit in a different aspect, much later, in 1898 (See Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 352).

reflection. Now, for the first time, the region becomes both a politically signified space and a journalistic construct, not just an object of memory and visualization in the word.

Reaching a new for him level of analysis, Vereshchagin was not afraid to repeat himself, turning over and over again to some moments in his memory, episodes, themes, or individual details, re-wording them and rethinking them in new contexts and scales, as if psychologically fixating on them. With this secondary textualization and rearrangement of material, a genre conversion also occurs. For example, the travelogue element may have a political journalistic tone at first. In the essay “The Chinese border. The Raid” (1889), it is said about the area of the Borokhudzir River:

The local places, depopulated after the bloody revolt in China, have recently passed into our possession; they were occupied by sharp-witted officers, mainly, of course, because they were coming easily; officially, under the pretext that a river with clean, healthy water flows here.³⁵

In the article on the Siberian Railway, this detail also plays the role of an additional argument in favor of the unnecessary annexation of new eastern territories:

Before the Dungan Revolt, for ex[ample], the border to the Ghulja side was not far from the mountain range along which the main road runs, and at the end of the sixties I found that our detachment and the border with it moved to Borokhudzir. The question is why. Because there is a river in Borokhudzir, and there is good clear water in the river, and it means that the detachment feels more at ease there.³⁶

But such cumulative development of Vereshchagin’s opinion journalism along the regional vector is most clearly demonstrated by his “northern” rather than “eastern” texts.

Factual account and artistic fruits of Vereshchagin’s trips to the Upper Volga region (Rostov, Yaroslavl, Kostroma, etc.) in 1887/1888–91 have been thoroughly studied by the long-term efforts of E. Kim³⁷ and therefore do not require separate

³⁵ “Memoirs of Artist V.V. Vereshchagin. The Chinese Border. The Raid” [in Russian], *Russkaya starina*, vol. 64, bk. 10 (1889): 161.

³⁶ V.V. Vereshchagin “Udivitel'no, chto do sikh por ne provedena bol'shaya Sibirskaya zheleznaya doroga...” [It is surprising that the great Siberian railway has not yet been built. . .], no date. F. 17, no. 1912, l. 25 ob. OR GTG.

³⁷ E.V. Kim, “V.V. Vereshchagin in Rostov (Facts, Hypotheses, Speculation)” [in Russian], in *Communications of the Rostov Museum*. Issue 16, ed. V.V. Zyakin (Rostov: [n. p.], 2006), 414–63; E.V. Kim, “V.V. Vereshchagin in Rostov (Unknown Pages of Biography)” [in Russian], in *History*

coverage now. The journey from Solvychevodsk to Solovki in the summer of 1894 was described in detail by Vereshchagin himself.³⁸ Between these milestones, the artist's visits to Vologda seem less important at first glance, but they are eventfully and meaningfully connected with them. Nor are the northern trips divided by motivation: their root motivation is the interest in monuments of material and spiritual culture, traditions, socio-historical peculiarities, and economic life of the region. Vereshchagin considered the local identity, which interested him in all objective and verbal manifestations, from ancient 16th century churches to pearl earrings worn by peasant women, carved benches, folklore and features of dialect speech, to be a national treasure subject not only to preservation but also protection from extermination and distortion. This forced him not only to collect northern rarities³⁹ for himself but also to "infect" others with love for them. Church architecture of the North was the main focus of Vereshchagin's curiosity,⁴⁰ but not the only one. It would be more accurate to say that wooden churches were only an objectification of the cognitive spirit, and its true meaning and caliber were

and Culture of the Rostov Land. 2006: Proceedings of the Scientific Conference (Rostov, November 12–14, 2006), ed. V.V. Zyakin et al. (Rostov: [n. p.], 2007), 317–31; E.V. Kim, "V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov (Documents and Paradoxes of Textual Criticism). To I.A. Shlyakov's 165th Birthday" [in Russian], in *History and Culture of the Rostov Land. 2007: Proceedings of the Scientific Conference (Rostov, November 7–9, 2007)*, ed. V.V. Zyakin et al. (Rostov: [n. p.], 2008), 255–77; E.V. Kim, "V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov. The Yaroslavl Project of 1888" [in Russian], in *Communications of the Rostov Museum. Issue 18*, ed. V.V. Zyakin (Rostov: [n. p.], 2010), 112–45; etc.

³⁸ V.V. Vereshchagin, *On the Northern Dvina. By Wooden Churches. Appendix 3 to the Catalog of Paintings by V.V. Vereshchagin* [in Russian] (Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1896 (first ed. 1895)).

³⁹ Examples of some things brought by Vereshchagin from the North can be found, e.g., in S. Novakovskaya-Bukhman, "Collection of V.V. Vereshchagin" [in Russian], in *Vasily Vereshchagin*, ed. I. Afanas'eva (St Petersburg: Gosudarstvennyi Russkii muzei, Palace Editions, 2022), 37–41.

⁴⁰ Vereshchagin's persistent interest in temple architecture is revealed not only in connection with the North. It is noticeable in the Japanese travel and even in the spas of Franzensbad. In an undated manuscript comparing the conditions of Russian spas and the famous Bohemian resort, among the statements typical for a curious tourist (that "there were no flies in Germany at all" or that "there was a pastry chef-baker, supplier to G[reat] P[rince] Sergei Aleksandrovich"), there is a description of a "Russian church," which was built, according to the artist's assumption, by a German, because it "represented some kind of pasted together Moscow-Byzantine motifs borrowed from various publications" ("Rukopis' Vereshchagina V.V. Avtorskie zapisi" [Manuscript by V.V. Vereshchagin. Author's notes]. No date. F. 17, no. 1598, l. 7. OR GTG). In the book *On the Northern Dvina*, Vereshchagin seemed to appraise (church and civil) Russian architecture of the Modern Period, considering it irrational and tastelessly eclectic (see, e.g. Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 80–81).

archaeological. Vereshchagin went to the Dvina “to see the antiquities,”⁴¹ as he informed patron and collector P. Shchukin. Fascinated with all the passion of his nature, even before returning to Moscow, Vereshchagin began to convince Shchukin to participate in the “restoration of antiquity,” and then declared that Shchukin should actively acquire Russian things (including icons, wooden sculpture, carved bone items, etc.). In terms of collecting, the artist naturally put the value of Russian art (in particular, northern art as the best expression of national differences) above the eastern art. Vereshchagin urged Shchukin:

I repeat, the collection compiled according to such a reasonable idea will be a whole visual school of native art. . . Maybe you have a different opinion, then, of course, I won't even mention it to you. Sell or barter Japanese, Chinese, and other things, whatever you have!⁴²

Shchukin did not appreciate either this excessive persistence or the Kulturträger pathos: their acquaintance with Vereshchagin, which had begun favorably, ended in a disagreement. But the “historicizing” impulse given by the North to the creative energy of the artist, or at least renewed by it, did not come to naught. The radical criticism of the cultural innovations of the 18th century, expressed to Shchukin (e.g., Peter the Great no less than “ridiculed,” “spat on,” and “strangled” the original Russian architecture),⁴³ paradoxically characterizes Vereshchagin as a man of modern thinking. He enthusiastically defended “antiquity” as an example of authentic art (i.e. devoid of the later layers) but was not its blind apologist. What really angered him was the thoughtless utilitarian attitude towards the legacy of the Muscovy era. But this position is also more complex than just an impulse to bring relevant cultural forms and practices (such as a museum, scientific restoration, public education and healthcare, rationally staged forest supervision) to the archaic outskirts, to preserve what has survived, to develop what can be developed, and to stop there. Vereshchagin did not just study the North himself – he sought to show it to the others. Here, both his intentions and his actions again turn out to be journalistic.

Next to the above brief philippic to Peter the Great, there is another phrase very typical of Vereshchagin: “I have sketched on the canvas a lot of remnants of the past,

⁴¹ Cited in P.I. Shchukin, *Memories. From the History of Art Patronage in Russia* [in Russian], comp. N.V. Gorbushina (Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 1997), 211. See also E.P. Rimmer, “V.V. Vereshchagin and Moscow Maecenas P.I. Shchukin” [in Russian], in *V.V. Vereshchagin and His “Pictures of Russian Life and Russian History”*: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, ed. O.Yu. Belozerova et al. (Cherepovets: [n. p.], 2011), 29–36.

⁴² Cited in Shchukin, *Memories*, 213.

⁴³ Cited in Shchukin, *Memories*, 212.

from which there is a whiff of our native antiquity – I will show you all this one day.”⁴⁴ Therefore, are collecting in the physical sense and sketching, e.g., a carved wooden column or from a miraculous icon, aesthetically similar processes subordinated to a common goal?

It is essential to state such unity, since it can be traced in other combinations. Vereshchagin accumulated and processed northern impressions for a long time. In addition to paintings, the first major intellectual result of his efforts was *Illustrated Autobiographies of Several Unremarkable Russian People*⁴⁵ published in 1895, where the region is one of the key places of action or the homeland of the actors. Six of the seven chapters of the book have geographical reference, and the space of the narrative is clearly placed within the mental contour of the North of the late 19th century: it includes Yaroslavl, Kostroma, Vologda, and Arkhangelsk provinces. Like Vereshchagin himself, the heroes of the book are constantly on the move: they wander from monastery to monastery, go on pilgrimage, leave and return. This biographical dynamic of theirs, built on intersections and repetitive geographical realities causes the appearance of a kind of wandering details and storylines, unwittingly “predicting” the real movements of the author in the near future. For instance, a walking trip and a trip by steamer to Arkhangelsk or Solovki (“to Solovetsk”)⁴⁶ are mentioned several times. In the chapter “Aleksi Ivanovich Shadrin,” the Arkhangelsk house of Peter the Great appears for the first time (Vereshchagin will write about it later on his own behalf).⁴⁷ One of the legends associated with the tsar (about sailing along the Dvina River and a storm calmed by the blow of the whip on the water) is also cited in the presentation of the “pilgrim” hero.⁴⁸ Subsequently, the whole concept of the North as a place of Peter’s memory, “his folk cult,” will be declared in one of the essays under the heading “From the notebook” (1901).⁴⁹

Apparently, inter-source repetitions, elements passing from text to text, should be considered as a feature of Vereshchagin’s writing. As we see, they play the role of a

⁴⁴ Cited in Shchukin, *Memories*, 212. Cf. “I sketched a beautiful interesting wooden bell tower on the canvas. . .” See Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 51.

⁴⁵ The edition used hereinafter V.V. Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies of Several Unremarkable Russian People. With Phototypes. Second Supplement to the Catalog of Paintings by V.V. Vereshchagin* [in Russian] (Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1896).

⁴⁶ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 28, 49, 133. Cf. Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 109.

⁴⁷ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 106, etc.

⁴⁸ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 45.

⁴⁹ Vereshchagin, *Stories. Essays. Memoirs*, 292; Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 102 (“all the way to Arkhangelsk the personality of the great worker is very popular in legends. . .”).

connecting link between “territorially” and chronologically close works. They also organize the specific development within the source complex associated with the region.

Named and conceived as if in defiance of the *Russian Remarkable People* by A. Suvorin,⁵⁰ Vereshchagin's *Illustrated Autobiographies* bring to the forefront an almost folkloric man (a craftsman, a beggar, a pilgrim, a retired butler, a soldier, a lace maker, a monk), as if uninteresting, ignored by the public and, by virtue of *being unremarkable*, completely unfamiliar to it. The direct speech of the characters, given, seemingly, without decoration and strict composition, as if torn from a live stream, provides the effect of defamiliarization, excluding the intervention of the author and his evaluating opinion. No attendant circumstances are offered: the reader is forced to “hear” this speech himself, and portraits are the only sign of the author's presence in the book, except for the titles of the chapters and notes in the texts marked with ellipses. Contrary to the subtitle, it is not the word that comments on the image here, but the portrait paired with the title of the chapter creates a frame for the autobiographical narrative.

With the dominant use of someone else's word, the Self-narrative of the *Illustrated Autobiographies* is revealed immediately in the author's name and profession on the cover and does not stop there. The author is visible in the choice of form, in the collection and assembly of the material, and in the pre-print work with it. But in relation to the autobiographical hero (narrator), this book can also be referred to as a Self-narrative. Factoring himself out as an unnecessary intermediary, Vereshchagin apparently sought to verbalize his painting in order to achieve a certain purity of the viewer's impression. However, he solved the first task without any metaphors. It is known that on December 5, 1892, at a party in the hall of the St Petersburg City Duma, the artist read the poem “The Devil and Van'ka” in the voice of the old butler. The portrait sketch was shown to the audience immediately and was appreciated with restraint.⁵¹

Thus, *Illustrated Autobiographies* show a tendency to synthesis. However, being an appendix to the catalog of paintings, they do not achieve it. They are nothing more than Vereshchagin's attempt to give a Chekhov-like “image of the surrounding world

⁵⁰ See, e.g., the publication *Russian Remarkable People. Stories by A. Suvorin* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya, 1874). The impression of intentionality and competition is strengthened by the fact that Suvorin wrote about figures of the 16th–17th centuries (Nikon, A. Matveev, Yermak) whereas Vereshchagin wrote about his contemporaries.

⁵¹ “V.V. Vereshchagin to V.V. Stasov. November 17, 1892” [in Russian], in Burova, and Lebedev, *V.V. Vereshchagin and V.V. Stasov*, 190–91. For the text of the poem, see Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 342, footnote 12; about it, p. 232.

through a concrete perceiving consciousness.”⁵² The North is shown in them not widely but by separate “windows”, opened through characterological, social, household and spatial details (“I am from Kostroma Governorate, Makarevsky Uyezd, the village of Osipovka; the village is of a hundred and fifty people; it started from a small settlement, and then it grew”⁵³; “I came to the town of Vel'sk, it was 8 o'clock in the evening, I wanted to have some tea. . .”⁵⁴; “They go to Solovetsky for no reason, but I had a passion. . .”⁵⁵), or storyline sketches (“In Shenkursky Uyezd, a father brought his daughter to a monastery. . .”)⁵⁶ including those shown as part of a life story canvas of the autobiographical hero (“I didn't like the kuteiniks especially, – here are the seminarians, or “seminars,” we used to call them kutia. . .”).⁵⁷ The multiplicity of angles turns the region into cohesion of dynamic fragments – a map moving after the hero.

There is only one assembly point in the Severodvinsk journey. And the region is now being built in one vision – the author-narrator's – but also dynamically (in the rhythm of a barge sailing along the river and stopping here and there). In the *Autobiographies*, the montage of the composition is ensured by the sequential connection of seven independent essays into a chain. The hero's story is constructed in a similar way – from the selected fragments of his speech that were previously recorded by the artist. The essay “On the Northern Dvina” combines the source material of the travel diary with later inserts, thanks to which the narrative not only becomes linear and integral and is completed, but also expands in terms of the genre. Due to this additional internal volume, there is space and an opportunity for journalistic “complications.”

Both books in question went out of print in 1895, both were titled *Appendix to the Catalog of Paintings* and signed with the same Self-narrative formula “Artist V.V. Vereshchagin.” But in the latter book, the meaning of the pictorial image is reduced to illustration, without which the printed text would have done well, whereas in the *Autobiographies*, let us repeat, the visual and the verbal are still complementary. When assessing the dynamics, it is impossible not to take into account the difference in ideas as well as the intervals between the journey and the preparation of the manuscript (1) and between the manuscript and the book (2). For the *Autobiographies* (1) was at least a year (1891–92), or more than six years (1888–95) and (2) was about a year (1894–95). *On the Northern Dvina* was written

⁵² Chudakov, *Poetics and the World of Anton Chekhov*, 291.

⁵³ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 79.

⁵⁴ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 57.

⁵⁵ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 117.

⁵⁶ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 59.

⁵⁷ Vereshchagin, *Illustrated Autobiographies*, 2.

and published in a shorter time – from the autumn of 1894 to the end of 1895. Summarizing these very shaky calculations, let us say that during his travels in the Volga provinces Vereshchagin demonstrated one property of authorship, and after sailing along the Dvina, it was somewhat different. High rate of changes in Vereshchagin's writing technique is indirectly confirmed by the intensity of his verbal work: four books were published in 1895 alone. This is what explains the specific originality of the artist's works, their balancing between a diary, travelogue, and autobiography. If we take into account that the short novel "Man of Letters" (1894) was published in the year of the Dvina journey, it becomes clear that Vereshchagin moved not only from type to type but also from conventional *non-literature* (documentary or quasi-documentary narration) to *literature*. Journalism on this path is a necessary intermediate stage, a parallel creative line.

In addition to discussions about the fate of national art, several other topics are journalistically voiced in the essay "On the Northern Dvina": the church schism in the North and its consequences (Vereshchagin did not use the terms "*staroverie*" [the old faith], "*staroobryadchestvo*" [Old Ritualism], preferring to follow the official discourse), the state of forestry, and health care. Each of these topics is introduced through the prism of the narrator's consciousness, each time using the same technique – meeting the hero ("I met here an official who ran the operations of logging and floating timber. . .",⁵⁸ "The priest is venerable and old, he promoted from junior deacons; according to him, when he . . . accepted the local parish, the people did not go to church at all. . ."⁵⁹; "We met a local doctor in Cherevko. . ."⁶⁰). However, the criticism following this modest introduction, as a rule, is devoid of social depth – it is still too pictorial, not fully isolated from the travel impression: this is hindered by the form of the source, the peculiarities of the genre, but, most importantly, all the everyday specifics of the episode, in which the journalistic statement is enclosed. Therefore, it is hardly entirely fair to consider it as evidence of the artist's "indignation" or "protest" against something or his struggle with something, as it has been done in historiography.⁶¹

The tone and structure of Vereshchagin's statements as an opinion writer are still trivial. The visualized exposition ("While waiting for the ferry, women hum a song, nursing a bonfire to keep the mosquitoes away") turns abruptly, without medium tones, into a naturalistic rise ("Anywhere and everywhere there is revelry, and a husband usually drinks away all the earned money at the expense of the family"), and from it – to an acute climax and finale ("As illiteracy is universal here, it would seem

⁵⁸ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 23.

⁵⁹ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 28.

⁶⁰ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 56.

⁶¹ Cf. Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 239.

that the vaunted happiness of patriarchal ignorance should live here, but in fact it is different: there is no happiness in sight – need, vice and poverty are glaring”).⁶² There is a variation of the same three-part plot with an inclusion of a cue of an intermediary character in the plot, with the expansion of each element into a paragraph. Such is Vereshchagin's second visit to the zemstvo hospital in Cherevkov: “On the way, I stopped by the hospital again, once again marveled at the squalor of this institution. . .” – ““Whether it is bad or good,’ the doctor said. . .” – “According to the doctor, poor nutrition and poor care grow a real breed of cretin children in some places. . .”⁶³ Another variation is an isolated interlude remark of the narrator, for example, interrupting the story of moving from one point to another (“The administrator who raises the issue of draining the Vologda marshes will serve the region well”⁶⁴).

Vereshchagin uses numerical material in the same way; there is no analytics in this, only an illustration:

He has 11 paramedics, 6 attendants, and 2 veterinary paramedics under his command. . . This small number of medical staff has to treat all kinds of diseases and epidemics over the distance of three to four hundred versts!⁶⁵

The book is accompanied by chronologically and meaningfully odd draft notes, formatted as a new portion of “Notebook Pages” (with characteristic spacing, without a clear compositional connection between them, of a small length of several paragraphs).⁶⁶ In the archival file, they are called “diary entries,” but that is not quite accurate, and given the fact that they are all written in secretarial handwriting, with the author's corrections, it is clear it is the material that was partially used in the montage of the essay “On the Northern Dvina,” but mostly not included in the book

⁶² Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 100.

⁶³ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 62.

⁶⁴ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 73.

⁶⁵ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 56.

⁶⁶ “Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V. Rukopisnaya kopiya” [Diary entries of Vereshchagin V.V. Handwritten copy]. No date. F. 17, no. 1635, ll. 25–37. OR GTG. On ll. 1–13 of the same file there is another composite manuscript (in a different handwriting) with the erased title “Tserkov' i selo Ioanna Bogoslova” [The church and village of John the Evangelist]. Based on the underlying social and visual impressions, this text can be attributed to Vereshchagin's Upper Volga travels, and early ones at that (the Church of John the Baptist in Tolchkov, sketches of the interior of which date back to 1888, is mentioned and described. About them, see E.V. Kim, “About the Newly Found Works of the Russian Series by V.V. Vereshchagin” [in Russian], in *V.V. Vereshchagin. Art and Society: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, ed. L.Kh. Malikova (Cherepovets: [n. p.], 2017), 11–18).

and revised. It contains both minor and significant retrospective additions from the Upper Volga and Vologda trips.⁶⁷ In particular, the factual notes of Solvychevodsk and the etymology of its name are expanded here. What is sketched in the book (“Once upon a time, under the Stroganovs, it was a town. . . Now there are about a thousand inhabitants in Solvychevodsk”)⁶⁸ is described here in a more detailed way:

Once, in the time of the Stroganovs, it was a large populated and rich town – now it has up to 1,000 inhabitants and 11 churches with beautiful ringing bells and interesting remnants of antiquity in some of them. . .⁶⁹

The Solvychevodsk church, displayed in the book only by a photo-type from the painting, is described here separately. In particular, the recently discovered “Stroganov’s whims” are mentioned (as Vereshchagin believed, oubliettes for immuring malcontents).⁷⁰ The story dedicated to Veliky Ustyug also stands out.⁷¹ The themes that are accentuated in the notes are peripheral in the book. Among them are the northern toponyms and dialect vocabulary, naive observations of which lend the regional space, depicted quite flat by Vereshchagin, depth and sound.⁷²

In addition to the already familiar recombination of repetitive text fragments, Vereshchagin’s manner manifests itself in the northern notes under study by their original content and stylistic changes, reminiscent of the lightness and thematic diversity of a lyrical diary from the Japanese Middle Ages (it was customary to write it freely “as the brush falls”). In Vereshchagin’s text there may be an aphoristic

⁶⁷ These are the references to the Spaso-Prilutsky Monastery, Spaso-Yaroslavl Monastery, Makar’evo-Unzhensky Monastery (“Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V.” [Diary entries of V.V. Vereshchagin]. F. 17, no. 1635, ll. 26 ob.–27ob. OR GTG).

⁶⁸ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 3.

⁶⁹ “Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V.” [Diary entries of V.V. Vereshchagin]. F. 17, no. 1635, l. 25 ob. OR GTG.

⁷⁰ V.V. Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, insert between pp. 2–3. “Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V.” [Diary entries of V.V. Vereshchagin]. F. 17, no. 1635, l. 26 ob. OR GTG. This refers to the “basements” or “cellars” (that is, spacious rooms in the basement) of the Annunciation Cathedral. However, back in the second half of the 19th century, their prison purpose was not generally recognized in the city: some considered them Stroganov’s storerooms, others said that they were tombs, etc. See, e.g., V. Popov, “Solvychevodsk Antiquity” [in Russian], in *Solvychevodsk Antiquity. Materials and Studies for the 500th Anniversary of Solvychevodsk*, ed. A.N. Vlasov (Syktyvkar: SGU, 1994), 94–96.

⁷¹ “Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V.” [Diary entries of Vereshchagin V.V.]. No date. F. 17, no. 1635, l. 25–25 ob. OR GTG.

⁷² “Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V.” [Diary entries of Vereshchagin V.V.]. No date. F. 17, no. 1635, ll. 25, 37, etc.

author's judgment combined with a saying ("Most of the current monks are not for Jesus, but for the sake of bread!"), a description of a superstition that again transforms into purely author's micro-text ("There is an interesting belief in the North that a fire should be extinguished with milk. – Where can we get so much milk, said my friend who told me about that. . ."), and arguments about the "Russian style" in art and about the need of both capitals for new modern museums, and that Moscow needed a museum of natural history.⁷³ Vereshchagin's opinion journalistic writing reveals itself even where it is not expected to be found at all.

After the acquaintance with the present of the northern village, disastrous in many respects (as it seemed to an affluent metropolitan resident with a "scientific education" and an artistically receptive nature), with the enormity of northern resources, with the general "desolation" of the region, opinion journalism in Vereshchagin's writing transferred into an independent (last) phase within the regional complex of his texts. In December 1894, a short article by the artist "Forestry in the North"⁷⁴ was published in the *Novosti i Birzhevaya Gazeta*. It must have been supposed to open a series of publications of socio-economic orientation based on northern impressions. This conclusion arises from the fact that there are extant drafts of two more pieces ("letters") by Vereshchagin intended for the aforementioned newspaper ("On National Development in the North" (in the second, revised version "A Few Words about School and the Schism in the North") and about medical care (more precisely, "medical helplessness").⁷⁵ The last manuscript was supposed to go to the editorial office immediately after the article on forestry, which is why it was preceded by the short title "Letter II" with the details of the previous publication in a footnote.⁷⁶ In Lebedev's list, the following Vereshchagin's work in the *Novosti* is dated January 1896,⁷⁷ from which it is clear that the drafts were probably planned to be printed in 1895 and were written simultaneously with the essay "On the Northern Dvina" as a direct continuation of it.

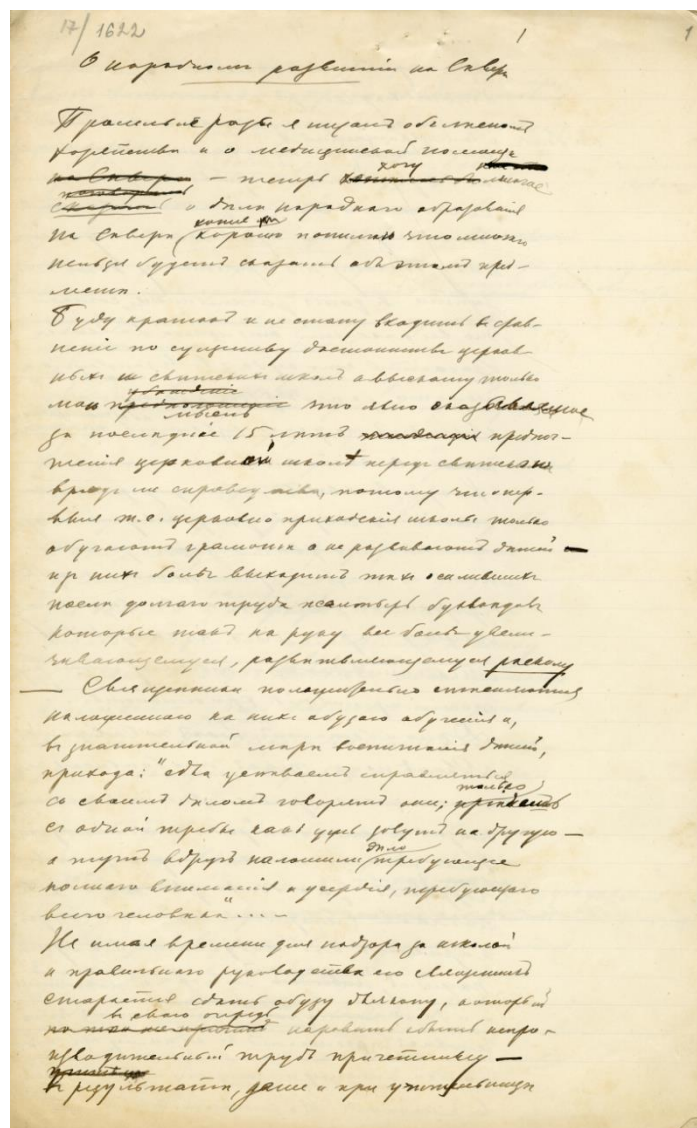
⁷³ "Dnevnikovye zapisi Vereshchagina V.V." [Diary entries of Vereshchagin V.V.]. No date. F. 17, no. 1635, l. 28. OR GTG.

⁷⁴ Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 352.

⁷⁵ "Rukopis' Vereshchagina V.V. 'O narodnom razvitiu na Severe. Neskol'ko slov o shkole na Severe'" [Manuscript by V.V. Vereshchagin 'On National Development in the North. A few words about school and the schism in the North']. No date. F. 17, no. 1622, ll. 1–10 ob. OR GTG. Including "O narodnom razvitiu na Severe" [On national development in the North] (ll. 1–4 ob.); "Pis'mo II" [Letter 2] (o vrachebnoi pomoshchi [on medical care], ll. 5–6 ob.); "Neskol'ko slov o shkole i raskole na Severe" [A few words about school and the schism in the North] (ll. 7–10 ob.).

⁷⁶ V.V. Vereshchagin, "Pis'mo II" [Letter 2]. F. 17, no. 1622, l. 5. OR GTG.

⁷⁷ Lebedev, *Vasily Vasil'evich Vereshchagin*, 352.

The first page of the draft of the article “On National Development in the North”

Source: F. 17, no. 1622, l. 1. Otdel rukopisei Gosudarstvennoi Tret'yakovskoi galerei [Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery], Moscow, Russia.

It should be added that Vereshchagin was among the authors of the *Novosti* in the second half of the 1880s, when the newspaper was considered the “keeper of the liberal legacy of the 1860s,” having been given that epithet from the *Golos*. Its regular correspondents included V. Stasov, P. Boborykin, K. Kavelin, N. Nemirovich-Danchenko, A. Skabichevsky, and others.⁷⁸

Leaving aside the question of Vereshchagin’s proximity or affiliation to the liberal camp, it is impossible not to notice that his own political identification hardly interested him as something that needed special expression. Vereshchagin chose to express his view on individual issues of interest to him, and, judging by the drafts, he

⁷⁸ B.G. “O.K. Notovich (Obituary)” [in Russian], *Istoricheskii vestnik*, vol. 136 (1914): 216–17.

always did it on his own behalf, without association with some abstract group or direction. His way of thinking was concrete: he outlined his key point, confirmed it with a number of naturalistic examples, “sketching” them from his personal experience and came to a conclusion without wasting space. This simple schoolish model is clearly visible in the “Letter” about medical care. Stating that medical practice in the region was “in a terrible state,” Vereshchagin gave the most expressive (in his opinion) evidence that he gleaned from the trip along the Dvina River. Here belong the need for syphilitic patients to “drag themselves 300 versts to the hospital. . . , and along terrible roads,” and the appearance of the zemstvo hospital in one of the uyezds of Vologda Governorate (a cramped hut in which it is impossible to treat both men and women at the same time, so women are not treated there at all), and the doctor’s inability to reach the patient more often than once in a fortnight or even once in a few years, and signs of general syphilitic degeneration in children, spreading throughout entire volosts. Vereshchagin’s favorite method of journalistic argumentation is the hero’s story or dialogue reproduced from memory (again, for the sake of a vivid example), which additionally enhances the quasi-documentary manner of describing the problem. In the “Letter,” a young zemstvo doctor described the preparations for a difficult surgery: how his patient lay suffering on the bed, how the instruments were sterilized and how two chickens suddenly jumped one after the other into the open window of the hut “right on the tools!” (it was in the summer heat, and it is impossible to work in the “cage” without fresh air)⁷⁹

Such a scene worthy of Chekhov’s “Surgery” is a ready-made verbal sketch. The conclusion to it departs from figurativeness and is more complex:

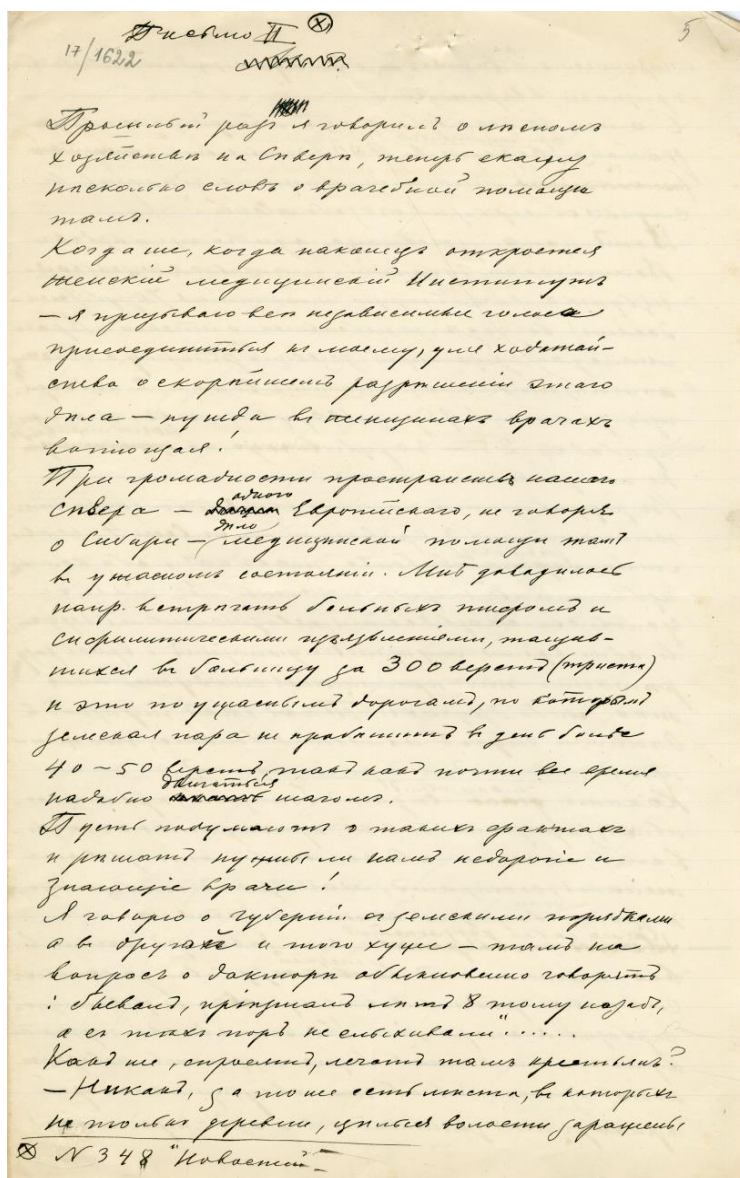
It is disgraceful and shameful for us, the representatives of the intelligentsia⁸⁰ of our homeland, to treat the weak and the poor so harshly. When you look at such conditions of existence and then you begin to read the expressions of concern about the troubles of the Bulgarians or the degree of benevolence of the Serbian parties, not to mention the small gossip from the life of European states, in some glib newspapers, you really think, “Is this frivolity or a lack of true enlightenment?” How can the facts of this hard-hearted attitude of older brothers towards younger ones be reconciled with the kind, generous, downright merciful character of the entire Russian people?⁸¹

⁷⁹ V.V. Vereshchagin, “Pis'mo II” [Letter 2]. F. 17, no. 1622, l. 6. OR GTG

⁸⁰ Vereshchagin’s typical spelling of the word in Russian is “*intelegtsiya*” [which is spelled “*intelligentsiya*”]. – A. V.

⁸¹ V.V. Vereshchagin, “Pis'mo II” [Letter 2]. F. 17, no. 1622, l. 6–6 ob. OR GTG.

The classical opposition of society and the masses in these words is cloaked in enlightened patriotism and reflects well-defined distances and hierarchies, not so much class or political as spiritual and intellectual. Vereshchagin perceived the people, as well as the North as a whole, objectively – as something that needed to be brought out of the worst state to the optimum, something that required pragmatic management, education, and enlightenment. There is no novelty of opinion, courage, or condescension in that. On the contrary, Vereshchagin stayed within the norm of the (intelligentsia's) discourse into which he included himself.

First page of draft of the “Letter” about medical care in the North

Source: F. 17, no. 1622, l. 5. Otdel rukopisei Gosudarstvennoi Tret'yakovskoi galerei [Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery], Moscow, Russia.

For Vereshchagin, the enlightenment about which he talked a lot in the article “On National Development in the North” is the main instrument of social and political engineering, development of the region. To bring the “mass of the Russian people” out of the “darkness of ignorance” and “sedition” that were inspired by the schism was not a confessional or philosophical but a purely practical task, which could be effectively solved by secular schools and “young energetic priests” who had been taught how to resist the schism.⁸² “However, it is impossible not to regret that most of those young priests smoke – to the great disgust of the schism leaders,” Vereshchagin concluded, straying from the general to the particular.⁸³ Such inconsistency is understandable: in his article, he did not write out a prescription to cure social evils (for him, the schism was one of them) but only pointed to the disease. Talking about the schism and about zemstvo medicine, he was far beyond the framework of his profession, but he did not become a journalist but remained, from his point of view, an artist.⁸⁴ An artist who writes.

The article “On National Development in the North” is secondary in relation to the preceding essay. Whole episodes were directly taken from it, but concisely and in accordance with the anonymity befitting journalism, thanks to which a descriptive incident (an element of a travelogue) is transformed into a general argument (part of a newspaper article). This is the method of reproducing the episodes with the visit of Bishop of Vologda Israel to Belaya Sluda and the rescue of a young “upstart” priest from the slander of his brethren,⁸⁵ and with “rascals” at the divine service.⁸⁶

If compared with the book *On the Northern Dvina*, the “Letter” introduces new material (the story about chickens, etc.) and also clarifies the spatial picture of the North in Vereshchagin’s perception. For the first time, the region begins to be divided into zones, the European North is now different from the Siberian North, and the artist focuses on the former.⁸⁷

Despite its brevity, the “Letter” shows much more clearly Vereshchagin’s creative drift from artistic themes towards broad socio-political ones. We saw the

⁸² V.V. Vereshchagin, “O narodnom razvitii na Severe” [On national development in the North]. F. 17, no. 1622, l. 4. OR GTG.

⁸³ V.V. Vereshchagin, “O narodnom razvitii na Severe” [On national development in the North]. F. 17, no. 1622, l. 4–4 ob. OR GTG.

⁸⁴ Both drafts are signed the same way “*Khudozhnik V.V. Vereshchagin*” [Artist V.V. Vereshchagin]. – A. V.

⁸⁵ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 21–22; V.V. Vereshchagin, “O narodnom razvitii na Severe” [On national development in the North]. F. 17, no. 1622, l. 2. OR GTG.

⁸⁶ Vereshchagin, *On the Northern Dvina*, 92–93; V.V. Vereshchagin, “O narodnom razvitii na Severe” [On national development in the North]. F. 17, no. 1622, ll. 3 ob.–4. OR GTG.

⁸⁷ V.V. Vereshchagin, “Pis'mo II” [Letter 2]. F. 17, no. 1622, l. 5. OR GTG.

abovementioned reference to the “gossip” from European life in earlier works devoted to the East. In the artist’s verbal work, it designates another level of inter-source connections (not only between individual source types within a complex but also between the complexes) and shows that not only completed plots but also phrases and details can wander, moving from text to text in Vereshchagin’s writing.

Conclusion

In his address to the North, Vereshchagin coincided with the time. Not as a painter (although he was ahead of many there)⁸⁸ but more as a citizen and just an enlightened rational person. Vereshchagin’s interest in the region, which was native to him but fell out of his attention for many years, came at the time when his work with the word became as intense as painting. Between the two aspects of Vereshchagin’s artistry – verbal and visual – complex, not yet fully disclosed and understood connections were formed, and the “northern” texts appear to be representative for its study, as we tried to show. In the 1890s, the process of Vereshchagin’s formation as a writing painter of a different type (in comparison with Kramskoi) was completed: a public figure who felt free to be beyond the professional framework and limitations of a public figure and therefore inevitably an opinion journalist.

Technically, Vereshchagin’s writing remained similar to his painting if analyzed on the level of a source complex rather than individual texts. The deep reason for the similarity lies, of course, in the unity of Vereshchagin’s perception of reality, when what is depicted is not complete without a verbal explanation and can be verbalized in itself; in turn, the verbal is visual not only because it needs to be accompanied by an illustration, but by the totality of the objects chosen, the techniques and means of expression used, even by the specific features in naming the works. Vereshchagin began his career as a writer with *Essays, Sketches, Memoirs*, and this *sketchiness* (illusory incompleteness) remained no less characteristic of his word than of painting. Even *reminiscence* was not just a mechanical appeal to the archive of memory but its visualization in the required part. Hence the peculiar expressivity, pictorialism of his texts, abundant in dialogue.

A verbal sketch as a small closed plot, as if torn from the fabric of reality, was closer to Vereshchagin than a large narrative form. Therefore, turning to it, the artist resorted to montage (the same as on canvases, “sketching”), to repetition, reverberating and rearranging fragments, direct transfer of the same constructive parts from text to text. Frequent use of these techniques determines the complexity of the

⁸⁸ See T.V. Yudenkova, *Brothers Pavel Mikhailovich and Sergei Mikhailovich Tretyakov: Ideological Aspects of Collecting in the Second Half of the 19th Century* [in Russian] (Moscow: BukcMArt, 2020), 276–78.

type and genre classification of Vereshchagin's texts. It can be said that, to a certain extent, serialization (or cyclization) is natural for them because of such inter-source connections. The artist's "northern" experience demonstrates this seriality, the way the proportion of the visual and the verbal changed in it (from commenting on one by the other to complete separation).

Let us try to decompose the process of verbal processing of the "northern" experience into conditional phases.

1. The journey along the Upper Volga and the Northern Dvina. The formation of the initial collection of social and visual impressions. Their primary textualization in correspondence. Constructing a picture of the region as an integral cultural and original space and lifeworld.

2. The work on *Illustrated Autobiographies*. The choice of type and genre (autobiographical essays as an appendix to the catalog of paintings), subject matter (the outline of the life of a person "from the masses": an ordinary man unnoticed by the "public"). The balance of illustration and its verbal explanation. The concept of the region as a background space that is revealed not widely but by dynamic social sketches. The author is identified but distances himself as the narrator.

3. The work on the book *On the Northern Dvina*. The type and genre modification (the frame, also an appendix to the catalog, but as a result, self-narration is formed that is close to a travel diary and combines real travel impressions taken from an album or notebook with later inserts). Definition of the subject matter (geography and space of the North, natural conditions; life and customs of the people; socio-economic development; moral condition, level of education of the Northerners, Old Believers ("the schism") in the North and its influence). The word and the illustration lose their correlation, the image is now secondary. Conceptualization of the region as an outskirts with a huge unclaimed potential, in need of active comprehensive development.

4. Parallel textualization of the Volga and Dvina impressions in manuscripts. Individual randomly combined episodes presented in the manner of a lyrical diary and structurally similar to the "Pages from the Notebook." Introduction of additional material that is absent from the books but complements thematic and substantive lines drawn in them. The author acts as the narrator.

5. Preparation of newspaper articles based on the results of the journey to the Dvina River. Entering the field of socio-economic opinion journalism, separate from visual creative work with maintenance of its obvious features in the nature of text organization. Interspecific transfer, compression, and rearrangement of book material. Differentiation of the regional space (European and Siberian North) with its "sketchy" calibration. Focus on the solution of specific economic, social, and cultural problems of the region. The author acts as the narrator. At the same time, the social-

group level is highlighted in the narrator's journalistic identity: he presents himself as an intellectual.

Список литературы

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / под редакцией С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. Москва: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 958 с.

Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917): учебно-методический комплект. Москва: Флинта, Наука, 2006. 464 с.

Ким Е.В. В.В. Верещагин – И.А. Шляков (документы и парадоксы текстологии). К 165-летию со дня рождения И.А. Шлякова // История и культура Ростовской земли. 2007: материалы научной конференции (Ростов, 7–9 ноября 2007 г.) / под редакцией В.В. Зякина и др. Ростов: [б. и.], 2008. С. 255–277.

Ким Е.В. В.В. Верещагин – И.А. Шляков. Ярославский проект 1888 года // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XVIII / под редакцией В.В. Зякина. Ростов: [б. и.], 2010. С. 112–145.

Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове Великом (неизвестные страницы биографии) // История и культура Ростовской земли. 2006: материалы научной конференции (Ростов, 12–14 ноября 2006 г.) / под редакцией В.В. Зякина и др. Ростов: [б. и.], 2007. С. 317–331.

Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове Великом (факты, гипотезы, домыслы) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XVI / под редакцией В.В. Зякина. Ростов: [б. и.], 2006. С. 414–463.

Ким Е.В. О вновь выявленных произведениях русской серии В.В. Верещагина // В.В. Верещагин. Искусство и общество: материалы Всероссийской научной конференции / ответственный за выпуск Л.Х. Маликова. Череповец: [б. и.], 2017. С. 11–21.

Кошелев В.А. Мемуарная проза В.В. Верещагина: метод и мастерство // «Недаром помнит вся Россия...»: материалы Международной научной конференции, посвященной 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения / составитель Н.А. Бритвина. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2003. С. 28–38.

Кошелев В., Чернов А. «Этот все может» // Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания / составление, вступительная статья и комментарии В.А. Кошелева и А.В. Чернова. Москва: Советская Россия, 1990. С. 5–22.

Куликова О.В. Палестинская серия и скандал на выставке в Вене // Братья Верещагины: искусство и общество: сборник докладов научных конференций / под редакцией А.Е. Новикова. Череповец, Вологда: Череповецкий государственный университет, Череповецкое музейное объединение, Сад-Огород, 2021. С. 30–35.

Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество (1842–1904) / под редакцией А.В. Солодовникова. Москва: Искусство, 1972. 395 с.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.

Новаковская-Бухман С. Собрание В. В. Верещагина // Василий Верещагин / под редакцией И. Афанасьевой. Санкт-Петербург: Государственный Русский музей, Palace Editions, 2022. С. 37–41.

Пановский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения / перевод с английского Н.Г. Лебедевой, Н.А. Осминской. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2009. 432 с.

Риммер Э.П. В.В. Верещагин и московский меценат П.И. Щукин // В.В. Верещагин и его «картины русской жизни, русской истории»: материалы Всероссийской научной конференции / под редакцией О.Ю. Белозеровой и др. Череповец: [б. и.], 2011. С. 29–36.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.

Соловьева С.В. Был ли В.В. Верещагин военным агентом? Отношения художника и военного ведомства (по материалам российских архивов) // Иван Айвазовский. Взгляд из XXI века; Василий Верещагин: больше чем художник: материалы научных конференций / под редакцией Г.С. Чурак и др. Москва: Государственная Третьяковская галерея, 2019. С. 195–222.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. Москва: БуксМАрт, 2020. 528 с.

Янке Г. Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 89–106.

References

Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii*: [Collected works], 7 vols. Vol. 1, *Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Philosophical aesthetics of the 1920s], edited by S.G. Bocharov, and N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. (In Russian)

Chudakov, A.P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: vzniknovenie i utverzhdenie* [Poetics and the world of Anton Chekhov: emergence and approval]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. (In Russian)

Esin, B.I. *Istoriya russkoi zhurnalistiki (1703–1917): uchebno-metodicheskii kompleks* [History of Russian journalism (1703–1917): learning and teaching kit]. Moscow: Flinta, Nauka, 2006. (In Russian)

Jancke, G. “Dnevniky v istoricheskikh issledovaniyakh: teksty i konteksty rannego Novogo vremeni” [Diaries in historical research: Early Modern texts and contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (157) (2019): 89–106. (In Russian)

Kim, E.V. “O vnov' vyavlennykh proizvedeniyakh russkoi serii V.V. Vereshchagina” [About the newly found works of the Russian series by V.V. Vereshchagin]. In *V.V. Vereshchagin. Iskustvo i obshchestvo: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [V.V. Vereshchagin. Art and society: proceedings of the All-Russian scientific conference], edited by L.Kh. Malikova, 11–21. Cherepovets: [n. p.], 2017. (In Russian)

Kim, E.V. “V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov (dokumenty i paradoksy tekstologii). K 165-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Shlyakova” [V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov (documents and paradoxes of textual criticism). To I.A. Shlyakov's 165th birthday]. In *Istoriya i kultura Rostovskoi zemli. 2007: materialy nauchnoi konferentsii (Rostov, 7–9 noyabrya 2007 g.)* [History

and culture of the Rostov land. 2007: proceedings of the scientific conference (Rostov, November 7–9, 2007)], edited by V.V. Zyakin et al., 255–77. Rostov: [n. p.], 2008. (In Russian)

Kim, E.V. “V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov. Yaroslavskii proekt 1888 goda” [V.V. Vereshchagin – I.A. Shlyakov. The Yaroslavl project of 1888]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya. Vypusk XVIII* [Communications of the Rostov Museum. Issue 18], edited by V.V. Zyakin, 112–45. Rostov: [n. p.], 2010. (In Russian)

Kim, E.V. “V.V. Vereshchagin v Rostove Velikom (fakty, gipotezy, domysly)” [V.V. Vereshchagin in Rostov (facts, hypotheses, speculation)]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya. Vypusk XVI* [Communications of the Rostov Museum. Issue 16], edited by V.V. Zyakin, 414–63. Rostov: [n. p.], 2006. (In Russian)

Kim, E.V. “V.V. Vereshchagin v Rostove Velikom (neizvestnye stranitsy biografii)” [V.V. Vereshchagin in Rostov (unknown pages of biography)]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 2006: materialy nauchnoi konferentsii (Rostov, 12–14 noyabrya 2006 g.)* [History and culture of the Rostov land. 2006: proceedings of the scientific conference (Rostov, November 12–14, 2006)], edited by V.V. Zyakin et al., 317–31. Rostov: [n. p.], 2007. (In Russian)

Koshelev, V.A. “Memuarnaya proza V.V. Vereshchagina: metod i masterstvo” [V.V. Vereshchagin’s memoir prose: method and skill]. In “*Nedarom pomnit vsya Rossiya...*”: *materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 160-letiyu V.V. Vereshchagina i 190-letiyu Borodinskogo srazheniya* [“With cause all Russia fashions lays...”: proceedings of the International scientific conference dedicated to V.V. Vereshchagin’s 160th birthday and the 190th anniversary of the Battle of Borodino], compiled by N.A. Britvina, 28–38. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2003. (In Russian)

Koshelev, V., and A. Chernov. “‘Etot vse mozhet’” [‘This one can do everything’]. In V.V. Vereshchagin, *Povesti. Ocherki. Vospominaniya* [Stories. Essays. Memoirs], compilation, introduction and commentary by V.A. Koshelev, and A.V. Chernov, 5–22. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. (In Russian)

Kulikova, O.V. “Palestinskaya seriya i skandal na vystavke v Vene” [The Palestinian series and the scandal at the exhibition in Vienna]. In *Brat'ya Vereshchaginy: iskusstvo i obshchestvo: sbornik dokladov nauchnykh konferentsii* [The Vereshchagin brothers: art and Society: a collection of papers from scientific conferences], edited by A.E. Novikov, 30–35. Cherepovets, Vologda: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, Cherepovetskoe muzeinoe ob'edinenie, Sad-Ogorod, 2021. (In Russian)

Lebedev, A.K. *Vasilii Vasil'evich Vereshchagin. Zhizn' i tvorchestvo (1842–1904)* [Vasily Vasil'evich Vereshchagin. Life and work (1842–1904)], edited by A.V. Solodovnikov. Moscow: Iskusstvo, 1972. (In Russian)

Moiseev, V.A. *Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: AzBuka, 2003. (In Russian)

Novakovskaya-Bukhman, S. “Sobranie V.V. Vereshchagina” [Collection of V.V. Vereshchagin]. In *Vasily Vereshchagin*, edited by I. Afanas'eva, 37–41. St Petersburg: Gosudarstvennyi Russkii muzei; Palace Editions, 2022. (In Russian)

Panofsky, E. *Etyudy po ikonologii: Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniya* [Studies in iconology: humanistic themes in the art of the Renaissance], translated from English by N.G. Lebedeva, and N.A. Osminskaya. St Petersburg: Azbuka-klassika, 2009. (In Russian)

Rimmer, E.P. “V.V. Vereshchagin i moskovskii metsenat P.I. Shchukin” [V.V. Vereshchagin and Moscow Maecenas P.I. Shchukin]. In *V.V. Vereshchagin i ego “kartiny russkoi zhizni, russkoi istorii”*: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [V.V. Vereshchagin and his “pictures of Russian life and Russian history”: proceedings of the All-Russian scientific conference], edited by O.Yu. Belozerova et al., 29–36. Cherepovets: [n. p.], 2011. (In Russian)

Sergeev, E.Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907: myths and realities of Russo-British relations in Central and East Asia]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. (In Russian)

Solov'eva, S.V. “Byl li V.V. Vereshchagin voennym agentom? Otnosheniya khudozhnika i voennogo vedomstva (po materialam rossiiskikh arkhivov)” [Was V.V. Vereshchagin a military agent? Relations between the artist and the military department (based on materials from Russian archives)]. In *Ivan Aivazovskii. Vzglyad iz XXI veka; Vasilii Vereshchagin: bol'she chem khudozhnik: materialy nauchnykh konferentsii* [Ivan Aivazovsky. A look from the 21st century; Vasily Vereshchagin: more than an artist: materials of scientific conferences], edited by G.S. Churak et al., 195–222. Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2019. (In Russian)

Yudenkova, T.V. *Brat'ya Pavel Mikhailovich i Sergei Mikhailovich Tret'yakovy: mirovozzrencheskie aspekty kollektirovaniya vo vtoroi polovine XIX veka* [Brothers Pavel Mikhailovich and Sergei Mikhailovich Tretyakov: ideological aspects of collecting in the second half of the 19th century]. Moscow: BukcMArt, 2020. (In Russian)

Информация об авторе

Антон Владимирович Всеволодов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, vsevolodov12@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); старший научный сотрудник, Череповецкое музейное объединение (д. 30 а, пр-т Советский, 162602 Череповец, Россия).

Information about the author

Anton V. Vsevolodov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Research Fellow, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, vsevolodov12@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia); Senior Research Fellow, Cherepovets Museum Association (30 а, pr. Sovetskii, 162602 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 11.12.2023.

HISTORIA

PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

2024 · Т. 8 · № 1

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 352–368.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 352–68.

Рецензия

УДК 329.11(470+571)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-9>

EDN ZZQMNU

**Монографическое исследование парламентской истории
Центральной России начала XX века**

Рецензия на: Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история
Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в
Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография.
Москва: АИРО-XXI, 2021. 336 с.

Андрей Борисович Николаев

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

abnikolaev@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>

Andrei B. Nikolaev

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

abnikolaev@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>

Аннотация. Рецензируемая монография является первым в историографии специальным углубленным исследованием парламентской истории Центральной России на примере Рязанской губернии в 1906–1917 гг. Этим научным трудом П.В. Акульшин и И.С. Князева подводят итог многолетнему изучению истории выборов и представительства Рязанской губернии в Государственной думе всех четырех созывов и Учредительном собрании.

Ключевые слова: Рязанская губерния, Государственная дума Российской империи, Учредительное собрание в России, избирательная кампания, депутаты

Для цитирования: Николаев А.Б. Монографическое исследование парламентской истории Центральной России начала XX века. Рецензия на: Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография.

© Николаев А.Б., 2024

© Nikolaev A., 2024

Москва: АИРО-XXI, 2021. 336 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 352–368. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-9>

A Monographic Study of the Parliamentary History of Central Russia in the early 20th century

Review of *Parlamentskaya istoriya Tsentral'noi Rossii: vybory i predstavitel'stvo Ryazanskoj gubernii v Gosudarstvennoi dume i Uchreditel'nom sobranii (1906–1917 gg.): monografiya* [Parliamentary history of Central Russia: elections and representation of Ryazan Governorate in the State Duma and the Constituent Assembly (1906–1917): a monograph],
by P.V. Akul'shin, and I.S. Knyazeva (Moscow: АИРО-XXI, 2021)

Abstract. The monograph under review is the first special in-depth study of the parliamentary history of Central Russia based on the example of Ryazan Governorate in 1906–17. This scholarly work by P. Akul'shin and I. Knyazeva summarizes the long-term study of the history of elections and representation of Ryazan Governorate in the State Duma of all four convocations and in the Constituent Assembly.

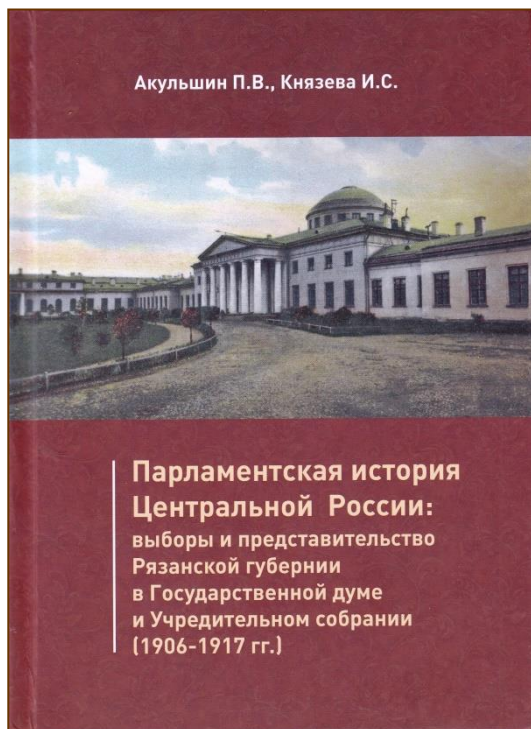
Keywords: Ryazan Governorate, State Duma of the Russian Empire, Constituent Assembly in Russia, election campaign, deputies

For citation: Nikolaev, A.B. “A Monographic Study of the Parliamentary History of Central Russia in the early 20th century.” Review of *Parlamentskaya istoriya Tsentral'noi Rossii: vybory i predstavitel'stvo Ryazanskoj gubernii v Gosudarstvennoi dume i Uchreditel'nom sobranii (1906–1917 gg.): monografiya* [Parliamentary history of Central Russia: elections and representation of Ryazan Governorate in the State Duma and the Constituent Assembly (1906–1917): a monograph], by P.V. Akul'shin, and I.S. Knyazeva (Moscow: АИРО-XXI, 2021). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 352–68, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-9>

В отечественной исторической науке растет интерес к провинциальной истории дореволюционной России. Подтверждением этому служит монография П.В. Акульшина и И.С. Князевой «Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.)»¹. Она, кстати, уже привлекла внимание историков, которые ссылаются на нее в своих научных трудах².

¹ Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография. Москва: АИРО-XXI, 2021.

² См., например: Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 913. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>

Рецензируемая монография состоит из вступительного слова заместителя председателя Избирательной комиссии Рязанской области Д.А. Бокова, введения, 14 глав, заключения, примечаний и списка источников и литературы.

Во введении (с. 7–22) содержится краткая историография темы (с. 8–18). Авторы монографии, опираясь на труды предшественников, сформулировали следующую цель своей работы – «изучение “парламентской истории” Рязанской губернии». Здесь же они раскрыли ее содержание: «поиски ответа на вопросы о том, как происходили в Рязанской губернии выборы в Государственную думу Российской

империи I–IV созывов и Учредительное собрание 1917 г., какую роль в этих представительных учреждениях сыграли представляющие Рязанскую губернию депутаты, какие факторы определяли исход выборов и как парламентские учреждения влияли на жизнь региона» (с. 18).

Монография основана на широком круге исторических источников. Среди них законодательные акты Российской империи, делопроизводственные документы, материалы периодической печати, публицистика и документы личного происхождения. Для раскрытия темы исследования авторы использовали документы, выявленные ими в семи фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО) и в шести фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В 1-й главе речь идет о населении и социально-экономическом развитии Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (с. 23–47), а 2-я глава посвящена эволюции культуры и быта Рязанской губернии от отмены крепостного права до начала эпохи революций (с. 48–55). В нашем представлении, эта часть (1-я и 2-я главы) монографии напрямую не связана с темой исследования. В 3-й главе авторами прослеживаются взаимоотношения власти и оппозиции в Рязанской губернии в позднеимперский период (с. 56–72). Вместе с тем приведенный в этой главе материал, по нашему мнению, не подготавливает читателя к ознакомлению с рязанской составляющей российского парламентаризма начала XX века. Пожалуй, лишь

упоминание Н.И. Родзевича «среди рязанских земских деятелей», которые «выделялись своими оппозиционными взглядами и оппозиционностью» (с. 67), отсылает к будущим рязанским представительствам в Государственной думе. При этом воспринять данную отсылку может лишь подготовленный читатель, который еще до знакомства с этой монографией знал, что Н.И. Родзевич 21 октября 1912 г. был избран членом IV Государственной думы при баллотировке кандидатов из общего состава выборщиков Рязанского губернского избирательного собрания во время первоначальных выборов.

4-я глава посвящена созданию парламента Российской империи (с. 73–85). В ней дается краткая истории создания Государственной думы, а также характеризуется ее избирательная система. Подчеркнем, что в этой главе лишь два раза упоминается Рязанская губерния. Во-первых, когда авторы пишут об имущественном цензе для курии землевладельцев: «В Рязанской губернии для каждого уезда тоже был установлен свой ценз», который «колебался от 125 до 200 десятин» земли (с. 79). Во-вторых, когда речь заходит о числе рязанских депутатов в Думе: «От Рязанской губернии в Государственную думу Российской империи выбиралось по 8 депутатов» (с. 81).

В 5-й главе говорится о выборах в I Государственную думу в Рязанской губернии (с. 86–103). По подсчетам авторов, в Рязанской губернии избирателями в I Государственную думу были 4 592 чел., которые представляли 46 тыс. жителей (с. 89). П.В. Акульшин и И.С. Князева справедливо замечают, что «первая избирательная кампания стала для жителей Рязанской губернии первым крупным опытом легального участия в политической жизни страны». По их утверждению, «в центре избирательной борьбы находилась конкуренция двух группировок либеральных деятелей – местных организаций партии кадетов и “Союза 17 октября”, которые сложились и оформились в ходе избирательной кампании» (с. 91). Кадеты в Рязанской губернии делали ставку на поддержку со стороны крестьянских выборщиков (с. 93) и органов земского и городского самоуправления (с. 91). Но надежды кадетов не оправдались. Объясняя причины поражения кадетов на выборах, авторы приводят слова ответственного за работу рязанского отдела кадетской партии Н.М. Кишкина. Среди недостатков работы рязанских кадетов он указал на «малое число уездных и отсутствие волостных комитетов, крайне редкие делегатские собрания, слабую связь между губернским и уездными комитетами, плохую постановку агитационной работы» (с. 93). Что касается рязанских октябристов, то они рассчитывали победить на выборах за счет союза «популярных умеренных земцев-практиков и “здравомыслящего” <...>

“крепкого крестьянства”» (с. 95). По утверждению П.В. Акульшина и И.С. Князевой, существенную роль в победе октябристов сыграло «наличие в их рядах таких крупных фигур общероссийского масштаба, как князь Н.С. Волконский и [А.В.] Еропкин» (с. 95). Авторы считают, что именно эти авторитетные в губернии деятели обеспечили поддержку октябристов со стороны выборщиков, в том числе и крестьянских, многие из которых были политически неразвитыми (с. 102). Говоря об итогах выборов, П.В. Акульшин и И.С. Князева пишут, что «октябристы сумели провести в Думу трех кандидатов, в то время как их рязанские оппоненты – кадеты не получили в Думе ни одного места» (с. 102). Авторы подчеркивают, что рязанские октябристы «выбрали правильную тактику ведения избирательной кампании непосредственно в ходе заседаний коллегий выборщиков». Тактика была выработана Н.И. Родзевичем и состояла в том, чтобы сосредоточить все силы на выборах конкретных кандидатов: князь Н.С. Волконского, А.В. Еропкина, В.К. Федоровского и Н.И. Ярцева. Она увенчалась успехом – все эти кандидаты были выбраны в члены Государственной думы (с. 102–103). И далее авторы указывают, что среди рязанских представителей в I Государственной думе были Г.М. Ворсобин и Б.И. Черников, «избранные голосами крестьянских выборщиков», Д.Г. Гостев от рабочей курии, И.В. Арсенов, «представитель крестьянства», который «позиционировал себя как беспартийного», и четыре участника «Союза 17 октября» (с. 103). Ранее исследователи говорили о трех октябристах, прошедших в Думу (с. 102). Сколько же октябристов было избрано членами I Государственной думы от Рязанской губернии – трое или четверо? Учитывая, что В.К. Федоровский с 1905 г. был членом партии кадетов³, то в I Думу прошли три октябриста – Волконский, Еропкин, Ярцев. По нашему мнению, ситуацию с партийностью Федоровского необходимо было дополнительно разъяснить.

Деятельности рязанских представителей в I Государственной думе посвящена 6-я глава (с. 104–121). Авторы монографии, говоря о партийной принадлежности рязанских депутатов I Думы, вновь пишут, что «три рязанских депутата представляли “Союз 17 октября”: Н.С. Волконский, А.В. Еропкин и Н.И. Ярцев» (с. 108). Они упоминают и о В.К. Федоровском: «Заметное место среди рязанских депутатов I Государственной думы, выдвинутых от партии октябристов, занимал Владимир Капитонович Федоровский». Приводя краткие

³ Федоровский Владимир Капитонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева и др. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 645.

сведения о нем, авторы не сообщают о том, что он входил в партию кадетов, но указывают, что он вступил в I Думе во фракцию партии демократических реформ (с. 116). Особый интерес представляют страницы, на которых изложена думская деятельность рязанских депутатов. По мнению авторов монографии, «звездный час» князя Н.С. Волконского «состоялся 18 мая 1906 г.», когда он держал речь по аграрному вопросу, оппонировав «проектам передачи крестьянам экспроприированной частной земельной собственности», за что «выступало большинство депутатов» (с. 108). Волконский ратовал за то, что землю крестьянам следует передавать «в частную собственность, а не в аренду» (с. 110). А.В. Еропкин «предлагал передать крестьянам землю на льготных условиях» (с. 114). Н.И. Ярцев говорил о необходимости «передать земельный вопрос предварительно до разрешения его Думой на обсуждение земских собраний при участии в них членов Государственной думы» (с. 115). Н.С. Волконский и Н.И. Ярцев «высказались против реформы местного самоуправления на началах всеобщего избирательного права». Волконский «возражал против прямого голосования при выборах в Думу» и сомневался «в необходимости отмены ограничений в правах евреев» (с. 117). В.К. Федоровский выступал за отмену смертной казни (с. 116). П.В. Акульшин и И.С. Князева приводят сведения и о деятельности других рязанских представителей в I Думе. Вместе с тем расширить представление о деятельности рязанских депутатов авторы могли путем привлечения информации из справочных и энциклопедических изданий, в которых, например, есть сведения о том, что Е.М. Ворсобин был избран в аграрную комиссию⁴. Говоря о роспуске I Думы, авторы справедливо замечают, что «среди тех, кто подписал Выборгское воззвание, был и единственный депутат от Рязанской губернии В.К. Федоровский» (с. 121).

7-я глава посвящена выборам во II Государственную думу в Рязанской губернии (с. 122–133). В ней указывается, что октябристы «пытались использовать все средства, которые могли бы содействовать их избранию в Думу», но «на этот раз в Думу не прошел ни один из октябристов». Объясняя поражение, авторы указывают на его главную причину: «выборы проходили в обстановке “полевения” массы избирателей, в то время как октябристы все более сдвигались вправо» (с. 125). По словам авторов, «в отличие от избирательной кампании 1906 г. от октябристов отвернулись крестьянские

⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906 год. Сессия первая. Заседания 1–38 (27 апреля – 4 июля 1906 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. С. 40.

выборщики» (с. 126). Говоря о кадетам, они пишут: «Изменение настроений избирателей и значительной части выборщиков, умелое использование надежд “деревни” в решении аграрного вопроса в Думе, блок с левыми партиями (социал-демократами и социалистами-революционерами) и крестьянскими выборщиками помогли рязанским кадетам взять реванш во второй избирательной кампании» (с. 128) и получить пять мест из восьми возможных. Депутатами II Государственной думы стали кадеты А.С. Салазкин, Н.Н. Богданов и А.З. Смагин, «к кадетской фракции примкнули также Н.П. Рябов и В.Г. Губанов» – «выборщики от крестьянства» (с. 129). Оставшиеся три депутатских мандата «получили представители радикальных политических сил: по одному представителю эсеров, социал-демократов и трудовиков» (с. 133), В.П. Успенский, А.Г. Федоров и Е.И. Сорокин соответственно.

В 8-й главе речь идет о деятельности рязанских депутатов во II Государственной думе (с. 134–143). По словам авторов, «наиболее заметной фигурой среди депутатов II Государственной думы от Рязанской губернии являлся В.П. Успенский», вошедший в группу социалистов-революционеров и избранный товарищем секретаря Думы. Он «выступал с речами при обсуждении аграрного вопроса и при внесении запроса по поводу жестокого обращения с политзаключенными» в тюрьмах (с. 140). А.З. Смагин, рязанский кадет, высказывался «в поддержку амнистии политическим заключенным» (с. 141). А.Г. Федоров, избранный от рабочей курии, «был единственным социал-демократом в Думе, подписавшимся по аграрному вопросу под заявлением 104 членов Думы, составленном в духе эсеровской социализации земли» (с. 142). П.В. Акульшин и И.С. Князева приводят сведения о деятельности рязанских представителей в комиссиях II Думы (с. 140–142). Например, в работе аграрной комиссии участвовали В.Г. Губанов (с. 142) и Е.И. Сорокин (с. 141). Авторы монографии отмечают, что «быстрый роспуск Государственной думы II созыва не дал возможность проявить все свои потенциальные способности ее депутатам, включая представителей Рязанской губернии» (с. 143). Вместе с тем за все недолгое время существования II Думы в работе ее думских комиссий так и не приняли участия ни Н.П. Рябов⁵ со

⁵ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. С. 122.

А.З. Смагиным⁶, члены кадетской фракции, ни А.Г. Федоров⁷, член социал-демократической фракции. Приведем и слова из характеристики Н.Н. Богданова: «примыкает к кадетской партии; человек замкнутый, без всякой инициативы; никогда и ни в чем в качестве общественного деятеля себя не проявил»⁸.

В 9-й главе говорится о выборах в Рязанской губернии в III Государственную думу (с. 144–155). П.В. Акульшин и И.С. Князева дают характеристику нового избирательного закона от 3 июня 1907 г., замечая, что в подготовке его проекта принял участие рязанский депутат I Государственной думы А.В. Еропкин (с. 144). Ценно то, что в главе конкретизировано воплощение на практике третьеиюньского избирательного закона в Рязанской губернии: указано число выборщиков по каждому из уездов; количество земли, дававшее право на участие в съезде землевладельцев и др. (с. 145–146). Авторы справедливо замечают, что «новый избирательный закон предоставил октябристам более широкие возможности для победы на выборах в Думу» (с. 147). Учитывая предыдущий опыт, «октябристы полагали, что наиболее серьезными противниками для них являлись кадеты». В связи с этим октябристы организовали и провели предвыборные собрания и диспуты «в тех городах, где позиции кадетов были наиболее сильны». Выборная кампания увенчалась для октябристов успехом: «они получили 5 депутатских мест из 8 возможных». Депутатами III Думы «были вновь избраны крупнейшие региональные представители партии октябристов – князь Н.С. Волконский и А.В. Еропкин, которые уже имели опыт работы в качестве депутатов I Государственной думы», а также «еще три представителя рязанских октябристов: Д.А. Леонов, М.К. Сафонов и А.А. Селиванов» (с. 148). Говоря о последних, авторы подчеркивают, что «они имели большой опыт работ в сфере земского и городского самоуправления» (с. 149). Состав октябристского представительства в III Думе позволяет предполагать его высокий потенциал. Говоря о выборах, приведем следующие слова авторов: «В ходе выборной кампании к октябристам себя причисляли еще два местных деятеля, ставшие депутатами III Думы», – предприниматель М.Н. Бардыгин и крестьянин И.И. Лукашин,

⁶ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907 г.). С. 126.

⁷ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907 г.). С. 137.

⁸ Список членов 2-й Государственной думы. Ч. 1. А–М // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 1. 2-й созыв. Д. 1333. Л. 38 об.

которые в партию октябристов не входили. Для победы на выборах октябристы были вынуждены вступить в коалицию с крестьянами. Именно этим объясняется тот факт, что «от октябристов в Думу прошел крестьянин И.И. Лукашин» (с. 149–150). Иными словами, по сути, от октябристов в III Думу прошло 7 человек: Н.С. Волконский, А.В. Еропкин, Д.А. Леонов, М.К. Сафонов, А.А. Селиванов, М.Н. Бардыгин и И.И. Лукашин.

В выборах приняли участие и рязанские правые, которые сумели провести в Думу «только одного своего представителя – председателя Пронского отдела Союза русского народа священника Константина Николаевича Добромыслова» (с. 151). Среди причин поражения правых на выборах в III Думы авторы называют снижение поддержки со стороны правительства, недостаток денежных средств, «отъезд из Рязани по разным причинам» видных правых – «председателя губернского совета СРН В.Д. Палтова, архимандрита Григория, редактора “Голоса Рязани” В.Н. Николаева», а также «раскол в центральном руководстве партии» (с. 152).

Рязанские кадеты на выборах не сумели провести своих представителей в III Государственную думу, так как «новый избирательный закон создал более благоприятные возможности для прохождения в Думу правых и октябристов, чем они успешно воспользовались в губернии» (с. 153).

10-я глава посвящена участию рязанских депутатов в деятельности III Государственной думы (с. 156–179). Они наиболее активно выступали при обсуждении вопросов аграрного, бюджетного, реформы местного суда, народного образования и национального. Например, князь Н.С. Волконский особую энергию «проявил при обсуждении аграрного вопроса». Но его предложения не находили поддержки большинства Думы (с. 161). А.В. Еропкин выступал в Думе по финансово-бюджетным вопросам. Он, в частности, «назвал целый ряд проблем в финансовой сфере, в том числе чрезмерные расходы казны на содержание учреждений, находящихся при ведомстве императрицы Марии, выплату пенсий военным и повышение окладов канцелярским служащим» (с. 162). Еропкин заявил, что «ситуация с распределением бюджета Российской империи на “обыкновенный” и “чрезвычайный” неустойчива и условна» (с. 163). Он подверг критике деятельность Государственного контроля – «невозможно проследить, как исполнялась на практике утвержденная роспись». Критиковал Еропкин и «характер расходов запасного фонда», когда «десятиллионный фонд отдается в полное и бесконтрольное распоряжение министров», которые значительную часть этих средств отправляют «на выдачу наград чиновникам».

По словам авторов, «эта аргументированная речь Еропкина произвела настолько большое впечатление на депутатов, что они высказались за необходимость реформирования ведомства Государственного контроля» (с. 163). Еропкин «выступал в III Думе за безоговорочное предоставление ассигнований на нужды армии и флота» (с. 175).

По реформе местного суда высказался Д.А. Леонов, заявив протест «против принципа назначения председателя съезда выборных мировых судей» (с. 164). При обсуждении правительственного предложения о сохранении земельного ценза для мировых судей князь Н.С. Волконский «произнес речь в честь принципа собственности как основы гражданской ответственности» (с. 165), то есть поддержал это предложение.

По словам авторов, «важной темой для депутатов от Рязанской губернии в III Думе оказалась проблема народного образования, по которой они много и охотно выступали» (с. 166). Д.А. Леонов высказался за то, чтобы «направить финансовые средства не только на новые, но и на уже действующие учебные заведения» и передать содержание «школьных зданий органам местного самоуправления» (с. 166). По утверждению авторов, Леонов выступил также за «увеличение месячной оплаты труда учителей с 240 руб. до 360 руб.» (с. 166). Цитирую Леонова: «Персонал, получающий в большинстве губерний оклад от 180 до 240 р., будет получать минимум 360 р.»⁹. В этой фразе нет ни слова о том, что данные суммы имеют отношение к ежемесячному жалованью. Судя по всему, Леонов говорил не о месячном, а о годовом окладе! Дело в том, что только 3 мая 1908 г. был принят закон, согласно которому учителю начальной школы устанавливалось жалованье не менее 360 руб. в год¹⁰. М.К. Сафонов «призвал депутатов обратить внимание на тяжелые условия в школах: недостаточное отопление, невысокую оплату труда учителей» (с. 167). Князь Н.С. Волконский считал, что все усилия необходимо «направить на местное самоуправление, которое, по его словам, “больше сделает для народного образования”» (с. 167). Он также высказывался в пользу распределения казенных денежных средств на поддержку гимназического образования в малых городах (с. 168–169). П.В. Акульшин и И.С. Князева также обращают

⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908. Третий созыв. Сессия I. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. Ч. 2. Заседания 31–60 (с 21 февраля по 6 мая 1908 г.). Стб. 456.

¹⁰ Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908. Отд. I. От № 29944–31329 и дополнения. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. № 30328. С. 229.

внимание на позицию князя Н.С. Волконского по университетскому вопросу. Они пишут, что правительство «не торопилось возвращать университетам отобранные права». В связи с этим «умеренно-либеральное октябристское большинство» «настаивало на разработке и принятии хотя бы “временных правил”, обеспечивающих расширение прав университетской молодежи». Волконский «в ходе острой дискуссии, которая оказалась последней в его думской деятельности», «активно выступил за необходимость скорейшего введения “временных правил”» (с. 168). Авторы подчеркивают, что «Дума подавляющим числом голосов постановила о желательности выработки “временных правил”» (с. 169). После смерти князя Н.С. Волконского вместо него в члены III Думы прошел октябрист А.Д. Шумахер, который «зарекомендовал себя как депутат, близкий к правым». В частности, он «выступал против введения в стране всеобщего обязательного начального образования» (с. 171).

П.В. Акульшин и И.С. Князева дают краткую характеристику позиции рязанских депутатов III Думы по национальному вопросу: М.Н. Бардыгин и И.И. Лукашин, вошедшие в состав фракции прогрессистов, «голосовали по основным вопросам с кадетами», «остальные рязанские октябристы, за исключением левого Д.А. Леонова и А.В. Еропкина, которые по вопросу о создании Холмской губернии поддержали кадетов, и входивший в состав правой фракции К.Н. Добромыслов занимали противоположные позиции» (с. 175).

Пишут авторы и о комиссионной деятельности рязанских представителей в III Думе (с. 176–178). Они замечают, что правый К.Н. Добромыслов «не особенно активно участвовал в деятельности Думы и был членом только одной комиссии – по направлению законодательных предположений» (с. 178).

Рязанские депутаты «внесли свой посильный вклад в совершенствование законодательной базы Российской империи, выступая в качестве умеренной и конструктивной оппозиции правительственному курсу этой эпохи» (с. 179).

11-я глава, несомненно, выбивается из общей структуры монографии, так как содержит изложение взглядов рязанского депутата А.В. Еропкина на итоги работы III Государственной думы (с. 180–198). По нашему мнению, эти материалы можно было использовать в предыдущей главе или вынести в приложение.

В 12-й главе речь идет о выборах в IV Государственную думу в Рязанской губернии (с. 199–220). В монографии указываются черты, присущие выборам в IV Думу. Так, для Рязанской губернии «было характерно активное участие в

избирательной кампании светских и церковных властей», которые, опираясь на местные организации СРН, пытались «не допустить в Государственную думу левых октябристов» (с. 199). Но далее в монографии указывается, что главная задача церковных властей в лице епископа Рязанского и Зарайского Димитрия (Николая Сперовского) «состояла в том, чтобы не допустить в Думу кадетов и левых октябристов» (с. 205). Авторы приводят сведения о мероприятиях власти, которые были направлены против левых октябристов – А.В. Еропкина (с. 207), Д.А. Леонова (с. 210–211) и М.К. Сафонова (с. 207, 211–212). По итогам выборов в III Думу «прошли трое представителей “Союза 17 октября”» – председатель земской управы Касимовского уезда Н.А. Мансуров, известный рязанский общественный деятель Н.И. Родзевич и зарайский городской голова, бывший депутат I Государственной думы Н.И. Ярцев. Причем Ярцев «был настолько правым, что числился <...> в списке желательных для рязанского губернатора кандидатов в Думу» (с. 214). Примкнул к фракции октябристов «и избранный голосами выборщиков крестьян» Г.М. Миляков (с. 215). Можно утверждать, что усилия власти увенчались успехом – левые октябристы Еропкин, Леонов и Сафонов депутатами III Думы избраны не были.

Ценно утверждение авторов о том, что «административное давление губернатора на октябристов отвлекло внимание властей от местных кадетов, которые в ходе выборов в IV Государственную думу надеялись усилить свое политическое влияние в губернии» (с. 212). Кадеты действовали в 1912 г. более энергично, чем на выборах в III Думу. Накануне губернского избирательного собрания они смогли заручиться поддержкой прогрессистов и левых, а также «почти всех крестьянских выборщиков» (с. 213). В итоге в IV Думу прошли двое кадетов – А.С. Салазкин и Н.В. Ростов (с. 217).

В монографии присутствуют сведения и об избирательной кампании правых, которая, «несмотря на большие усилия светских и церковных властей», не увенчалась успехом для кандидатов от СРН: «в IV Думу от Рязанской губернии не прошел ни один “союзник”». Но депутатами IV Государственной думы стали «умеренные правые – данковский уездный предводитель дворянства П.П. Кузьмин и тумский священник С.И. Остроумов, примкнувшие в Думе к фракции националистов» (с. 216).

В 13-й главе показано участие рязанских депутатов в деятельности IV Государственной думы (с. 221–243). В ней приведены сведения о каждом рязанском депутате IV Думы. Наиболее заметной фигурой среди рязанских представителей был А.С. Салазкин, который вошел в IV Думе в состав

бюджетной комиссии, комиссии по торговле и промышленности (с. 224), а также комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов (с. 227). Кроме этого, Салазкин был избран в согласительную¹¹ и финансовую¹² комиссии.

Н.И. Родзевич, прошедший в IV Думу как представитель октябристов, перешел во фракцию прогрессистов (с. 230). Он «приобрел известность в думских кругах как один из самых активных представителей комиссии по судебным реформам» (с. 230). В одной из своих речей Родзевич призвал принять меры к тому, чтобы «министры, в том числе и министр народного просвещения, считались с мнением Думы». По мнению авторов монографии, в этой речи Родзевич затронул и вопрос «об ответственности министерства перед Думой» (с. 232).

Немного проработал в IV Думе рязанский кадет Н.В. Растов, избранный в комиссию по местному самоуправлению. 22 января 1913 г. «он скончался от сердечного приступа прямо на заседании кадетской фракции» (с. 232). Вместо него в ходе довыборов членом IV Думы стал А.В. Иванов, который «присоединился к фракции октябристов» (с. 232). В монографии указаны думские комиссии, членом которых он был (с. 233). Добавим, что А.В. Иванов был также избран в бюджетную комиссию¹³.

Авторы отмечают, что «в феврале 1914 г. в персональном составе депутатов от Рязанской губернии произошло еще одно изменение». Речь идет о депутате Н.А. Мансурове, который «сложил с себя депутатские полномочия в связи с избранием на должность предводителя дворянства Касимовского уезда». Вместо него на дополнительных выборах был избран П.С. Новиков, «вошедший во фракцию националистов» (с. 233). Новиков «не выступал с думской трибуны, но участвовал в работе комиссий различных направлений» (с. 234). Не проявил себя в качестве думского оратора и октябрист

¹¹ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. (Ч. I–V). Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Заседания 1–111 (15 октября 1913 г. – 14 июня 1914 г.). Петроград: Государственная типография, 1914. С. 219; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Заседания 1–60 (19 июля 1915 г. – 20 июня 1916). Петроград: Государственная типография, 1916. С. 169.

¹² Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Заседания 1–60 (19 июля 1915 г. – 20 июня 1916 г.). Петроград: Государственная типография, 1916. С. 169.

¹³ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. (Ч. I–V). Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Заседания 1–111 (15 октября 1913 г. – 14 июня 1914 г.). С. 130.

Г.М. Миляков, парламентская деятельность которого ограничилась «работой в комиссиях». Список приведенных авторами комиссий, в которых работал указанный депутат, по нашему мнению, необходимо расширить, поскольку он был избран в комиссии по рыболовству, по рабочему вопросу, по старообрядческим вопросам¹⁴, а также в сельскохозяйственную комиссию¹⁵.

П.В. Акульшин и И.С. Князева верно подчеркивают, что «более активными по сравнению с рязанскими октябристами оказались представители губернии от фракции националистов» (с. 234).

Говоря о периоде Первой мировой войны, авторы обращают внимание на создание Прогрессивного блока и указывают рязанских депутатов, вошедших в него (с. 242). Вместе с тем заметим, что С.И. Остроумов вошел в Прогрессивный блок не как националист (с. 242), а в качестве члена фракции земцев-октябристов¹⁶.

В 14-й главе речь идет о революционных событиях 1917 г. (с. 244–269). В монографии проводится мысль о руководящей роли Государственной думы в решающие дни Февральской революции. По словам авторов, Временный комитет Государственной думы «попытался взять на себя роль центральной власти, причем вначале достаточно удачно и энергично». Кроме этого, «рязанские депутаты Государственной думы весной активно привлекались Временным комитетом к деятельности в составе новых органов власти в центре и на местах, посылались в войсковые части и на фронт, исполняли отдельные поручения» (с. 247).

В этой же главе авторы замечают, что идея скорейшего созыва Учредительного собрания пришла «в массовом политическом сознании на смену представлению о Государственной думе» как выразительнице «интересов народа» (с. 252). Они приводят сведения о выборах в Учредительное собрание не только в Рязанской, но и других губерниях центральной России – Владимирской, Калужской и Тульской. Для нас несомненно, что в монографии необходимо было остановиться только на выборах в Рязанской губернии.

¹⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. (Ч. I–III). Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. Заседания 1–81 (15 ноября 1912 г. – 25 июня 1913 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. С. 140.

¹⁵ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. (Ч. I–V). Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Заседания 1–111 (15 октября 1913 г. – 14 июня 1914 г.). С. 178.

¹⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия IV. (Ч. 1). Заседания 1–16 (19 июля 1915 г. – 3 сентября 1915 г.). С приложением указателя к стенографическим отчетам. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 1215.

Авторы обращают внимание на данные «о тех 73 кандидатах в члены Учредительного собрания, которые предлагались по шести партийным спискам избирателям Рязанской губернии» (с. 259). «“Блок земельных собственников и старообрядцев всех согласий” (список № 7), состоящий из 10 человек» занимал, по словам П.В. Акульшина и И.С. Князевой, «крайне правый фланг электорального процесса» (с. 259). Список партии народной свободы (№ 1) включал 16 человек. Среди них были и рязанские депутаты Государственной думы разных созывов – А.С. Салазкин (II и IV), Д.А. Леонов (III). Список № 4 из 13 человек выставила Трудовая народная социалистическая партия (с. 260). Партия социалистов-революционеров и Совета крестьянских депутатов (список № 3) выставила на выборы 15 человек. Список РСДРП(о) (№ 2) включал 10 человек (с. 261). В окончательном варианте списка большевиков (РСДРП(б)) (№ 5) значилось 8 человек (с. 262). Серьезных нарушений «в ходе самого голосования и подсчете голосов зафиксировано не было» (с. 262–263). В Учредительное собрание от Рязанской губернии были избраны восемь человек – пять по списку эсеров (№ 3) (Г.К. Баринов, М.Я. Гендельман, Н.В. Говоров, Ф.К. Павлов и Т.А. Сухарев) и трое по списку РСДРП(б) (№ 5) – Н.И. Бухарин, С.П. Середа и Н.И. Горшков (с. 263).

В заключении (с. 274–283) подводятся итоги исследования. В частности, дается краткая характеристика четырех думских избирательных кампаний в Рязанской губернии (с. 275–276), приводятся сведения о возрастном (с. 277) и социальном составе избранных депутатов Государственной думы всех четырех созывов (с. 277–278), уделяется внимание политическим симпатиям избирателей (с. 278), указываются наиболее активные рязанские депутаты Государственной думы (с. 279). Любопытно следующее авторское наблюдение в связи с выборами в Учредительное собрание: социалистические партии «стремились к выдвижению своих региональных активистов, в отличие от либеральных партий и правых избирательных объединений, которые предпочитали вносить в списки представителей дореволюционной столичной и провинциальной элиты» (с. 280). Интерес представляют и сведения о судьбе рязанских депутатов Государственной думы I–IV созывов и членов Учредительного собрания (с. 280–282). Однако, в нашем представлении, этот сюжет достоин отдельного параграфа (главы).

Рецензируемая монография имеет ряд недочетов, которые создают определенные трудности при ее изучении. Среди них отказ от разбивки глав на параграфы, концевые примечания и отсутствие именного указателя.

Вместе с тем можно утверждать, что монография П.В. Акульшина и И.С. Князевой вносит значимый вклад в изучение истории российского парламентаризма. В ней дается объективная и наиболее полная на сегодняшний день картина выборов и представительства Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании. Несомненно, что эта монография приведет к росту исследовательского интереса и к изучению парламентской истории на примере других губерний России.

Список литературы

Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография. Москва: АИРО-XXI, 2021. 336 с.

Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 911–964. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>

Федоровский Владимир Капитонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева и др. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 645.

References

Akul'shin, P.V., and I.S. Knyazeva. *Parlamentskaya istoriya Tsentral'noi Rossii: vybory i predstavitel'stvo Ryazanskoii gubernii v Gosudarstvennoi dume i Uchreditel'nom sobranii (1906–1917 gg.): monografiya* [Parliamentary history of Central Russia: elections and representation of Ryazan Governorate in the State Duma and the Constituent Assembly (1906–1917): a monograph]. Moscow: AIRO-XXI, 2021. (In Russian)

Egorov, A.N. “The Authorities and Society in the Elections to the Fourth State Duma (Based on the Materials of Vologda Governorate).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 911–64. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>

“Fedorovskii Vladimir Kapitonovich.” In *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii: 1906–1917: entsiklopediya* [State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: an encyclopaedia], edited by V.V. Shelokhaev et al., 645. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Борисович Николаев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>, abnikolaev@herzen.spb.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, Набережная р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

А.Б. Николаев. Монографическое исследование парламентской истории Центральной России начала XX века. Рецензия на: Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): монография. Москва: АИРО-XXI, 2021. 336 с.

Information about the author

Andrei B. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History (19th–21st Centuries), Institute of History and Social Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>, abnikolaev@herzen.spb.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaya r. Moiki, 191186, St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; принята к публикации 17.01.2024.

The article was submitted 01.12.2023; accepted for publication 17.01.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 369–375.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 369–75.

Рецензия

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-10>

EDN BUGYJT

Первая монография об истории Государственного совещания 1917 года

Рецензия на: Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года:
созыв, состав, деятельность. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. 480 с.

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия,
fyodorgayda@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9586-8010>

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University;
Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia
fyodorgayda@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9586-8010>

Аннотация. Рецензируемая монография является первым опытом исследования истории подготовки и проведения Государственного совещания, состоявшегося в Москве 12–15 августа 1917 г. А.Б. Николаев впервые ввел в оборот значительный объем архивных источников. Особое внимание в изданном труде уделяется различным концепциям совещания, а также борьбе политических сил вокруг этого общенационального форума, впервые пристально рассматриваются значимые вопросы состава Государственного совещания и механизма его формирования. В рецензии отмечается критика А.Б. Николаевым основных историографических мифов данной темы: центральной роли Совещания в подготовке Корниловского выступления и неучастия большевиков в форуме. Монография закрывает одно из наиболее крупных белых пятен в истории революционного 1917 года.

Ключевые слова: Государственное совещание 1917 года, Временное правительство России, Государственная дума Российской империи, эсеры, кадеты, большевики, А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, В.В. Шульгин

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Гайда Ф.А., 2024

© Gayda F., 2024

Для цитирования: Гайда Ф.А. Первая монография об истории Государственного совещания 1917 года. Рецензия на: Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. 480 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 369–375. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-10>

The First Monograph on the History of the State Conference of 1917

Review of *Gosudarstvennoe soveshchanie 1917 goda: sozyv, sostav, deyatel'nost'*

[The State Conference of 1917: convocation, composition, activities],

by A.B. Nikolaev (St Petersburg: Asterion, 2022)

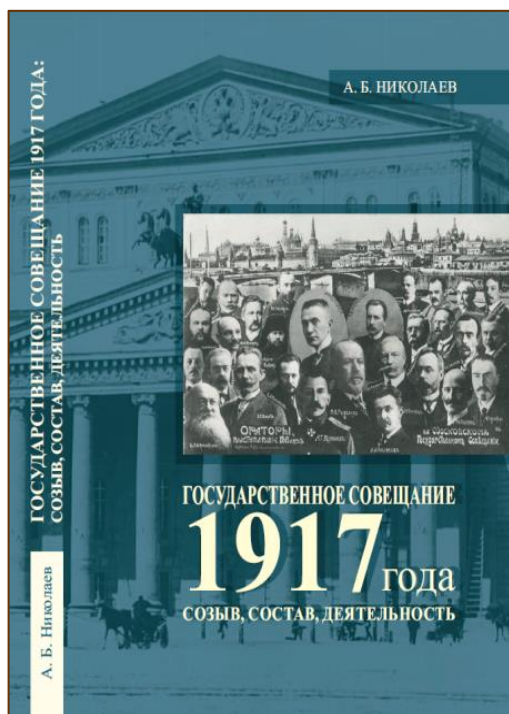
Abstract. The monograph under review is the first experience in researching the history of the preparation and conduct of the State Conference held in Moscow on August 12–15, 1917. A. Nikolaev is the first to introduce a significant number of archival sources related to the subject into scholarly discourse. The published work pays special attention to the various concepts of the conference and to the struggle of political forces around that national forum. For the first time in historiography, it closely examines the important issues of the participants in the State Conference and the mechanism of its convocation. The review notes A. Nikolaev's criticism towards the main historiographical myths connected with the subject: the central role of the State Conference in the preparation of the Kornilov affair and non-participation of the Bolsheviks in the forum. The monograph fills one of the largest gaps in the history of the revolutionary year of 1917.

Keywords: State Conference of 1917, Provisional Government of Russia, State Duma of the Russian Empire, SRs, Kadets, Bolsheviks, A. Kerensky, L. Kornilov, V. Shulgin

Acknowledgments: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage.”

For citation: Gayda, F.A. “The First Monograph on the History of the State Conference of 1917.” Review of *Gosudarstvennoe soveshchanie 1917 goda: sozyv, sostav, deyatel'nost'* [The State Conference of 1917: convocation, composition, activities], by A.B. Nikolaev (St Petersburg: Asterion, 2022). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 369–75, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-10>

История Государственного совещания до выхода рецензируемой монографии не становилась темой отдельного большого исследования. Между тем, Государственное совещание 12–15 августа 1917 г. составляет важную политическую веху в развитии революционных событий от Февраля к Октябрю. Оно непосредственно предшествовало Корниловскому выступлению и в советской историографии теснейшим образом с ним увязывалось. Это создавало одностороннюю и неполноценную картину всей истории Совещания. Монография А.Б. Николаева эту историографическую аберрацию исправляет.

Монография¹ написана на основе кандидатской диссертации, защищенной в 1990 г. Однако текст значительно переработан и дополнен. Исследование опирается на фундаментальную источниковую базу, включающую весь возможный (известный на данный момент) архивный материал (фонды ГАРФ, РГИА, ЦГАМ, ЦГАМО, ЦГА СПб) и газетный фонд (151 центральное и местное издание).

А.Б. Николаев подробно рассмотрел предысторию форума, его организацию и ход заседаний. Как отмечает автор, идея Государственного совещания зародилась еще в апреле 1917 г., в связи с первым кризисом Временного правительства. 21 апреля

В.В. Шульгин предложил создать на официальной основе совещание в составе министров, членов Государственной думы и Петроградского совета. Представителей Думы и Совета Шульгин рекомендовал ввести в состав коллегии в равном числе (с. 34). А.Б. Николаев полагает, что тем самым Шульгин предложил «радикальную (и даже капитулянтскую!) реформу Государственной думы» (с. 36). Хотя Дума официально еще существовала, в революционных условиях Временное правительство сразу же (2 марта) дистанцировалось от нее. Дума не собиралась на заседания, в то время как самоорганизовавшийся Петросовет активно действовал и влиял на правительственную политику. Это осуществлялось и посредством тех или иных мероприятий, и с помощью резолюций, и при содействии специально созданной контактной комиссии². В этих обстоятельствах предложение Шульгина можно рассматривать скорее как попытку вернуться к ситуации 2 марта.

Автор показывает, что рекомендация Шульгина повлияла на дискуссию Комитета московских общественных организаций о создании Государственного совещания (с. 42–43). Комитет не пришел ни к какому решению, в результате чего идея не была реализована (с. 63–64). Апрельский кризис был разрешен

¹ Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. Санкт-Петербург: Астерион, 2022.

² Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 321–324.

путем создания правительственной коалиции, в чем Петросовет сыграл принципиальную роль, а Дума снова осталась не у дел.

Неудивительно, впрочем, что в результате нового правительственного кризиса дискуссия о Государственном совещании возобновилась. Около 10 июля П.П. Рябушинский и князь Е.Н. Трубецкой предложили созвать в Москве совещание умеренных сил (с. 74–75). С этой инициативой в правительстве 11–12 июня выступил И.В. Годнев. Однако Временное правительство предпочло организовать совещание широкого формата, включающее представителей всех общественных течений (с. 75–77). В эти дни А.Ф. Керенский, ставший премьером и достигший пика своей политической карьеры, нуждался в максимальной политической легитимации (с. 382). Форум должен был стать апофеозом министра-председателя. Поскольку никаких решений совещание не должно было принимать, его можно было бы поставить вровень с мероприятиями ритуального характера, например, коронационными. Подобное действо (Земский собор) предложил организовать в московском Кремле министр внутренних дел гр. Н.П. Игнатьев для демонстрации единения народа и власти после царевубийства 1 марта 1881 г. Тогда от идеи отказались из-за угрозы оппозиционных общественных демаршей. Керенскому было не до подобных тонкостей. 24 июля был сформирован состав правительственной коалиции, после чего и было принято окончательное решение о созыве Государственного совещания (с. 106–107). Кампания по организации форума позволила безболезненно передвинуть сроки созыва Учредительного собрания с сентября на ноябрь (с. 136).

Стоит также отметить, что в эти дни для Керенского обозначились первые проблемы: на совещании с генералитетом в Ставке 16 июня стало ясно, что представления премьера и армейской верхушки на положение и перспективы развития страны диаметрально противоположны³. Осуществленная Керенским через три дня импровизированная смена главковерха (Корнилов вместо Брусилова) ничего не дала. А.Б. Николаев пишет, что «программа Корнилова предлагала неприемлемые для правительства скоропалительные темпы контрреволюционных преобразований» (с. 127). Однако восстановление воинской дисциплины (но не монархии) вряд ли можно считать контрреволюцией (если только не рассматривать контрреволюционером Л.Д. Троцкого в 1918 г.). Накануне созыва совещания Керенский и Корнилов смогли прийти к компромиссу: военные согласились на предложенный

³ Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 207–212.

сценарий форума, а правительство изменило свою декларацию (с. 147). Однако в подобных обстоятельствах Керенскому все же предстояло сделать окончательный выбор: опереться на революционного командующего Л.Г. Корнилова или продолжать прежний политический дрейф в качестве оратора-демагога. Он выбрал второе. Прототипом «Кровавой собаки Носке» ему было стать не суждено. А через 3 месяца он потерял власть.

Окончательный выбор места проведения Совещания (в Москве) был связан со стремлением придать ему максимально спокойный характер. Так отмечали современники (с. 79). Однако была еще одна причина, о которой не могли не думать. 15 августа в Москве собирался Поместный собор Православной Российской Церкви. Намеченное на 12–14 августа (с. 380) Государственное совещание ему непосредственно предшествовало. Министры должны были присутствовать и в Большом театре на форуме, и в Успенском соборе при начале работы собора.

Состав Совещания определялся достаточно беспорядочно: и сверху, и снизу (с. 161). В результате зачастую, вопреки изначально установленному принципу, в состав попадали представители организаций местного значения (с. 164; см. также список организаций, которым было отказано в участии, с. 386–387). Общую численность участников Совещания автору монографии удалось определить лишь приблизительно: от 2 600 до более 2 800 чел. (с. 167, 388–392). В приложении приводится соответствующий персональный список, который составлен впервые (с. 393–430). Остается неясным, как подобное количество людей мог вместить Большой театр, рассчитанный на две с небольшим тысячи мест.

Максимально увеличивая число участников, Керенский предполагал опереться не на партии, а на общественные организации (с. 382). Однако в условиях повышенной политизации влияние партий устранить было невозможно. По оценке А.Б. Николаева, 1 200 участников входили в партии, представленные в советах, или им сочувствовали (с. 167). Напротив, кадеты большого влияния не получили (с. 368). Автор доказывает, что большевики приняли участие в Совещании, вопреки устойчивому стереотипу современной историографии об их неучастии. Точнее, часто бойкотируя выборы на местах, левые эсеры и большевики все же планировали выступить на Совещании с декларацией, а затем покинуть зал (с. 209). Осуществить демонстративную акцию большевики не смогли (с. 360), но в день открытия Совещания организовали в Москве забастовку 400 тысяч рабочих. Общественный транспорт, рестораны и кафе в городе не работали (с. 374, 377).

А.Б. Николаев подробно рассмотрел ход заседаний Государственного совещания. В речи Керенского при открытии форума 12 августа содержались

угрозы левым и правым «контрреволюционерам» (с. 241–243). На следующий день состоялись совещания групп участников. Автор насчитал около 30 подобных объединений (с. 267). «Объединенная демократия» подготовила декларацию, которая в силу своей относительной умеренности (соответственно, широкого и неопределенного характера) набрала более 1 000 подписей, намного больше правительственной декларации или декларации IV Думы (с. 297, 300–301, 368). Заключительного выступления премьера после речей участников не планировалось. Оно состоялось экспромтом и оказалось настолько эмоциональным, что вызвало подозрения в помешательстве Керенского. Никакого итога по Совещанию подведено не было (с. 365–367).

Автор монографии приходит к выводу, что все последствия Государственного совещания оказались противоречивыми. Оно не смогло укрепить правительственную коалицию. Эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК добились создания широкого «Демократического блока», но его компромиссный характер в условиях нарастания кризиса был чреват потерей влияния. Все правые силы (армейская верхушка, буржуазия, кадеты) оказались раздроблены, что подталкивало наиболее радикальную часть к активным действиям. Большевики использовали всё происходящее для усиления своих позиций (с. 384–385). В целом же, можно сделать вывод об общем провале Государственного совещания.

Подводя итог, стоит отметить, что некоторые выводы автора имеют дискуссионный характер, но они должным образом аргументированы и представляют очевидную научную новизну. А.Б. Николаеву удалось развеять ряд мифов, связанных с данной темой (о господстве и торжестве правых в Государственном совещании, об отсутствии в его составе большевиков и т.д.). Собранный по крупицам фактический материал (представленный, в том числе, в приложениях) впервые и вполне успешно введен автором монографии в научный оборот. Важное белое пятно в истории 1917 года закрыто. В 2023 г. монография А.Б. Николаева была по достоинству оценена научным сообществом: за свой труд автор был удостоен Макариевской премии.

Список литературы

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 432 с.

Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. 480 с.

Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 309 с.

References

Gaida, F.A. *Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.)* [Liberal opposition on its ways to power (1914 – spring 1917)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. (In Russian)

Nikolaev, A.B. *Gosudarstvennoe soveshchanie 1917 goda: sozyv, sostav, deyatel'nost'* [The State Conference of 1917: convocation, composition, activities]. St Petersburg: Asterion, 2022. (In Russian)

Tyutyukin, S.V. *Aleksandr Kerenskii. Stranitsy politicheskoi biografii (1905–1917 gg.)* [Alexander Kerensky. Pages of political biography]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. (In Russian)

Информация об авторе

Федор Александрович Гайда – доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-9586-8010>, fyodorgayda@gmail.com, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (д. 23Б, ул. Новокузнецкая, 115184 Москва, Россия).

Information about the author

Fyodor A. Gayda – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9586-8010>, fyodorgayda@gmail.com, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia); Leading researcher at the Department of Contemporary History of the Russian Orthodox Church, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities (STOUH) (23B, ul. Novokuznetskaya, 115184 Moscow, Russia).

Рецензия поступила в редакцию 30.11.2023; принята к публикации 11.01.2024.

The review was submitted 30.11.2023; accepted for publication 11.01.2024.